

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
«ВОЛОГОДСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Том 12, № 3, 2019

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМНЫ: ФАКТЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПРОГНОЗ

Рецензируемый научно-практический журнал, охватывающий вопросы анализа и прогноза изменений в экономике и социальной сфере различных стран и регионов, локальных территорий.

Основная цель издания журнала – предоставление широким слоям мировой научной общественности и практическим работникам возможности публиковать результаты изысканий в сфере исследования социально-экономических процессов, знакомиться с различными точками зрения на актуальные проблемы развития экономики и социума, принимать участие в дискуссиях по обсуждаемым темам. В числе основных тем – стратегии развития территорий, региональная и отраслевая экономика, социальное развитие, вопросы формирования доходов бюджетов и рационализации расходов, инновационная экономика, вопросы экономической теории.

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ильин В.А., член-корреспондент РАН (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Байджан Тюзин, кандидат наук, проф. (Стамбульский технический университет, Стамбул, Турция)

Ка Лин, д-р, проф. (Центр европейских исследований Чжецзянского университета, Ханчжоу, Китай)

Тетсуо Мисуками, д-р, проф. (Социологический колледж Университета Риккио, Токио, Япония)

Дайширо Номия, к.с.н., проф. (Университет Чуо, Токио, Япония)

Оуй Пейтер, д-р (Нидерландская организация прикладных научных исследований, Делфт, Нидерланды)

Сатир Жак, проф. (Высшая школа социальных наук (HESS), Центр исследований индустриализации (СЕМ), Париж, Франция)

Хохгернер Йозеф, д-р, проф. (Центр социальных инноваций, Вена, Австрия)

Шрёдер Антониус (Центр социальных исследований технического университета Дортмунда, Дортмунд, Германия)

Штопка Пётр, проф. (Ягеллонский университет, Краков, Польша)

Кишиштоф Т. Конеки, проф. (Лодзинский университет, Лодзь, Польша)

Артамонова А.С., ответственный секретарь (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Губанова Е.С., д. э. н., проф. (Вологодский государственный университет, Вологда, Россия)

Гулин К.А., заместитель главного редактора, д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Калачикова О.Н., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Лажнецов В.Н., член-корреспондент РАН (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН, Сыктывкар, Россия)

Морев М.В., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Сычев М.Ф., к. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Третьякова О.В., заместитель главного редактора, к. ф. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Ускова Т.В., д. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Шабунцова А.А., д. э. н. (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Веркей Жюльен, проф. (Национальный институт восточных языков и цивилизаций INALCO, Париж, Франция)

Витязь П.А., академик НАН Беларуси (НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Дайнеко А.Е., д. э. н., проф. (Институт экономики НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Кивинен М., проф. (Александровский институт Хельсинского университета, Хельсинки, Финляндия)

Котляров И.В., д. с. н., проф. (Институт социологии НАН Беларуси, Минск, Беларусь)

Чжан Шухуа, д-р, проф. (Китайская академия общественных наук, Пекин, Китай)

Афанасьев Д.В., к. с. н., доцент (Череповецкий государственный университет, Череповец, Россия)

Валентей С.Д., д. э. н., проф. (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва, Россия)

Гайнанов Д.А., д. э. н., проф. (Институт социально-экономических исследований Уфимского научного центра РАН, Уфа, Россия)

Горшков М.К., академик РАН (Институт социологии РАН, Москва, Россия)

Ивантер В.В., академик РАН (Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва, Россия)

Кузнецов С.В., д. э. н., проф. (Институт проблем региональной экономики РАН, Санкт-Петербург, Россия)

Ленчук Е.Б., д. э. н., проф. (Институт экономики РАН, Москва, Россия)

Леонидова Г.В., к. э. н., доцент (Вологодский научный центр РАН, Вологда, Россия)

Макаров В.Л., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия)

Некипелов А.Д., академик РАН (Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Окрепилов В.В., академик РАН (Центр испытаний и сертификации, Санкт-Петербург, Россия)

Полтерович В.М., академик РАН (Центральный экономико-математический институт РАН, Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия)

Чукреев Ю.Я., д. т. н. (Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УРО РАН, Сыктывкар, Россия)

Журнал издается с 2008 года

Периодичность выхода журнала – 6 раз в год

Решением Минобрнауки РФ журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям: 22.00.00 – социологические науки; 08.00.00 – экономические науки.

Журнал размещается в следующих реферативных и полнотекстовых базах данных: Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, ВИНТИ РАН, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Выпуски журнала направляются в Библиотеку Конгресса США и в Германскую национальную экономическую библиотеку.

Все статьи проходят обязательное рецензирование. Высказанные в статьях мнения и суждения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ответственность за подбор и изложение материалов несут авторы публикаций.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Адрес в Интернете: <http://esc.vsc.ac.ru>

© ФГБУН ВолНЦ РАН, 2019

FEDERAL STATE BUDGETARY INSTITUTION OF SCIENCE
VOLOGDA RESEARCH CENTER OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

**ECONOMIC
AND SOCIAL
CHANGES:
FACTS, TRENDS, FORECAST**

Vol. 12, no. 3, 2019

ECONOMIC AND SOCIAL CHANGES: FACTS, TRENDS, FORECAST

A peer-reviewed scientific journal that covers issues of analysis and forecast of changes in the economy and social spheres in various countries, regions, and local territories.

The main purpose of the journal is to provide the scientific community and practitioners with an opportunity to publish socio-economic research findings, review different viewpoints on the topical issues of economic and social development, and participate in the discussion of these issues. The remit of the journal comprises development strategies of the territories, regional and sectoral economy, social development, budget revenues, streamlining expenditures, innovative economy, and economic theory.

Founder: Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences

EDITOR-IN-CHIEF

V.A. Ilyin, RAS corresponding member (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL BOARD

Tüzün Baycan, Ph.D., professor (Istanbul Technical University, Istanbul, Turkey)

Ka Lin, doctor, professor (Center of European Studies at Zhejiang University, Hangzhou, China)

Tetsuo Mizukami, Ph.D., professor (College of Sociology, Rikkyo University, Tokyo, Japan)

Daishiro Nomiya, Ph.D. in Sociology, Prof. (Chuo University, Tokyo, Japan)

P.R. A. Oeij (TNO, Netherlands Organisation for Applied Scientific Research, Delft, The Netherlands)

Jacques Sapir, professor (Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (EHESS), Centre d'Etude des Modes d'Industrialisation (CEMIEHESS), Paris, France)

Josef Hochgerner, doctor, professor (Centre for Social Innovation, Vienna, Austria)

Antonius Schröder (Social Research Centre, Dortmund University of Technologies, Dortmund, Germany)

Piotr Sztompka, professor (Jagiellonian University, Krakow, Poland)

Krzysztof T. Konecki, professor (Lodz University, Lodz, Poland)

A.S. Artamonova, executive secretary (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

E.S. Gubanov, Doc. Sci. (Econ.), professor (Vologda State University, Vologda, Russia)

K.A. Gulin, deputy editor-in-chief, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

O.N. Kalachikova, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.N. Lazhentsev, RAS corresponding member (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

M.V. Morev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

M.F. Sychev, Cand. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

O.V. Tret'yakova, deputy editor-in-chief, Cand. Sci. (Philol.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

T.V. Uskova, Doc. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

A.A. Shabunova, Doc. Sci. (Econ.) (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Julien Vercueil, professor (National Institute for Oriental Languages and Civilizations INALCO, Paris, France)

P.A. Vityaz, academician of NAS of Belarus (NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

A.E. Dayneko, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Economics of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Markku Kivinen, professor (Aleksanteri Institute of the University of Helsinki, Helsinki, Finland)

I.V. Kotlyarov, Doc. Sci. (Sociol.), professor (Institute of Sociology of NAS of Belarus, Minsk, Belarus)

Zhang Shuhua, doctor, professor (Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China)

D.V. Afanasyev, Cand. Sci. (Sociol.), associate professor (Cherepovets State University, Cherepovets, Russia)

S.D. Valentey, Doc. Sci. (Econ.), professor (Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia)

D.A. Gaynanov, Doc. Sci. (Econ.), professor, (Institute for Social and Economic Research, Ufa Scientific Center of RAS, Ufa, Russia)

M.K. Gorshkov, RAS academician (RAS Institute of Sociology, Moscow, Russia)

V.V. Ivanter, RAS academician (Institute of Economic Forecasting of RAS, Moscow, Russia)

S.V. Kuznetsov, Doc. Sci. (Econ.), professor (Institute of Problems of Regional Economics (Saint Petersburg, Russia)

E.B. Len'chuk, Doc. Sci. (Econ.), professor (RAS Institute of Economics, Moscow, Russia)

G.V. Leonidova, Cand. Sci. (Econ.), associate professor (Vologda Research Center of RAS, Vologda, Russia)

V.L. Makarov, RAS academician (Central Economic Mathematical Institute of RAS, Moscow, Russia)

A.D. Nekipelov, RAS academician (Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

V.V. Okrepilov, RAS academician, (State Regional Center for Standardization, Metrology and Testing (Saint Petersburg, Russia)

V.M. Polterovich, RAS academician (Central Economics and Mathematics Institute, Moscow School of Economics at Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia)

Yu. Ya. Chukreev, Doc. Sci. (Engin.) (Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North Komi Scientific Centre, Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Russia)

The journal was founded in 2008

Publication frequency:
six times a year

According to the Decision of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, the journal *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* is on the List of peer-reviewed scientific journals and editions that are authorized to publish principal research findings of doctoral (Ph.D., candidate's) dissertations in scientific specialties: 08.00.00 – economic sciences; 22.00.00 – sociological sciences.

The journal is included in the following abstract and full text databases:

Web of Science (ESCI), ProQuest, EBSCOhost, Directory of Open Access Journals (DOAJ), RePEc, Ulrich's Periodicals Directory, VINITI RAS, Russian Science Citation Index (RSCI).

The journal's issues are sent to the U.S. Library of Congress and to the German National Library of Economics.

All research articles submitted to the journal are subject to mandatory peer-review.

Opinions presented in the articles can differ from those of the editor. Authors of the articles are responsible for the material selected and stated.

ISSN 1998-0698 (Print)
ISSN 2312-9816 (Online)

Internet address: <http://esc.vsc.ac.ru>

© VoIRC RAS, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ильин В.А., Морев М.В. Проблема цивилизационного выбора и ее отражение в ключевых документах, определяющих настоящее и будущее России 9

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Лаврикова Ю.Г., Андреева Е.Л., Ратнер А.В. Локализация зарубежного производства как инструмент развития экспортной базы РФ 24

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

Шаклеина М.В., Мидов А.З. Стратегическая типологизация регионов по уровню финансовой самостоятельности 39

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ

Теребова С.В., Борисов В.Н. Развитие малого инновационного бизнеса в промышленном и научно-образовательном секторе России 55

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ

Печенская М.А. Бюджеты региональных центров Северо-Запада: инструменты модернизации или выживания? 77

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ

Королева Л.П. Налогообложение цифровых услуг: вопросы теории, зарубежной практики и отечественных предпосылок 91

ЭКОНОМИКА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

Смиренникова Е.В., Уханова А.В., Воронина Л.В. Конфликты на особо охраняемых природных территориях Арктического региона: выявление, анализ и пути решения 107

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Конкуренция российских экономических журналов на мировом рынке	124
--	-----

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Петров В.Н., Каткова Т.Е., Карвинен С. Тенденции развития лесной экономики в России и Финляндии	140
Мойса Н.И. Экономическая интеграция иммигрантов через преодоление неравенства в сфере занятости и оплаты труда. Сравнительный анализ британских и французских мусульманских общин	158

СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

Леонидова Г.В. Формирование человеческого потенциала детского населения в системе общего образования	172
Биктимиров Н.М., Гайфутдинова Р.М., Ибрагимова А.А., Ильдарханова Ч.И. Внутрорегиональная дифференциация демографического потенциала Республики Татарстан	189
Устинова К.А., Гордиевская А.Н. Современные формы и методы мотивации творческой трудовой активности населения	203

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества	220
Правила приёма статей	227
Информация о подписке	233

CONTENT

EDITORIAL

- Ilyin V.A., Morev M.V. The Problem of Civilizational Choice and Its Reflection
in the Key Documents Defining the Present and Future of Russia 9

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT STRATEGY

- Lavrikova Yu.G., Andreeva E.L., Ratner A.V. Localization of Foreign Production
as a Tool to Develop the Export Base of the Russian Federation 24

REGIONAL ECONOMY

- Shakleina M.V., Midov A.Z. Strategic Classification of Regions According to the Level
of Financial Self-Sufficiency 39

INNOVATION DEVELOPMENT

- Terebova S.V., Borisov V.N. The Development of Small Innovative Business
in the Industrial, Scientific and Educational Sector in Russia 55

PUBLIC FINANCE

- Pechenskaya M.A. Budgets of Regional Centers in the North-West:
Tools for Modernization or Survival? 77

CRITICAL ECONOMIC ISSUES

- Koroleva L.P. Taxation of Digital Services: Theory, International Practice
and Domestic Prerequisites 91

ENVIRONMENTAL ECONOMICS

- Smirennikova E.V., Ukhanova A.V., Voronina L.V. Conflicts in Protected Natural Areas
of the Arctic Region: Identifying, Analyzing and Finding the Solutions 107

DISCUSSION PLATFORM

Balatsky E.V., Ekimova N.A. Competition of Russian Economic Journals in the World Market	124
---	-----

FOREIGN EXPERIENCE

Petrov V.N., Katkova T.E., Karvinen S. Trends in the Development of Forestry in Russia and Finland	140
Moisa N.I. Economic Integration of Immigrants through Overcoming Inequalities in Employment and Wages. Comparative Analysis of British and French Muslim Communities	158

SOCIAL DEVELOPMENT

Leonidova G.V. Human Potential Formation of Children in the System of General Education	172
Biktimirov N.M., Gaifutdinova R.M., Ibragimova A.A., Il'darkhanova Ch.I. Intraregional Differentiation of Demographic Potential in the Republic of Tatarstan	189
Ustinova K.A., Gordievskaya A.N. Modern Forms and Methods to Motivate the Population to Engage in Creative Labor Activity	203

PUBLIC OPINION MONITORING

Public Opinion Monitoring of the State of the Russian Society	220
Manuscript Submission Guidelines	227
Subscription Information	233

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.1

УДК 354, ББК 66.03

© Ильин В.А., Морев М.В.

Проблема цивилизационного выбора и ее отражение в ключевых документах, определяющих настоящее и будущее России

**Владимир Александрович
ИЛЬИН**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: ilin@vscc.ac.ru
ORCID: 0000-0003-4536-6287; ResearcherID: N-4615-2017

**Михаил Владимирович
МОРЕВ**

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: 379post@mail.ru
ORCID: 0000-0003-1396-8195; ResearcherID: I-9815-2016

Аннотация. В связи с приближением 2024 года, когда согласно действующей Конституции РФ В. Путин не сможет выдвинуть свою кандидатуру на должность Президента России, обостряются концептуальные вопросы, связанные с итогами развития страны в XXI веке и, главное, — с ее перспективами на ближайшие десятилетия. Один из таких вопросов (диктуемый, в том числе, и спецификой современного исторического этапа развития мировой цивилизации в целом) заключается в проблеме цивилизационного самоопределения, по поводу которой в нашей стране не утихают научные дискуссии фактически со времен распада Советского Союза. Данная проблема связана с отсутствием стратегического целеполагания как одной из ключевых функций государственного управления, что влечет за собой массу негативных последствий для населения и национального развития в целом: от многолетней нерешенности социальных проблем (бедности, неравенства и т.д.) до регулярного «пробуксовывания» национальных проектов и

Для цитирования: Ильин В.А., Морев М.В. Проблема цивилизационного выбора и ее отражение в ключевых документах, определяющих настоящее и будущее России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 3. С. 9–23. DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.1

For citation: Ilyin V.A., Morev M.V. The problem of civilizational choice and its reflection in the key documents defining the present and future of Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 3, pp. 9–23. DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.1

реализации конкретных поручений главы государства. Кроме того, как показывают результаты федеральных и региональных исследований, российское общество, не имея перед собой внятного, прежде всего культурно-ценностного, вектора развития, а также на фоне неослабевающей потребности в росте уровня жизни и достижении социальной справедливости, всё более становится обществом потребления со всеми его ключевыми недостатками в виде заикленности на материальной составляющей жизни, стремлении к достижению индивидуального успеха, игнорировании исторически сложившихся норм морали и нравственности и т.д. В контексте нарастающей актуализации вопроса о цивилизационном выборе и широкого комплекса проблем, вызванных его отсутствием, авторы статьи анализируют ключевые документы федерального уровня, в которых отражены основные принципы существующей динамики и дальнейших перспектив национального развития, – Конституцию РФ и Стратегию национальной безопасности РФ. Они приходят к выводу об отсутствии целенаправленной деятельности правящих элит по формированию духовно-нравственных основ российского общества, что придает инструментальный, ориентированный на решение материальных проблем характер целеполагания, уподобляя управление государством управлению корпорацией. Это представляет собой одну из ключевых угроз национальной безопасности и национального развития и вызывает необходимость развертывания широкой, иницируемой, в первую очередь, государством дискуссии по поводу практических возможностей и перспектив реализации в России основных принципов социального государства, заявленного в Конституции РФ.

Ключевые слова: цивилизационный выбор, Конституция РФ, Стратегия национальной безопасности РФ, Президент, российское общество.

Нельзя ставить цели общественного развития, не опираясь на простую и ясную систему ценностей, на простое и ясное понимание справедливости. Нельзя планировать экономический прорыв, не предлагая фундаментально обоснованных механизмов его осуществления. А мы упорно пытаемся это делать – пытаемся обходиться без руководящей идеологии. Но любое общество, не скрепленное набором бесспорных для подавляющего большинства его членов истин, неминуемо развалится. И идеология у нас есть, просто это идеология выживания, достаточная для того, чтобы не умереть, и абсолютно недостаточная для уверенного движения вперед¹.

Ряд неотложных обстоятельств вынуждает нас всё чаще обращаться к вопросам, связанным с поступательным движением России по пути рыночной трансформации. С одной стороны, исторический период постмодерна, характеризующийся стремительной скоростью научно-технического прогресса, турбулентностью общественно-политических процессов и раз-

мыванием системы многовековых культурно-нравственных норм и ценностей, не оставляет времени для раскачки и «ставит ребром» перед ключевыми участниками геополитической конкуренции вопросы: куда и с какой скоростью они движутся? Каким они видят свое будущее? Какое будущее они будут создавать для мировой цивилизации в целом?

Сегодня на наших глазах складывается новая парадигма, которую принято называть «постмодерном». Смысл этого понятия сводится к обозначению нового состояния цивилизации, культуры, идеологий, политики, экономики... Постмодерн заставляет нас по-новому взглянуть на все – в том числе и на международную политику. Еще вчера мы оперировали такими понятиями, как «прогресс», «государственный суверенитет», «логика истории», «поступательное развитие» и т.д. На заре XXI века мы видим, что прогресс в одной области может легко сочетаться с регрессом в другой в рамках одного и того же общества, что бывают государства без суверенитета, а история, подчас, отклоняется от своего якобы очевидного курса на 180 градусов².

¹ Носкович О. От выживания к развитию. В России должна смениться идеологическая парадигма // Независимая газета. 2019. 17 апр. http://www.ng.ru/ideas/2019-04-17/5_7559_survival.html

² Дугин А. Геополитика постмодерна / <https://www.geopolitica.ru/article/geopolitika-postmoderna#.UQP3djWlfp8/>

С другой стороны, те же самые вопросы актуализируют исторический момент времени, который сегодня переживает именно наша страна. Не секрет, что практически все достижения современной России, включая относительную стабильность политической и экономической ситуации внутри страны, а также рост ее международного статуса на внешней арене, является заслугой Президента РФ В. Путина. Президент уже почти 20 лет управляет страной в «ручном режиме»; является «главным арбитром», балансирующим интересы различных семей, кланов, групп во властвующей элите; и только он один имеет сакральную связь с «глубинным народом». Можно по-разному относиться к тем или иным решениям главы государства, но нельзя отрицать, что В. Путин является личностью исторического масштаба для нашей страны.

В 2024 году, когда В. Путин согласно действующей Конституции РФ не сможет выдвинуть свою кандидатуру на пост Президента РФ, начнется новый этап российской истории, и пока что очень сложно предугадать, каким он будет для нашей страны. Будет ли Россия по-прежнему находиться в положении «осажденной крепости»? Как поведут себя наши «зарубежные партнеры», раз за разом на протяжении последних 20 лет получавшие отпор в своих попытках ослабить Россию, создать из нее образ «вселенского зла»? Будет ли преемник нынешнего Президента обладать «уникальной» чертой, которой эксперты характеризуют лично В. Путина и которая обеспечивает «доверительное общение и взаимодействие верховного правителя с гражданами» — «умение слышать и понимать народ, видеть его насквозь, на всю глубину и действовать сообразно»?³ Не станут ли усиливающиеся противоречия между элитой и широкими слоями населения поводом для активизации целенаправленной политики коллективного Запада по разрушению российской государственности изнутри, как это было в конце 1980-х — начале 1990-х гг.?

³ Сурков В.Ю. Долгое государство Владимира Путина // Независимая газета. 2019. 11 фев. http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html

Что с нами будет после окончания срока правления Путина? Народ будет привлечен к фундаментальному историческому выбору. Даже если нас отстранят, наш долг прорвать отстранение и все-таки сказать «да» или «нет» нашему будущему. Народ не может не решать — мы приближаемся к критической точке нашей истории⁴.

Даже в том случае, если к 2024 году в политической системе страны будут произведены существенные изменения, после которых В. Путин по-прежнему будет обладать всей полной властью⁵, вышеперечисленные вопросы не утратят своей актуальности, а лишь затянутся на достаточно ограниченный (по крайней мере по историческим меркам) период времени.

Многовариативность сценариев будущего России, один из которых уже совсем скоро станет настоящим, актуализирует задачу постановки стратегических целей национального развития на качественно ином, более глубоком уровне, нежели преодоление бедности, повышение ожидаемой продолжительности жизни и улучшение жилищных условий. Эти и другие ориентиры, отраженные в «майском указе» Президента и национальных проектах, даже несмотря на всю свою важность, несут лишь инструментальный характер. Они неспособны вывести общественный дискурс и государственное целеполагание за пределы ценностных координат «общества потребления», а, следовательно, — поддерживают в стране ситуацию, при которой общество существует только ради того, «чтобы телефоны менять каждые полгода» или «для того, чтобы потреблять на йогурт больше сегодня, чем на йогурт меньше вчера»⁶.

⁴ Дугин А.Г. Самое важное событие будущего // Газета «Завтра». 2019. 16 мая. http://zavtra.ru/blogs/samoe_vazhnoe_sobitie_budushego

⁵ Как отмечают некоторые эксперты, до 2024 г. в стране могут произойти существенные конституционные изменения: Совет Федерации будет заменен на Госсовет, который «будет наделен всей полнотой власти» и который возглавит В. Путин. Госсовет, в частности, будет выбирать Президента РФ, у которого останутся лишь представительские функции. По некоторым оценкам этот пост может занять Д.А. Медведев (источник: Угланов А. А Медведев таки будет президентом? // Аргументы недели. 2018. №12. 29 марта).

⁶ Стариков Н.В. Об изменении Конституции / <https://www.youtube.com/watch?v=-krK3elaeZA>

В Конституции зафиксирован официальный запрет на государственную идеологию. А что такое идеология? Это цель. У государства должна быть цель и у русского народа должна быть цель. А в Конституции официальный запрет: цели нет.

Соответственно для чего существует наше государство? В Конституции нигде этого не написано. Написано, что Россия – социальное государство, но это как бы такая констатация, а реально для чего существует? Для того, чтобы телефоны менять каждые полгода? Для того, чтобы потреблять на йогурт больше сегодня, чем на йогурт меньше вчера...?

Нет целеполагания и отсюда очень большое количество проблем: и алкоголизм, и чувство потерянности... Потому что у целого народа, у целой цивилизации отсутствует цель, причем это прямо записано в Конституции⁷.

«За годы реформ, – как писали социологи еще в 2013 году, – наши сограждане настолько погрузились в свои проблемы, а государство настолько самоустранилось из сферы целеполагания развития нации, что россияне постепенно стали утрачивать характерную для них ранее энергетику «большой цели». А ведь она позволяла им неоднократно совершать, казалось бы, невозможное – достаточно вспомнить индустриализацию страны, восстановление ее экономики после Великой Отечественной войны, прорыв в космос и многое другое, чем до сих пор справедливо гордятся россияне...»⁸.

Утратив патриотизм, связанные с ним национальную гордость и достоинство, мы потеряем себя как народ, способный на великие свершения⁹.

«Утрата личностной связи с Россией», «утрата цивилизационной специфики», «утрата пассионарности» – вот те угрозы, о которых предупреждали ученые еще в начале третьего президентского срока В. Путина.

⁷ Стариков Н.В. Об изменении Конституции // <https://www.youtube.com/watch?v=-krK3elaezA>

⁸ О чем мечтают россияне: идеал и реальность / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2013. 400 с.

⁹ Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 1999. 30 дек. http://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html

Многое ли изменилось с тех пор? Ключевыми тенденциями, которыми характеризуется современное российское общество, являются рост потребности в переменах и рост самодостаточности, которые наблюдаются с 2014 года после того, как эмоциональный подъем, вызванный событиями «крымской весны», столкнулся с очередным «витком» экономического кризиса 2014–2015 гг. В период с 2014 по 2018 г. доля россиян, воспринимающих стабильность не иначе как «консервацию застоя и кризисных явлений»¹⁰, увеличилась с 30 до 56%, **то есть на сегодняшний день эту точку зрения разделяет более половины жителей нашей страны**. Почти половина россиян (46% по данным за 2016 г.) считают, что в своей жизни они вполне могут обойтись без помощи государства, и это, как отмечают исследователи, является «серьезной социальной опорой для стабильного и устойчивого состояния и развития, что особенно важно в текущей общественно-политической ситуации, бросающей России новые серьезные политические, экономические и социокультурные вызовы»¹¹.

Тем не менее, в погоне за личным успехом «самодостаточные» россияне готовы переступить черту, отличающую человеческое общество от скопления индивидуумов: более половины из них (54%) руководствуются установкой о том, что «современный мир жесток и для того, чтобы добиться успеха в жизни, иногда приходится переступать через моральные принципы и нормы»¹². При таком ценностном отношении к миру, к себе и к другим людям не удивительно, что почти половина «самодостаточных» (47%) говорит о том, что в современном мире «многие моральные нормы уже устарели», при этом 42% предпочитают сами решать, что в этом мире хорошо, а что плохо («мораль и нравственность – это сфера частной жизни человека и государство не должно в него вмешиваться»).

¹⁰ Петухов В.В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социс. 2018. № 11. С. 43.

¹¹ Информационно-аналитические резюме ИС РАН 2014–2016 гг.

¹² Горшков М.К., Седова Н.Н. «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты // Социс. 2015. № 12. С. 4–16.

«Половина российского общества, — как отмечают эксперты, — живет без какой-либо явной цели, при отсутствии как такового воплощаемого образа будущего», и тогда возникает закономерный вопрос, с которым, на наш взгляд, трудно не согласиться: **«С чего начинается возрождение страны — с достижения целей, связанных с наращиванием потребления для себя и своей семьи, или целей, связанных с творческим, профессиональным и духовным ростом? Понимая, что перекос в пользу целей первого типа есть отражение объективных и нерешенных социально-бытовых проблем граждан, нельзя не понимать, что чистое потребление как доминирующая жизненная цель ведет общество по пути, у которого нет будущего»¹³.**

Таким образом, рост «самодостаточности» в российском обществе свидетельствует о росте разнообразия материальных благ современной цивилизации (что вполне естественно в условиях научно-технического прогресса) и о росте способностей, знаний, умений и навыков пользоваться этими новыми, стремительно увеличивающимися в своем разнообразии товарами и услугами (что также вполне естественно на фоне постепенной смены поколений и прихода во «взрослую жизнь» так называемого «поколения Z» — людей, которые родились после 1996 года, для которых характерны «индивидуализм, практичность, технологическая продвинутость, вера в собственные силы и т.д.»¹⁴).

Однако общество — это не совокупность индивидуумов, а прежде всего социальные отношения, складывающиеся между ними. И в этом смысле утилитарность жизненных целей и ценностных установок широких слоев населения вызывает серьезные опасения относительно правильности вектора движения современного российского социума.

Нельзя не отметить, что такое состояние российского социума является следствием «инструментального» целеполагания. «В условиях отказа от прежних общественных идеалов и краха новопровозглашенных начался процесс самоуничто-

жения нации посредством ее фрагментации вследствие низведения общенационального интереса до уровня интереса местечкового и семейного»¹⁵.

Государственное управление без оценочной рефлексии не имеет шансов на самосовершенствование и развитие. Качество, как и успешность государственного управления, не может оцениваться без апелляции к какой-либо ценности. Результат государственного управления, вне ценностного контекста поставленных целей, сам по себе характеристикой качества не является. В зависимости от целевых ориентиров один и тот же результат может быть оценен противоположным образом. Например, российская приватизация: при рассмотрении ее с позиций материальных ожиданий и интересов большинства социума — безусловный провал; тогда как в рамках поставленной цели — скорейшего перехода (любой ценой) к рыночной экономике — это достаточно эффективная управленческая операция¹⁶.

Помимо прочих функций (экономической, политической и т.д.) любое государство (а особенно социальное, что зафиксировано в Конституции РФ) выполняет социальную функцию, которая заключается не только в развитии социальной сферы (здравоохранения, образования, культуры), не только в обеспечении достойного уровня жизни граждан, но и в обеспечении солидарных отношений в обществе, сотрудничества различных слоев общества, реализации принципа социальной справедливости.

Поэтому ни целеполагание, ни измерение эффективности государственного управления по классическому принципу «затраты — результат», который вполне успешно может работать в бизнесе, не является правильным, поскольку не может обеспечить «жизнеспособность страны»¹⁷.

¹⁵ Носкович О. От выживания к развитию. В России должна смениться идеологическая парадигма // Независимая газета. 2019. 17 апр. http://www.ng.ru/ideas/2019-04-17/5_7559_survival.html

¹⁶ Сулакшин С.С. Качество и успешность государственных политик и управления // Серия «Политическая аксиология». М.: Научный эксперт, 2012. С. 23.

¹⁷ Главный критерий эффективности государственного управления по С. Сулакшину (источник: Сулакшин С.С. Качество и успешность государственных политик и управления // Серия «Политическая аксиология». М.: Научный эксперт, 2012. С. 6, 12.)

¹³ Карачаровский В.В., Шкаратан О.И. Разные цели одного общества // Социс. 2019. № 1. С. 15.

¹⁴ Стиллман Д. Поколение Z на работе. Как его понять и как найти с ним общий язык / пер. с англ. Ю. Кондукова. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018.

С этой точки зрения необходимо еще раз¹⁸ взглянуть на Стратегию национальной безопасности — «базовый документ стратегического планирования, определяющий национальные интересы и стратегические национальные приоритеты Российской Федерации» (п. 1), а также являющийся «основой для формирования и реализации государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации» (п. 4).

В данном документе указаны следующие стратегические национальные приоритеты (п. 31):

- 1) оборона страны;
- 2) государственная и общественная безопасность;
- 3) повышение качества жизни российских граждан;
- 4) экономический рост;
- 5) наука, технологии и образование;
- 6) здравоохранение;
- 7) культура;
- 8) экология живых систем и рациональное природопользование;
- 9) стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство.

«Сохранение и приумножение **традиционных российских духовно-нравственных ценностей как основы российского общества**» является «стратегической целью обеспечения национальной безопасности в области культуры» (п. 76). При этом в Стратегии указано, что «к традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся **приоритет духовного над материальным, защита человеческой жизни, прав и свобод человека, семья, созидательный труд, служение Отечеству, нормы морали и нравственности, гуманизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь, коллективизм, историческое единство народов России, преемственность истории нашей Родины**» (п. 78).

¹⁸ В январе 2016 г. (сразу после подписания В. Путиным новой Стратегии национальной безопасности 31 декабря 2015 г.) мы обращались к анализу данного документа (источник: Ильин В.А. Стратегия национальной безопасности—2015 — шаг к новому этапу развития России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 1 (43). С. 9-25.). Однако в тот момент нас интересовала социально-экономическая сторона вопроса: насколько реализуема Стратегия национальной безопасности РФ в условиях сохранения курса экономической и социальной политики, проводимой правительством Д. Медведева?

Исходя из этого возникают закономерные вопросы:

1. Соответствует ли тенденция роста «самодостаточности», о которой мы говорили выше, **«традиционным российским духовно-нравственным ценностям», являющимся «основой российского общества»?**

2. В чем заключается **«культурный суверенитет Российской Федерации»** (п. 82), если российское общество всё больше походит на американское «общество потребления»: с каждым годом в нем появляется всё больше людей, готовых пренебречь морально-нравственными принципами ради достижения своего личного успеха, при этом не испытывая угрызений совести, а вполне рационально объясняя это какими-то новыми условиями бытия, «устареванием» классических жизненных ценностей?

3. Является ли «внешняя культурная и информационная экспансия» **единственной** угрозой «национальной безопасности в области культуры» (п. 79)¹⁹ **или причина в том числе и в том, что на протяжении последних 20 лет бедность, низкий уровень жизни и социальное расслоение стабильно занимают верхние строчки в списке самых острых проблем, волнующих население (что вполне объясняет и в некотором смысле оправдывает «замкнутость российского общества на материальной составляющей жизни»²⁰?**

4. Являются ли «поддержка изучения русского языка»; «обеспечение национальной, религиозной, расовой терпимости»; «патриотическое воспитание граждан»; «улучшение материально-технической базы организаций культуры, создание условий для организации досуга»; «развитие внутреннего культурно-

¹⁹ Пункт 79 Стратегии национальной безопасности гласит: «Угрозами национальной безопасности в области культуры являются размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей и ослабление единства многонационального народа Российской Федерации путем внешней культурной и информационной экспансии (включая распространение низкокачественной продукции массовой культуры), пропаганды вседозволенности и насилия, расовой, национальной и религиозной нетерпимости, а также снижение роли русского языка в мире, качества его преподавания в России и за рубежом, попытки фальсификации российской и мировой истории, противоправные посягательства на объекты культуры».

²⁰ Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Экономические детерминанты психологического состояния общества // Мониторинг ВЦИОМ. 2008. № 2. С. 18–25.

познавательного туризма»; «усиление государственного контроля за состоянием объектов культурного наследия» и многие другие меры, зафиксированные в Стратегии национальной безопасности (п. 81–82), **достаточными для того, чтобы сохранить «культурный суверенитет Российской Федерации»?** Или речь надо вести о том, **чему в Стратегии национальной безопасности не нашлось места: о формировании «культуры богатства» – преодолении «агрессивной демонстрации материального превосходства, открывшихся потребительских возможностей, при полнейшем пренебрежении незыблемыми ранее нравственными нормами»?**²¹ Независимо от гражданства, национальности, вероисповедания и т.д., **то есть, в том числе, среди русского населения.**

Как мы видим, основные пункты Стратегии национальной безопасности носят чисто инструментальный характер. **Стратегия не охватывает широкий спектр вопросов, связанных с оценочной рефлексией и спецификой целеполагания как функции государственного управления.** Возможно, именно поэтому вслед за правящими элитами многие молодые государственные управленцы в нашей стране «в лучшем случае знают, как управлять корпорациями или общественными организациями, они реально не знают, чем логика государства отличается от логики корпорации»²²...

Возможно, именно поэтому в очередной раз «пробуксовывает» реализация предвыборных обещаний Президента: за полгода до подведения первых итогов реализации национальных проектов (о чем заявил В. Путин в Послании Федеральному Собранию РФ 2019 г.) «только по двум из девяти национальных целей, обозначенных в новом майском указе президента, есть хоть какое-то движение вперед, и то его недостаточно. По трем целям до сих пор не определены показатели для контроля, по двум целям показатели есть, но текущая ситуация не ясна. Еще по двум целям мы буквально откатываемся назад»²³.

²¹ Зарубина Н.Н. Культура богатства в дискурсе неравенства: особенности в современной России // *Общественные науки и современность*. 2012. № 6.

²² Хазин М. Осторожно политологи // *Газета «Завтра»*. 2019. 02.05. / http://zavtra.ru/blogs/ostorozhno_politologi

²³ Башкатова А. Провал национального масштаба // *Независимая газета*. 2019.20.05.

Одним из маркеров, активно и практически повсеместно используемых «новыми богатыми», стала **демонстративная вседозволенность как постоянное желание проверять на прочность существующие социальные нормы, подчеркивая свою исключительность заведомо запрещенными поступками по принципу «всем нельзя, а мне можно»...**

Индивидуализм богатых проявляется в формировании **легитимных возможностей для обладателей наибольших состояний не считаться с обществом...** Современному глобальному капиталу не противостоит «глобальный профсоюз», и, таким образом, можно констатировать, что два основных социальных полюса капиталистического общества – труд и капитал – оказались оторваны друг от друга...

По прошествии первого десятилетия XXI в. усилился не только экономический, но и социальный и даже пространственный разрыв между богатыми и бедными... В условиях дезинтеграции общества у богатых социальных групп **исчезает необходимость оправдываться перед ним.** Богатые продолжают жить своей жизнью и даже во время мирового финансового кризиса увеличивать свои состояния, **нередко благодаря прямой поддержке государства.**

Акценты дискурса неравенства смещаются в **область демонстрации престижных моделей повседневной жизни, в то время как проблемы легитимности богатства и его ответственности перед обществом привлекают все меньше внимания.** Поэтому представляются несбыточными надежды на то, что по мере «привыкания» к богатству будет расти его культура, то есть демонстрация станет менее агрессивной, а усилия по легитимации и социальной ответственности возрастут²⁴.

В конечном итоге, по мере приближения 2024 года актуализируется вопрос об оценке всего 24-летнего периода правления В. Путина и его команды. И здесь следует отметить, что, даже несмотря на преодоление негативных последствий «лихих 90-х» и возвращение России в число ключевых участников геополитической конкуренции, цели, которые ставил Президент на долгосрочную перспективу еще в 1999 году, пока что так и не достигнуты.

²⁴ Зарубина Н.Н. Культура богатства в дискурсе неравенства: особенности в современной России // *Общественные науки и современность*. 2012. № 6.

Напомним, что в статье «Россия на рубеже тысячелетий» В. Путин выделил три фундаментальных основания (три «шанса на будущее»), с которыми он связывает судьбу России в XXI веке. Это «российская идея», «сильное государство» и «эффективная экономика».

Шансы на достойное будущее:

(А) Российская идея. Плодотворная созидательная работа, в которой так нуждается наше Отечество, невозможна в обществе, находящемся в состоянии раскола, внутренне разобщенном. В обществе, где основные социальные слои, политические силы придерживаются различных базовых ценностей и основополагающих идеологических ориентиров.

(Б) Сильное государство. Мы находимся на этапе, когда даже самая верная экономическая и социальная политика дает сбой при проведении ее в жизнь из-за слабости государственной власти, органов управления. Ключ к возрождению и подъему России находится сегодня в государственно-политической сфере. Россия нуждается в сильной государственной власти и должна иметь ее.

(В) Эффективная экономика. ... Необходимость для России формирования целостной системы государственного регулирования экономики и социальной сферы. Речь не идет о возвращении к системе директивного планирования и управления, когда всепроникающее государство регламентировало сверху донизу все аспекты работы каждого предприятия. Речь о том, чтобы сделать российское государство эффективным координатором экономических и социальных сил страны, выстраивающим баланс их интересов, определяющим оптимальные цели и параметры общественного развития, создающим условия и механизмы их достижения»²⁵.

вершенно разным содержанием. В том числе нет сомнений в том, что такие события, как Революция 1917 г. и развал СССР в 1991 г., происходили во многом по патриотической мотивации — из искренней веры людей в то, что они делают благое дело для страны.

Я лично уверена, что крушение СССР и — шире — всей советской жизни было явлением в определяющей степени внутренним, а не внешним. Мы как-то забыли, что СССР рухнул фактически на пике военного и индустриального могущества, вернее, на застойном скольжении с него. И это крушение было воспринято огромным числом граждан с восторгом и энтузиазмом, прошло под бурные и продолжительные аплодисменты.

Я хорошо помню заключительный аккорд великого августовского стояния вокруг Белого дома; я и сама там отстаивала демократию. Так вот, после всех треволений народ потёк к метро «Улица 1905 года», чтобы отбыть по домам. Какие были у пассажиров счастливые лица, какое ощущалось единение! Ещё бы, все эти люди: рабочие окрестных предприятий, которых много было в западной промзоне, студенты, нишние и учрежденческие сидельцы — **все полагали, что вместе убили дракона, обезглавили гидру тоталитаризма, спасли демократию. Ни до, ни после я, наверное, не видела таких светлых и чистых лиц.** Свержение «совка», если судить по всем этим настроениям, не было ни заговором, ни переворотом — это было подлинно народное дело. Хотя, конечно, были там и заговор, и переворот, и предательство, но без народной поддержки, и даже не поддержки — живого участия — не получилось бы ничего»²⁷.

Однако на сегодняшний день:

1. «Российская идея» так и не сформулирована. Патриотизм, о котором говорил Президент как об «объединяющей идее», которой нет и не может быть альтернативы²⁶, — это лишь оболочка, которая может быть наполнена со-

Следует также отметить тот факт, что ученые и сегодня, то есть по прошествии 19 лет с момента начала первого президентского срока В. Путина, отмечают, что «нынешнее политико-экономическое устройство нашего общества является переходным между стихийно возникшим в начале 1990-х в результате революционных преобразований и тем, которое сформиру-

²⁵ Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета 1999. 30 дек. http://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html

²⁶ Выступление В. Путина на встрече с активом Клуба лидеров 3 февраля 2016 г. // Официальный сайт Президента РФ <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51263>

²⁷ Воеводина Т. Чего совкам в совке не хватало // Литературная газета. <http://lgz.ru/article/-33-6521-26-08-2015/chego-sovkam-v-sovke-ne-khvatalo/>

ется в виде окончательного осмысления этих преобразований и их последствий. Насколько долгим и мучительным будет переход, зависит от того, как быстро мы поймем, что мы собой представляем и чего хотим. Так мы обречем общественный идеал мироустройства и примем его к практической реализации»²⁸.

2. Формулировку «Сильное государство» на сегодняшний день можно применить, пожалуй, только лишь в отношении российской армии, что, в принципе, полностью соответствует представлениям главы государства о патриотизме (и, следовательно, об «объединяющей идее»):

«Для меня слова „армия” и „патриотизм” — это практически одно и то же»²⁹.

В то же самое время Россия в процессе восстановления своего геополитического статуса «обросла» кольцом внешних врагов, международными санкциями и русофобскими настроениями, активно распространяющимися в Европе и США; а во внутренней политической жизни сравнительно высокий уровень доверия сохраняет только сам Президент (более 50%), в то время как всем остальным государственным и общественным институтам доверяет менее половины населения (табл. 1).

Таблица 1. Уровень доверия действующим в стране общественным структурам и институтам власти (вариант ответа: «полностью и в основном доверяю»; в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	I президентский срок В. Путина (среднегодовая оценка за 2000–2003 гг.)	II президентский срок В. Путина (среднегодовая оценка за 2004–2007 гг.)	Президентский срок Д. Медведева (среднегодовая оценка за 2008–2011 гг.)	III президентский срок В. Путина (среднегодовая оценка за 2012–2017 гг.)	Среднегодовая оценка за 2018–2019 гг.	Изменение среднегодовых оценок (+/-), 2018–2019 гг. к 2000–2003 гг.
<i>Уровень доверия более 50%*</i>						
Президенту РФ	58,2	58,6	56,0	55,3	57,2	-1
<i>Уровень доверия от 40 до 50%</i>						
Церкви	42,6	44,3	47,8	44,7	48,9	+6
Прокуратуре	28,9	31,9	36,8	39,5	45,6	+17
Армии	33,8	27,8	35,0	39,6	44,7	+11
Правительству РФ	39,3	39,3	51,7	45,5	44,5	+5
Федеральной службе безопасности	32,6	33,4	37,5	38,5	43,4	+11
Суду	30,9	33,9	37,4	39,1	43,2	+12
Полиции	26,0	27,0	33,6	37,2	42,8	+17
<i>Уровень доверия от 30 до 40%</i>						
Совету Федерации	27,9	31,7	39,3	37,4	34,9	+7
Руководству области	28,6	35,3	40,3	36,6	34,7	+6
Органам местного самоуправления	-	-	35,9	32,9	33,5	-
Профсоюзам	26,0	27,6	31,0	27,4	32,3	+6
Научным организациям**	-	-	-	-	32,2	-
Государственной Думе	22,5	27,6	35,3	33,1	31,4	+9
<i>Уровень доверия менее 30%</i>						
Общественной палате РФ**	-	-	-	31,2	29,3	-
Средствам массовой информации	29,1	29,1	30,5	28,0	28,7	0

²⁸ Носкович О. Россия может совместить преимущества двух типов мироустройства // Независимая газета 2019. 5 июня. http://www.ng.ru/ideas/2019-06-05/5_7591_ideas2.html

²⁹ Выступление В. Путина на встрече с представителями общественности по вопросам патриотического воспитания молодежи 12 сентября 2012 г. // Официальный сайт Президента РФ. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/16470>

Окончание таблицы 1

Вариант ответа	I президентский срок В. Путина (среднегодовая оценка за 2000–2003 гг.)	II президентский срок В. Путина (среднегодовая оценка за 2004–2007 гг.)	Президентский срок Д. Медведева (среднегодовая оценка за 2008–2011 гг.)	III президентский срок В. Путина (среднегодовая оценка за 2012–2017 гг.)	Среднегодовая оценка за 2018–2019 гг.	Изменение среднегодовых оценок (+/-), 2018–2019 гг. к 2000–2003 гг.
Общественным организациям**	-	-	27,5	25,5	27,2	-
Общественной палате области**	-	-	-	28,1	27,1	-
Директорам, руководителям предприятий	20,1	23,8	24,5	23,0	23,4	+3
Политическим партиям, движениям	12,9	17,2	23,1	19,5	21,9	+9
Банковским, предпринимательским кругам	13,9	20,5	22,2	19,4	19,4	+6
Никому не доверяю	24,5	25,9	24,5	26,0	25,9	+1
<p>* По среднегодовой оценке за 2018–2019 гг. ** Варианты ответа «Общественной палате РФ» и «Общественной палате области» включены в список в 2010 г., варианты ответа «Общественным организациям» и «Органам местного самоуправления» – в 2006 г., вариант ответа «Научным организациям» – в 2018 г. Источник: мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН.</p>						

3. Эффективность российской экономики можно увидеть, если сравнить ситуацию сегодня с периодом «лихих 90-х». Однако не менее очевиден и тот факт, что в течение постсоветского периода российская экономика по большому счету была превращена в «экономику услуг», реализующую не национальные интересы, а интересы «компаний-лидеров глобальных мировых рынков»³⁰. Во многом поэтому отставание по-прежнему является нашей «главной угрозой» и «главным врагом», который «будет неизбежно усиливаться, если мы не переломим ситуацию»³¹, а уровень бедности и неравенства в стране в разы превышает данные официальной статистики, о чем свидетельствуют многие эксперты³² и что, в принципе, наглядно отра-

³⁰ Бетелин В.В. России необходим отказ от «экономики услуг» и переход к экономике промышленного производства // Экономист. 2019. № 2. С. 7.

³¹ Послание Президента Федеральному Собранию РФ 1 марта 2018 г. // Официальный сайт Президента. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56957>

³² См., например: Чуйков А. Экзорцист Голикова изгонит бедных из страны (материалы интервью с зав. лаб. проблем уровня и качества жизни ИСЭПН РАН проф. В.Н. Бобковым) // Аргументы недели. 2019. 7 фев.; Истратов В. Какой рост доходов нас обрадует? // Эксперт. 2018. №14. 2 апр.; Зубаревич Н.В. Эфир программы «Отражение» (телеканал ОТР) от 14 фев. 2019 г. <https://otr-online.ru/programmy/segodnya-v-rossii/natalya-zubarevich-35709.html>

жает структура наиболее актуальных проблем, волнующих население (табл. 2).

Еще раз обратимся к статье В. Путина «Россия на рубеже тысячелетий», в которой он писал: «Достижение необходимой динамики роста – проблема не только экономическая. **Это проблема также политическая и, не побоюсь этого слова, в определенном смысле идеологическая. Точнее, идейная, духовная, нравственная.** Причем последний аспект на современном этапе мне представляется особенно значимым с точки зрения консолидации российского общества»³³. Этот тезис остается актуальным и сегодня, спустя 20 лет, **однако «проблема идеологическая, духовная, нравственная», как мы видим, не ставится ни в Конституции, фактически налагающей запрет на идеологию, ни в Стратегии национальной безопасности, низводящей ее до статуса одного из предметов узкоспециализированной социальной отрасли «Культура».**

Отсутствие вопроса о цивилизационном выборе в системе целеполагания действующей власти, отсутствие конкретного запроса государства к научным и общественно-политическим деятелям на определение и четкую фор-

³³ Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 1999. 30 дек. http://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html

Таблица 2. Структура наиболее актуальных проблем, волнующих население* (в % от числа опрошенных)

1999 г.	2000 г.	2008 г.	2012 г.	2018 г.	2019 г.
Низкий уровень жизни, бедность (57,1%)	Низкий уровень жизни, бедность (50,8%)	Инфляция (56,3%)	Инфляция (55,3%)	Низкий уровень жизни, бедность (53,7%)	Инфляция (57,5%)
Инфляция (54%)	Инфляция (44,7%)	Низкий уровень жизни, бедность (41,4%)	Низкий уровень жизни, бедность (43,2%)	Инфляция (51,1%)	Низкий уровень жизни, бедность (57,4%)
Увольнения персонала, безработица (43,7%)	Высокий уровень преступности, незащищенность от криминалитета, хулиганства (36,9%)	Проблема жилищного обеспечения, низкая доступность жилья (36,3%)	Расслоение населения на «бедных» и «богатых» (37,5%)	Расслоение населения на «бедных» и «богатых» (35,9%)	Расслоение населения на «бедных» и «богатых» (33,2%)
Экономическая нестабильность, остановка предприятий (39,6%)	Социальная незащищенность граждан (34,4%)	Расслоение населения на «бедных» и «богатых» (31,4%)	Проблема жилищного обеспечения, низкая доступность жилья (28,6%)	Проблема жилищного обеспечения, низкая доступность жилья (23,5%)	Проблема жилищного обеспечения, низкая доступность жилья (23,4%)
Высокий уровень преступности, незащищенность от криминалитета, хулиганства (33,4%)	Увольнения персонала, безработица (32,1%)	Высокий уровень преступности, незащищенность от криминалитета, хулиганства (28,4)	Рост алкоголизма (27,3%)	Политическая нестабильность (23,1%)	Коррупция, взяточничество (22,1%)
* Ранжировано по данным на 2019 г. Всего в опросе фигурируют 23 проблемы, в данной таблице представлена «пятерка» наиболее актуальных. Источник: Мониторинг общественного мнения ВолНЦ РАН.					

мулировку вектора развития страны приводит к тому, что тема цивилизационного самоопределения остается лишь предметом широких дискуссий, не покидая, по большому счету, плоскость теоретической рефлексии — научных статей, общественных форумов и т.д.

Ответственные политики и непредвзятые интеллектуалы отдают себе отчет в том, что **политика и экономика современной России остро нуждаются в новом прочном идеологическом базисе**. Со всех сторон звучит констатация данного обстоятельства, даются бесчисленные яркие и точные описания безрадостного положения дел в связи с неэффективностью государственного управления. Однако при всем при этом **не наблюдается ни малейшего предложения глубоко продуманного комплекса философско-экономических идей, способных сплотить вокруг себя все российское общество и воодушевить его на новые свершения**³⁴.

³⁴ Носкович О. От выживания к развитию. В России должна смениться идеологическая парадигма // Независимая газета. 2019. 17 апр. http://www.ng.ru/ideas/2019-04-17/5_7559_survival.html

Еще с момента развала СССР ученые говорили (и продолжают говорить) о том, что Россия развивается стихийно, без цели и вектора³⁵, и это категорически не достойно ни нашей истории, ни нашего международного влияния на решение глобальных вопросов будущего. Тем не менее перевод дискуссий о цивилизационном выборе в практическое русло пока что так и остается нереализованной задачей.

По словам экспертов, на последнем историческом этапе общественного развития было, по сути, два успешных проекта: «Западный» и «Красный»³⁶. В Западном проекте базовым принципом экономической деятельности выступает получение прибыли, основанное на

³⁵ См., например: Ядов В.А. Россия как трансформирующееся общество (резюме многолетней дискуссии социологов) // Общество и экономика. 1999. № 10–11. С. 45–55; Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Личность в трансформирующемся обществе. Социогрупповые предпочтения // Общество и право. 2003. № 1. С. 152–169.

³⁶ Носкович О. От выживания к развитию. В России должна смениться идеологическая парадигма // Независимая газета. 2019. 17 апр. http://www.ng.ru/ideas/2019-04-17/5_7559_survival.html

постоянном удовлетворении корыстного интереса. Идеал справедливости в данном случае реализуется через равенство свободных личностей, оформленное в общество равных возможностей, в коем неизбежное социально-экономическое неравенство воспринимается следствием естественного неравенства человеческих способностей... Сильными и успешными такой идеал справедливости, безусловно, разделяем, лояльность же ему слабых и неудачников достигается тем, что производимого материального блага хватает на выделение им безвозмездного вспомоществования.

В общественном устройстве Красного проекта господство частного интереса подчинено интересу общественному, а идеал справедливости реализуется в равном владении общественным богатством и равном доступе к произведенному благу³⁷.

Чтобы добиться гармонизации социальной структуры и эффективного использования сохранившегося человеческого потенциала, есть только одно средство – осуществить новый, социально ориентированный цикл институциональных и структурных реформ³⁸.

«Наше общество, обладая уникальным опытом пребывания и в Красном, и в Западном проектах, может быть вполне готовым принять и совместить достоинства того и другого»³⁹. Однако приоритет, безусловно, должен быть сделан в пользу Красного проекта и социального государства, «потому что он в интересах всего населения России (как и других стран), а не того или иного узкого слоя» и потому что он соответствует „гума-

³⁷ Носкович О. От выживания к развитию. В России должна смениться идеологическая парадигма // Независимая газета. 2019. 17 апр. http://www.ng.ru/ideas/2019-04-17/5_7559_survival.html

³⁸ Заславская Т.И. К десятилетию международного симпозиума «Куда идет Россия?..» // Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации / под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2003. С. 12–15.

³⁹ Носкович О. От выживания к развитию. В России должна смениться идеологическая парадигма // Независимая газета. 2019. 17 апр. http://www.ng.ru/ideas/2019-04-17/5_7559_survival.html

нистической модернизации»⁴⁰, о которой, по сути, говорили ученые на протяжении всего постсоветского периода.

Фактически в постпостмодернизме глобализация понимается как **акцентирование социальной (а не индивидуальной) уникальности в рамках глобального социального пространства**. Классический пример – Япония, Южная Корея, Сингапур, Гонконг и т. д. Все они присутствуют в глобализирующемся пространстве и вместе с тем **остаются глубоко национальными социумами, сохраняющими прежде всего свою культуру и идентичность**, хотя и впитывают неизбежные элементы глобальной культуры⁴¹.

Только так называемый Красный проект способен в полной мере отразить потребность российского общества в социальной справедливости, имеющей как ментальные, культурно-исторические основания, так и являющейся следствием не ослабевающего за последние 20 лет социального неравенства. И только Красный проект имеет перспективы на будущее, поскольку, с одной стороны, западная цивилизация всё чаще входит в конфликт и не может справиться с глобальными вызовами завтрашнего дня; с другой стороны, именно в Красном проекте заложены основы гуманизма, который, по свидетельствам многих ученых, станет фундаментом следующей исторической эпохи – постпостмодерна.

* * *

Таким образом, вопрос о цивилизационном выборе России был и остается актуальным с тех пор, как распался Советский Союз и «было разорвано поступательное развитие российского государства и общества»⁴². Он периодически

⁴⁰ Лапин Н.И. Гибридный транзит и потребность в «модернизации для всех» // Вестник Института социологии. 2018. Т. 9. № 4.

⁴¹ Фурсов А.И. Что придет на смену постмодернизму // Информационный ресурс Smionline http://so-l.ru/news/y/2013_07_15_chto_pridet_na_smenu_postmodernizmu

⁴² Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. Ч. 1. С. 14–15.

возникает в политической риторике Президента, однако недостаточно отражен в ключевых документах, определяющих настоящее и будущее нашей страны, – Конституции и Стратегии национальной безопасности РФ. При этом, по мере приближения 2024 года, неизбежно вызывающего потребность в подведении итогов 24-летнего периода президентских сроков В. Путина, задача цивилизационного самоопределения становится всё более острой, поскольку всё более очевидно, что именно отсутствие вектора развития, предполагающего первоочередную реализацию национальных интересов, обуславливает многие факторы, препятствующие развитию страны и являющиеся угрозой ее национальной безопасности: невыполнение Правительством поручений главы государства; сохраняющееся запредельное неравенство и высокий уровень бедности (что ощущается широкими слоями населения, несмотря ни на какие изменения методик Росстата); недоверие общества властвующим элитам, всё более перерастающее в самоизоляция людей от политической и вместе с ней от общественной жизни...

«Переход к гуманистически активному участию государства в создании условий для достойной жизни и свободного развития всех членов общества как новый исторический этап эволюции⁴³» осложнен тем, что российские элиты предпочитают встраиваться в Западный мир как материально, так и идеологически, игнорируя при этом и национальные интересы,

Постсоветские элиты ощущают себя частью Западного мира и глобального капитализма, что является важным фактором их настроенности на сближение с США как цивилизационно, так и идеологически. Процессу сближения способствует размещение материальных активов и семей российской элиты на Западе. Национальные интересы России при этом игнорируются⁴⁴.

⁴³ Лапин Н.И. Материалы выступления на круглом столе в редакции журнала «Вопросы философии» (март 2019 г.).

⁴⁴ Бартош А. Америка делает ставку на прокси-войны // Независимая газета. 2019. 10 июня. http://www.ng.ru/armies/2019-06-10/8_7595_proxywar.html

и тот факт, что лидер Западного мира (США) всегда чувствовал себя гегемоном миропорядка и относился к другим странам исключительно как к вассалам или перспективным зонам для собственного обогащения.

Во многом из-за этого Стратегия национальной безопасности наполнена формулировками инструментального содержания, а в Конституции РФ заметно «очевидное противоречие: с одной стороны, принцип социального государства – институциональный факт, столь же реальный, как и Конституция в целом, имеющая максимальный нормативный статус Основного закона для членов общества как граждан. Но, с другой стороны, изучаемый нами конституционный принцип далек от значимого осуществления во многих сферах самого государства, гражданского общества и в повседневной жизни его граждан»⁴⁵.

«Самое главное, – как отмечают эксперты, – и в элитах, и даже в обществе отсутствуют как понимание необходимости формирования нового общественного договора между обществом и властью, так и роли социальной политики в его реализации»⁴⁶. И если первоочередная потребность российского общества в росте уровня и качества жизни, в преодолении бедности, неравенства вполне объяснима и в некотором смысле оправдана многолетней актуальностью этих проблем вследствие неэффективной политики Правительства, то отсутствие даже самой постановки вопроса о цивилизационном самоопределении в политической повестке властвующих элит и в ключевых документах, определяющих основы существования и стратегические ориентиры развития России на ближайшие десятилетия, вызывает серьезные опасения относительно успешности ее транзита в новый исторический этап, на который В. Путин уже «не окажет никакого влияния»⁴⁷.

⁴⁵ Лапин Н.И. Материалы выступления на круглом столе в редакции журнала «Вопросы философии» (март 2019 г.).

⁴⁶ Тихонова Н.Е. Социальная политика в современной России: новые системные вызовы // Общественные науки и современность. 2019. № 2.

⁴⁷ Дугин А.Г. Путин или Сверх-Путин // Изборский клуб. <https://izborsk-club.ru/16492>

Литература

1. О чем мечтают россияне: идеал и реальность / под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2013. 400 с.
2. Петухов В.В. Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социс. 2018. № 11. С. 40–53.
3. Горшков М.К., Седова Н.Н. «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты // Социс. 2015. № 12. С. 4–16.
4. Карачаровский В.В., Шкаратан О.И. Разные цели одного общества // Социс. 2019. № 1. С. 5–17.
5. Стиллман Д. Поколение Z на работе. Как его понять и как найти с ним общий язык / пер. с англ. Ю. Кондукова. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 272 с.
6. Сулакшин С.С. Качество и успешность государственных политик и управления // Серия «Политическая аксиология». М.: Научный эксперт, 2012. 496 с.
7. Балацкий Е. В., Екимова Н. А. Экономические детерминанты психологического состояния общества // Мониторинг ВЦИОМ. 2008. № 2. С. 18–25.
8. Зарубина Н.Н. Культура богатства в дискурсе неравенства: особенности в современной России // Общественные науки и современность. 2012. № 6. С. 62–72.
9. Бетелин В.В. России необходим отказ от «экономики услуг» и переход к экономике промышленного производства // Экономист. 2019. № 2. С. 3–12.
10. Ядов В.А. Россия как трансформирующееся общество (резюме многолетней дискуссии социологов) // Общество и экономика. 1999. № 10–11. С. 45–55.
11. Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д. Личность в трансформирующемся обществе. Социогрупповые предпочтения // Общество и право. 2003. № 1. С. 152–169.
12. Заславская Т.И. К десятилетию международного симпозиума «Куда идет Россия?..» // Куда пришла Россия?.. Итоги социетальной трансформации / под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: МВШСЭН, 2003. С. 12–15.
13. Лапин Н.И. Гибридный транзит и потребность в «модернизации для всех» // Вестник Института социологии. 2018. Т. 9. № 4. С. 105–136.
14. Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. Ч. 1. 668 с.

Сведения об авторах

Владимир Александрович Ильин – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Михаил Владимирович Морев – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 379post@mail.ru)

Ilyin V.A., Morev M.V.

The Problem of Civilizational Choice and Its Reflection in the Key Documents Defining the Present and Future of Russia

Abstract. Due to the approach of 2024, when, under the current Constitution of the Russian Federation, Vladimir Putin will not be able to run for President, conceptual issues related to the results of the country's development in the 21st century and, most importantly, its prospects for the coming decades, are becoming more acute. One of these issues (determined, among other things, by the specifics of the modern historical

stage of development of the world civilization as a whole) consists in the problem of civilizational self-determination, which, in fact, has been discussed by the scientific community in our country since the collapse of the Soviet Union. This problem is connected with the lack of strategic goal-setting as one of the key functions of public administration; such a situation has a lot of negative implications for the population and national development as a whole: from the lingering unresolved social problems (poverty, inequality, etc.) to the regular delays in the implementation of national projects and execution of specific orders of the head of state. In addition, according to the results of federal and regional studies, Russian society does not have a distinct cultural and value-based vector of development; moreover, against the background of the relentless need to increase the standard of living and achieve social justice, Russian society is increasingly becoming a consumer society with all its key shortcomings such as obsession with the material component of life, the desire to achieve personal success, ignoring the historically established norms of morality, etc. In the context of the issue of civilizational choice becoming more important as well as a wide range of problems caused by its absence, we analyze the Constitution of the Russian Federation and the National Security Strategy of the Russian Federation – the key federal documents that reflect basic principles of the existing dynamics and future prospects of national development. We come to the conclusion that the ruling elites do not work to form the spiritual and moral foundations of Russian society; consequently, the goals they set are focused on solving material problems only, which makes public administration similar to corporate governance. This poses one of the key threats to national security and national development and makes it necessary to hold a broad discussion initiated primarily by the government and aimed to consider practical possibilities and prospects for the implementation of the basic principles of the social state contained in the Constitution of the Russian Federation.

Key words: civilizational choice, Constitution of the Russian Federation, National Security Strategy of the Russian Federation, President, Russian society.

Information about the Authors

Vladimir A. Ilyin – RAS Corresponding Member, Doctor of Sciences (Economics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Scientific Director, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ilin@vscc.ac.ru)

Mikhail V. Morev – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, deputy head of department, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 379post@mail.ru)

СТРАТЕГИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.2
УДК 339.9, 338.2, ББК 65.5, 65.050

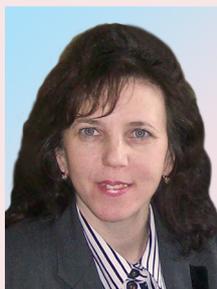
© Лаврикова Ю.Г., Андреева Е.Л., Ратнер А.В.

Локализация зарубежного производства как инструмент развития экспортной базы РФ*

Юлия Георгиевна ЛАВРИКОВА

Институт экономики УрО РАН
Екатеринбург, Российская Федерация, 620014, ул. Московская, д. 29
E-mail: lavrikova_ug@mail.ru
ORCID: 0000-0002-6419-2561; ResearcherID: B-1897-2018

Елена Леонидовна АНДРЕЕВА

Уральский государственный экономический университет
Екатеринбург, Российская Федерация, 620144, г. ул. 8 Марта, 62
Институт экономики УрО РАН
Екатеринбург, Российская Федерация, 620014, ул. Московская, д. 29
E-mail: elenandr@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4975-0905; ResearcherID: H-8591-2016

Артем Витальевич РАТНЕР

Институт экономики УрО РАН
Екатеринбург, Российская Федерация, 620014, ул. Московская, д. 29
E-mail: aratner@inbox.ru
ORCID: 0000-0001-7173-5328; ResearcherID: H-4838-2016

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских учёных – кандидатов наук – МК-3463.2019.6.

Для цитирования: Лаврикова Ю.Г., Андреева Е.Л., Ратнер А.В. Локализация зарубежного производства как инструмент развития экспортной базы РФ // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 3. С. 24–38. DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.2

For citation: Lavrikova Yu.G., Andreeva E.L., Ratner A.V. Localization of foreign production as a tool to develop the export base of the Russian Federation. Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, 2019, vol. 12, no. 3, pp. 24–38. DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.2

Аннотация. Актуальность статьи заключается в том, что в условиях «новой нормальности» мировой экономики, международной конкуренции, протекционистских мер развитие страны-партнёры России замещают импорт локализацией производства. Основная идея и цель статьи — обоснование сущности стратегии локализации зарубежного производства для различных этапов геоэкономического развития и возникающих при этом эффектов для национальной экономики. Научная новизна заключается в развитии теоретических положений, выявляющих мотивы использования стратегии локализации зарубежных производств принимающими экономиками на различных этапах геоэкономического развития, а также в типологизации возможных получаемых в процессе локализации страной эффектов и в их оценке (на примере России). Методы исследования: анализ опыта локализации стран различных групп; синтез опыта локализации зарубежного производства в России в части использования институциональной базы стимулирования локализации и систематизации эффектов локализации на основе анализа мнений её участников и контент-анализа пресс-релизов об их деятельности (компании из рейтинга крупнейших компаний, работающих в России, и перечня специвестконтрактов), статистического анализа относительных масштабов и некоторых эффектов локализации и анализа нормативно-правовой базы. Анализ выявил, что в условиях глобальных вызовов для зарубежных компаний локализация производства в России, предполагающая также и экспорт, становится способом сохранения позиций на российском рынке. Она обеспечивает российской экономике ряд положительных эффектов, как количественных (рост инвестиций, объёмов производства и экспорта, налоговых поступлений, числа рабочих мест), так и качественных (приток технологий и специалистов; импортозамещение, вклад в возрождение обрабатывающей промышленности; диверсификацию производства и экспорта; подготовка местных специалистов, развитие местного производства комплектующих; повышение конкурентоспособности производимой в России продукции и имиджа российских территорий и участвующих компаний). Результаты позволяют продвигаться в сторону формирования комплексного видения оценки влияния институционального фактора на внешнеэкономическую деятельность территорий.

Ключевые слова: локализация зарубежного производства, мотивы локализации, экспорт-ориентированная локализация, позитивные эффекты локализации, наращивание производства и экспорта, технологии и бренды, институциональное обеспечение локализации, импортозамещение.

Введение

В условиях глобальных вызовов мировой экономики, к которым относятся замедление темпов её роста, понижение цен на нефть, изменение валютных курсов, международная торгово-технологическая конкуренция, протекционистских ограничений (санкции, дополнительные тарифные ограничения) страны-экспортёры товаров на российский рынок сталкиваются со снижением объёма поставок (так, отношение объёма импорта 2014–2017 гг. из Германии, Нидерландов, Италии, США, Республики Корея, Японии, Франции и Великобритании, вместе взятых, к объёму 2009–2013 гг. составило¹ 3/4). В условиях

заинтересованности зарубежных партнёров в присутствии на российском рынке, а также благодаря реализуемой в стране политике импортозамещения на смену импортным поставкам приходит локализация зарубежного производства на российской территории, т.е. торговый экспорт в Россию преобразуется в производственные инвестиции в РФ. Хотя экспорт РФ в 2017–2018 гг. повысился в 1,6 раза (превысив значение 2015 г. и обеспечив максимальный уровень сальдо, наблюдавшийся ранее), высокотехнологичная его компонента остаётся низкой — 6,5% общего объёма экспорта, хотя экспорт машин и оборудования в 2017 г. вырос на 16%². В условиях стимулирования несырьевого экспорта в российской экономике локализованное про-

¹ Рассчитано по: Таможенная статистика внешней торговли // ФТС России [Сайт]. URL: <http://stat.customs.ru/apex/?p=201:7:2316567836921543::NO> (обращение: 21.02.2019).

² Составлено по: там же.

изводство в ряде случаев становится экспортным. Так, в российской Стратегии развития экспорта продукции, например, автомобильной промышленности, до 2025 г. учитывается, среди прочего, перспективность производства моделей автомобилей, рассчитанных на международный рынок (в рамках локализованных в России зарубежных производств). Цель статьи: обоснование сущности стратегии локализации зарубежного производства для различных этапов геоэкономического развития и возникающих при этом эффектов для национальной экономики. Достижение данной цели предполагает задачи:

- развитие теории локализации применительно к мотивам принимающих и инвестирующих стран в локализации зарубежных производств;
- разработка модели потенциальных эффектов от локализации для принимающей экономики;
- частичная оценка этих эффектов на примерах из российской экономики.

Решение данных задач предусматривает методику исследования, предполагающую: анализ теоретической и аналитической литературы по локализации; анализ опыта локализации стран, развивающихся и развитых; обобщение опыта локализации, в том числе опыта использования институциональной базы стимулирования экспортоориентированной локализации, на основе анализа мнений и освещаемой практики её участников; анализ выраженности локализации и систематизацию её эффектов для принимающей экономики на базе анализа деятельности крупнейших представительств работающих в России иностранных компаний (отбираются из рейтинга «Эксперта») и иных иностранных компаний (отбираются из перечня специнвестконтрактов) на основе контент-анализа прессы; статистический анализ относительных масштабов и некоторых эффектов экспортоориентированной локализации.

Научная новизна и значимость проведённой работы заключается в развитии теоретических положений в отношении мотивов использования стратегии локализации зарубежных производств принимающими экономиками различного уровня в условиях глобальных вызовов, а также в разработке модели потенциальных эф-

фектов, получаемых страной в процессе локализации, и в выборочной оценке этих эффектов на примере российской экономики.

Теоретические основы локализации зарубежного производства

Под локализацией понимается размещение в стране зарубежного производства (под руководством головной зарубежной компании), с использованием сырья, материалов и/или комплектующих и труда специалистов страны размещения. Процесс локализации предполагает ряд стадий: присутствие приходящего контрагента только в качестве экспортёра, минимальный перенос производства и функций, перевод ключевых функций (Подхалузина В.А. [1, с. 64–65]). Кондратьевым В.Б. отмечается, что локализация производства может иметь следующие цели, относящиеся к развитию национальной экономики: создание рабочих мест и стимулирование бизнеса, формирование высокотехнологичных отраслей, обеспечение долгосрочного роста [2, с. 67].

Представляется, что можно выделить мотивы принимающих экономик (с учётом уровня и первоочередных потребностей их развития) в контексте тенденций (в том числе вызовов) мирохозяйственного развития.

Анализ показывает, что в условиях усилившегося международного разделения труда со второй половины XX в., приходящему контрагенту были интересны доступ к источникам сырья и низкая стоимость труда. Для развивающихся стран было актуально за счёт инвестиций активизировать своё хозяйственное развитие и поднять его технологический уровень, свою конкурентоспособность (табл. 1). У японских фирм доля вынесенного (в развивающиеся и другие страны) производства повысилась в 1985–2015 гг. с менее чем 1/20 до 1/4 (Томиура Е. [3, с. 21]). Число автомобилей, произведённых в зарубежных филиалах немецких компаний, превышало показатель производства в Германии с 2010 г., и в 2015 г. соотношение составляло 9,5 к 5,7 млн. ед. (Зарицкий Б.Е. [4, с. 89–91]). Наиболее яркий пример принимающей страны – Китай. К примеру, первые высокоскоростные поезда он приобретал у Германии, затем они с немецким участием производились в Китае, и затем он стал производить и экспортировать свои.

Иной случай представляет опыт развитых стран, например США. В результате интернационализации производства, к моменту начала сегодняшней рецессии мировой экономики они утратили часть своей промышленной базы, что сказалось на их социально-экономическом самочувствии, и актуален стал рещоринг. В целом в 2008–2009 гг. странами мира, как развивающимися, так и развитыми, было реализовано более сотни проектов в рамках курса на локализацию, причём США оказались на 2-м месте [2, с. 67].

Особый тип локализации характеризует российскую ситуацию, когда глобальные вызовы в развитии мирохозяйственных связей, во многом индуцируемые глобальной рецессией, приводят к активизации международной конкуренции и протекционистских настроений (санкции, дополнительные торговые пошлины). Их воздействие на национальные экономики выразилось в повышении импортозависимости и ограничении внешнеэкономических связей с развитыми странами, что вызвало потребность (например, у России) в импортозамещении и формировании предпосылок для оптимального встраивания в международное разделение труда, в том числе за счёт локализации. Выделенные этапы мирохозяйственного развития и присущие им мотивы локализации представлены в *табл. 1*.

При этом важным моментом выступает экспортная направленность прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Распространена ситуация, когда в экспорте определённая доля принад-

лежит импортным комплектующим, особенно в небольших экономиках и высоко интегрированных в мировую экономику отраслях (например, электроника) (Лукьянов С.А., Драпкин И.М. [5, с. 17]). Причём в зарубежной литературе встречается даже понятие экспортноориентированных ПИИ (Нгьюен-Хуу Т.Т., Нгьюен-Хас М.). Если при (обычных) вертикальных ПИИ – ТНК производят промежуточные товары, чтобы экспортировать их назад в страну-инвестор или другие страны для сборки конечных продуктов, при экспортноориентированных ПИИ – ТНК производят готовые товары, чтобы обслуживать конечных потребителей в третьих странах. Например, представительство «Samsung» во Вьетнаме выступает крупнейшим экспортёром страны (18% экспорта); производство «Intel» во Вьетнаме обеспечивает до 4/5 мирового объёма полупроводниковых чипов [6, с. 2-23]. В структуре продаж зарубежных ПИИ-филиалов японских ТНК экспорт в третьи страны (исключая страну локализации) составляет 36,1% (для сравнения: экспорт в Японию – 9,4%) [3, с. 24]. Отмечается, что развивающиеся страны часто сами позиционируют себя в качестве «экспортных платформ» (Гхаури П.Н. [7, с. 29]). Так, как подчёркивается Хаган А.Дж. и Роджерсом Дж.К., в азиатских экономиках в XX в., в период активной индустриализации, была выбрана модель, основанная на продвижении экспорта. Первичным критерием выбора иностранных инвестиций выступала их возможность организовать экспорт [8]. Приводится пример Норвегии, Бразилии и Казахстана,

Таблица 1. Мотивы локализации зарубежного производств

Период	Этап мирохозяйственного развития	Принимающие страны	Мотив
Со 2-й половины XX в.	Интенсивная производственно-инвестиционная интернационализация	Развивающиеся	Потребность в инвестициях и технологиях для принимающих стран; доступ к источникам сырья и низкой стоимости труда для стран-инвесторов
С 2008 г.	«Великая рецессия» («новая нормальность»)	Развитые	Возврат выведенных за границу производств в связи с потребностью приближения процесса производства к месту потребления, в т.ч. ввиду снижения издержек на оплату труда за счёт автоматизации
С середины 2010-х годов	Развитие передовых производственных технологий и рост протекционистских настроений	Попавшие под воздействие санкций и протекционистских ограничений (в частности, Россия)	Импортозамещение, в том числе экспортноориентированное для принимающих стран; сохранение позиций на освоенных рынках для стран-инвесторов
Источник: составлено авторами.			

их курс требований к локализации нацелен на создание отечественных технологических лидеров - потенциальной базы для дальнейшего развития рынка, ведущего, в том числе, к экспорту. Нередко цель требований к локализации – «поймать» некоторые обучающие и инновационные процессы, чтобы облегчить развитие новых продуктов (в т.ч. с экспортным потенциалом) (Калюжнова Й., Нигаард К.А. и др. [9, с. 53]). В литературе на основе эконометрического анализа делается вывод о благоприятной связи присутствия компаний с иностранными инвестициями с издержками выхода местных предприятий на международные рынки (Кадочников С.М., Федюнина А.А. [10, с. 115]).

Вместе с тем для принимающей экономики локализация, как отмечается исследователями, имеет и ряд недостатков:

- сильный эффект конкуренции ((Гхаури П.Н. [7, с. 23]); так, в исследовании Нгьюен-Хуу Т.Т. и Нгьюен-Хас М. отмечается, что этим характеризовалось присутствие в 2000–2012 гг. иностранных экспортоориентированных фирм во Вьетнаме [6, с. 23], причём этот эффект даже превышал эффект прямого спроса на местные ресурсы);

- повышение цен;

- в ряде случаев зарубежные производители перемещают в страну-реципиент только низко- и среднетехнологичное производство, тогда как высокотехнологичные звенья остаются в стране-инвесторе (Эттмайр С., Ллойд Х. [11, с. 5]). Так, анализ на примере отношений ЭКОВАС с ЕС показал, что мультинациональное присутствие в регионе ЭКОВАС корреспондирует с повышением экспорта (из ЭКОВАС в ЕС) товаров первичного сектора, понижением экспорта промежуточных товаров и не имеет эффекта для экспорта готовых товаров (Ониеквена С. и др. [12, с. 128]). Кроме того, к трудностям локализации относится также то, что иностранные компании требуют привычного для них уровня менеджмента, развитого сервиса их продукции и его близости к местам эксплуатации (Финашин А.А. [13, с. 188]).

Всё же предполагается уделить внимание позитивным эффектам. Так, на случае пищевой промышленности (2018 г.) отмечается, что стратегии зарубежных ТНК в России характеризуются большой гибкостью, что дало им воз-

можность понизить нежелательное для них воздействие санкций; более направить закупочную политику на развитие локальных производств (Хейфец Б.А., Чернова В.Ю. [14, с. 42]). В целом у обрабатывающих производств иностранной и совместной собственности наблюдается позитивная тенденция роста уровня локализации (Спицын В.В., Рыжкова М.В. [15, с. 53]).

Таким образом, локализация производств из-за рубежа очень распространена. Мотивы к ней есть как у инвестирующих, так и у принимающих стран. Можно обозначить несколько течений процесса локализации, различающихся по мотивам и направлениям. Важным моментом выступает экспортная направленность ПИИ. При этом локализация предоставляет для принимающей экономики как положительные эффекты, так и риски. В совокупности положительные эффекты представляются недостаточно изученными, недостаёт их системного представления.

Локализация в России: институциональная среда

В условиях глобальных вызовов (рецессия мировой экономики, глобальная технологическая и экономическая конкуренция, усиление протекционизма) российская экономика оказалась в непростых условиях: требуется оптимизация участия в международном разделении труда, в частности, снижение импортозависимости, технико-технологического отставания, развитие производства, в том числе диверсифицированного, гарантирование экспорта, повышение занятости и поступлений в бюджет. В этих условиях был выбран курс на импортозамещение и стимулирование несырьевого экспорта.

В плане условий привлечения иностранного производственного потенциала российская экономика привлекательна для развитых стран (ниже издержки), хотя и может уступать сопредельным экономикам: например, Китая, где низкая стоимость рабочей силы; Казахстана, где НДС ниже; Белоруссии, которая географически ближе к европейскому рынку. Но всё же стимулирующим для иностранных компаний выступает стремление, в условиях снижения российского импорта из развитых стран, сохранить позиции на большом и освоенном российском рынке.

Таблица 2. Распределение специнвестконтрактов с участием локализуемого иностранного производства по отраслям

Производство машин: – комбайны, трактора – станки металлорежущие	Производство транспортных средств: – автомобили (2) – автомобили грузовые (2) – автомобили легковые (2)
Производство оборудования: – насосное оборудование – комплектующие для авиастроения – комплектующие для ветроэнергетики (2)	Фармацевтическая промышленность: – препараты для лечения сердечно-сосудистых, онкологических и других заболеваний – инновационный инсулин
Составлено по: Перечень специнвестконтрактов // Минпромторг России [сайт]. 17.11.2018. URL: http://minpromtorg.gov.ru/ (обращ.: 29.1.2019); сайты компаний; пресс-релизы в СМИ.	

Одним из государственных инструментов стимулирования локализации для крупных проектов выступает специальный инвестиционный контракт (СПИК, № 488-ФЗ от 31.12.2014 г. «О промышленной политике в РФ»), предусматривающий, что инвестор, вкладывающий в организацию производства достаточный объём инвестиций, поддерживает его определённый период, получая взамен льготы (преференции) и гарантию стабильности. В настоящее время в России заключено уже почти полтора десятка СПИКов с компаниями с иностранным участием (табл. 2). Концептуально СПИК относят к инструментам стимулирования экспортной деятельности [16, с. 75].

СПИКи заключены компаниями стран Группы семи (Германия, Япония, Великобритания, Франция, США) и других развитых европейских стран (Дания, Испания), а также Республики Корея.

Естественно, требования к локализации создают ограничивающие условия для присутствия зарубежных компаний на российском рынке. По мнению зарубежных компаний, нелегко найти поставщиков нужных качественных комплектующих в требуемом количестве, в том числе с учётом того, что у зарубежных производителей предусмотрены свои специфические модели комплектующих. Так, компания «Schaeffler», ведущий мировой поставщик систем для промышленности и автомобильной техники, в 2017 г. рассмотрела возможность сотрудничества с 700 местными (российскими) поставщиками, но только их небольшая часть смогла соблюсти требования для завода компании в Ульяновске³. Также предприятия дале-

ко не всегда могут изыскать средства для инвестиций в таких объёмах, которые необходимы для СПИК. При этом было принято решение оптимизировать инструмент СПИК: с одной стороны, усилить критерии отбора (увеличить срок действия и требуемый минимум инвестиций), с другой стороны, нарастить льготы⁴. Однако эти требования выполняют функцию защиты отечественного производителя от излишней конкуренции. Естественно, вклад в импортозамещение дают и менее масштабные формы локализации (так, Волков А.М. приводит ряд примеров со стороны Скандинавских стран [17]).

С точки зрения представителей российских «инженерных» представительств немецких компаний в Свердловской области (прозвучавшей на конференции 2018 г. по российско-немецкому экономическому сотрудничеству) потенциал развития российско-немецкого производственного сотрудничества заключается в презентации инвестиционных потребностей и преимуществ российских территорий и в конструктивной презентации возможностей немецкого бизнеса в смысле снабжения капиталом, актуальными технологиями заинтересованных российских компаний и обучения их сотрудников. В литературе отмечается, что для иностранных компаний одним из стимулов участия в локализации производства в России могут быть чётко обозначенные критерии локализации (Бельченко М.А., Гарсия Л.В. [18, с. 30]).

³ Российская газ. 23.5.2018 (Спецвып. № 110).

⁴ Ведомости [Сайт]. 19.12.17. URL: <https://www.vedomosti.ru/auto/articles/2018/02/15/751031-bmw-zavoda-rossii> (обращ.: 10.10.18).

Как показал обзор и анализ случаев экспортнонаправленной локализации зарубежных производств, производимая ими в России продукция чаще направляется в страны ближнего зарубежья, в первую очередь в страны-партнёры по Таможенному союзу, что говорит о положительном влиянии снятия (снижения) торговых барьеров и гармонизации инфраструктуры и таможенного и экономического регулирования в рамках ЕАЭС. Как отмечается представителями российских подразделений иностранных компаний, это позволяет оптимизировать бизнес- и товарные потоки⁵.

Места локализации зарубежных производств ориентированы нередко на наличие площадок с готовой инфраструктурой для размещения производств. Так, производство «Mercedes-Benz» создаётся в индустриальном парке Есипово (Московская область) [19, с. 87], немецкая компания «WIKА» открыла в 2017 г. производство метрологического оборудования в индустриальном парке «Индиго» (minpromtorg.gov.ru. 27.09.17), «BMW» планирует осуществлять локализацию производства в индустриальном парке с использованием льгот ОЭЗ в Калининградской области (Рос. газ. 15.02.18). 12 индустриальных парков и одна ОЭЗ созданы в Калужской области, что вместе с созданием агентств и фондов для привлечения иностранных и российских инвесторов явилось важным фактором привлечения зарубежных компаний, содействовало адаптации кластерной модели (сложился кластер автомобилестроения, кластер фармацевтики и биотехнологий) (Гутник А.В., Трофимова О.Е. [20, с. 82–85]). В Свердловской области, где активно представлено производственное сотрудничество с немецкими компаниями, в химическом парке «Тагил» в 2016 г. состоялась локализация совместного производства противопожарных покрытий для литейной промышленности «Уралхимпласта» и «Huettenes-Albertus Chemische Werke GmbH» (mvs.midrual.ru. 20.07.2017). Выбор специальной поддерживающей инфраструктуры свидетельствует об эффективности оказываемого ею

стимулирования. Географически экспортноориентированные локализованные зарубежные производства охватывают целый ряд российских регионов, что свидетельствует об определённом распределении производственной привлекательности среди российских территорий.

Оценка вклада локализации в развитие российской производственной и экспортной базы

Актуально рассмотреть, какие эффекты приносит локализация зарубежного производства, в том числе для российского экспорта, т.е. является ли эта локализация зарубежного производства в России в какой-то степени экспортноориентированной. На *рисунке* представлена модель возможных эффектов, возникающих в ходе реакции на глобальные вызовы в части стимулирования локализации. Для анализа был взят рейтинг крупнейших по объёму реализованной продукции российских компаний АЦ «Эксперт» за 2017 г., учитывающий и представительства иностранных компаний. Так как предмет исследования – экспортноориентированная локализация, то из этого рейтинга были выбраны:

- иностранные компании, у которых есть представительства в России;
- есть не только сбытовые, но и производственные представительства;
- осуществляющие или планирующие осуществлять экспорт из России произведённой в России продукции.

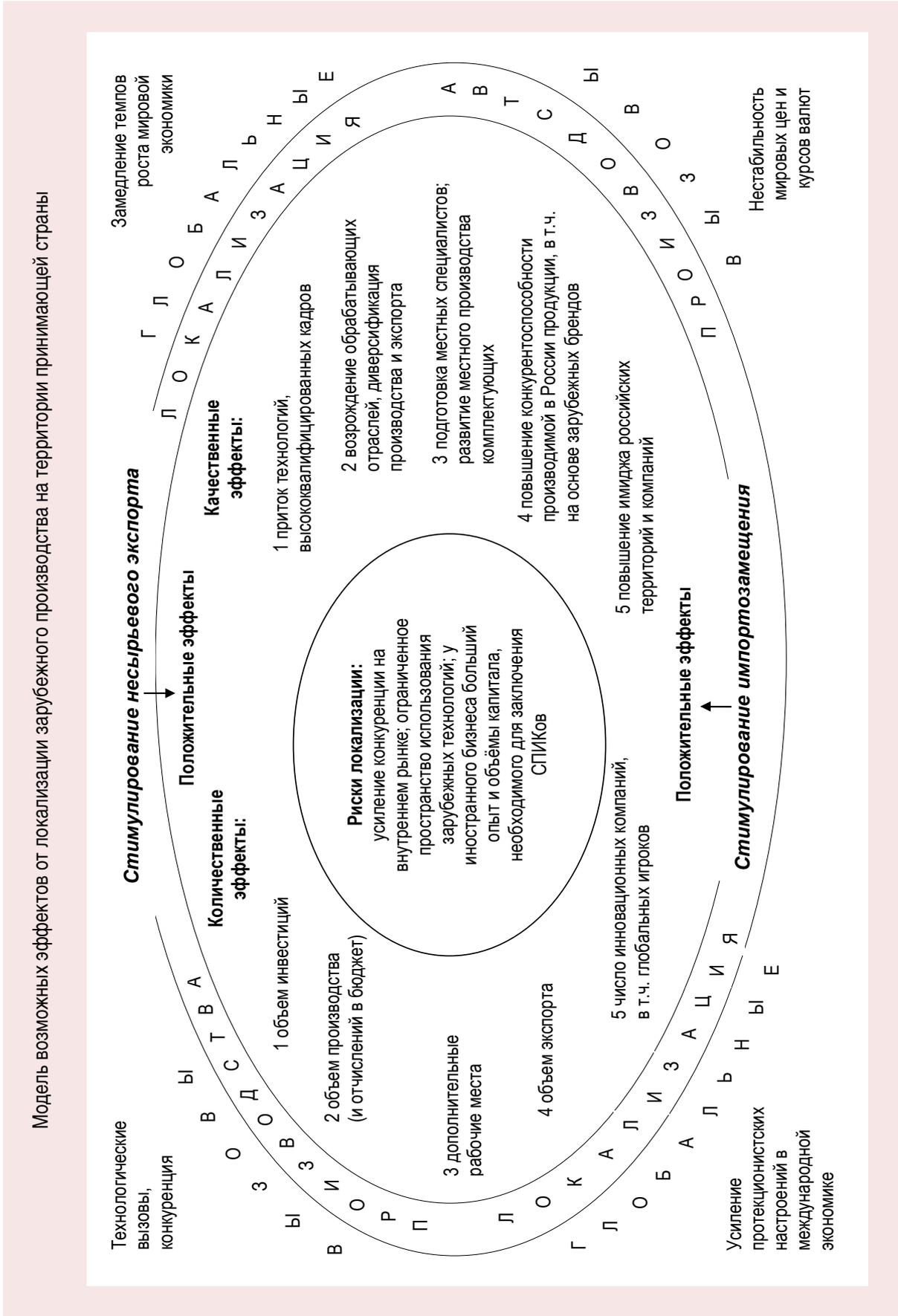
Рассмотрим выделенные на рисунке эффекты подробнее.

Количественные эффекты:

1. Вложение (рост объёма) инвестиций в обрабатывающую промышленность, т.к. локализация производства чаще всего относится к ней. Так, совокупные капиталовложения по СПИКа, заключённым с зарубежными компаниями, представленным на сайте Минпромторга (minpromtorg.gov.ru) (все СПИКи из табл. 2, не включая два по производству легковых автомобилей, по которым нет данных), составляют 3,9% от совокупных инвестиций в основной капитал в обрабатывающие производства в России в целом⁶.

⁵ Рейтер Т. Быстро, выгодно, надёжно (интерв. с компаниями «Эмерсон», «Данфосс» и др.) // Промышленно-строительное обозрение. 2015. № 165. (по: <http://stroyruls.ru/pso/2015/165-iyul-2015/96357/> (обращ.: 25.3.2019)).

⁶ Рассчитано также по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018 / Росстат. М., 2018. Табл. 11.7.

2. Вкладываемые инвестиции способствуют развитию объёмов производства. Анализ по компаниям показывает, что в рейтинге 400 крупнейших в России по объёму реализованной продукции компаний («Эксперт-400») ⁷ представлено около полусотни (58) представительств иностранных компаний. Из этих компаний около трёх десятков (32 компании, по которым имеется информация в прессе о наличии производственных представительств в России и об их экспорте информация об экспорте из России компаний рейтинга бралась из Интернет-пресс-релизов: из газет, сайтов компаний и органов власти, информационных агентств) осуществляли или рассматривали вариант осуществления локализации, предполагающей также и экспорт, или 8,3% от общего числа. Расчёт по данным «Эксперт-400» показывает, что приведённые в нём представительства этих компаний обеспечивают 4,4% общего объёма реализации продукции всех компаний рейтинга. Соответственно, обеспечиваются и поступления в бюджет.

3. Эти производства создают дополнительные рабочие места. Данные о численности занятых в представительствах этих компаний в рейтинге приведены только для четырёх случаев: в трёх случаях (производственные представительства) — это в среднем 3,4 тыс. чел., в случае ещё одного, торгового, представительства — она значительно (в 2½ раза) выше средней по рейтингу (при этом (согласно сайту компании) 1/2 объёма её продукции, реализуемой в России, производится в России).

4. Таким образом, условия, в которых зарубежным компаниям выгоднее перемещать производство в Россию, чем ввозить в неё товар, стимулируют и экспорт из России: более половины иностранных компаний, представительств которых вошли в рейтинг, имея (или организуя) в России производство, созданное с участием зарубежных технологий, осуществляли из России экспорт или задумывались о нём. Некоторые из этих компаний (7) входят в топ-200 крупнейших экспортёров России ⁸.

⁷ Эксперт-400. Рейтинг крупнейших компаний России по итогам 2017 г. // АЦ «Эксперт» [Сайт]. 29.10.2018. URL: <http://www.acexpert.ru/table/2018/ekspert-400/?table=27880> (обращ.: 1.2.2019).

⁸ Рейтинг крупнейших экспортёров России 2017 г. // АЦ «Эксперт» [Сайт]. <http://expert.ru/dossier/story/rating200/> (обращ.: 25.03.19).

Как показывает обзор прессы, часть из компаний, представленных в «Эксперт-400», ещё только планируют экспорт из России или начали экспортировать в последние годы: например, «KIA», «Samsung» (стиральные машины), «Hyundai» (СПИК), «Sanofi» (СПИК), «Sony Electronics» (krasnews.com. 10.02.2015; сайты компаний; vestifinance.ru. 25.12.2018; Рос. газета. Спецвып. №110. 23.05.2018.; Коммерсантъ. 29.08.2016). У части компаний экспорт уже налажен: например, «Nokian Tyres», «Procter & Gamble», «Volkswagen», «Toyota» (Ведомости. 19.10.2017; ТАСС. 01.06.2017; Рос. газета. 20.7.2018; Ведомости. 19.10.2017). У части компаний есть планы по наращиванию экспорта. Так, «КАМАЗ» планировал (в 2017 г.) за 5 лет утроить экспорт, в т.ч. предполагалось, что 1/2 поставок составят грузовики с кабинами и узлами «Mercedes-Benz» (Ведомости. 17.07.2017); и т.д. (см. вставку).

СПИКи, иностранные компании, контрагенты которых не входят в топ-400, также в большинстве своём предусматривают возможность осуществлять экспортные поставки (например, с «Мазда-Соллерс», «ВИЛО РУС», «Хамилтон-Наука», «Исузу Соллерс», по строительству Ульяновского станкостроительного завода, по производству комплектующих для ветроэнергетики (с «Vestas») и др.) или уже осуществляют (с «Claas») (ТАСС. 03.09.2016; Коммерсантъ. 19.07.2018 (№126); ulgov.ru. 30.09.2016; Коммерсантъ (Самара). 20.02.2018. (№31); minpromtorg.gov.ru. 13.10.2017; сайты компаний) (см. вставку).

Надо отметить, что планируемая корректировка инструмента СПИК, версия «СПИК 2.0», помимо повышения нижнего порога инвестиций и предоставления субсидий, гарантий и льгот и повышения срока действия контрактов, а также расширения перечня отраслей, отличается от предыдущей версии как раз тем, что предоставляет инвесторам преференции при отправлении ими части продукции (не менее 15%) на экспорт (Expert Online. 22.6.2018). Это соответствует Указу Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 г.» от 07.05.2018 г. № 204, в котором поставлена задача создания высокопроизводительного экспортноориентированного сектора, прежде всего в обрабатывающей промышленности и АПК. Как отме-

Примеры иллюстрации полученных и возможных позитивных эффектов от локализации (объёмы производства, инновационность, экспорт, рабочие места)

«Дайлмер» (в т.ч. «Mercedes-Benz») (СПИК): для создаваемого производства полного цикла в Московской области предполагалась планируемая мощность 20 тыс. машин (и около тысячи рабочих мест), для совместного с «КаМАЗ» производства кабин (самого современного поколения) – до 55 тыс. кабин (часть предполагается использовать в машинах на экспорт);

«Hyundai»: завод в Санкт-Петербурге имеет более 2 тыс. рабочих мест и мощность 200 тыс. машин (СПИК предполагает экспорт 1/10);

«АвтоВАЗ» (с участием «Renault»): в 2016 г. отгружено за рубеж 17,3 тыс. автомобилей и машинокомплектов;

«Исузу Соллерс» (СПИК): планируется производство мощностью 47,5 тыс. машин. Новый среднетоннажный грузовой автомобиль, по предположению экспертов, будет в том числе экспортироваться;

«Toyota» (филиал в России): проектная производственная мощность к 2016 г. была увеличена до 100 тыс. автомобилей. Экспорт в Казахстан осуществляется с 2012 г. За 8 месяцев 2017 г. поставки в Казахстан и Белоруссию увеличились на 70%;

«Nokian Tyres» (филиал в России): 2/3 продукции экспортируется;

СПИКи по организации производства станков (с «DMG MORI») и ветроэнергетических установок (с «Vestas») предполагают экспорт определённой доли продукции;

«Claas» (комбайны и трактора, СПИК): большая часть комплектующих поставляется в Германию, а некоторые комбайны – в СНГ;

«Procter & Gamble» (филиал в России): около ¼ продукции завода в Тульской области экспортируется;

«Samsung Electronics» (филиал в России) в 2016 г. начал экспорт стиральных машин в Европу (в 20 стран);

В целом, по экспорту стиральных машин Россия заняла 8-е место в 2015 г.;

В экспорте сигарет локализованные производства в 1-м полугодии 2015 г. имели ¾.

Источник: Интернет-пресс-релизы из газет, сайтов представленных компаний и органов власти, информационных агентств (REGNUM. 20.06.2017; Vestifinance.ru. 25.12.2018; Ведомости. 15.08.2017, 19.10.2017, 26.08.2015; Коммерсантъ. 24.05.2018, 19.07.2018 (№126); Коммерсантъ (Самара). 20.02.2018 (№31), 29.05.2018 (№91); ulgov.ru. 30.9.2016; ТАСС. 1.6.2017; Рос. газ. 24.11.2016).

чает заместитель министра промышленности и торговли В.С. Осмаков, экспорт в настоящее время служит ключевым критерием конкурентоспособности проектов (Коммерсантъ. № 237. 20.12.2017. С. 9). Если взять долю в 15% за гипотетический ориентир для оценки возможного экспорта компаний из рейтинга-400, потенциально имеющих отношение к экспортоориентированной локализации, то совокупный их экспорт с учётом приведённого в рейтинге объёма производства, по нашим расчетам, мог бы составить 2,4% общероссийского экспорта. Причем это продукция обрабатывающей промышленности.

Качественные эффекты:

1. Зарубежные компании, осуществляющие локализацию производства в России, обеспечивают приток технологий и высококвалифицированных специалистов как носителей навыков обращения с ними. Так, это относится

к случаям СПИК, которые предполагают освоение производства продукции, не имеющей аналогов в России, например фармацевтической («Санофи-Авентис»: первое производство инсулинов полного цикла), ветроэнергетической («Vestas» и «ВИНДАР-РУС») (minpromtorg.gov.ru. 17.11.2018).

2. Случаи локализации, способствуя импортозамещению, осуществляют вклад в возрождение российских обрабатывающих отраслей и, таким образом, в улучшение отраслевой структуры производства и экспорта (диверсификация и повышение степени обработки). Почти все осуществляющие локализацию зарубежные компании, экспортирующие или рассматривающие экспорт, из рейтинга «Эксперт-400» и «Эксперт-200 (экспорт)», относятся к обрабатывающей промышленности, в 5 случаях доля несырьевого экспорта составляет почти 100%. Среди отраслей

Таблица 3. Импорт товаров (выборочно), по которым имеются локализованные производства, базисная динамика (к 2013 г., по стоимости), число раз

Товарные группы	2014	2015	2016	2017
Приёмники телевизионные	0,83	0,41	0,35	0,48
Автомобили легковые	0,77	0,38	0,36	0,39
Насосы и компрессоры	0,84	0,55	0,32	0,44
Ж.-д. подвижной состав	0,57	0,14	0,13	0,20

Рассчитано по: Рос. стат. ежегодник / Росстат. 2018. Табл. 25.19; 2016. Табл. 26.22.

Таблица 4. Рост производств (выборочно), по которым существует локализация, после спада 2014–2015 гг., базисная динамика (к 2013 г., по стоимости), число раз*

Товарные группы	2014	2015	2016	2017
Тракторы	0,88	0,72	0,83	0,96
Автомобили легковые	0,88	0,63	0,58	0,70
Автомобили грузовые	0,74	0,62	0,67	0,79
Комбайны зерноуборочные	0,95	0,76	1,05	1,31
Стиральные машины	1,00	0,90	1,03	1,15

* Справочно: по стиральным машинам показатель также значение 2012 г.: 0,87. Источник: рассчитано по: Рос. стат. ежегодник / Росстат. 2018. Табл. 16.36-38; 2016. Табл. 14.47-49.

— автомобилестроение («KIA», «Hyundai», «Renault», «Nissan», «BMW», «Volvo», «Toyota», «Volkswagen», «Mercedes-Benz»), производство техники и оборудования, включая электронику («Siemens», «LG Electronics», «Samsung Electronics», «Sony Electronics»), табачная промышленность, бытовая химия («Procter & Gamble», «Henkel»), фармацевтика («Sanofi»), производство автошин («Nokian Tyres»), косметика и парфюмерия («L’Oreal» и «Л’Этуаль»); пищевая промышленность («Nestle», «Danon»), семеноводство («Syngenta»), производство упаковки («Tetra Pak»), товаров для дома («IKEA», «Leroy Merlin»). Многие из этих компаний используют передовые (инновационные) технологии.

СПИКи с зарубежными компаниями (табл. 2), которые заключались с 2016 г., вносят вклад в создание и/или модернизацию производств, которые призваны решать задачи импортозамещения по причине снижения их объемов: так, в 2015 г. производство тракторов уступало в 1½ раза уровню 2005 г., производство металлорежущих станков — в 1,9 раза уровню 2002 года⁹ и т.д. По ряду товаров, по которым было создано локализованное производство, импорт с 2015 г.

⁹ Рос. стат. ежегодник. 2010–2018. М.: Росстат, 2010–2018. Гл. «Добыча полезных ископаемых и обрабатывающие производства...».

снизился (табл. 3). В то же время по ряду товаров, по которым было создано локализованное производство, производство растёт, восстанавливаясь после спада 2014–2015 гг. (табл. 4).

3. Положительное влияние локализации состоит и в том, что с учетом требования к локализации зарубежные предприятия заинтересованы в образовании и развитии российских производств комплектующих и в подготовке местных технических, инженерных специалистов. Например, запущены пилотные проекты подключения российских малых и средних предприятий (МСП) к цепочкам поставок немецких концернов, в частности «ВИЛО РУС» и «ГЕА Рефрижерейшн РУС» (оборудование для энергетики и нефтегазовой отрасли). Это даёт возможность МСП пользоваться «дивидендами» факторов успеха крупного международного бизнеса [21, с. 908].

4. Участие зарубежных технологий и международно признанных, узнаваемых брендов повышает конкурентоспособность производимой в России с их использованием продукции, облегчает ей выход на мировой рынок. Так, в экспортной успешности «АвтоВАЗа» (Ведомости. 15.8.2017) (см. вставку) определённую роль сыграл «Renault». Обладая мировыми брендами, локализованные иностранные производства нередко имеют немалую долю в российском экспорте по соответствующей позиции,

к примеру по стиральным машинам, сигаретам Рос. газ. 24.11.16; Ведомости. 26.8.2015) (см. вставку).

5. Российские компании, участвующие в цепочках создания стоимости зарубежного локализуемого производства, получающие возможность нанять специалистов, получивших опыт работы на таких производствах, сами повышают свою квалификацию и имидж. Повышается имидж и у региона, принимающего локализованное производство.

Риски. Вместе с тем нельзя не отметить, что существуют как внешние, так и внутренние риски. Так, влияние на локализацию оказывает неблагоприятный внешнеэкономический климат России, связанный с введением зарубежными странами санкций. Это ограничивает возможности привлечения технологий и инвестиций, производственного сотрудничества. Кроме того, пространство использования зарубежных технологий ограничено конкретными локализуемыми производствами и, таким образом, ограничено распространение модернизационного эффекта. Как отмечается в литературе, зарубежные компании в России не спешили с инвестициями в расширение производства, создание сети исследовательских центров и развитие сети компаний – поставщиков комплектующих в автомобильной отрасли. Одной из причин называется низкий объём производства в расчёте на модель. Так, если в Китае и Бразилии это 60 тыс. ед., то в России – 27 тыс. (Подхалюзина В.А. [1, с. 64-65]). Кроме того, часть эффекта от добавленной стоимости идёт зарубежным компаниям. Поэтому, несмотря на значимость локализации, актуальной остаётся реализация отечественного предпринимательского и управленческого потенциала, капитала и технологий.

Также, как было отмечено при анализе теоретических основ локализации, она может усиливать конкуренцию для отечественных производителей [7, с. 23; 6, с. 23], особенно, в случае возможного снижения издержек иностранных компаний, в том числе благодаря удешевлению себестоимости, получению национального статуса для продукции, более высоким стандартам качества и известности бренда, что позволяет зарубежным инвесторам претендовать на определённую долю рынка принимающей страны.

Кроме того, с учётом наличия крупных компаний за рубежом и высокого валютного курса, у иностранного бизнеса больше шансов для заключения СПИКов и получения гарантий и преференций со стороны правительства. Хотя для российского бизнеса также предусмотрены особые условия в технопарках и особых экономических зонах и льготное адресное кредитование, но всё же возвращение крупных компаний-лидеров в высокотехнологичной сфере, в том числе ведущих глобальных игроков, пока остаётся актуальной задачей.

Заключение

Таким образом, стратегия локализации на различных этапах мирохозяйственного развития имеет различную мотивацию. Если под воздействием интенсивной интернационализации (со 2-й половины XX в.) мотивом была потребность принимающих развивающихся стран в инвестициях и технологиях и стремление развитых стран к сырью и низкой стоимости труда, то на этапе современной глобальной рецессии развитые страны стремятся к возврату выведенных производств на фоне новых технологий. В России локализация стала распространяться, с одной стороны, в связи со стремлением ТНК сохранить рынки в условиях экономической рецессии, с другой – благодаря отечественным государственным мерам по импортозамещению (например, СПИК). Развитие локализуемых компаниями экспорта стимулируется мерами принимающей экономики по развитию несырьевого экспорта.

В России СПИК выступает важным инструментом стимулирования и одной из крупнейших по масштабу форм локализации зарубежного производства, предусматривая, что инвестор, дающий обязательства, в том числе по экспорту, получает льготы и гарантию стабильности. Инвесторов также привлекают площадки с готовой инфраструктурой, в частности индустриальные парки и ОЭЗ, где предоставляются льготы. Анализ СПИКов, рейтинга крупнейших российских компаний, учитывающего представительства иностранных компаний, и информации из прессы показал, что в условиях стимулирования импортозамещения и поддержки несырьевого экспорта примеры локализации являются также случаями экспортно-ориентированного импортозамещения.

При этом локализация оказывает ряд положительных эффектов — как количественных: рост инвестиций и налоговых поступлений, объёмов производства и экспорта; создание рабочих мест; так и качественных: приток технологий и специалистов; импортозамещение, вклад в возрождение российской обрабатывающей промышленности; улучшение отраслевой структуры производства и экспорта; подготовка местных специалистов, развитие местного производства комплектующих; повышение конкурентоспособности производимой в России продукции; повышение имиджа российских территорий и участвующих российских компаний.

Вместе с тем, существуют и определенные ограничения получения положительных эффектов и риски, связанные с неблагоприятным внешнеэкономическим климатом, ограниченностью распространения модернизационно-

го эффекта и получения эффекта от добавленной стоимости, а также с конкуренцией для отечественных производителей. Актуальным остаётся вопрос возвращивания национальных российских компаний на основе реализации отечественного предпринимательского и управленческого потенциала, капитала и технологий.

Таким образом, в теоретическом плане вклад состоит в развитии теоретических положений, обосновывающих мотивы использования стратегии локализации зарубежных производств принимающими экономиками на различных этапах мирохозяйственного развития с середины XX в. по настоящее время, а также в систематизации получаемых страной в процессе локализации эффектов и их оценке на примере России. В практическом плане результаты могут применяться при оценке эффектов локализации на различных уровнях: федеральном, региональном, отдельных проектов.

Литература

1. Подхалузина В.А. О мероприятиях по увеличению притока инвестиций в российскую автомобильную промышленность // Вестник Московского автомобильно-дорожного гос. технич. ун-та. 2015. № 1 (40). С. 63–67.
2. Кондратьев В.Б. Политика локализации производства как инструмент модернизации // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 1. С. 67–77. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-1-67-77
3. Tomiura E. *Cross-Border Outsourcing and Boundaries of Japanese Firms*. Singapore: Springer, 2018. 251 p. Available at: <https://doi.org/10.1007/978-981-13-0035-6>
4. Зарицкий Б.Е. Немецкий автопром в эпоху глобализации // Мир новой экономики. 2016. № 2. С. 88–94.
5. Лукьянов С.А., Драпкин И.М. Глобальные цепочки создания стоимости: эффекты для интегрирующейся экономики // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 4. С. 16–25. DOI:10.20542/0131-2227-2017-61-4-16-25
6. Nguyen-Huu T.T., Nguyen-Khac M. Impacts of export-platform FDI on the production of upstream industries – Do third country size, trade agreements and local content requirement matter? Evidence from the Vietnamese supporting industries. *Economics*, 2017, vol. 11, no. 22, pp. 1–31. Available at: <http://dx.doi.org/10.5018/economics-ejournal.ja.2017-22>.
7. Ghauri P.N. Multinational enterprises and sustainable development in emerging markets. In: Bergé J.-S. et al. (Eds.). *Global Phenomena and Social Sciences*. Springer, Cham, 2018. 147 p. Pp. 21–36. DOI: 10.1007/978-3-319-60180-9_2
8. Hagan A.J., Rogers J.C. Trade models and the multinational corporation: a comparison of Asian and Latin American Experience. In: Hawes J.M., Glisan G.B. (Eds.). *Proceedings of the 1987 Academy of Marketing Science (AMS) Annual Conference*. Springer, Cham, 2015. 534 p. Pp. 509. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-17052-7>
9. Kalyuzhnova Y., Nygaard C.A., Omarov Y., Saparbayev A. *Local Content Policies in Resource-rich Countries*. London: Palgrave Macmillan, 2016. 235 p. DOI: 10.1057/978-1-137-44786-9
10. Кадочников С.М., Федюнина А.А. Влияние компаний с иностранными инвестициями на экспортную активность российских фирм: размер имеет значение // Вопросы экономики. 2017. № 12. С. 96–119.
11. Ettmayr C., Lloyd H. Local content requirements and the impact on the South African renewable energy sector: A survey-based analysis. *South African Journal of Economic and Management Sciences*, 2017, no. 20 (1). Available at: <https://doi.org/10.4102/sajems.v20i1.1538>

12. Onyekwena C., Ademuyiwa I., Uneze E. Trade and foreign direct investment nexus in West Africa: does export category matter? In: Seck D. (Ed.). *Investment and Competitiveness in Africa (Book Series: Advances in African Economic, Social and Political Development)*. Springer, Cham. (Switzerland), 2017. 213 p. Pp. 109–133. DOI: 10.1007/978-3-319-44787-2_6
13. Финашин А.А. Локализация немецких компаний в России // ЭКО. 2016. № 3. С. 184–189.
14. Хейфец Б.А., Чернова В.Ю. Глобальные ТНК в России в условиях импортозамещения // Россия вчера, сегодня, завтра. 2018. № 4 (101). С. 30–45. DOI: 10.31249/rsm/2018.04.03
15. Спицын В.В., Рыжкова М.В. Локализация производства на предприятиях обрабатывающей промышленности России в разрезе форм собственности // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2017. № 40. С. 53–55.
16. Актуальные вопросы разработки экспортной стратегии региона : моногр. / под общ. ред. Ф.Н. Завьялова. Ярославль : Ярослав. гос. ун-т, 2018. 268 с.
17. Волков А.М. Иностраннные инвестиции в экономику Санкт-Петербурга и Ленинградской области // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 6. С. 67-76. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-6-67-76
18. Бельченко М.А., Гарсия Л.В. Российская экономика в условиях санкций: векторы давления и уровень независимости // Ученые записки Санкт-Петерб. филиала Российской таможенной академии. 2018. № 3 (67). С. 27–32.
19. Германия. 2017 : [моногр.] / [В.Б. Белов и др ; отв. ред. В.Б. Белов]. М. : Ин-т Европы РАН, 2018. 140 с.
20. Гутник А.В., Трофимова О.Е. Европейские инвестиции в Калужской области: особенности в условиях санкций // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 9. С. 81–87. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-9-81-87
21. Andreeva E.L., Simon H., Karkh D.A., Glukhikh P.L. Innovative entrepreneurship: a source of economic growth in the region. *Economy of Region (Russia)*, 2016, vol. 12, no. 3, pp. 899–910. DOI: 10.17059/2016-3-24

Сведения об авторах

Юлия Георгиевна Лаврикова – доктор экономических наук, доцент, директор, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: lavrikova_ug@mail.ru)

Елена Леонидовна Андреева – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры, Уральский государственный экономический университет (620144, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 62), руководитель центра, ведущий научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: elenandr@mail.ru)

Артем Витальевич Ратнер – кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук (620014, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 29; e-mail: aratner@inbox.ru)

Lavrikova Yu.G., Andreeva E.L., Ratner A.V.

Localization of Foreign Production as a Tool to Develop the Export Base of the Russian Federation

Abstract. The relevance of our paper lies in the fact that in the conditions of the “new normality” of the world economy and amid international competition and protectionist measures, developed partner countries of Russia replace imports with localization of production. The main idea and goal of the paper is to substantiate the essence of the strategy of localization of foreign production for various stages of geo-economic development and the implications for the national economy. Its scientific novelty consists in the fact that it develops theoretical provisions that identify motives for the use of the strategy of

foreign production localization by host economies at various stages of geo-economic development; the paper also classifies and assesses possible effects that a country obtains in the process of localization (on the example of Russia). We use the following research methods: analysis of localization experience of different groups of countries; synthesis of the experience of localization of foreign production in Russia in terms of using the institutional framework to promote localization and systematization of localization effects based on the analysis of the opinions of its participants and content analysis of press releases about their activities (companies included in the rating of major companies operating in Russia, and the list of special investment contracts); statistical analysis of the relative scale and some effects of localization; and analysis of the regulatory framework. The analysis has revealed that in the context of global challenges for foreign companies the localization of production in Russia, involving exports, becomes a way to preserve their positions in the Russian market. It provides the Russian economy with a number of positive effects, both quantitative (growth of investments, production and export volumes, tax revenues, and the number of jobs) and qualitative (inflow of technologies and specialists; import substitution, contribution to the revival of manufacturing; diversification of production and exports; training of local specialists, development of local production of components; improving the competitiveness of products produced in Russia and the image of Russian territories and participating companies). The results allow us to move toward the formation of a comprehensive vision in assessing the impact of the institutional factor on the foreign economic activity of territories.

Key words: localization of foreign production, localization motives, export-oriented localization, positive effects of localization, expanding production and export, technologies and brands, institutional support of localization, import substitution.

Information about the Authors

Yuliya G. Lavrikova – Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Director, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: lavrikova_ug@mail.ru)

Elena L. Andreeva – Doctor of Sciences (Economics), Professor, professor at department, Ural State University of Economics (62, Vos'mogo Marta Street, Yekaterinburg, 620144, Russian Federation), Head of the Center, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: elenandr@mail.ru)

Artem V. Ratner – Candidate of Sciences (Economics), Researcher, Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (29, Moskovskaya Street, Yekaterinburg, 620014, Russian Federation; e-mail: aratner@inbox.ru)

Статья поступила 30.05.2019.

Стратегическая типологизация регионов по уровню финансовой самостоятельности

Марина Владиславовна ШАКЛЕИНА

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация, 119991, Ленинские горы, д.1, корп. 61
E-mail: shakleina.mv@gmail.com
ORCID: 0000-0002-1947-8640

Аслан Замирович МИДОВ

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация, 119991, Ленинские горы, д.1, корп. 61
E-mail: aslan-mid@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3094-9693

Аннотация. В условиях высокого уровня дифференциации регионального развития для субнационального и федерального правительств важнейшей задачей становится разработка и реализация стратегии развития субъектов федерации. В связи с этим изучение финансовой самостоятельности регионов, как фактора ресурсной обеспеченности стратегического развития, становится актуальным вопросом. В рамках проводимого исследования была определена цель – построить типологизацию регионов по уровню финансовой самостоятельности и выявить особенности стратегирования для отдельных групп регионов. Для достижения решения сформулированной цели использовались кластерный анализ, метод главных компонент и анализ панельных данных. Для построения устойчивых групп была сформирована авторская система из 18 показателей финансовой самостоятельности регионов, на основе которых проведен кластерный

Для цитирования: Шаклеина М.В., Мидов А.З. Стратегическая типологизация регионов по уровню финансовой самостоятельности // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 3. С. 39–54. DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.3

For citation: Shakleina M.V., Midov A.Z. Strategic classification of regions according to the level of financial self-sufficiency. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 3, pp. 39–54. DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.3

анализ, по результатам удалось выявить три группы регионов: регионы-лидеры, регионы-средняки, регионы-аутсайдеры. Полученную классификацию регионов можно считать устойчивой, так как состав групп практически не менялся со временем. Реализация метода главных компонент на авторском наборе индикаторов финансовой самостоятельности позволяет выделить три обобщающих фактора, которые характеризуют бюджетную обеспеченность регионов; потенциал региональных и муниципальных налогов; налоговую нагрузку на экономику. В результате моделирования с помощью панельной регрессии было проанализировано влияние каждого фактора на финансовую самостоятельность в каждой группе регионов. Полученная типологизация имеет значительные научные перспективы с позиции формирования общей методологии стратегирования для регионов с различным уровнем финансовой самостоятельности. Стратегическая типологизация может применяться органами власти и управления регионов для формирования региональных и отраслевых стратегий развития.

Ключевые слова: регион, стратегия, типологизация, бюджетная обеспеченность, финансовая самостоятельность, региональное развитие.

Введение

Проблема регионального развития в федеративном государстве весьма специфична и многогранна. Каждый регион представляет собой систему с набором уникальных признаков: географическое положение, климатические условия, обеспеченность природными, человеческими и институциональными ресурсами. Исходя из этого вполне естественной является дифференциация регионов по уровню социально-экономического развития и, соответственно, неравномерное распределение факторов экономического роста регионов. Закономерным результатом дифференциации социально-экономического развития регионов является разный уровень их финансовой самостоятельности. В рамках формирования стратегии развития уровень финансовой самостоятельности выступает определяющим показателем ресурсной обеспеченности региона. Данный показатель является детерминантом общего развития территориального образования, следовательно, в соответствии с уровнем бюджетной обеспеченности возможно применять к регионам определенные подходы к разработке стратегии. В связи с вышесказанным изучение уровня финансовой самостоятельности и значимости данного фактора при формировании региональных стратегий развития является актуальным направлением для исследования.

Цель представленного исследования заключается в построении устойчивых групп регионов по уровню финансовой самостоятельности и выявлении особенностей стратегирования в них.

В рамках поставленной цели были сформулированы основные задачи исследования:

- 1) проанализировать подходы к определению финансовой самостоятельности региона;
- 2) сформировать систему статистических показателей для оценки финансовой самостоятельности;
- 3) проанализировать динамику основных индикаторов финансовой самостоятельности по федеральным округам и в целом по России;
- 4) осуществить типологизацию регионов по уровню финансовой самостоятельности и проверить устойчивость полученных групп во времени;
- 5) определить причины сложившегося уровня финансовой самостоятельности посредством метода главных компонент и регрессии на панельных данных.

Новизна исследования заключается в разработке методики по выявлению особенностей стратегирования регионов с различным уровнем финансовой самостоятельности, что позволит обосновывать проводимую фискальную политику регионов Российской Федерации в целях повышения их бюджетной обеспеченности и экономической безопасности.

Для федеративного государства достижение финансовой самостоятельности отдельных субъектов является важной задачей, которая реализуется благодаря грамотной бюджетно-налоговой политике и эффективным межбюджетным отношениям. Теоретические основы повышения эффективности взаимодействия бюджетов разных уровней анализируются в рамках теории бюджетного федерализма,

представляющего вертикальную иерархию государственного сектора, распределения доходов и расходов между разными уровнями власти (федеральный, региональный, муниципальный) и системой межбюджетных трансфертов [1]. В научной литературе достижение финансовой самостоятельности тесно связано с одним из главных принципов бюджетного федерализма – фискальной децентрализацией [2]. В классических теориях бюджетного федерализма выделяется ряд преимуществ децентрализованной системы управления. Такие авторы, как Martinez-Vazquez, McNab [3]; Oates [4]; Thiessen [5]; Musgrave [6], ключевым аргументом в пользу децентрализации выделяют возможность повышения эффективности предоставления общественных благ. Другим преимуществом фискальной децентрализации является увеличение горизонтальной и вертикальной фискальной конкуренции, которая, в свою очередь, может ограничить размер государственного сектора и его хищнических стимулов [7]. Кроме этого, при наличии мощных демократических институтов (прозрачные выборы, верховенство закона и эффективная парламентская система) фискальная децентрализация может способствовать повышению подотчетности региональных органов власти и повышению качества управления [8]. Децентрализация поощряется в качестве важной реформы управления такими организациями, как Всемирный банк [9]. Однако при определенных условиях фискальная децентрализация может иметь негативный эффект [10]. Чрезмерная децентрализация может привести к усилению неравенства социально-экономического развития регионов, в силу того что конкурентные преимущества изначально распределены неравномерно и у изначально сильных регионов накапливаются значительные богатства. Поэтому отсутствие централизованной политики выравнивания может привести к банкротствам бедных регионов [11]. Следовательно, достижение финансовой самостоятельности должно обеспечиваться стратегическим развитием, которое учитывает национальные и региональные ценности, интересы и приоритеты [12] и обеспечивает эффективное взаимоотношение федеральных и субнациональных правительств.

При оценке финансовой самостоятельности региона немаловажную роль играет финансовый потенциал [13]. Рассматриваемый показатель часто используют при оценке инвестиционной привлекательности региона. В частности, подобным методом оценки инвестиционного потенциала пользуется рейтинговое агентство «Эксперт-РА». В методологии оценки инвестиционной привлекательности региона финансовый потенциал характеризует объем налоговой базы, прибыльность предприятий и доходы населения [13]. Анализируя отечественную литературу можно выделить ряд определений категории «финансовый потенциал региона». Так, с точки зрения В.Н. Лексина и А.Н. Швецова финансовый потенциал – совокупный потенциал собственных финансовых ресурсов региона [15]. Данное определение характеризует финансы региона как ресурс для развития, но не раскрывает детально составляющие показателя. По мнению А.Г. Атаева, финансовый потенциал – это «совокупные финансовые возможности, которые преобразуются в финансовые ресурсы»¹. Определение финансового потенциала как ресурсной базы для реализации стратегии развития региона дает Ю.А. Булатова: «Это совокупность накопленных, привлекаемых и образующихся в результате хозяйственной деятельности финансовых ресурсов, поступающих в распоряжение экономических агентов, обуславливающих достижение стратегических целей социально-экономического развития региона» [16].

Методология исследования

Для реализации поставленных целей и задач исследования были использованы различные методы анализа, такие как: кластерный анализ, метод главных компонент (далее – МГК), анализ панельных данных.

Для реализации основной идеи – построение устойчивой группировки – был использован кластерный анализ.

Методы кластерного анализа применяются в исторических, маркетинговых, медицинских, филологических, экономических исследованиях. Популярность методов кластерного анализа в экономических исследованиях связана с

¹ Атаева А.Г. Механизм формирования финансовой самостоятельности муниципальных образований: дис. ... канд. экон. наук : 08.00.10. 2011. 411 с.

усилением процессов дифференциации социально-экономического развития, взаимообусловленности политических и экономических процессов.

Анализ отечественной литературы показал эффективность используемых методов и возможность получения обоснованных результатов [17].

Зарубежные исследователи также активно применяют методы кластерного анализа. В работе А. Repkine [18] определяются кластеры стран Азии на основе комплекса экономических показателей. F. Krontaler на основе кластеризации немецких регионов определил их уровень экономического потенциала [19].

Кластерный анализ — это метод классификационного анализа. Основным назначением данного метода является разбиение множества исследуемых объектов на однородные группы (кластеры). Внутри каждого кластера должны оказаться «схожие» объекты, а объекты других кластеров должны быть как можно более отличными. Достоинство кластерного анализа заключается в том, что он позволяет производить разбиение по ряду признаков, а не по одному.

Устойчивость полученных типологических групп регионов подразумевает их одинаковый состав во времени. В данном исследовании кластеризация регионов проводилась в период с 2008 по 2015 г.

В целях разработки рекомендаций в отношении стратегии развития каждой группы регионов необходимо выяснить причины соответствующего уровня финансовой самостоятельности. Для этого с помощью метода главных компонент исследуемое признаковое пространство факторов финансовой самостоятельности можно сузить до небольшого числа обобщающих факторов.

«Главные компоненты — это новые вспомогательные переменные, значения которых являются линейными комбинациями исходных переменных, и эти значения вычисляются после реализации метода главных компонент»². Интерпретация главных компонент проводится по существующей схеме: определяется направ-

ление воздействия переменных на увеличение значений латентных факторов [20].

Заключительным этапом анализа является построение панельной регрессии на главных компонентах. Панельные данные (далее — ПД) представляют собой двумерные массивы. Одно из измерений — «пространственное», по экономическим единицам ($i=1, \dots, N$), другое — по времени ($t=1, \dots, T$). ПД имеют два индекса (i, t), где индекс i относится к одной и той же экономической единице [21].

ПД имеют важное преимущество по сравнению, например, с отдельным временным рядом или одномоментной выборкой. Оно состоит в том, что «панельные данные позволяют учитывать и анализировать индивидуальные различия между выборочными единицами, в частности позволяют объяснять, почему конкретная выборочная единица ведёт себя по-разному в разные интервалы времени» [22].

С помощью ПД можно получать более эффективные оценки. Это возможно, потому что ПД характеризуются большим количеством наблюдений, что увеличивает число степеней свободы и уменьшает мультиколлинеарность факторов за счёт учёта индивидуальных различий [23, 24].

В результате внутри каждого кластера были найдены значения главных компонент для каждого региона за анализируемый временной промежуток — 2008–2015 гг. и построена панельная регрессия. В качестве зависимой переменной используется показатель «Отношение безвозмездных поступлений к собственным доходам», в полной мере характеризующий уровень финансовой самостоятельности.

Результаты исследования

1. Формирование системы показателей для исследования.

Для формирования устойчивых типологических групп была предложена система показателей. В её основу легли следующие предположения: ключевой возможностью достижения регионом финансовой самостоятельности являются объём составляющих финансового потенциала в регионе и условия, способствующие активизации финансового потенциала в форме налоговых поступлений. В результате была сформирована система показателей, которая включает 30 индикаторов (см. приложение).

² Айвазян С.А. Методы эконометрики: учеб. М., Магистр: ИНФРА-М., 2014. С. 67–111.

После проверки на мультиколлинеарность и исключения коррелируемых переменных (коэффициент корреляции выше 0,8) в распоряжении остаются следующие показатели:

- доля налоговых доходов в консолидированной бюджетной системе (далее – КБС) РФ, в % (X1);
- размер дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности (далее – ДВБО) относительно налоговых доходов, в % (X2);
- степень покрытия расходов КБС РФ его налоговыми доходами, в % (X3);
- уровень покрытия расходов КБС РФ его безвозмездными поступлениями (X4);
- уровень покрытия расходов консолидированного бюджета его налоговыми и неналоговыми доходами, в % (X5);
- отношение безвозмездных поступлений к доходам КБС РФ (X6);
- уровень занятости (X7);
- доля просроченной кредиторской задолженности (X8);
- доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, в % (X9);
- уровень налогообложения оборота организаций (X10);
- уровень налогообложения активов организаций (X11);
- общая региональная налоговая нагрузка, в % от ВРП (X12);
- налоговая нагрузка стадии производства – доля «других налогов на производство» в ВРП (X13);
- потенциал налога на имущество физических лиц (X14);
- потенциал транспортного налога (X15);

- потенциал земельного налога (X16);
- число малых предприятий, включая микропредприятия (X17);
- число предприятий и организаций на календарный год (X18).

Предложенная система показателей позволяет анализировать сильные и слабые стороны субъектов РФ посредством проведения межрегиональных сравнений и мониторинга по отдельным регионам.

В процессе исследования была выявлена высокая степень региональных различий по анализируемым индикаторам финансовой самостоятельности. Для изучения вариации анализируемых индикаторов были использованы: среднее, медиана, коэффициент вариации, максимальное, минимальное значения (табл. 1).

Средний уровень покрытия расходов КБС РФ его налоговыми доходами в целом по России составляет 61,4%. Коэффициент вариации, равный 28,2%, отражает степень однородности изучаемой совокупности. При вариации больше 33% средняя величина признается фиктивной и ей нельзя доверять. По показателю «Уровень покрытия расходов КБС РФ его безвозмездными поступлениями» отмечается высокая степень неоднородности регионов России, коэффициент вариации в 2015 году составил 63,6%. Среднее значение, равное 27,7%, не отражает реальный уровень по России, так как есть регионы, которые более половины своих расходов покрывают за счет безвозмездных поступлений. К таким регионам относятся прежде всего регионы Северо-Кавказского федерального округа. Максимальное

Таблица 1. Степень региональных различий по анализируемым индикаторам финансовой самостоятельности

	Степень покрытия расходов КБС РФ его налоговыми доходами, в %	Уровень покрытия расходов КБС РФ его безвозмездными поступлениями	Размер ДВБО относительно налоговых доходов, в %
Среднее значение	61,4	27,7	29,2
Медиана	66,4	23,1	7,6
Коэффициент вариации	28,2	63,6	177,8
Максимум	96,5	82,5	251,6
Минимум	12,8	2,4	0
Источник: составлено авторами.			

значение по анализируемому индикатору принадлежит Чеченской Республике – 82,5%. Следующий показатель – размер ДВБО относительно налоговых доходов имеет самую сильную вариацию, которая составляет 177,8%. У таких регионов, как Московская область, Ленинградская, Ярославская, Республика Татарстан, Самарская область, Свердловская, Тюменская, Сахалинская, размер ДВБО находится на нулевой отметке. В то же время Камчатский край, республики Тыва, Дагестан, Ингушетия, Карачаево-Черкесская, Чеченская, Алтай располагают очень высоким размером ДВБО относительно налогов, который составляет свыше 100%. Максимальное значение – 251,6% – у Республики Тыва.

Далее проанализируем динамику основных индикаторов финансовой самостоятельности. Доля налоговых доходов в КБС РФ за 2008–2015 гг. возросла с 70,8 до 74,4% в целом по России (рис. 1). При этом стоит отметить, что минимальный удельный вес налогов в дохо-

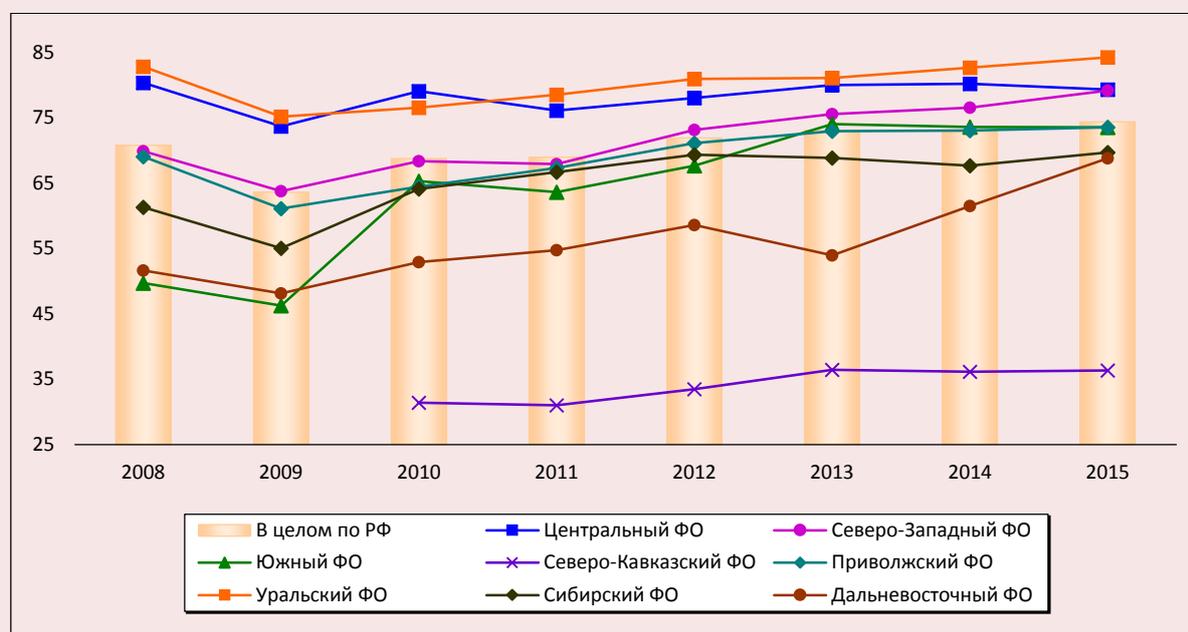
дах КБС РФ наблюдался в 2009 г. (63,64%), что объясняется резким экономическим спадом, вызванным мировым финансовым кризисом.

Доля налоговых доходов КБС Уральского и Центрального федеральных округов значительно превышает среднероссийский уровень – 80 и 84% соответственно. С 2012 года удельный вес налоговых доходов в КБС Северо-Западного ФО возрос с 74 до 79% и также превысил среднероссийский уровень.

Наименьшая доля налоговых доходов КБС Северо-Кавказского ФО – 36%, что более чем в 2 раза ниже среднероссийского показателя.

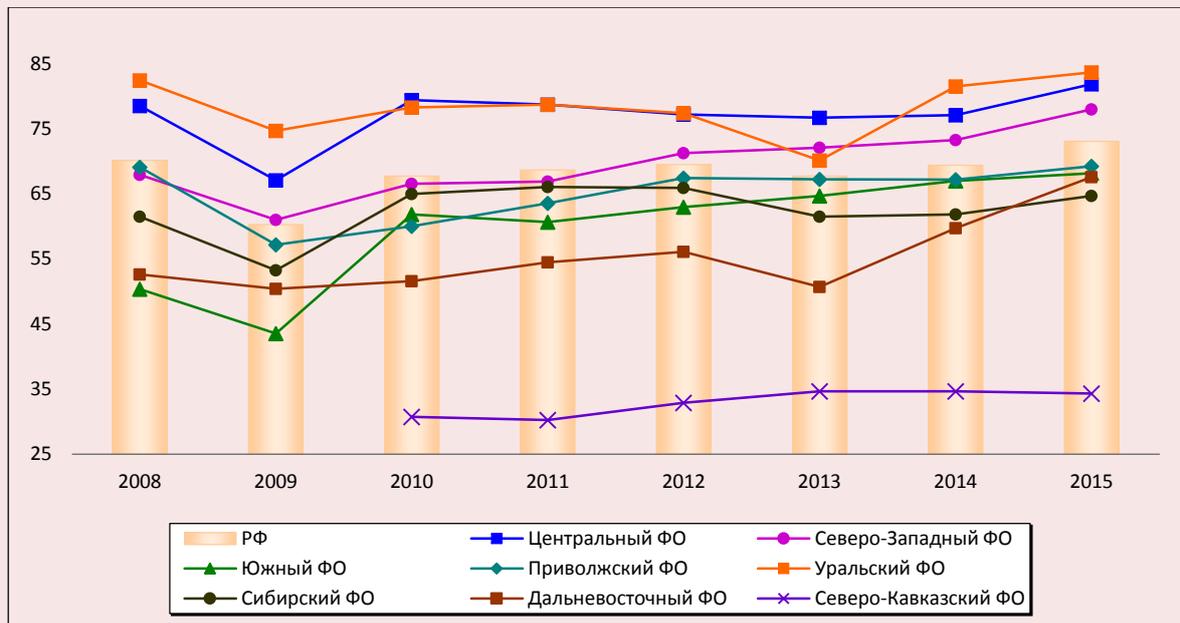
Степень покрытия расходов КБС РФ его налоговыми доходами в 2008–2015 гг. имела нестабильную динамику: в период после спада в кризисном 2009 году на 10% (с 70,18 до 60,28%) до 2012 года наблюдался ежегодный рост до предкризисного уровня (69,52%), затем очередной спад – до 67,75% в 2013 году и последующий рост (на 5,35%) до 73,1% в 2015 году (рис. 2).

Рис. 1. Доля налоговых доходов в КБС РФ, %

Источник: Казначейство РФ. Консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации и бюджетов территориальных государственных внебюджетных фондов. Реж. дост.: <http://www.roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannye-byudzhety-subektov/>

Рис. 2. Степень покрытия расходов КСБ РФ его налоговыми доходами, %

Источник: Казначейство РФ. Консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации и бюджетов территориальных государственных внебюджетных фондов. Реж. дост.: <http://www.roskazna.ru/ispolnenie-byudzhetrov/konsolidirovannye-byudzhety-subektov/>

По данным за 2015 год наивысшей является степень покрытия расходов КБС его налоговыми доходами в Центральном и Уральском ФО – 81,9 и 83,7% соответственно.

За 2008–2015 гг. значительно укрепилась финансовая устойчивость Северо-Западного ФО – степень покрытия расходов КБС региона его налоговыми доходами увеличилась на 10%, с 67,93 до 78%, и превысила среднероссийский показатель.

Существенно повысилась степень покрытия расходов КБС Южного ФО его налоговыми доходами. После спада в кризисном 2009 году (на 7%) до минимума (43,52%) в последующие годы степень покрытия расходов налоговыми доходами возросла на 15% – до 68,2% в 2015 году.

Степень покрытия расходов КБС налоговыми доходами в Сибирском и Приволжском ФО незначительно ниже среднероссийского показателя – 64,7 и 69,3% против 73% соответственно. Только в 2015 году к этой группе регионов присоединился и Дальневосточный ФО.

Низкой остается степень покрытия расходов КБС его налоговыми доходами в Северо-Кавказском ФО. Несмотря на увеличение дан-

ного показателя с 30,74% в 2008 году до 34,3% в 2015 году, данный показатель более чем в 2 раза ниже среднероссийского уровня.

За 2008–2015 гг. уровень покрытия расходов КБС РФ его налоговыми и неналоговыми доходами увеличился с 78,59 до 80,44%, что обусловило сокращение уровня покрытия расходов КБС его безвозмездными поступлениями с 19,25 до 17,75% соответственно.

Наивысший уровень покрытия расходов КБС налоговыми и неналоговыми доходами в Центральном (91,64%), Уральском (90,1%) и Северо-Западном (86,39%) федеральных округах. Уровни покрытия расходов КБС безвозмездными поступлениями в указанных регионах минимальны – 11,59; 9,21 и 12% соответственно.

Около трех четвертей расходов КБС покрывается налоговыми и неналоговыми доходами в Приволжском, Дальневосточном и Южном федеральных округах.

Значительный прогресс в обеспечении финансовой устойчивости КБС произошел в Южном ФО. Степень покрытия расходов КБС налоговыми и неналоговыми доходами после

кризисного 2009 года возросла в 1,5 раза — с 49,24% (минимальное значение) до 73,61% в 2015 году, в то же время зависимость КБС от безвозмездных поступлений сократилась более чем в 2 раза — с 44,8 до 19,17% соответственно.

Существенные изменения уровня покрытия расходов КБС Сибирского ФО его налоговыми и неналоговыми доходами, а также безвозмездными поступлениями наблюдались в 2008–2015 гг. Максимальный уровень покрытия расходов безвозмездными поступлениями соответствует уровню кризисного 2009 года — 35,27%, в этом же году зафиксирован минимальный уровень покрытия расходов налоговыми и неналоговыми доходами — 60,51%.

Более половины расходов КБС Северо-Кавказского ФО покрывается безвозмездными поступлениями: за 2010–2015 гг. уровень покрытия сократился с 62,54 до 56,77%. При этом уровень покрытия расходов КБС налоговыми и неналоговыми доходами увеличился с 35,28 до 37,45%.

Статистический анализ финансовой самостоятельности регионов демонстрирует высокую дифференциацию регионов по рассматриваемым показателям. В этой связи подходы к формированию стратегии развития для каждого региона, в зависимости от уровня финансовой и ресурсной обеспеченности, должны быть разными. Определить группы регионов с различным уровнем финансовой самостоятельности позволяет кластерный анализ.

2. Результаты кластерного анализа.

Для построения устойчивых групп в кластерном анализе используется метод k-средних. В рамках проведения первого эксперимента по формированию устойчивых групп решено было разбить совокупность регионов на три группы. График k-средних иллюстрирует средние значения по выбранным показателям внутри каждого кластера. Можно отметить, что при разбиении на три класса практически отсутствует совпадение средних (рис. 3). Однако на рисунке 4 можно заметить, что при увеличении числа разбиваемых кластеров до четырех наблюдается совпадение средних. Это свидетельствует о нечеткой классификации.

Кластерный анализ проводился в системе из 18 показателей, характеризующих финансовую самостоятельность регионов Российской Федерации за период 2008 — 2015 гг. Таким образом, по уровню финансовой самостоятельности регионы распределяются следующим образом:

- регионы-лидеры — первый кластер;
- регионы-средняки — второй кластер;
- регионы-аутсайдеры — третий кластер.

В процессе проведения кластерного анализа были сформированы устойчивые группы. Это означает, что регионы-лидеры, регионы-средняки, регионы-аутсайдеры сохранили свой уровень финансовой самостоятельности. Средний процент несовпадения классификаций, полученных в 2008 и 2015 годах, составляет 6,4%, что

Рис. 3. График средних значений кластеров с учетом разделения на три группы

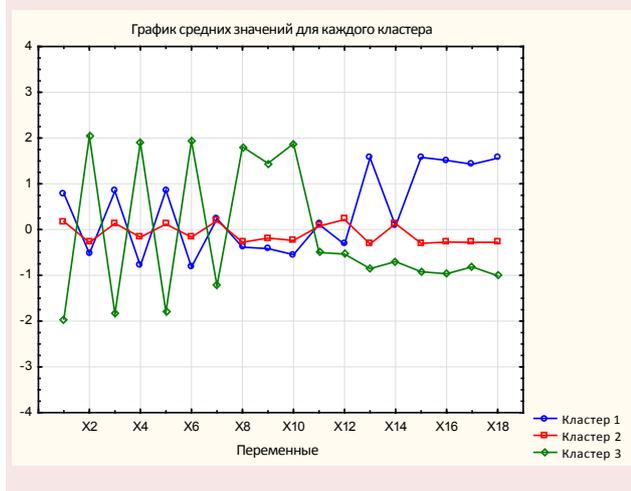
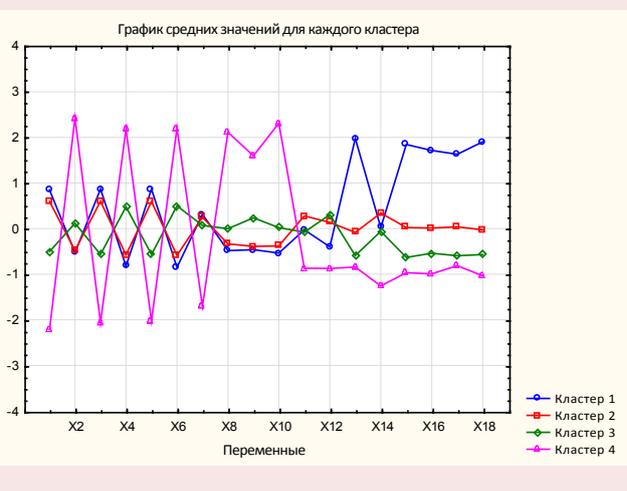

Рис. 4. График средних значений кластеров с учетом разделения на четыре группы

является допустимым значением при формировании устойчивых групп.

При сравнительном анализе несоответствия можно выделить ряд регионов, переходивших из одного кластера в другой. Так, Воронежская, Ленинградская, Иркутская области из второго кластера перешли в первый; Республика Адыгея из третьего кластера перешла во второй. В рассматриваемых регионах наблюдается тенденция улучшения показателей финансовой самостоятельности, что, безусловно, свидетельствует об экономическом развитии данных регионов. Также есть примеры ухудшения экономического положения в рассматриваемом периоде: Камчатский край из второго кластера перешел в третий.

В результате кластеризации с помощью метода *k*-средних удалось разделить регионы на три кластера по уровню финансовой самостоятельности. В первый кластер входят 16 регионов, которые принадлежат к ресурсным регионам и традиционно развитым экономическим центрам. Для регионов первого кластера характерны высокий уровень бюджетной обеспеченности и высокая финансовая самостоятельность (X1–X6). Для рассматриваемых регионов налоговые доходы являются основной статьей в структуре доходов консолидированного бюджета субъекта РФ (КБС) (X1) и составляют в среднем 77,6%. На низком уровне находится зависимость бюджетов субъектов федераций от дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности (X2), что свидетельствует о высокой финансовой самостоятельности региональных бюджетов. В свою очередь, безвозмездные поступления составляют 15,5% (X6) всех доходов КБС РФ для рассматриваемой группы и покрывают расходы КБС РФ (X4) на 14,7%, что связано прежде всего с реализацией экономических и социальных программ развития регионов. Среднее значение уровня покрытия расходов консолидированного бюджета региона налоговыми и неналоговыми доходами (X5) для первого кластера составляет 81,2%, из них налоговыми доходами покрывается 74,6% расходов КБС РФ (X3). Регионы исследуемого кластера можно назвать экономическими лидерами России. Во многом данные субъекты являются локомотивами роста экономики страны в целом. Высокая бюджетная обеспеченность в

данных регионах обуславливается, конечно же, развитой экономикой и наличием конкурентных преимуществ (ресурсы, капитал, развитая инфраструктура и т.д.).

Во второй кластер входят 50 регионов с достаточно разнородной специализацией. С точки зрения размещения данные регионы распределены крайне неравномерно, поэтому в данном случае очень трудно дать их территориальную характеристику. Налоговые доходы (X1) составляют порядка 67,3% из всех доходов КБС, в свою очередь безвозмездные поступления (X6) составляют 27,3% доходов бюджета по группе. При рассмотрении такого показателя, как размер ДВБО относительно налоговых поступлений (X2), складывается неоднозначное мнение. С одной стороны, в данном кластере присутствуют регионы, значение показателя которых минимально (Сахалинская, Ярославская, Калужская области), а с другой – регионы с дотационными бюджетами (Чукотский АО, Республика Саха и др.). Стоит отметить, что вероятной причиной попадания развитых регионов во второй кластер является сильный разрыв в покрытии расходов КБС его налоговыми доходами. К примеру, в Калужской области налоговыми доходами обеспечиваются 68% расходов, в то время как налоговые доходы составляют порядка 78% от всех доходов КБС. Во втором кластере расходы консолидированного бюджета обеспечиваются в основном за счет собственных доходов (X5), из них на налоговые доходы (X3) приходится 62,3%. Безвозмездные поступления (X4) покрывают 25,6% всех расходов КБС второго кластера. При более низких показателях экономического и социального развития, чем в целом по стране, данные регионы имели в прошлом значительные производственные мощности и относились к развитым регионам.

Если в первый кластер попали регионы-лидеры, то к третьему кластеру можно отнести регионы-аутсайдеры, или дотационные регионы. В состав третьего кластера входят одиннадцать регионов, территориально расположенных в основном в Северо-Кавказском федеральном округе, а также слаборазвитые аграрные регионы в Дальневосточном и Сибирском округах. Специфичной чертой регионов третьего кластера является сильная зависимость их эконо-

мик от безвозмездных поступлений из федерального бюджета и, соответственно, низкий уровень бюджетной обеспеченности. Безвозмездные поступления (X6) составляют основную часть доходов КБС: в среднем по группе — 65,1% от доходов. Налоговые же доходы КБС (X1) составляют лишь 31,3% в рассматриваемой группе. Регионы анализируемого кластера — высокостандартные, размер ДВБО относительно налоговых доходов (X2) составляет в среднем 137,6%, а в отдельных регионах, таких как Республика Ингушетия, Республика Тыва, этот показатель превышает налоговые доходы более чем в два раза. Расходы консолидированного бюджета регионов второго кластера покрываются на 61,8% безвозмездными поступлениями (X4). Налоговые и неналоговые доходы КБС покрывают 32,8% расходов бюджетов регионов (X5), из них 29,4% покрывают налоговые доходы (X3). Сложившаяся зависимость рассматриваемых регионов от безвозмездных поступлений объясняется прежде всего слабым уровнем экономического и социального развития данных субъектов федерации. Для экономики слаборазвитого региона характерно состояние застоя, она имеет отличительные признаки: недиверсифицированная отраслевая структура промышленности, слабая инвестиционная привлекательность, низкая интенсивность хозяйственной деятельности, слабая социальная политика. Доступность капитала и возможность обслуживать задолженность для бизнеса в данных условиях становится трудной задачей, в этой связи просроченная кредиторская задолженность (X8) в данных регионах составляет 35,3%. Данная экономическая конъюнктура безусловно влияет на социальное развитие в регионах анализируемого кластера. Уровень занятости (X7) ниже среднероссийских значений (65,3%) и составляет 58,2%, а доля населения с доходами ниже прожиточного минимума (X9) почти в два раза выше (23,2%) показателей по стране.

Теперь рассмотрим те регионы, которые пришлось исключить в целях достижения более однородных результатов анализа. Мы исключили Москву, Санкт-Петербург, Московскую область. Следует отметить, что данные регионы являются безусловными лидерами экономического развития с диверсифицированной экономикой. В связи с этим финансовая самостоятельность данных регионов находится на очень высоком уровне.

3. Результаты метода главных компонент.

Реализация метода главных компонент на исходном наборе индикаторов финансовой самостоятельности позволяет выделить три фактора, доля объясненной дисперсии которых превышает 75%, что является достоверным результатом [20].

Группу, определяющую первый фактор (F1), составили показатели, характеризующие бюджетную обеспеченность регионов, а также показатели социальной обеспеченности (табл. 2). Эта главная компонента тесно связана со следующими показателями:

- доля налоговых доходов в КБС РФ (X1);
- размер ДВБО относительно налоговых доходов (X2);
- степень покрытия расходов КБС РФ его налоговыми доходами (X3);
- уровень покрытия расходов КБС РФ его безвозмездными поступлениями (X4);
- уровень покрытия расходов консолидированного бюджета его налоговыми и неналоговыми доходами (X5);
- отношение безвозмездных поступлений к доходам КБС РФ (X6);
- уровень занятости (X7);
- доля просроченной кредиторской задолженности (X8);
- доля населения с доходами ниже прожиточного минимума (X9);
- уровень налогообложения оборота организаций (X10).

Таблица 2. Группы показателей, тесно связанные с преобразованными главными компонентами

Группы, соответствующие главным компонентам	Исходные показатели, включенные в группу
I	X1, X2, X3, X4, X5, X6, X7, X8, X9, X10
II	X14, X15, X16, X18
III	X11, X12, X13

Источник: составлено авторами на основе матрицы факторных нагрузок.

Во вторую главную компоненту (F2) входят регионы, характеризующие потенциал региональных и муниципальных налогов (налоговый ресурс региона). Рассматриваемая компонента связана со следующими показателями:

- потенциал налога на имущество физических лиц (X14);
- потенциал транспортного налога (X15);
- потенциал земельного налога (X16);
- число малых предприятий, включая микробизнес (X17);
- число предприятий и организаций (X18).

Третья главная компонента (F3), которой можно присвоить наименование «Налоговая нагрузка на экономику», тесно связана со следующими показателями:

- уровень налогообложения активов организаций (X11);
- общая региональная налоговая нагрузка в % от ВРП (X12);
- налоговая нагрузка стадии производства (X13).

Значения каждой компоненты были найдены для каждого региона Российской Федерации за период 2008–2015 гг.

Результаты моделирования панельной регрессии для выявления причин соответствующего уровня финансовой самостоятельности можно отразить в виде сводной таблицы (табл. 3). В ней представлены результаты панельной регрессии с фиксированными эффектами, так как тестирование на спецификацию с помощью теста Хаусмана свидетельствует в пользу данной модели [24].

Модель с фиксированными эффектами используется в том случае, если анализируемая выборка фактически представляет собой генеральную совокупность, как в нашем случае (для анализа мы используем практически все регио-

ны России). Ненаблюдаемые переменные, которые не изменяются со временем (географические условия, экономическая специализация региона и др.), моделируются благодаря включению в модель фиксированного эффекта. В этой связи перед оценкой уравнения регрессии из каждой переменной вычитается среднее по времени и впоследствии используется обычный метод наименьших квадратов.

Объясняемой переменной (Y) является показатель отношения безвозмездных поступлений к собственным доходам КБС РФ. Данный показатель наилучшим образом характеризует финансовую самостоятельность региона, так как доля безвозмездных поступлений показывает, насколько региональный бюджет зависит от федерального.

В соответствии с результатами моделирования панельной регрессии на финансовую самостоятельность регионов-лидеров положительное влияние оказывает фактор, характеризующий налоговые ресурсы региона (F2). Полученные результаты объясняются прежде всего экономическим благополучием регионов первого кластера. Как правило, в подобных регионах богатая налоговая база, что позволяет обеспечить высокий потенциал региональных и местных налогов. Рост финансовой самостоятельности происходит также за счет снижения налоговой нагрузки на экономику региона (F3). Снижение рассматриваемого фактора позволит концентрировать в региональных бюджетах больше финансовых ресурсов и использовать данные ресурсы для реализации целей и задач региональных стратегий. Фактор бюджетной обеспеченности (F1) оказался незначимым для рассматриваемой группы регионов. Данный результат можно объяснить низкой долей безвозмездных поступлений в структуре доходов КБС РФ.

Таблица 3. Результаты панельной регрессии для регионов-лидеров, середняков и аутсайдеров

	Y – отношение безвозмездных поступлений к собственным доходам		
	Лидеры	Середняки	Аутсайдеры
F1 – Бюджетная обеспеченность	0,12	-4,0***	-34,60*
F2 – Налоговый ресурс региона	-1,9***	1,87**	49,12**
F3 – Налоговая нагрузка	1,48***	0,56	20,10**
N – число наблюдений (N = t×n, где t – число лет, n – число регионов)	128	400	88
Коэффициент детерминации R ²	0,18	0,17	0,31

Источник: составлено авторами.

***, **, * Значимость на 0,1%, 1% и 5% уровне соответственно.

На финансовую самостоятельность регионов-средняков наибольшее влияние оказывает фактор бюджетной обеспеченности (F1). Несмотря на экономический потенциал, рассматриваемая группа регионов сильно зависима от безвозмездных поступлений из федерального бюджета. Соответственно, рост бюджетной обеспеченности положительно связан с финансовой самостоятельностью. Увеличение налогового ресурса региона (F2) отрицательно влияет на объясняемую переменную. Для регионов второго кластера значимость потенциала региональных и муниципальных налогов находится на крайне низком уровне, основная доля доходов КБС формируется за счет федеральных налогов и безвозмездных поступлений. Фактор налоговой нагрузки (F3) незначим для регионов-средняков.

Для регионов-аутсайдеров фактор бюджетной обеспеченности (F1) положительно влияет на финансовую самостоятельность. Анализируемая группа регионов в наибольшей степени зависит от безвозмездных поступлений и имеет достаточно слабую экономику. Бюджетная обеспеченность данных регионов формируется в основном с помощью дотаций и других межбюджетных трансфертов из федерального бюджета. Так же как для регионов-средняков, для регионов третьего кластера фактор, характеризующий налоговые ресурсы (F2), отрицательно влияет на финансовую самостоятельность. Связано это прежде всего, как и в предыдущем случае, с низким уровнем экономического развития регионов рассматриваемой группы. Фактор налоговой нагрузки (F3) отрицательно влияет на финансовую самостоятельность регионов-аутсайдеров. Самым большим риском при увеличении налоговой нагрузки в слаборазвитых регионах является уход бизнеса в теневую экономику и, как результат, снижение собираемости налогов. Соответственно, для увеличения финансовой самостоятельности в рамках реализации стратегии развития необходимо найти методы снижения налоговой нагрузки на экономику региона.

Полемика и выводы

Анализ финансовой самостоятельности и построение устойчивой типологизации регионов может осуществляться различными способами. Одним из самых популярных мето-

дов выступает кластерный анализ. Главные преимущества данного метода анализа – выявление связей объектов совокупности при большом объеме исследуемых объектов и возможность производить разбиение по ряду признаков, а не по одному. Для построения устойчивых групп регионов по уровню финансовой самостоятельности использовался метод k-средних. В работе с целью снижения размерности исследуемого признакового пространства применялся метод главных компонент (МГК), а также анализ панельных регрессий по выделенным факторам в каждой группе регионов.

Предложенная типологизация регионов позволяет применять разные подходы к формированию стратегий развития для регионов с определенным уровнем финансовой самостоятельности. Для регионов-лидеров стратегия развития будет обеспечиваться финансовыми ресурсами и одним из ключевых приоритетов может быть диверсификация структуры экономики. Регионам-среднякам в процессе разработки и реализации стратегии развития следует делать акцент на имеющихся конкурентных преимуществах. В то же время регионы-аутсайдеры должны реализовывать стратегию в условиях жесткой ограниченности ресурсов. Очевидно, что невозможно достичь равенства между регионами-лидерами и аутсайдерами в ближайшей перспективе, поэтому при разработке стратегии развития для слаборазвитых регионов необходимо проводить анализ факторов, влияющих на качество жизни в данных регионах России. Приоритеты, цели и задачи должны учитывать специфику регионов и максимально эффективно способствовать улучшению качества жизни.

Формирование стратегической устойчивой типологизации регионов и анализ факторов, влияющих на уровень финансовой самостоятельности, позволяют подготовить базу для научно-исследовательских работ по формированию определенных подходов стратегирования для каждой группы регионов. Несомненно, стратегия каждого региона должна быть уникальна, однако при разработке стратегических инструментов повышения уровня финансовой самостоятельности могут быть использованы одинаковые принципы.

Процесс определения методов анализа приоритетов, конкурентных преимуществ и ресурсной обеспеченности является важнейшим направлением для исследовательских работ, которые формируют фундамент эффективных практических действий.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что предложенная методика типологизации регионов расширяет существующие положения общей экономической теории в части разработки механизмов государственного регулирования фискальной политики регионов, а также общей теории стратегии, в части

планирования, управления и внедрения стратегии для регионов, различающихся по уровню финансовой самостоятельности.

Полученные выводы и рекомендации могут быть использованы в практической деятельности органов исполнительной власти при формировании региональных стратегий, разработке долгосрочных программ развития. Предложенный инструментарий (панельная регрессия на главных компонентах) позволяет выявить особенности стратегирования для разных типов регионов по уровню финансовой самостоятельности.

Литература

1. Oates W. An essay on fiscal federalism. *Journal of Economic Literature*, 1999, no. 37 (3), pp. 1120–1149.
2. Bird R.M. Subnational taxation in developing countries: a review of the literature. *Journal of International Commerce, Economics and Policy*, 2011, no. 2, pp. 139–161.
3. Martinez-Vazquez J., McNab R. Fiscal decentralization and economic growth. *World Development*, 2005, no. 31 (9), pp. 1597–1616.
4. Oates W. *Fiscal Federalism*. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1972, pp. 15–35.
5. Thiessen U. Fiscal decentralization and economic growth in high income OECD countries. *Fiscal Studies*, 2003, no. 24 (3), pp. 237–274.
6. Musgrave R.A. *The Theory of Public Finance*. New York: McGraw-Hill, 1959, 531 p.
7. Brennan G., Buchanan J. *The power to tax: Analytical foundations of a fiscal constitution*. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. Pp. 168–184.
8. Lockwood B. Fiscal decentralization: A political economy perspective. *Warwick Economic Research Papers*, 2005. 721 p.
9. Gadenne L., Singhal M. Decentralization in Developing Economies. *The Annual Review of Economics*, 2014, pp. 581–604.
10. Prud'homme R. The dangers of decentralization. *World Bank Research Observer*, 1995, no. 10 (2), pp. 201–220.
11. Alexeev M., Mamedov A. Factors determining intra-regional fiscal decentralization in Russia and US. *Russian Journal of Economics*, 2017, no. 3, pp. 425–444.
12. Kvint V.L. *Strategy for the global market*. NY: Routledge, 2016, pp. 43–136.
13. Игонина Л.Л. Финансовая самостоятельность муниципальных образований: ограничения и возможности // *Финансы и кредит*. 2015. № 35 (659). С. 12–20.
14. Методика составления рейтинга инвестиционной привлекательности регионов России компании «РАЭКС-Аналитика». URL: <https://raexpert.ru/docbank//109/d31/3e8/5564b5d35605a92af9b47c6.pdf>
15. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы: теория и практика государственного регулирования территориального развития. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 368 с.
16. Булатова Ю.И. Финансовый потенциал региона: содержание и структуры // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 2010. № 3. С. 94–97.
17. Илышев А.М., Шубат О.М. Многомерная классификация данных: особенности методики, анализ практики и перспектив применения // *Вопросы статистики*. 2010. № 10. С. 34–40.
18. Repkine A. How similar are the East Asian economies? A cluster analysis perspective on economic cooperation in the region. *Journal of International and Area Studies*, 2012, pp. 27–44 p.
19. Kronthaler F. Economic capability of East German regions: results of a cluster analysis. *Regional Studies*, 2005, pp. 739–750.
20. Ким Дж.О., Мюллер Ч.У. Факторный анализ: статистические методы и практические вопросы: сб. работ / пер. с англ. под. ред. И.С. Енюкова. М.: Финансы и статистика, 1989. С. 215.

21. Цыплаков А. Введение в прогнозирование в классических моделях временных рядов // Квантиль. 2006. №. 1. С. 3.
22. Ратникова Т.А. Введение в эконометрический анализ панельных данных // Экономический журнал ВШЭ. 2006. Т.10. № 2. С. 267–316.
23. Магнус Я.Р., Катышев П.К., Пересецкий А.А. Эконометрика. М.: Дело, 2004. С. 67–132.
24. Эконометрика / В.С. Мхитарян, М.Ю. Архипова, В.А. Балаш, Т.А. Дуброва, В.П. Сиротин. М.: Проспект, 2009. С. 384.

Приложение

Система показателей финансовой самостоятельности региона

Наименование индикатора	Код индикатора	Цель введения индикатора	Расчет
Доля налоговых доходов в КБС РФ, в %	X1	Характеризует обеспеченность регионального бюджета собственными налоговыми доходами	Отношение между налоговыми и всеми доходами КБС РФ
Размер дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности (ДВБО) относительно налоговых доходов, в %	X2	Показывает зависимость КБС РФ от ДВБО	Отношение ДВБО к налоговым доходам КБС РФ
Степень покрытия расходов КБС РФ его налоговыми доходами, в %	X3	Отражает степень достаточности налоговых доходов для обеспечения расходов КБС РФ	Отношение налоговых доходов к расходам КБС РФ
Уровень покрытия расходов КБС РФ его безвозмездными поступлениями	X4	Показывает значимость для регионального бюджета безвозмездных поступлений	Отношение безвозмездных поступлений к расходам КБС РФ
Уровень покрытия расходов консолидированного бюджета его налоговыми и неналоговыми доходами, в %	X5	Показывает степень достаточности собственных доходов для покрытия расходных полномочий КБС РФ	Отношение всех доходов к расходам КБС РФ
Отношение безвозмездных поступлений к доходам КБС РФ	X6	Характеризует обеспеченность регионального бюджета собственными доходами	Отношение безвозмездных поступлений к доходам КБС РФ
Уровень занятости	X7	Характеризует долю занятых в экономике региона населения	
Доля просроченной кредиторской задолженности	X8	Показывает уровень эффективности предпринимательской деятельности в субъекте РФ	
Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, в %	X9	Отражает уровень жизни в регионе	
Денежные доходы (в среднем на душу), руб.	X10	Характеризует уровень жизни в субъекте РФ	
Инвестиции в основной капитал на душу населения, тыс. руб.	X11	Отражает инвестиционную привлекательность субъекта РФ	
Объем реализации ДПИ на душу населения, тыс. рублей	X12	Значимость отрасли «добыча полезных ископаемых» для субъекта РФ	
Объем продукции сельского хозяйства на душу населения, тыс. рублей	X13	Значимость отрасли «сельское хозяйство» для субъекта РФ	
Объем продукции обрабатывающего производства на душу населения, тыс. руб.	X14	Значимость отрасли «обрабатывающее производство» для субъекта РФ	
Оборот розничной торговли на душу населения, тыс. руб.	X15	Значимость отрасли «розничная торговля» для субъекта РФ	
Уровень занятости в сельском хозяйстве	X16	Характеризует долю занятых в сельском хозяйстве в субъекте РФ	

Окончание приложения

Наименование индикатора	Код индикатора	Цель введения индикатора	Расчет
Уровень занятости в ДПИ	X17	Характеризует долю занятых в ДПИ в субъекте РФ	
Уровень занятости в обрабатывающем производстве	X18	Характеризует долю занятых в обрабатывающем производстве в субъекте РФ	
Уровень занятости в оптовой и розничной торговле	X19	Характеризует долю занятых в розничной торговле в субъекте РФ	
Число предприятий и организаций на календ.год, тыс.	X20	Оценка предпринимательской активности в субъекте РФ	
Оборот организаций на душу населения, тыс. руб.	X21	Стоимостная оценка эффективности предпринимательской деятельности в субъекте РФ	
Число малых предприятий, включая микропредприятия	X22	Оценка уровня активности малого бизнеса в субъекте РФ	
Оборот малых предприятий	X23	Стоимостная оценка эффективности малого бизнеса субъекта РФ	
Уровень налогообложения оборота организаций	X24	Характеризует уровень налоговой нагрузки на оборот организаций в субъекте РФ	Отношение суммы поступлений акцизов и НДС в КБС РФ к размеру оборота организаций
Уровень налогообложения активов организаций	X25	Характеризует уровень налоговой нагрузки на активы организации	Отношение сумм поступления налогов на объекты имущества к стоимости имущества организаций
Общая региональная налоговая нагрузка, в % от ВРП	X26	Показывает уровень налоговой нагрузки на экономику субъекта РФ	Отношение налоговых доходов КБС РФ к ВРП
Налоговая нагрузка на предприятия на стадии производства	X27	Характеризует уровень налоговой нагрузки на предприятия на стадии производства в регионе	Отношение других налогов на производство к ВРП субъекта РФ
Потенциал налога на имущество физических лиц	X28	Оценка значимости муниципального налога в экономике субъекта РФ	Отношение налога на имущество физических лиц к ВРП субъекта РФ
Потенциал транспортного налога	X29	Оценка значимости транспортного налога в экономике субъекта РФ	
Потенциал земельного налога	X30	Оценка значимости муниципального налога в экономике субъекта РФ	Отношение земельного налога к ВРП субъекта РФ

Сведения об авторах

Марина Владиславовна Шаклеина – кандидат экономических наук, доцент кафедры, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, корп. 61; e-mail: shakleina.mv@gmail.com)

Аслан Замирович Мидов – ассистент кафедры, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, корп. 61; e-mail: aslan-mid@mail.ru)

Shakleina M.V., Midov A.Z.

Strategic Classification of Regions According to the Level of Financial Self-Sufficiency

Abstract. In the context of highly uneven regional development, subnational and federal governments are facing an extremely important task of elaborating and implementing the strategy for development of Russia's constituent entities. In this regard the research on financial self-sufficiency of regions as a driver of resource security of strategic development becomes an urgent issue. The goals of our study include building a typology of regions according to the level of financial self-sufficiency and identifying strategizing features for individual groups of regions. Cluster analysis, principal component analysis and panel data analysis are used to achieve the goals. In order to build sustainable groups, we form a system of 18 indicators of financial self-sufficiency of regions; we carry out cluster analysis on its basis; after that, we identify three groups of regions: leaders, average performers, and outsiders. This classification of regions can be considered stable, since the composition of the groups has not changed over time. We carry out the principal component analysis using our set of indicators of financial self-sufficiency and identify three generalizing factors that characterize the budgetary security of the regions, the potential of regional and municipal taxes, and the tax burden on the economy. We carry out modeling with the use of panel regression and analyze the influence of each factor on financial self-sufficiency in each group of regions. The resulting classification has significant scientific prospects regarding the formation of a general strategizing methodology for regions with different levels of financial self-sufficiency. The strategic classification can be used by regional authorities to form regional and sectoral development strategies.

Key words: region, strategy, classification, budget security, financial independence, regional development.

Information about the Authors

Marina V. Shakleina – Candidate of Sciences (Economics), associate professor at department, Lomonosov Moscow State University (1, building 61, Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: shakleina.mv@gmail.com)

Aslan Z. Midov – Postgraduate Student, Lomonosov Moscow State University (1, building 61, Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russian Federation; e-mail: aslan-mid@mail.ru)

Статья поступила 05.10.2018.

Развитие малого инновационного бизнеса в промышленном и научно-образовательном секторе России

Светлана Викторовна ТЕРЕБОВА

Вологодский научный центр РАН

Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а

E-mail: svetlana-ter@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2044-9521

Владимир Николаевич БОРИСОВ

Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН

Москва, Российская Федерация, 117418, Нахимовский пр-т, д. 47

E-mail: vnbor@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3226-1478

Аннотация. Успешное функционирование системы преобразования научно-технических знаний в рыночный продукт во многом зависит от уровня развития малого инновационного бизнеса. Парадигма организации малых инновационных предприятий (МИП) в РФ пока не соответствует содержанию современной мировой экономики. При этом серьезной проблемой является разрыв между декларированием необходимости повышения вклада МИП в экономику и реальной практикой их работы. Особую актуальность приобретают вопросы не столько создания новых МИП, сколько активизации деятельности уже существующих предприятий такого типа. Для разработки направлений поддержки их становления требуется соответствующая диагностика и оценка динамики развития МИП как в промышленном, так и в научно-образовательном секторе страны. Это и определило актуальность темы и цель работы. В ходе проведения

Для цитирования: Теребова С.В., Борисов В.Н. Развитие малого инновационного бизнеса в промышленном и научно-образовательном секторе России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 3. С. 55–76. DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.4

For citation: Terebova S.V., Borisov V.N. The Development of small innovative business in the industrial, scientific and educational sector in Russia. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 3, pp. 55–76. DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.4

статистического анализа данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат), Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) были дополнены сведениями Научно-исследовательского института «Республиканский исследовательский научно-консультационный центр экспертизы» (ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ), а также данными авторских опросов. По итогам исследования установлено, что уровень развития МИП недостаточен для обеспечения экономической безопасности и не соответствует потребностям современного этапа экономического развития страны. Выявлено, что на малых предприятиях ведение инновационной деятельности тормозится не только финансовыми и кадровыми проблемами, но и проблемами управленческого характера, связанными с тем, что организация производства инновационной продукции требует определенной компетенции и отвлечения управленческих ресурсов компании от текущей деятельности. Ввиду этого предложена авторская модель управления развитием МИП на основе внедрения механизма проектного менеджмента в связке «инфраструктура-МИП», обеспечивающего становление МИП и укрепление его позиций на рынке. Представлены результаты практической апробации данного подхода на реальных объектах исследования, которая обеспечила в период 2010–2017 гг. запуск 33 инновационных проектов.

Ключевые слова: инновация, малый бизнес, малое инновационное предприятие, промышленность, развитие.

Введение

Необходимость ускорения темпов экономического развития России, а также проведения структурного маневра в сфере промышленного производства и образования доходов на фоне сокращения поступлений, генерируемых топливно-сырьевым сектором, требует усложнения структуры производства и повышения его эффективности. Данные процессы неразрывно связаны с технологическими изменениями и внедрением инноваций в реальном секторе экономики. Безусловно, ключевую роль в этом играют крупные научно-технические корпорации, определяющие технологический облик страны. Однако при этом нужно учитывать, что результаты функционирования промышленных систем зависят от качества развития всех «слов» бизнеса: крупного, среднего и малого.

Масштаб предприятия влияет на его организационную и управленческую структуру, определяет слабые стороны и предпосылки в отношении ведения инновационной деятельности. Так, например, крупные предприятия, обладая значительным капиталом, имеют возможность расширять сферы своей деятельности путем диверсификации выпускаемой продукции, в т. ч. на основе проведения НИОКР и маркетинговых исследований. Малым предприятиям гибкая и простая структура позволяет оперативно реагировать на изменения конкурентной среды и обеспечивать высокую

мобильность в сфере реализации некапиталоемких инноваций.

С одной стороны, уровень инновационной активности компаний увеличивается пропорционально их размеру: «от 2,1% (в компаниях с численностью работников до 50 чел.) и 6,1% (50–99 чел.) до 69,5% (5000–9999 чел.) и 83,7% (от 10000 чел. и более)» [1]. С другой стороны, необходимо иметь в виду «качественные» отличия направленности инновационной деятельности крупных и малых предприятий. Так, например, 70 из числа топ-100 крупнейших промышленных компаний России (с численностью работников от 7,5 тыс. чел. и более) осуществляют деятельность в сфере нефтегазодобычи, нефтепереработки, энергетики, металлургии, добычи и обработки алмазов, добычи руды, производства минеральных удобрений и т. п. [2]. Можно предположить, что технологические инновации на этих предприятиях, выпускающих продукцию низких переделов (относящуюся к среднетехнологичной низкого уровня либо к низкотехнологичной), направлены на обеспечение их производственного процесса, а не на производство инновационных продуктов для последующей их реализации на рынке. В то время как инновационная продукция малых предприятий отличается высоким уровнем новизны: порядка 80% их товаров (работ, услуг) связано с реальным обновлением производства [3].

Об эффективности работы малого бизнеса в инновационной сфере свидетельствует и зарубежная статистика, приводящая сведения о том, что МИП создается в 2,5 раза больше инноваций на одного занятого и их внедрение осуществляется на 1 год быстрее, чем крупным бизнесом, при затратах средств на это на 75% меньше [4].

Кроме того, зарубежная практика доказывает возможность эволюционирования малых инновационных предприятий в крупный бизнес. Так, в 1970-х гг. на одном из малых предприятий США был создан микропроцессор, что привело к бурному развитию электронной промышленности. В результате из ряда малых инновационных предприятий выросли такие крупнейшие международные корпорации, как Apple Computers, Compaq, Intel, Lotus, Microsoft, Sun Microsystems.

В национальной инновационной системе (НИС) малые инновационные предприятия выступают в роли своеобразного «экспериментатора» и «пионера», тем самым принимая на себя риски реализации новых разработок. Такие предприятия обеспечивают трансфер знаний, технологий из научно-образовательного в предпринимательский сектор, берут на аутсорсинг решение инновационных задач крупных предприятий. При этом ими обеспечивается взаимодействие элементов НИС. Таким образом, малые инновационные предприятия влияют на качественные характеристики национальной инновационной системы.

Принимая все это во внимание, необходимо подчеркнуть, что проблема становления и развития малого бизнеса является немаловажным аспектом формирования современного технологического уклада страны.

В Стратегии развития малого и среднего предпринимательства (МСП) в России поставлена следующая цель: «развитие сферы малого и среднего предпринимательства как одного из факторов, с одной стороны, инновационного развития и улучшения отраслевой структуры экономики, а с другой – социального развития и обеспечения стабильно высокого уровня занятости» [5]. В качестве ключевого целевого ориентира определено увеличение доли МСП в валовом внутреннем продукте с 20 до 40% к 2030 году. Достижение данного индикатора обе-

спечивается за счет выделения в рамках Стратегии двух целевых групп МСП: «массовые» и «высокотехнологичные» – «экспортно ориентированные предприятия, предприятия в сферах обрабатывающего производства и предоставления услуг, быстрорастущие предприятия (“газели”), которые обеспечивают внедрение инноваций и решают задачи по диверсификации экономики и повышению ее конкурентоспособности» [5].

Вовлечение малых предприятий в систему целенаправленной трансформации отраслей промышленности и перевода их на инновационный путь развития требует углубления и расширения научных представлений о формах и методах ведения малого инновационного бизнеса, инструментах его государственной поддержки, способных обеспечить решение поставленных задач.

Между тем, вопросы разработки теории и практического инструментария развития МИП недостаточно исследованы. Парадигма организации малых инновационных предприятий в РФ пока не соответствует содержанию современной мировой экономики, характеризующейся высокой долей малого инновационного предпринимательства в производстве основной части ВВП (от 40 до 80%), а также в промышленном экспорте инновационной продукции (например, в Германии и Нидерландах данный показатель составляет порядка 40%, в Италии – 20-25%) [6].

Таким образом, в связи с растущей сложностью мирохозяйственной и национальной экономических систем важной задачей представляется ускорение развития малых инновационных предприятий. При этом серьезной проблемой, препятствующей решению указанной задачи, является разрыв между декларированием необходимости становления малых форм предприятий в научно-технической сфере, повышения их вклада в экономику и реальной практикой работы МИП; между расширением государственной поддержки таких компаний и эффективностью работы созданной инфраструктуры поддержки МИП. Это определяет необходимость поиска эффективных инструментов и механизмов, обеспечивающих быстрое становление малых инновационных предприятий и их последующее закрепление на рынке.

Теоретические аспекты инновационного предпринимательства

Предпринимательство — «объективно необходимый элемент современных социально-экономических систем, развитие данного института оказывает позитивное влияние на состояние рынка труда в результате создания новых рабочих мест, увеличения за счет этого спроса на рабочую силу» [7].

Исследованием предпринимательства занимались такие видные ученые, как П. Друкер, В. Зомбарт, Дж.С. Мил, Р. Кантильон, А. Смит, Ж.Б. Сэй, Й. Шумпетер и др. [7]. Обобщая взгляды исследователей на понимание сущности изучаемой категории, можно заключить, что в классическом определении предпринимательство (бизнес) понимается как деятельность, ориентированная на получение дохода.

Такой подход закреплен и в российском законодательстве. Согласно Гражданскому кодексу РФ, бизнес — это «самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в установленном законом порядке» [8].

В экономической литературе выделяют две модели предпринимательства: классическую (традиционную, репродуктивную) и инновационную. Одним из основных отличий данных моделей является присущая им степень риска.

Наряду с функциями, выполняемыми классическим малым предпринимательством, инновационное предпринимательство осуществляет специфические функции, в частности ускорение инновационных процессов и, как следствие, научно-технического прогресса; реструктуризация экономики и т. п.

Одним из первых тесную взаимосвязь предпринимательства с технологическими инновациями, с нахождением новых комбинаций факторов производства представил Й. Шумпетер. Он связывал предпринимательские способности с новаторством: «Задача предпринимателя — реформировать и революционизировать способ производства путем внедрения изобретений, а в более общем смысле — через использование новых технологических возможностей для производства принципиально новых товаров или производства старых товаров, но новым

методом, благодаря открытию нового источника сырья или нового рынка готовой продукции — вплоть до реорганизации прежней и создания новой отрасли промышленности...» [9].

П. Друкер подчеркивал, что «инновационность — особый инструмент предпринимательства», используемый для максимизации получаемого предпринимателем дохода [10].

В современной научной литературе под инновационным предпринимательством, как правило, понимается процесс создания и коммерческого использования нововведений в области продукции/услуг, позволяющих удовлетворить новые потребности, создать новые рыночные ниши.

Как было показано ранее, организационной формой реализации инновационного предпринимательства зачастую выступает малое предприятие.

В научно-практической литературе приводятся различные трактовки определения малого инновационного предприятия [11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19 и др.]. Кроме того, в отечественной и зарубежной практике выделяются следующие разновидности таких предприятий: высокотехнологичное предприятие (high technology firm), стартап (start-up), эксплерент (explerent firm), инновационно активное предприятие (innovative enterprise), предприятие, основанное на использовании знаний (knowledge-based firm) и др. Безусловно, между ними есть некоторые различия¹, но всех их объединяет то, что базовая деятельность таких предприятий направлена на создание, продвижение новой продукции либо совершенствование уже существующей.

Согласно Руководству Осло, «инновационная фирма — это фирма, которая внедрила новую инновацию в течение периода наблюдения» [17].

Российское законодательство к подобным предприятиям относит те, деятельность которых фокусируется на «практическом применении (внедрении) результатов интеллектуальной деятельности» [20].

Таким образом, анализ научно-практической литературы показывает, что универсального определения малого инновационного предприятия не выработано. Более того, в за-

¹ В рамках данной работы мы их не рассматриваем.

рубежной практике для отнесения предприятия к категории МИП применяются различные количественные параметры, прямо и косвенно характеризующие активность ведения инновационной деятельности (объем выпущенной инновационной продукции, число полученных патентов, уровень затрат на НИОКР и др.).

По методологии Росстата к инновационно активной компании относится та, которая «в течение последних трех лет имела завершенные инновации, т. е. внедренные на рынке новые или подвергавшиеся значительным технологическим изменениям и усовершенствованию продукты, услуги или методы их производства (передачи), внедренные в практику новые или значительно усовершенствованные производственные процессы, новые или значительно улучшенные способы маркетинга, организационные и управленческие изменения» [21].

Кроме того, российским законодательством определены следующие признаки отнесения компании к категории малого бизнеса: «...среднесписочная численность работников за предшествующий календарный год... не должна превышать... ста человек для малых предприятий (среди малых предприятий выделяются микропредприятия – до пятнадцати человек)..., от ста одного до двухсот пятидесяти человек для средних предприятий. Доход..., полученный от осуществления предпринимательской деятельности за предшествующий календарный год..., не должен превышать предельные значения... Для малых предприятий – 800 млн. рублей (для микропредприятий – 120 млн. рублей; средних предприятий – 2 млрд. рублей)» [22].

Таким образом, к категории отечественного малого инновационного бизнеса можно отнести юридические лица и индивидуальных пред-

принимателей, которые соответствуют условиям инновационной активности, определенным Росстатом, и признакам малого бизнеса, установленным российским законодательством.

В этом ключе можно сформулировать следующее определение: малое инновационное предприятие – это организация с образованием или без образования юридического лица, которая в течение последних трех лет имела завершенные инновации и по количественным признакам относится к субъектам малого предпринимательства.

Анализ отечественного и зарубежного опыта позволяет выделить прямые и косвенные пути создания МИП (табл. 1). К прямым относятся инициативы создания МИП промышленным (теория «давления рынка») и научно-образовательным (теория «технологического толчка») секторами. Наряду с прямыми вариантами создания МИП, можно выделить косвенное стимулирование их развития через инновационную инфраструктуру и формирование крупными предприятиями заказов малому бизнесу на разработку, выпуск инновационной продукции.

Прямые пути создания МИП являются наиболее распространенными в отечественной экономике. Что касается создания МИП научно-образовательным сектором, то ключевую роль в данном процессе сыграл принятый в 2009 г. Федеральный закон №217-ФЗ [23], согласно которому вузы и НИИ получили право самостоятельно регистрировать малые предприятия для внедрения результатов своей интеллектуальной деятельности.

Таким образом, сектор малого инновационного бизнеса в стране был расширен за счет формирования МИП при научно-образователь-

Таблица 1. Пути и инициаторы создания МИП

Пути создания МИП	Инициатор создания МИП
Прямые	<i>Научно-образовательный сектор</i>
	- научно-образовательное учреждение
	- индивидуальный разработчик/коллектив разработчиков
	<i>Промышленный сектор</i>
	- крупное предприятие
	- малое / среднее предприятие (переходит в категорию МИП)
	- МИП
Косвенные	Организации инновационной инфраструктуры
	Крупное предприятие (как заказчик)

ных учреждениях (МИП при НОУ), что повлекло за собой и увеличение мер государственной поддержки данного сектора.

Для того чтобы управлять развитием МИП и выполнять оценку мер его государственной поддержки, требуется соответствующая диагностика и анализ динамики становления данного вида бизнеса. Однако в научной литературе приводятся результаты анализа тенденций функционирования либо МИП в промышленном секторе, либо МИП при научно-образовательных учреждениях. С нашей точки зрения для формирования полной картины развития в стране малого инновационного бизнеса необходим комплексный анализ малых инновационных предприятий обоих рассматриваемых секторов.

Методические основы оценки развития малого инновационного бизнеса

Статистическое наблюдение за инновационной деятельностью предприятий малого бизнеса ведется в стране с 1999 года. Обследования проводятся один раз в два года (по нечетным годам). Для этого разработана специальная форма статистического наблюдения №2-МП инновация «Сведения о технологических инновациях малого предприятия» [24]. Объектом наблюдения выступают юридические лица — малые предприятия, осуществляющие экономическую деятельность в промышленности и энергетике. Необходимо отметить, что исследование показателей, характеризующих инновационную деятельность малых предприятий, проводится без учета микропредприятий². В то же время 84% малых предприятий обрабатывающей промышленности относятся к микропредприятиям. Кроме того, 5,6% индивидуальных предпринимателей ведут деятельность в сфере обрабатывающих производств, но учет их инновационной деятельности также не осуществляется. А как следует из определения, данного нами выше, обе эти категории, при их

² Исключение микропредприятий из статистических обследований по инновационной деятельности является мировой практикой (например, так проводятся обследования в США, Японии, странах ЕС). Однако необходимо учесть, что размер микропредприятий различается в разных странах: например, в России численность такого предприятия не должна превышать 15 человек, в ЕС и Японии пороговый уровень — 10 человек, а в США 5 человек.

соответствии установленным критериям, могут быть отнесены к малому инновационному бизнесу.

Таким образом, под обследование Росстата по инновационной деятельности попадает незначительное относительно общей совокупности число субъектов малого бизнеса. В то же время данные об инновационной деятельности малых предприятий публикуются Росстатом в ограниченном объеме. На сайте этой службы³ можно ознакомиться только с тремя показателями, характеризующими деятельность малых предприятий по созданию и внедрению научно-технических разработок: это уровень инновационной активности; объем инновационной продукции; затраты на технологические инновации. Дополнительные сведения об инновационной деятельности МИП промышленного сектора можно получить из изданий НИУ ВШЭ⁴.

Еще одним источником статистических данных для анализа инноваций малого бизнеса в стране служат данные мониторинга деятельности МИП при вузах и бюджетных научных организациях, проводимого ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ⁵. В соответствии с приказами Минобрнауки России [25, 26] РИНКЦЭ ведется формирование поквартального Реестра учета уведомлений о создании хозяйственных обществ и хозяйственных партнерств для дальнейшего представления данных в налоговые органы. Кроме того, перечень МИП при НОУ включается и в Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства [20], введенный в 2016 году.

Мониторинг деятельности МИП при НОУ проводится на основе анкетных опросов их учредителей. Для этой цели разработаны две анкеты: «Оценка учреждениями образования и науки механизма практического применения РИД через создание МИП» и «Сведения о деятельности МИП». Полученные данные позволяют составить представление о проблемах и выгодах создания МИП, а также дать характеристику полученных результатов интеллектуальной деятельности, выручки, прибыли,

³ Росстат (<http://www.gks.ru>).

⁴ Статистические сборники ВШЭ (<https://www.hse.ru/org/hse/primarydata>).

⁵ Республиканский исследовательский научно-консультационный центр экспертизы (<https://mip.extech.ru>).

кадрового обеспечения, привлечения инвестиций. Сведения статистических наблюдений отражены на сайте РИНКЦЭ и в публикациях, в частности в издании «Экспертиза и инноватика».

Анализ показывает, что собираемые Росстатом и РИНКЦЭ сведения об инновационной деятельности охватывают различные группы малых предприятий (табл. 2). Так, Росстат не обследует на предмет инновационной деятельности микропредприятия, а среднесписочная численность работников МИП при НОУ составляет 3-4 чел. [27]. Причем под обследование Росстата попадают только МИП в сфере промышленности.

Таким образом, исследуемые РИНКЦЭ и Росстатом на предмет инновационной деятельности совокупности малых предприятий если и пересекаются, то в крайне незначительной степени. На основе публикуемых обеими службами данных нами определены следующие статистические показатели для проведения анализа инновационной деятельности МИП при НОУ и в промышленности (табл. 3).

Кроме того, для получения дополнительных сведений с целью проведения анализа по ряду таких параметров, как, например, система управления инновационной деятельностью на предприятии, могут быть использованы данные опросов организаций обоих секторов.

Таблица 2. Параметры статистических наблюдений за деятельностью МИП

Параметр	Росстат	РИНКЦЭ
Год начала наблюдений	1999	2014
Тип статистических наблюдений	Выборочное	Сплошное
Период наблюдения	Один раз в два года (нечетные года)	Ежегодное
Категория обследуемых предприятий	Малые предприятия	Микро- и малые предприятия
Виды экономической деятельности обследуемых предприятий	Промышленность и энергетика	Все виды экономической деятельности
Вид инноваций	Технологические инновации	Все виды инноваций

Таблица 3. Перечень статистических показателей для проведения анализа

№ п/п	Показатель	Ед. изм.	МИП	МИП при НОУ
<i>Общая характеристика сектора</i>				
1.	Количество предприятий	ед.	+	+
2.	Численность работников предприятий	чел.	+	+
3.	Уровень инновационной активности	%	+	-
4.	Распределение предприятий по видам экономической деятельности	-	+	-
5.	Распределение предприятий по приоритетным направлениям науки, техники и технологий РФ	-	-	+
<i>Ресурсное обеспечение инновационной деятельности</i>				
6.	Затраты на инновационную деятельность	руб.	+	-
7.	Структура затрат на инновационную деятельность	-	+	-
8.	Привлечение инвестиций на развитие инноваций	руб.	+	+
<i>Результаты инновационной деятельности</i>				
9.	Выручка от инновационной деятельности	руб.	+	+
10.	Объем отгруженных инновационных товаров, работ, услуг предприятий на рубль затрат на инновации	руб.	+	-
<i>Прочее</i>				
11.	Источники инноваций	-	+	+
12.	Потребители инновационной продукции	-	+	+
+ – доступность данных для анализа.				

Деятельность МИП в сфере промышленного производства

Согласно данным Росстата, в 2017 году технологические инновации в стране осуществляли 1437 малых предприятий, среднесписочная численность их работников составила 70,75 тыс. человек⁶ [28].

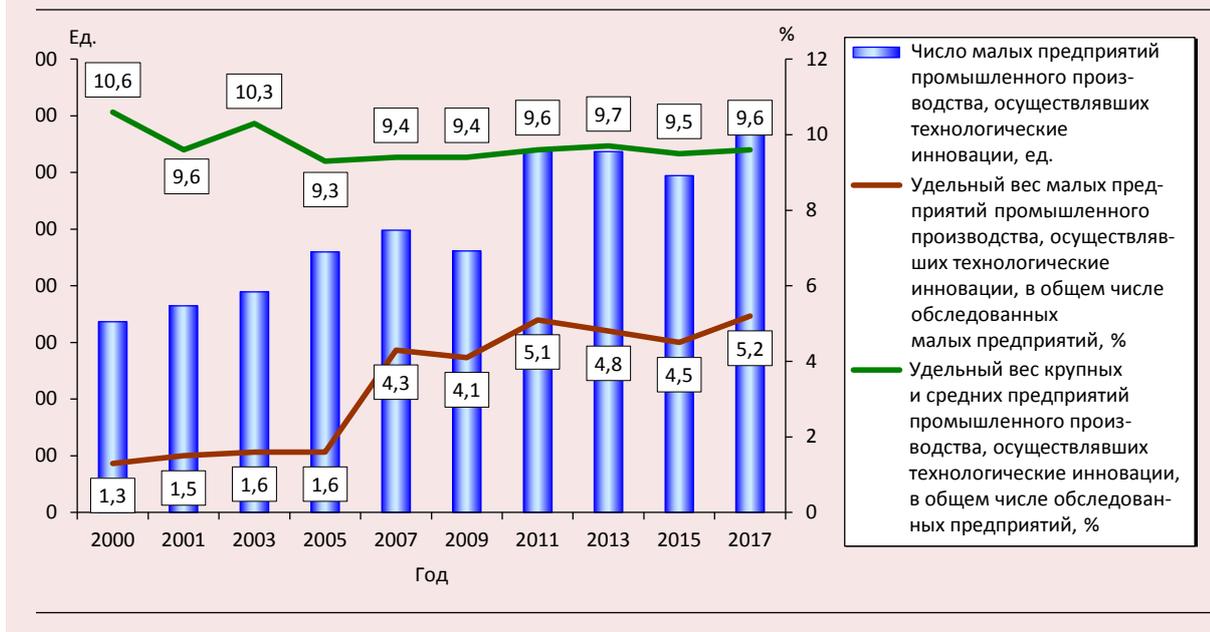
На протяжении всего периода статистических обследований уровень инновационной активности предприятий малого бизнеса остается невысоким – до 2005 г. он не превышал 1,6% (рис. 1). Наибольший рост показателя (на 2,7 п.п.) наблюдается в 2007 г. (4,3%). Это отчасти объясняется исключением микропредприятий [22] из обследуемой совокупности согласно федеральному закону. За последующие 10 лет рост индикатора составил 0,9 п. п. – до его максимального значения в 2017 г. (5,2%).

Отрасли промышленного производства сектора малого бизнеса характеризуются низким уровнем инновационной активности. Исключение составляет высокотехнологичный сек-

тор (рис. 2). Наибольшего значения рассматриваемого индикатора достигли производители компьютеров, электронных и оптических изделий (19,2%); лекарственных средств и материалов для медицинских целей (16,8%). Среди аутсайдеров – производство текстильных изделий (2,1%); одежды (2,7%), обработка древесины (3%), производство кожи и изделий из кожи (3,4%), а также водоснабжение и водоотведение (2,1%) и производство и распределение электроэнергии, газа и воды (2,4%).

Инновационная активность напрямую зависит от уровня затрат, которые предприятие может направить на ее развитие. Анализ динамики данного вида затрат малых предприятий показывает, что в период с 2000 по 2017 г. они увеличились в сопоставимых ценах почти в четыре раза (рис. 3). Однако в 2017 г. их абсолютный объем в текущих ценах равнялся лишь 19,22 млрд. руб. [29]. Для сравнения: аналогичный показатель крупных и средних предприятий составил 1 404,98 млрд. руб. [29], т. е. в 73 раза больше.

Рис. 1. Инновационная активность российских промышленных предприятий [29]

⁶ Без внешних совместителей.

Рис. 2. Инновационная активность малых промышленных предприятий по видам экономической деятельности в 2017 г. [29]

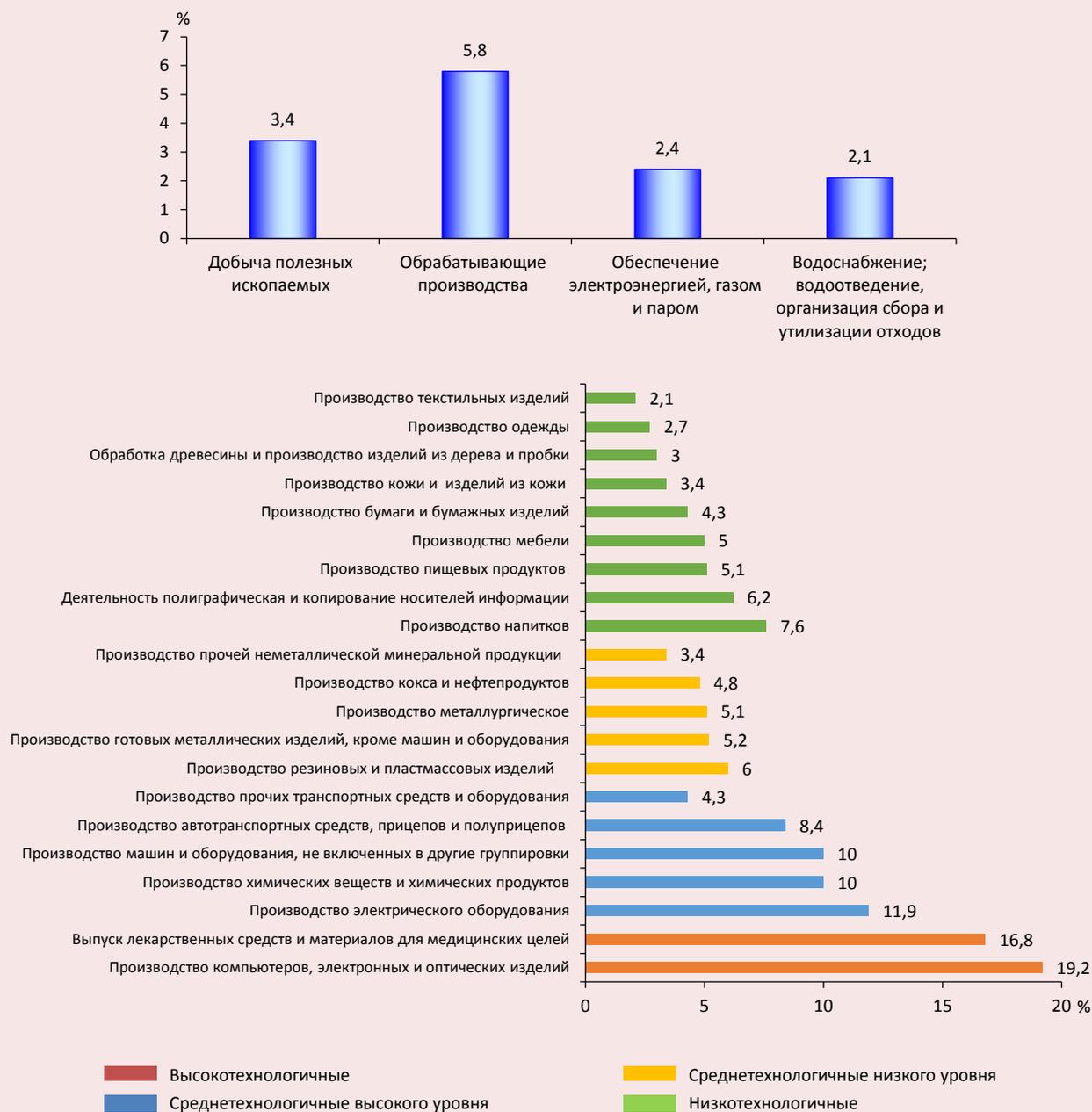
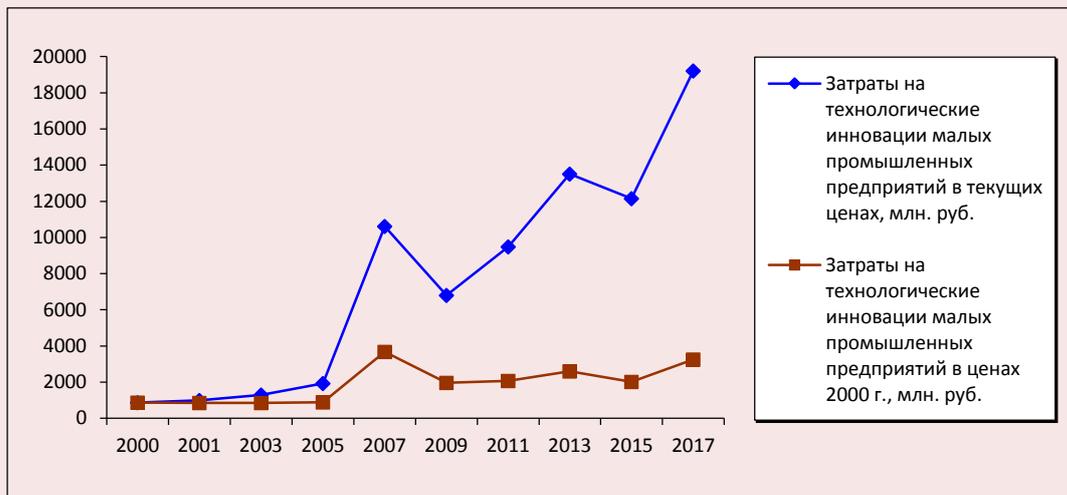

Рис. 3. Динамика затрат на технологические инновации малых предприятий промышленного производства, млн. руб. [29, 30, 31]

Малые предприятия крайне «чувствительно» реагируют на общую экономическую ситуацию в стране, что отражается и на объеме производимых ими затрат на инновации. Так, после пикового роста затрат в 2007 г. наблюдается их падение на 53%⁷ в 2009 г. вследствие влияния кризиса 2008 года. Санкции 2014 г. и вытекающие из них неблагоприятные последствия для экономики страны также способствовали снижению рассматриваемого показателя в 2015 г. на 22%⁸ по сравнению с 2013 годом.

В 2017 г. относительно 2015 г. наблюдается рост затрат на инновации. Изучение показателя в разрезе видов экономической деятельности предприятий свидетельствует о том, что его прирост был обеспечен за счет значительного повышения вложений в инновационную деятельность предприятий, осуществляющих добычу полезных ископаемых (рост в 4,6 раза⁹), производство бумаги и бумажных изделий (4), производство и распределение электроэнергии, газа и воды (2,8), обработку древесины (2,6), выпуск прочей неметаллической минеральной продукции (1,9) и химическое производство (1,7 раза) [29]. Таким образом, в основном затраты увеличили компании, относящиеся к категориям низкотехнологичных

и среднетехнологичных низкого уровня. Вероятно, это связано с потребностью в модернизации их производственной базы, что повлекло за собой закупку ими нового оборудования и машин. Именно на эти статьи приходится наибольшая доля (41,9%) затрат на технологические инновации малых предприятий (рис. 4). Меньше всего средств (0,2%) направляется на подготовку и обучение персонала, занимающегося разработкой, внедрением, продвижением инноваций, и на маркетинговые исследования (0,4%). Подчеркнем, что такой подход не отвечает современному технологическому развитию и косвенно влияет на результативность инноваций.

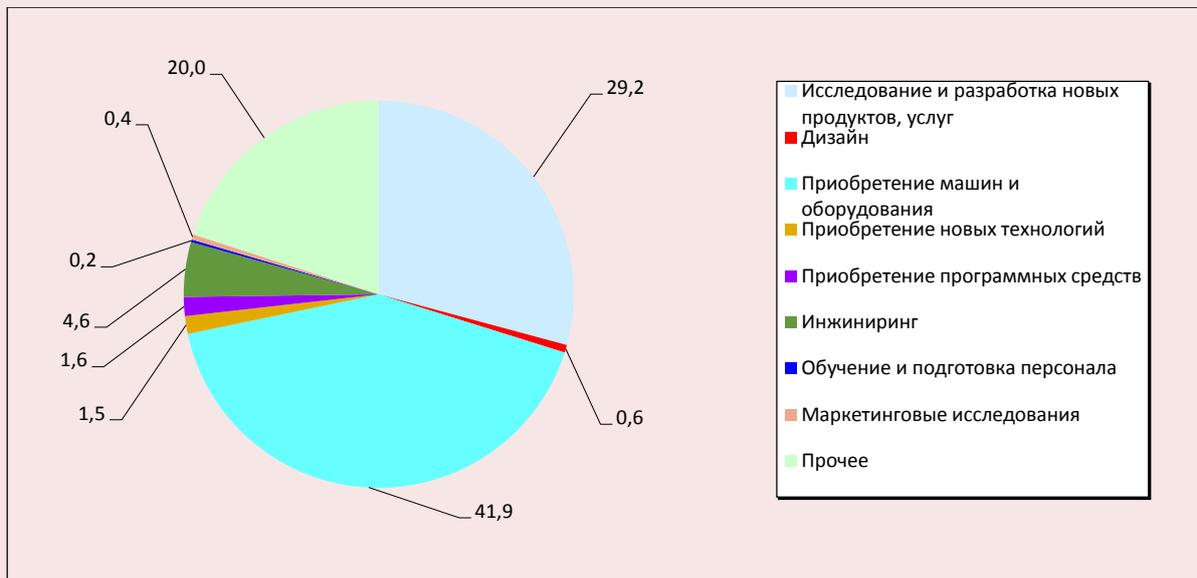
Невысокий уровень затрат малых предприятий на инновационную деятельность обусловлен их ограниченными финансовыми возможностями [32]. Судя по данным в работах [30, 33, 34], основным инвестором в рассматриваемом виде деятельности выступают сами предприятия. Из их собственных средств формируется почти 70% затрат на технологические инновации [30]. Кредиты и займы составляют лишь 14,4% (из них лишь 2,7% средств получены на льготных условиях) [30]. Еще меньше средств приходится на бюджетное финансирование — 8,5% (из них только 0,8% составляют средства бюджетов субъектов страны и местных бюджетов) [30].

⁷ В постоянных ценах 2000 г.

⁸ В постоянных ценах 2000 г.

⁹ В текущих ценах.

Рис. 4. Структура затрат на инновационную деятельность МИП в 2017 г. [28]

Как показывает исследование [35], в сфере инвестиционных процессов промышленных предприятий отсутствует положительная динамика.

Абсолютный объем производства инновационной продукции в секторе малого бизнеса за период 2000–2017 гг. вырос более чем в пять раз (табл. 4). В 2017 г. в текущих ценах он составил 37,5 млрд. руб. [28]. Хотя в абсолютном выражении показатель растет, в относительном измерении наблюдается его снижение после 2013 года. Примечательно, что в этот же период у крупных предприятий снижение показателя составило 2 п. п., тогда как у малых предприятий – 0,48 п. п. – до 1,59% в 2017 году.

Вместе с тем в различных видах деятельности наблюдаются разнонаправленные тенденции. Согласно данным статистики, предприятия, направляющие наибольший объем затрат на технологические инновации, производят и значительно больше, чем в среднем, инновационной продукции. Наибольшие значения показателя у предприятий, занятых в высокотехнологичных секторах (6,8%), в т. ч. в производстве электронных компонентов, аппаратуры для радио, телевидения и связи (8,9%), медицинской техники и приборов (8,8%) [3]. В то время как в странах ЕС этот показатель составляет свыше 60% [36].

Отдача от затрат на технологические инновации, выражающаяся в отношении объема отгруженных инновационных товаров, работ, услуг на рубль затрат на технологические инновации, увеличилась почти в два раза: с 1,1 руб. в 2000 г. до 1,95 руб. в 2017 г. Это косвенно свидетельствует о повышении эффективности управления ресурсами. Однако в 2017 году наблюдается снижение данного показателя относительно уровня 2013 и 2015 годов. Своего максимума в анализируемом периоде он достиг в 2015 году – 2,6 руб. Но всё же его значения несколько уступают значениям у предприятий крупного и среднего бизнеса. Тогда как, по данным National Science Foundation, эффективность затрат на НИОКР малых инновационных предприятий США в четыре раза выше, чем крупных компаний [37].

Потребителями продукции МИП выступают в основном другие промышленные предприятия сектора малого бизнеса, крупные предприятия, реже продукция реализуется на потребительском рынке. Доля государственных закупок крайне мала – порядка 5% [29].

Судя по данным работы [38], более 60% малых инновационных предприятий вели разработку инноваций самостоятельно; еще 16,4% – с привлечением сторонних организаций; 5,8% – путем изменения продукции, разработанной

Таблица 4. Динамика объема инновационных товаров, работ, услуг предприятий промышленного производства [28, 29]

Показатель	Год									
	2000	2001	2003	2005	2007	2009	2011	2013	2015	2017
Объем отгруженных инновационных товаров, выполненных работ, услуг малых предприятий в текущих ценах, млрд. руб.	0,93	1,08	1,12	3,10	12,64	10,21	16,39	27,13	31,27	37,5
Объем отгруженных инновационных товаров, выполненных работ, услуг малых предприятий в постоянных ценах 2000 г., млрд. руб.	0,19	0,19	0,15	0,3	0,92	0,62	0,76	1,10	1,10	1,2
Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг малых предприятий, %	0,15	0,15	0,13	0,07	0,03	1,38	1,48	2,07	1,64	1,59
Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг крупных и средних предприятий, %	4,4	н/д	н/д	5,0	5,5	5,0	6,3	9,2	8,4	7,2
Объем отгруженных инновационных товаров, работ, услуг субъектов малого предпринимательства на рубль затрат на технологические инновации, руб.	1,1	1,1	0,9	1,6	1,2	1,5	1,7	2,0	2,6	1,95
Объем отгруженных инновационных товаров, работ, услуг крупных и средних предприятий на рубль затрат на технологические инновации	3,1	н/д	н/д	4,3	4,4	2,4	3,9	4,1	3,2	3,0

другими организациями. При этом, как показало наше исследование [39], на предприятиях имеются накопленные, но не материализованные разработки, коммерциализация которых является необходимым условием для запуска перехода от экстенсивного типа развития предприятий к инновационному.

Наряду с материально-техническими, финансовыми и сбытовыми проблемами остро стоит для МИП и вопрос нехватки кадров [35]. Причем зачастую он связан с отсутствием инновационных менеджеров, способных обеспечить организацию коммерциализации имеющихся на предприятии разработок [32, 40], что выражается в наличии управленческих проблем.

Так, по результатам анализа данных, полученных нами с помощью опросов¹⁰ малых

¹⁰ По результатам опросов сформированы базы данных, на которые получены авторские свидетельства о гос. рег. Федеральной службы интеллектуальной собственности: № 2012620336; № 2012620526.

предприятий на предмет ведения ими инновационной деятельности [40, 41, 42, 43], можно заключить, что основная их часть не имеет стратегического плана, включающего направления инновационного развития. В структуре предприятий нет подразделений либо сотрудников, ответственных за инновации, не организовано управление интеллектуальной собственностью. Система, стимулирующая изобретательскую и рационализаторскую деятельность, присутствует только на трети предприятий. Это говорит о том, что вопросы, связанные с активизацией инновационной деятельности, пока не входят в число высших приоритетов опрошенных руководителей. Управленческие методы в данном направлении задействованы крайне слабо. Таким образом, деятельность по реализации инновационного потенциала выступает скорее частным проявлением, нежели стратегическим направлением, развития предприятий.

Деятельность МИП, созданных при научно-образовательных учреждениях

Согласно Реестру учета уведомлений о создании хозяйственных обществ и хозяйственных партнерств [44] по состоянию на 21 января 2019 г., в нем содержатся сведения о создании 2890 МИП, из них 531 предприятие (18%) из Реестра исключено. В уставные капиталы МИП их учредителями внесено право на коммерциализацию более 3,1 тыс. результатов интеллектуальной деятельности.

Наибольшее количество МИП было зарегистрировано в 2011 году (526), наименьшее – в 2018 (84; рис. 5). Следует отметить, что активность создания МИП после 2011 г. стабильно падает. Возможно, это говорит об исчерпании

научно-технических разработок вузов, обладающих достаточным потенциалом коммерциализации в российских условиях.

Поквартальный анализ данных регистрации МИП [44] показывает, что наибольшее их количество создается в IV квартале, что косвенно может свидетельствовать о регистрации фиктивных МИП для формирования отчетности, соответствующей определенным показателям эффективности.

Порядка 70% малых инновационных предприятий созданы в научно-образовательных учреждениях трех федеральных округов (табл. 5): Центрального (28,6% общего числа МИП при НОУ), Сибирского (20%) и Приволжского (18%).

Рис. 5. Динамика создания хозяйственных обществ (партнерств) в научно-образовательной сфере [44]

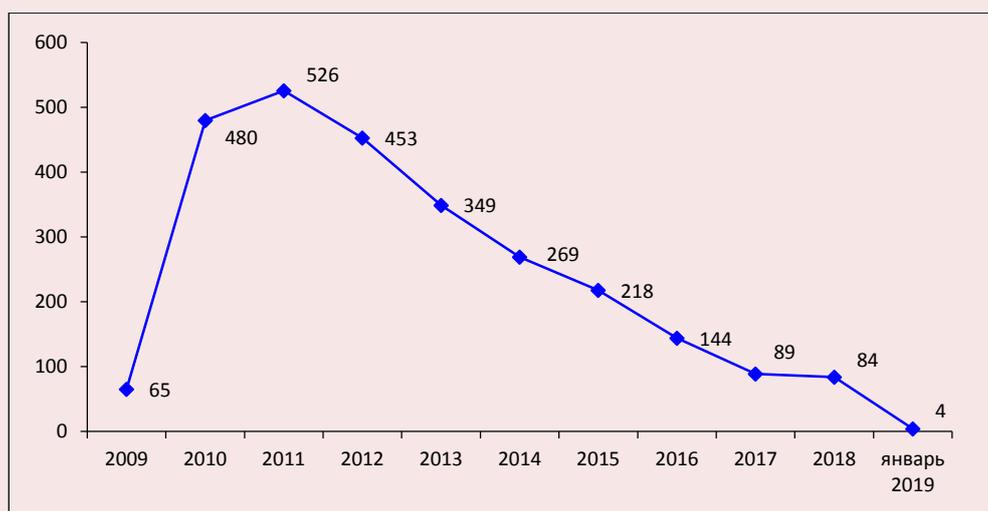
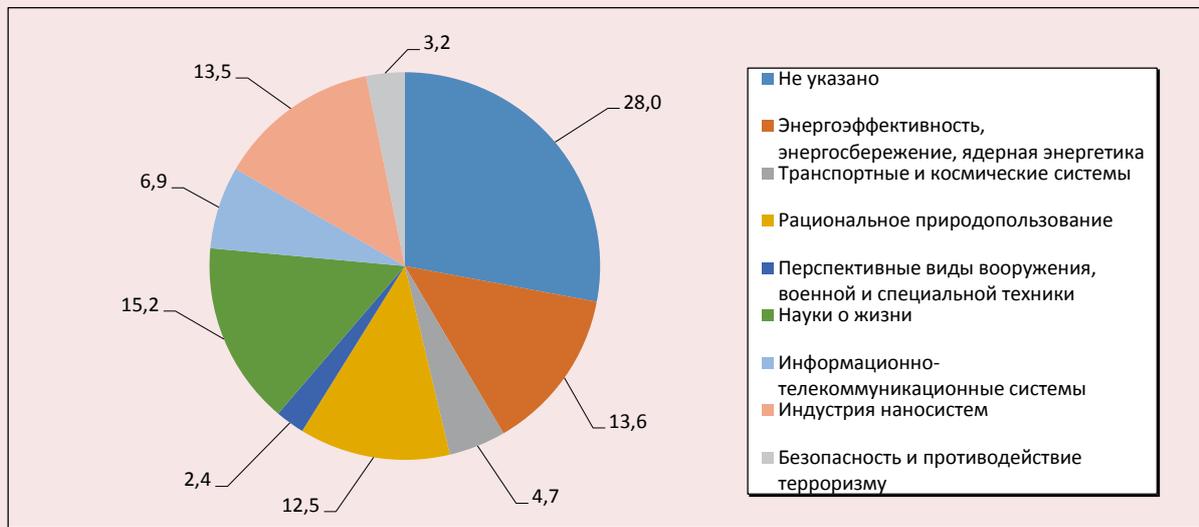

Таблица 5. Распределение малых предприятий по федеральным округам [29, 44, 45]

Территория	Число малых предприятий*, ед. ¹⁾	Число МИП, созданных по ФЗ №217, % ¹⁾		Уровень инновационной активности МИП в сфере промышленности, % ²⁾
		ед.	%	
РФ	222755	2890	100	5,2
В т. ч.:				
Центральный ФО	80845	826	28,57	5,8
Приволжский ФО	40982	190	18,39	5,2
Северо-Западный ФО	28886	109	11,64	5,5
Сибирский ФО	22415	531	20,3	5,6
Уральский ФО	18056	336	7,6	4,6
Южный ФО	17182	92	6,56	4,4
Дальневосточный ФО	10058	587	3,77	2,6
Северо-Кавказский ФО	4331	220	3,17	2,9

* Юридические лица, без учета микропредприятий. ¹⁾ – данные по состоянию на январь 2019 г. ²⁾ – данные за 2017 г.

Рис. 6. Распределение МИП при НОУ по приоритетным направлениям науки, технологий и техники РФ, % [48]

Основные выгоды от создания МИП, по мнению их учредителей, это: «повышение престижа учреждения (4,22 из 5 баллов¹¹); вывод на рынок перспективных для коммерциализации РИД (4,17); повышение позиции учреждения в рейтингах за счет увеличения соответствующих показателей» и др. [27].

Если говорить об уровне инновационной активности МИП при НОУ, то гипотетически она должна равняться 100%, т. к. все предприятия, создаваемые согласно ФЗ-№217, должны быть направлены на коммерциализацию результатов интеллектуальной деятельности. Однако фактически, судя по результатам исследования [46], на ведение инновационной деятельности ориентированы примерно 10% таких МИП.

В работе специалистов РИНКЦЭ [47] приводится структура распределения МИП при НОУ по приоритетным направлениям науки, технологий и техники РФ (рис. 6). Как видно из рисунка, наибольшее число предприятий

¹¹ 5 баллов означает полное согласие с утверждением в анкете и соответствие действительности влияния указанного фактора (источник: Деятельность малых инновационных предприятий, созданных в сфере образования и науки / Т.И. Турко, В.Ф. Федорков, Н.Н. Одинцова, О.В. Фахурдинов, А.А. Тимохин // Инноватика и экспертиза: науч. тр. ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ. М.: ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ, 2018. Вып. 1. С. 8–21.

осуществляют деятельность в области энергоэффективности, энергосбережения, ядерной энергетике (13,6% МИП при НОУ), рационального природопользования (12,5%), наук о жизни (15,2%), индустрии наносистем (13,55%), еще треть предприятий направление не указали.

По состоянию на конец 2016 г. численность персонала¹² МИП при НОУ составила 8729 человек¹³ [27]. В этом же году 80% МИП в научно-образовательной сфере имели годовую выручку до 1 млн. руб., из них 60% – нулевую выручку, еще 5% – до 100 тыс. руб. [27].

Структура заказчиков продукции/услуг МИП, показавших ненулевую выручку, выглядела следующим образом: подавляющая часть – 62,7% – приходится на предприятия, 11% составил заказ учредителя МИП, 4,1% – федерального бюджета, 0,8% – бюджета субъекта РФ [27]. Еще 22,1% продукции/услуг были реализованы на потребительском рынке.

¹² Включая внешних совместителей и лиц, выполнявших работу по договорам гражданско-правового характера.

¹³ Сведения представлены по 2521 МИП, что составляет 88% их общего числа при научно-образовательных учреждениях страны (источник: Деятельность малых инновационных предприятий, созданных в сфере образования и науки / Т.И. Турко, В.Ф. Федорков, Н.Н. Одинцова, О.В. Фахурдинов, А.А. Тимохин // Инноватика и экспертиза: науч. тр. ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ. М.: ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ, 2018. Вып. 1. С. 8–21.

Согласно данным опроса [27], только 11% МИП привлекали финансирование. Структура этих средств по источникам финансирования следующая: 62,5% составляли кредиты и займы, 29,6% – средства фондов¹⁴, 5,5% – средства бюджета (в форме субсидий, бюджетного кредита), 2,5% – средства учредителя. Следовательно, большая часть финансирования приходится на кредиты и займы. Всего за 2016 год их было привлечено в размере 2,8 млрд. руб. Однако данным источником финансирования пользовались всего лишь 3% предприятий от общего количества обследованных [27].

Для МИП при НОУ, так же как и для МИП, созданных в промышленном секторе, остро стоит проблема кадрового обеспечения. Согласно данным анкетного опроса учредителей МИП при НОУ, «наибольшие препятствия для создания новых МИП заключаются в следующем: нагрузка на профессорско-преподавательский состав и занятость научных работников не позволяет в полной мере заниматься коммерциализацией РИД (3,75 из 5 баллов¹⁵); оценка и правовая охрана РИД требуют организационных и финансовых затрат и усилий (3,67); не хватает инициативных людей, готовых возглавить МИП (3,62); авторы РИД не всегда заинтересованы в их коммерциализации через механизм создания МИП (3,46); созданные МИП требуют постоянного консультационного, организационного сопровождения (3,37)» и др. [27].

В числе основных причин, затрудняющих коммерциализацию результатов интеллектуальной деятельности через механизм МИП, их руководителями выделены следующие: преференции МИП, предоставленные государством, недостаточны (3,91 из 5 баллов); в среде вузов и НИИ не хватает навыков ведения предпринимательской деятельности для успешного создания МИП (3,87). Кроме того, руководителями МИП отмечается недостаток информации о перспективах рынка [49]. Таким образом, про-

блема управления для малых инновационных предприятий при научно-образовательных учреждениях также стоит крайне остро и существующей инфраструктурой поддержки она не решается.

Динамика развития малого инновационного бизнеса: выводы по результатам анализа

В соответствии с результатами нашего анализа на основе изучения доступных статистических и опросных данных можно сделать следующие выводы.

1. Масштабы ведения инновационной деятельности малыми предприятиями, функционирующими и в промышленном, и в научно-образовательном секторе России, незначительны.

2. В количественном выражении динамика числа МИП, создаваемых при НОУ, ежегодно уменьшается, что свидетельствует о снижении темпов этого процесса. Число МИП в промышленности в целом за рассматриваемый период имеет тенденцию к росту. Периоды уменьшения их количества коррелируют с кризисными ситуациями в экономике страны.

3. Существенным недостатком развития малого инновационного бизнеса является его высокая территориальная концентрация. Порядка 70% МИП создано в научно-образовательных учреждениях трех федеральных округов: Центрального (28,6% общего числа МИП при НОУ), Сибирского (20%) и Приволжского (18%). В этих же округах наблюдается наибольший уровень инновационной активности МИП в промышленности.

4. В отраслевом разрезе инновационная деятельность малых предприятий характеризуется неравномерностью и достаточно сильно поляризована.

5. Количественные параметры, характеризующие инновационную деятельность МИП промышленного сектора, превышают аналогичные параметры МИП при НОУ. Так, в среднем на одно МИП промышленного сектора приходится 49 человек, средняя выручка в расчете на одно МИП – 26,1 тыс. руб. Аналогичные показатели у МИП при НОУ – 3–4 человека и 12,7 тыс. руб. соответственно. Однако если соотнести объем средней выручки и среднее количество сотрудников предприятий, то получается, что МИП при НОУ работают с большей отдачей.

¹⁴ Таких как Фонд содействия инновациям и т. п.

¹⁵ 5 баллов означает полное согласие с утверждением в анкете и соответствие действительности влияния указанного фактора. Источник: Деятельность малых инновационных предприятий, созданных в сфере образования и науки / Т.И. Турко, В.Ф. Федорков, Н.Н. Одинцова, О.В. Фахурдинов, А.А. Тимохин // Инноватика и экспертиза: науч. тр. ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ. М.: ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ, 2018. Вып. 1. С. 821.

6. Более 60% МИП при НОУ работают с нулевой выручкой, что с точки зрения рыночной экономики крайне неэффективно. В промышленности предприятие с нулевой выручкой закрывается, т. к. его содержание будет лишено экономического смысла, а МИП при НОУ в такой ситуации останется востребованным, поскольку может быть использовано для отчетности. И так, если для МИП в промышленности, как правило, ключевым мотивом ведения инновационной деятельности выступает конкуренция, то для МИП при НОУ это еще и хорошая отчетность (что, по сути, также служит косвенным конкурентным преимуществом, но не на рынке инноваций, а в среде других вузов и НИИ).

7. Ресурсные возможности МИП обоих секторов выступают серьезным фактором, ограничивающим развитие инновационной деятельности.

8. Результативность инновационной деятельности малых предприятий остается невысокой.

9. В число ключевых проблем наряду с нехваткой финансовых и технико-технологических ресурсов входят проблемы управленческого характера, обусловленные отсутствием сформированной системы управления процессами развития инновационных производств, низким уровнем инновационного менеджмента. Важный фактор представляет и отсутствие у малых предприятий финансовой возможности для расширения штата с целью формирования подразделения, отвечающего за инновационное развитие (имеющиеся сотрудники загружены текущей работой, связанной с обеспечением производственного/учебного/научно-исследовательского процесса).

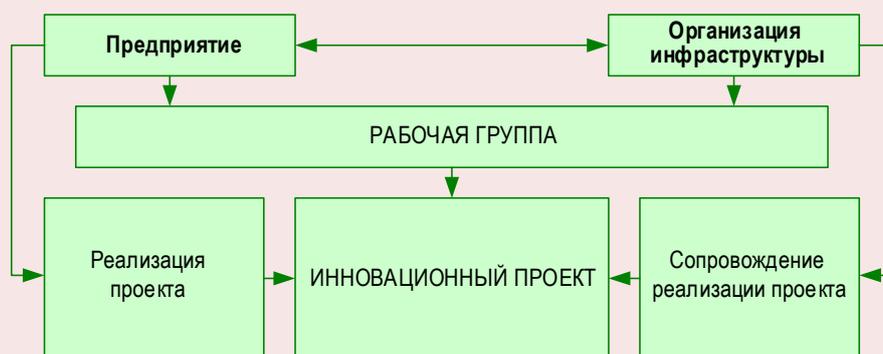
Таким образом, проведенный нами анализ свидетельствует о наличии схожих проблем в развитии МИП обоих секторов экономики. Инновационная активность российских малых предприятий крайне низкая, что позволяет делать заключения лишь об их потенциальных возможностях и выводит на первый план вопросы поиска путей активизации уже действующих предприятий, а не создания новых.

Управленческие проблемы МИП и пути их решения

В аналитической части статьи было установлено, что для перевода малых предприятий на инновационные рельсы критически важно решить проблемы управленческого характера, обусловленные нехваткой собственных компетенций и трудностями, вызываемыми отвлечением управленческих ресурсов компании от текущей деятельности.

Следует отметить, что обстоятельства реализации управления инновационной деятельностью имеют значительное сходство с условиями осуществления проектной деятельности [40, 50]. Эффективность активного внедрения в систему управления на предприятиях проектного подхода подтверждается и зарубежной практикой, и опытом крупных предприятий. В последних для применения рассматриваемого подхода создаются проектные офисы, представляющие собой структуру, осуществляющую поддержку реализации процессов управления инновационным проектом. Однако малые предприятия такой возможности не имеют. Поэтому в работе предлагается внедрение проектного подхода на предприятии с привлечением ресурсов организаций инновационной инфраструктуры (рис. 7).

Рис. 7. Модель взаимодействия при применении проектного подхода на малом инновационном предприятии с привлечением ресурсов организаций инновационной инфраструктуры

Разработанная модель ориентирована прежде всего на конечные стадии инновационного процесса, когда элементы проектного управления, связанные с проектированием и постановкой задач, уже решены. То есть она направлена непосредственно на коммерциализацию имеющихся результатов интеллектуальной деятельности.

Отличительной особенностью модели является учет разделения процессов проекта на направленные на получение инновационного продукта и на управление процессами по его получению от стадии инициации до реализации на рынке. В модель включены отобранные экспериментальным путем на реальных объектах исследования методы и инструменты по управ-

лению реализацией проекта, которые берет на себя организация инновационной инфраструктуры (табл. 6).

Выбранные методы и инструменты соответствуют решаемым задачам в рамках применения проектного подхода при реализации инновационных проектов на малых и микропредприятиях как промышленного, так и научно-образовательного сектора.

При реализации модели целесообразно использование специальных методик, таких как методика технологического аудита RTTN-IRC, система качества EBN; формат представления информации (при поиске партнеров через сети трансфера технологий) должен быть стандартизированный, совместимый с форматом EEN.

Таблица 6. Методическое обеспечение реализации проектного управления на предприятиях при участии организации инновационной инфраструктуры [50]

Функция проектного управления	Методы и инструменты
Инициация	Технологический аудит
	Выявление и описание технологического потенциала (предложений) и /или технологических потребностей (запросов)
	Маркетинговое исследование рынка
	Оценка наличия основных средств и необходимых площадей для реализации проекта
	Оценка наличия необходимых сотрудников (количество и их квалификация, опыт выведения инновационных продуктов на рынок)
	Оформление прав на интеллектуальную собственность
	Поиск источников финансирования проекта
Планирование	Разработка календарного плана реализации проекта
	Разработка производственного плана и плана продаж
	Разработка финансового плана (бюджетирование)
	Определение и оценка возможных типов и источников рисков, разработка мер по их уменьшению
	Разработка предложений по формированию команды квалифицированных специалистов (руководящие кадры, инженерно-технические работники, специалисты отдела маркетинга), необходимых для реализации инновационного проекта. Разработка схемы привлечения специалистов
	Разработка организационной структуры управления
	Разработка бизнес-плана
Исполнение	Привлечение инвестиций для реализации инновационного проекта
	Поиск партнеров для реализации проекта
	Оказание методической и информационной поддержки участникам проекта
	Сопровождение инновационного проекта
Координация реализации проекта	Подготовка протоколов встреч, рабочих групп, протоколов о намерениях
	Перенаправление клиентов к партнерским организациям
Контроль	Разработка отчетности по проекту для разных уровней управления
	Мониторинг текущего состояния проекта и формирование управленческой отчетности
	Контроль функционирования системы коммуникаций
Завершение	Оформление прав на интеллектуальную собственность
	Подготовка научно-технического отчета о реализации проекта
	Подготовка финансового отчета

Таблица 7. Оценка результативности применения проектного подхода с использованием разработанной модели (на примере некоторых объектов исследования)

Показатель	Значение показателя в год до применения проектного подхода	Год реализации проекта				
		1-ый	2-ой	3-ий	4-ый	5-ый
ОАО «Оптимер». Проект: Организация серийного производства модульных блок-контейнеров, предназначенных для установки технологического оборудования по очистке воды, стоков и эксплуатации в неблагоприятных климатических условиях (начальная стадия: единичное производство)						
Доля инновационной продукции в общей выручке предприятия, %	10	30,9	55,0	56,8	59	60
Количество вновь созданных и (или) модернизируемых высокопроизводительных рабочих мест, чел.	2	3	4	5	8	10
Количество завершенных НИОКР, перешедших в стадию коммерциализации	1	0	0	0	0	0
Число объектов интеллектуальной собственности, принадлежащих предприятию, нарастающим итогом, ед.	0	1	1	1	1	1
ООО «Октава-Плюс». Проект: Импортозамещающий посадочный модуль для выращивания зеленых культур методом проточной гидропонии в автоматизированных рассадных комплексах (начальная стадия: мелкосерийное производство)						
Доля инновационной продукции в общей выручке предприятия, %	9,3	16,6	28,2	40,6	45	50
Количество вновь созданных и (или) модернизируемых высокопроизводительных рабочих мест, чел.	10	5	3	3	4	4
Количество завершенных НИОКР, перешедших в стадию коммерциализации	1	0	0	0	0	0
Число объектов интеллектуальной собственности, принадлежащих предприятию, нарастающим итогом, ед.	1	2	2	2	2	2

Положительный опыт внедрения такого подхода получен в рамках работы Центра трансфера и коммерциализации технологий ФГБУН ВолНЦ РАН и предприятий малого бизнеса. Некоторые результаты апробации предложенной модели представлены в *таблице 7*.

Внедрение модели на малых и средних предприятиях Северо-Западного федерального округа обеспечило в период 2010–2017 гг. запуск 33 инновационных проектов.

Заключение

В целом можно сделать вывод о том, что сектор генерации и внедрения инноваций малого бизнеса крайне мал, развивается медленно и фрагментарно. Несмотря на высокую значимость и существенное влияние этих предприятий на формирование эффективной национальной инновационной системы, уровень их состояния и развития является недостаточным для обеспечения экономической безопасности и не соответствующим потреб-

ностям современного этапа экономического развития страны. Поэтому стимулирование и поддержку деятельности МИП необходимо расширять. При этом требуются новые механизмы стимулирования создания и поддержки развития малых инновационных предприятий с учетом текущих проблем, препятствующих их развитию. Здесь на первый план должны выйти вопросы, связанные не только с созданием новых МИП, но и с активизацией инновационной деятельности уже существующих предприятий. Одно из таких направлений – содействие в решении управленческих проблем МИП. Ввиду этого разработана и практически применена на предприятиях модель внедрения проектного управления с привлечением ресурсов организаций инновационной инфраструктуры. Внедрение модели способствует становлению малых инновационных предприятий и укреплению их позиций на рынке инноваций.

Литература

1. Индикаторы инновационной деятельности: 2018: статистический сборник / Н.В. Городникова, Л.М. Гохберг, К.А. Дитковский и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2018. 344 с.
2. Производительность труда в топ-100 крупнейших промышленных компаний России // Альманах «Управление производством». Режим доступа: http://www.up-pro.ru/library/production_management/productivity/top100-chislennost.html.
3. Результативность инновационной деятельности малых предприятий промышленного производства // Информационный бюллетень серии «Наука, технологии, инновации» НИУ «Высшая школа экономики», 28.09.2016. Режим доступа: <https://issek.hse.ru/news/190954895.html>.
4. Модернизация экономики на основе технологических инноваций / А.Н. Асаул [и др.]. СПб: АНО ИПЭВ, 2008. 606 с.
5. Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 2 июня 2016 г. №1083-р // СПС «К+».
6. Россия и страны – члены Европейского союза. 2017: Стат. сб./ Росстат. М., 2017. 264 с.
7. Предпринимательство в регионе: состояние, перспективы: монография / С.В. Теребова, О.В. Подолякин, В.С. Усков, С.Ю. Егорихина. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2011. 160 с.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 11.02.2013) // СПС «К+».
9. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М.: Прогресс, 1982. 401 с.
10. Друкер П. Рынок: как выйти в лидеры. Практика и принципы. М., 1992. 349 с.
11. Богачева Д.В. Стратегия развития малого инновационного предпринимательства как объекта государственного управления : автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб, 2006. 20 с.
12. Шкуратов С.Е. Выбор стратегии развития малого инновационного предприятия на основе матричной модели: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2006. 25 с.
13. Vannock G. *The Economics of Small Firms: Return from the Wilderness*. Oxford: Blackwell, 1981. IX. 130 p.
14. Berry M.M.J. Technical entrepreneurship, strategic awareness and corporate transformation in small high-tech firms. *Technovation*, 2004, no. 16, pp. 487–498.
15. Marc H.M. *New product strategy in small high technology firms: a pilot study*. (Classic reprint). Forgotten Books, 2015. 46 p.
16. Oakey R. Technical entrepreneurship in high technology small firms: some observations on the implications for management. *Technovation*, 2003, no. 23, pp. 679–688.
17. *Oslo manual: guidelines for collecting and interpreting innovation data*. 3rd edition. A joint publication of OECD and Eurostat, 2005. 166 p.
18. *Small Firms and Technology: Acquisitions, Inventor Movement, and Technology Transfer*. SBA Office of Advocacy, 2004. Available at: www.sba.gov/advo/research/rs233tot.pdf.
19. Berry M.M.J. Technical entrepreneurship, strategic awareness and corporate transformation in small high-tech firms. *Technovation*, 2004, no. 16, pp. 487–498.
20. Федеральный закон от 29.12.2015 №408-ФЗ (последняя редакция) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (принят ГД РФ 23.12.2015) // СПС «К+».
21. Приказ Росстата от 06.08.2018 №487 (ред. от 14.01.2019) «Об утверждении статистического инструментария для организации федерального статистического наблюдения за деятельностью в сфере образования, науки, инноваций и информационных технологий» // СПС «К+».
22. Федеральный закон от 24.07.2007 №209-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // СПС «К+».
23. Федеральный закон от 02.08.2009 №217-ФЗ (ред. от 29.12.2012) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам создания бюджетными научными и образовательными учреждениями хозяйственных обществ в целях практического применения (внедрения) результатов интеллектуальной деятельности» (принят ГД РФ 24.07.2009; действующая редакция от 29.12.2012) // СПС «К+».

24. Приказ Росстата от 30.08.2017 №563 (ред. от 06.08.2018) «Об утверждении статистического инструментария для организации федерального статистического наблюдения за деятельностью в сфере образования, науки, инноваций и информационных технологий» // СПС «К+».
25. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 4 января 2014 г. №43 «Об организации в Министерстве образования и науки Российской Федерации работы по учету уведомлений о создании хозяйственных обществ и хозяйственных партнерств» // СПС «К+».
26. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 14 февраля 2014 г. №117 «Об утверждении формы реестра учета уведомлений о создании хозяйственных обществ и хозяйственных партнерств, созданных бюджетными научными и автономными научными учреждениями либо образовательными организациями высшего образования, являющимися бюджетными или автономными учреждениями» // СПС «К+».
27. Деятельность малых инновационных предприятий, созданных в сфере образования и науки / Т.И. Турко, В.Ф. Федорков, Н.Н. Одинцова, О.В. Фахурдинов, А.А. Тимохин // Инноватика и экспертиза: научные труды Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Научно-исследовательский институт – Республиканский исследовательский научно-консультационный центр экспертизы». М.: ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ, 2018. Вып. 1. С. 8–21.
28. Статистика науки и образования. Выпуск 4. Инновационная деятельность в Российской Федерации: инф.-стат. мат. М.: ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ, 2018. 88 с.
29. Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа: <http://www.gks.ru>.
30. Ресурсное обеспечение инновационной деятельности малых предприятий промышленного производства // Информационный бюллетень серии «Наука, технологии, инновации» / НИУ «Высшая школа экономики». 14.09.2016. Режим доступа: <https://issek.hse.ru/news/190954895.html>.
31. Индексы цен по Российской Федерации в 1998–2016 гг. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/prices/prom/tab-prom1.htm.
32. Терехова С.В. Состояние и особенности развития малого бизнеса в России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. № 1. С. 178–199.
33. Борисов В.Н., Почукаева О.В. Эффективность инвестиционной и инновационно-технологической деятельности (на примере Арктического проекта) // Проблемы прогнозирования. 2017. № 2. С. 65–77.
34. Кувалин Д.Б., Моисеев А.К., Лавриненко П.А. Российские предприятия весной 2017 г.: медленное восстановление инвестиционной активности на фоне экономической стабилизации // Проблемы прогнозирования. 2017. № 6. С. 132–143.
35. Кувалин Д.Б., Моисеев А.К., Лавриненко П.А. Российские предприятия весной 2018 г.: скепсис по поводу качества экономической политики государства и усложнение ситуации с трудовыми ресурсами. Режим доступа: <https://ecfor.ru/publication/rossijskie-predpriyatiya-vesnoj-2018g/>.
36. Брюханова Н.В. Концептуально-методические основы формирования региональной политики развития и поддержки малого предпринимательства / Н.В. Брюханова, А.Э. Саак // Менеджмент в России и за рубежом. 2010. № 5. С. 48–58.
37. Оганян А.Р. Зарубежный опыт и российская практика интеграции экономики в мировое хозяйство путем развития предприятий малого бизнеса: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. М., 2011. 26 с.
38. Инновационная активность малых предприятий промышленного производства // Информационный бюллетень серии «Наука, технологии, инновации» НИУ «Высшая школа экономики», 31.08.2016. Режим доступа: <https://issek.hse.ru/news/189052475.html>.
39. Терехова С.В. Инновационный потенциал предприятия: структура и оценка // Научные труды / Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2017. С. 336–354.
40. Терехова С.В. Механизмы повышения инновационной активности промышленных предприятий: проблемы разработки и внедрения. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2017. 300 с.
41. Императивы формирования инновационной системы в стратегии развития Вологодской области : заключительный отчет о НИР / ВНКЦ ЦЭМИ РАН; рук. В.А. Ильин; исполн. К.А. Задумкин, Е.А. Мелехина, С.В. Терехова. – Вологда, 2006. 216 с. Инв. № 02.02.00701661.
42. Модернизация системы управления развитием региональной научно-инновационной сферы: заключительный отчет о НИР / исполн. С.В. Терехова, А.М. Вячеславов. Вологда, 2013. 207 с. Инв. № 02201356857.

43. Теребова С.В., Губанова Е.С. Активизация инновационного процесса в регионе. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2009. 179 с.
44. Учет и мониторинг малых инновационных предприятий научно-образовательной сферы / ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ. Режим доступа: <https://mip.extech.ru/>.
45. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. Режим доступа: <https://ofd.nalog.ru>.
46. Андреев Ю.Н., Лукашева Н.А., Секерин В.Д. Пути усиления взаимодействия малых инновационных предприятий с промышленностью // Инноватика и экспертиза. Научные труды Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Научно-исследовательский институт – Республиканский исследовательский научно-консультационный центр экспертизы». М.: ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ, 2018. Вып. 3. С. 75–84.
47. Лукашева Н.А., Андреев Ю.Н. Роль вузов в развитии малого инновационного предпринимательства в России // Инноватика и экспертиза. Научные труды Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Научно-исследовательский институт – Республиканский исследовательский научно-консультационный центр экспертизы». М.: ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ, 2017. Вып. 3. С. 18–33.
48. Результаты государственного учета малых инновационных предприятий, созданных в сфере образования и науки России / В.Ф. Федорков, Т.И. Турко, Н.Н. Одинцова, Г.Г. Родионова // Инноватика и экспертиза. Научные труды Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Научно-исследовательский институт – Республиканский исследовательский научно-консультационный центр экспертизы». М.: ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ, 2019. Вып. 1. С. 34–41.
49. Андреев Ю.Н. Современное состояние малых инновационных предприятий при вузах и научных организациях // Инноватика и экспертиза. Научные труды Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Научно-исследовательский институт – Республиканский исследовательский научно-консультационный центр экспертизы». М.: ФГБНУ НИИ РИНКЦЭ, 2019. Вып. 1. С. 10–20.
50. Теребова С.В., Повышение инновационной активности российских промышленных предприятий в современных условиях: факторы, проблемы и механизмы: автореф. дис ... д-ра экон. наук : 08.00.05. М.: Ин-т народнохоз. прогнозирования РАН, 2018. 49 с.

Сведения об авторах

Светлана Викторовна Теребова – доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: svetlana-ter@mail.ru)

Владимир Николаевич Борисов – доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией, Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр-т, д. 47; e-mail: vnbor@yandex.ru)

Terebova S.V.

The Development of Small Innovative Business in the Industrial, Scientific and Educational Sector in Russia

Abstract. The successful functioning of the system of transformation of scientific and technical knowledge into a market product largely depends on the level of development of small innovative business. The organization paradigm of small innovative enterprises (SIE) in Russia does not yet correspond to the content of the modern world economy. At the same time, a serious problem is the gap between the proclamation of the need to increase the contribution of SIE to the economy and the actual practice. The relevant issues are the revitalization of the existing enterprises of this type, rather than the creation of new SIEs. To develop the support areas for their formation it is necessary to appropriately diagnose and assess the evolution of SIE in both industrial and research-educational sector of the country. This determines the relevance of the topic and the purpose of the research. During statistics analysis, data of Rosstat and

HSE were supplemented with data from the Scientific Research Institute – Federal Research Centre for Projects Evaluation and Consulting Services (SRI FRCEC), as well as data from author surveys. The study reveals that the level of SIE development is insufficient to ensure economic security and does not meet the needs of the current stage of the country's economic development. It is revealed that in small enterprises, innovative activity along with financial and personnel issues, is hampered by management problems associated with the fact that the management of manufacturing process of innovative products requires a certain competence and the shift of the company's management resources from current activities. In view of this, the author proposes a model of SIE development management based on the implementation of the project management mechanism in conjunction with "SIE infrastructure", ensuring the formation of SIE and strengthening its position in the market. We present the results of practical testing of this approach on real research objects, which provided the launch of 33 innovative projects during 2010–2017.

Key words: innovation, small business, small innovative enterprise, industry, development.

Information about the Authors

Svetlana V. Terebova – Doctor of Science (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Vologda Research Center of RAS (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: svetlana-ter@mail.ru)

Vladimir N. Borisov – Doctor of Science (Economics), Professor, Head of Laboratory, Institute of National Economic Forecasting of RAS (47, Nakhimovskii Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation)

Статья поступила 12.04.2019.

Бюджеты региональных центров Северо-Запада: инструменты модернизации или выживания?*

Мария Александровна ПЕЧЕНСКАЯ

Вологодский научный центр РАН

Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а

E-mail: marileen@bk.ru

ORCID: 0000-0002-6067-2103, ResearcherID: I-6618-2016

Аннотация. Статья открывает цикл исследований по вопросам развития административных центров регионов. В исследовании выдвинута гипотеза о том, что проводимая в отношении региональных центров бюджетная политика не соответствует их бюджетному состоянию и не ориентирована на такое развитие, которое сформировало бы города как опору для сбалансированного, гармоничного пространственного развития России. В связи с этим цель исследования заключается в комплексном анализе бюджетной системы и условий ее функционирования в административных центрах регионов. На основе использования экономико-математических методов выявлено, что изменение геополитических и геоэкономических условий в России негативным образом повлияло на бюджетные системы региональных центров, что проявилось в преобладании финансовой помощи в структуре совокупных доходов, устойчивой динамике несбалансированности и снижении уровня бюджетной обеспеченности населения. На основании официальных данных Росстата и Федерального казначейства выявлены ключевые тенденции развития региональных центров Северо-Запада России с 2011 года. Сделан вывод о том, что бюджеты региональных центров находятся в состоянии выживания, а не готовности к социальным преобразованиям и экономическому росту. Исходя из этого определены важные направления развития региональных центров. Материалы статьи могут быть полезны в образовательной сфере при изучении финансовых и экономических дисциплин, а также могут быть использованы научными

* Статья подготовлена в соответствии с государственным заданием для ФГБУН «Вологодский научный центр РАН» по теме НИР № 0168-2019-0005 «Исследование факторов и методов устойчивого развития территориальных систем в изменяющихся геополитических и геоэкономических условиях».

Для цитирования: Печенская М.А. Бюджеты региональных центров Северо-Запада: инструменты модернизации или выживания? // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 3. С. 77–90. DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.5

For citation: Pechenskaya M.A. Budgets of regional centers in the North-West: tools for modernization or survival? *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 3, pp. 77–90. DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.5

сотрудниками в качестве базы для дальнейших исследований и органами управления различного уровня при обосновании управленческих решений. Дальнейшая работа будет посвящена исследованию эффективности управления бюджетом регионального центра, уровня долговой нагрузки и состояния межбюджетных отношений.

Ключевые слова: территориальные системы, экономический рост, устойчивое развитие, муниципальные образования, город, региональный центр, дифференциация, бюджетная обеспеченность, периферия.

Введение в проблематику

В условиях мировой глобализации, введения политических санкций, трансформации социально-экономической системы России крайне актуальной наряду с устойчивым национальным и региональным развитием становится задача минимизации внутрорегиональных препятствий для роста. Одним из них является обострение проблем динамичного развития городов, которые в зарубежной науке и практике рассматриваются и являются драйверами национального роста и элементами структуризации территории, общества и экономики [1–5]. О необходимости создания такой движущей силы для страны упомянул Президент России В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию еще в 2018 году¹.

Однако в отличие от зарубежных городов, развитие которых, начиная со средних веков, происходило преимущественно под влиянием рыночных сил и служило удовлетворению возрастающих потребностей общества и производства, российские города имели иную траекторию роста. В условиях командно-административной экономики их формирование и развитие происходило в рамках генеральной схемы расселения. Зачастую она содержала ограничения для нового производственного строительства в некоторых городах, что приводило к инерционности развития промышленности и снижало возможности ее прогрессивной трансформации. В силу этого с середины 80-х гг. XX века советский город, как правило, не был самостоятельным участником развития государства, а функционировал лишь как элемент его административно-территориальной организации. Это означало, что появление в стране других городов как точек роста, кроме Москвы, было невозможно.

¹ Послание Президента Федеральному Собранию. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/56957>

После распада Советского Союза трансформация места России в геополитической и геоэкономической системе потребовала пересмотра пространственного развития страны, Стратегия² которого начала разрабатываться только в июне 2014 года. Вместе с тем с точки зрения административно-территориального деления утвержденная в 2019 году Стратегия в большей степени затрагивала городские агломерации с численностью населения свыше 500 тыс. человек, а также сельские поселения. В то же время такой подход сужает сферу государственного регулирования, исключая целый ряд типов городов.

Относительно городской типологии наиболее полным и обоснованным представляется нам подход Н.В. Зубаревич [6] к исследованию городов как центров роста.

Согласно данному подходу, в России выделено 4 типа городов, которые сформированы и продолжают развиваться под воздействием институциональных, экономических, социальных и иных факторов (*рис. 1*). Так, на фоне федеральных столиц и городов-«миллионников» города – административные столицы регионов с населением от 200 тыс. человек развиваются в большей степени благодаря влиянию статусного фактора, а также концентрации на своей территории экономических и человеческих ресурсов. Исторически сложилось, что с 1991 года основную выгоду от происходившего процесса децентрализации и распределения экономических и политических ресурсов в пользу субъектов РФ приобрели именно региональные столицы. Они сконцентрировали на своей территории наиболее высокооплачиваемые рабочие места, как следствие, получили заметный рост заработной платы относительно средней по региону. Однако в середине 90-х годов, по-

² Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р.

Рис. 1. Типы городов – центров роста современной России

Источник: составлено по [6].

сле смены политического вектора на централизацию и возросшего изъятия бюджетных ресурсов в вышестоящие уровни (длится и по сей день), на первый план вышел так называемый агломерационный эффект. Следует отметить, что исследованию влияния эффекта масштаба на территориальное развитие посвящены работы как отечественных [7–9], так и зарубежных ученых [10–13]. Например, М. Fujita, Р. Krugman и F.J. Venables [12] неоднократно утверждали, что роль центров развития и модернизации принадлежит именно городам, однако в разной степени и с разным качеством роста.

Не все города после проведенных в России муниципальных и межбюджетных реформ оказались готовы к конкуренции за человеческие и экономические ресурсы и потому не смогли нарастить ни человеческий капитал, ни финансово-экономический потенциал [14]. На основании изучения базы данных Росстата о муниципальных образованиях за 2017 год можно прийти к выводу, что в 53-х из 82 административных центров России обеспеченность бюджетными доходами на одного жителя ниже среднего значения. Более того, российская модель межбюджетных отношений выстроена таким образом, что предполагаемые объективные преимущества развития региональных центров стали поводом не только к сужению для них инструментария получения финансовой поддержки, но и урезания части доходных источников в целях выравнивания бюджетной обеспеченности периферийных территорий региона.

Поэтому в последнее время повышенное внимание широких научных кругов привлекает исследование факторов развития так называемых

городов с «административным ресурсом», но не являющихся городами федерального значения и имеющих численность населения до миллиона человек. В то же время важную методологическую и практическую проблему представляет необходимость повышения эффективности управления и использования потенциала городов в целях укрепления их бюджетной обеспеченности.

Исходя из изложенного наше исследование будет базироваться на гипотезе о том, что проводимая в отношении региональных центров бюджетная политика не соответствует их бюджетному состоянию и не ориентирована на такое развитие, которое сформировало бы города как опору для сбалансированного, гармоничного пространственного развития России. В связи с этим целью исследования заключается в комплексном анализе бюджетной системы и условий ее функционирования в административных центрах регионов.

Анализ состояния бюджетных систем региональных центров Северо-Запада России

Среди всего многообразия российских городов объектом данного исследования выступят региональные центры Северо-Западного федерального округа РФ. Данный выбор не случаен, поскольку этот макрорегион занимает порядка 10% территории страны (4-е место среди федеральных округов), 10% численности населения и 10% суммарного объема ВРП. Главным образом, это промышленно ориентированная территория с развитой инфраструктурой и значительной минерально-сырьевой базой, что определяет ее важное конкурентное преимущество. Наибольший вклад в формиро-

вание ВРП округа вносит г. Санкт-Петербург (42,3%), далее следуют Ленинградская, Вологодская, Архангельская области и Республика Коми, которые обеспечивают до 40% совокупного валового продукта СЗФО.

Следует отметить, что система муниципальных образований субъектов СЗФО включает в себя 40 городских округов, 159 муниципальных районов и 1497 городских и сельских поселений. В 11 региональных центрах проживает 36% населения округа, сосредоточено 30% промышленного производства, 33% розничного товарооборота, 27% прибыли организаций, 23% капи-

тальных инвестиций, занято 30% работающих в экономике. Уточним, что, в целях более объективной сопоставимости данных, объектом исследования стали административные центры регионов СЗФО (без города федерального значения Санкт-Петербурга, Ленинградской области, органы власти которой находятся в Санкт-Петербурге, и Ненецкого автономного округа).

Влияние статуса регионального центра особенно заметно в явно опережающем росте доходов его населения в сравнении со средним по региону показателем. Из *таблицы 1* видно, что в исследуемый период средняя заработная плата

Таблица 1. Сопоставление средней заработной платы в региональном центре и средней заработной платы по региону

Субъект / город	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	В среднем за 2011–2018 гг.	2018 г. к 2011 г., %
Калининградская область	19911	21526	25104	26639	28262	29451	30580	32634	26763	163,9
<i>Калининград</i>	35241	38166	40129	41553	38137	36016	38686	42450	38797	120,5
Отношение к средней по региону, %	177,0	177,3	159,9	156,0	134,9	122,3	126,5	130,1		
Новгородская область	18637	21297	23494	25225	26346	27914	29311	31275	25437	167,8
<i>Великий Новгород</i>	31937	36280	38356	38512	36426	34698	36640	39619	36558	124,1
Отношение к средней по региону, %	171,4	170,4	163,3	152,7	138,3	124,3	125,0	126,7		
Псковская область	15721	18203	19743	21004	21553	22399	23659	26868	21144	170,9
<i>Псков</i>	29333	33007	34009	34360	31322	28850	30539	32869	31786	112,1
Отношение к средней по региону, %	186,6	181,3	172,3	163,6	145,3	128,8	129,1	122,3		
Мурманская область	32342	36188	40225	43378	45989	48986	51932	57582	44578	178,0
<i>Мурманск</i>	52445	57058	60563	61993	60955	58174	61262	68497	60118	130,6
Отношение к средней по региону, %	162,2	157,7	150,6	142,9	132,5	118,8	118,0	119,0		
Республика Карелия	22174	24796	27503	29371	30704	33061	34434	38977	30128	175,8
<i>Петрозаводск</i>	36470	40483	43024	43206	40729	38656	41234	46232	41254	126,8
Отношение к средней по региону, %	164,5	163,3	156,4	147,1	132,7	116,9	119,7	118,6		
Вологодская область	20250	22649	25127	26749	27445	29303	31651	35545	27340	175,5
<i>Вологда</i>	23395	26330	29095	30812	30843	33722	35997	39705	31237	169,7
Отношение к средней по региону, %	165,1	159,5	151,9	142,8	128,9	115,7	113,7	111,7		
Архангельская область	24611	28531	32465	35572	38300	40790	42950	48100	36415	195,4
<i>Архангельск</i>	40090	43770	47446	48258	45571	43194	45098	50420	45481	125,8
Отношение к средней по региону, %	162,9	153,4	146,1	135,7	119,0	105,9	105,0	104,8		
Республика Коми	28897	33971	37717	40222	41365	43662	45689	50186	40214	173,7
<i>Сыктывкар</i>	40695	43596	47015	48020	45042	42146	44181	46115	44601	113,3
Отношение к средней по региону, %	140,8	128,3	124,7	119,4	108,9	96,5	96,7	91,9		

Источник: рассчитано автором по данным Росстата.

жителей региональных центров СЗФО превышала среднюю по региону. Наибольший разрыв по итогам 2018 года – почти на треть – наблюдался в Калининграде, тогда как в Сыктывкаре заработная плата была ниже средней по региону на 8,1%. Такое положение дел в региональном центре Республики Коми объясняется тем, что он не является основным донором республиканского бюджета, поскольку более 70% нефти региона добывается в г. Усинске (здесь средняя заработная плата превышает 70 тыс. рублей на человека) и г. Воркуте (свыше 60 тыс. рублей на человека).

Переходя к анализу состояния бюджетных систем, необходимо отметить, что с 2011 года до-

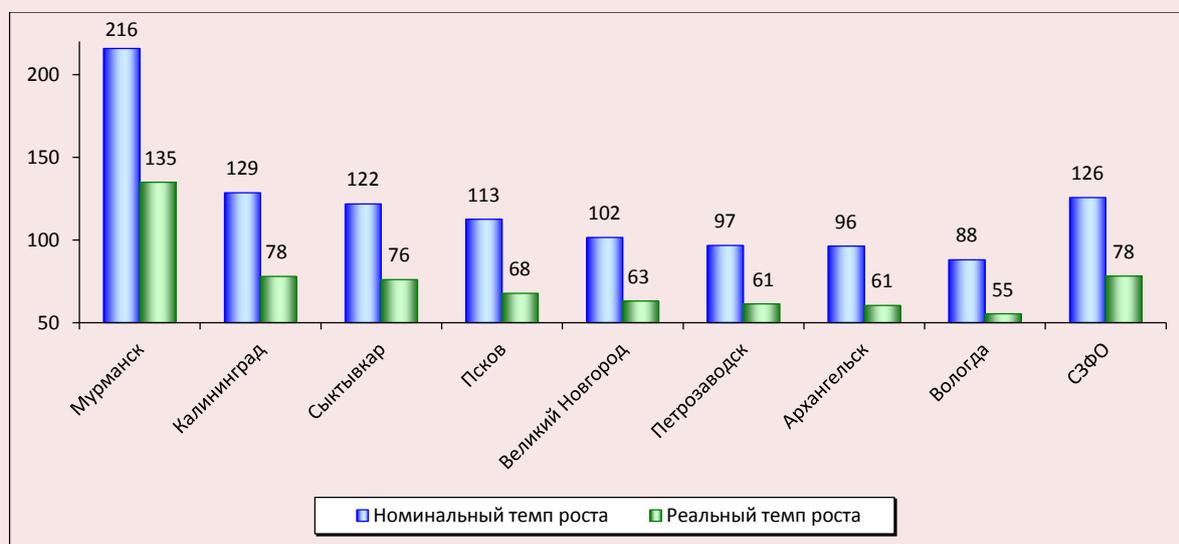
ходы административных центров СЗФО прирастали в среднем на 5%, т.е. более низкими темпами, чем в целом по городским округам (ГО) России (6,7%). В 2012 и 2015 годах наблюдалась и вовсе отрицательная динамика (табл. 2).

В основном динамика совокупных доходов городской бюджетной системы в России определяется поступлениями налогов. В анализируемом периоде номинальные темпы роста налоговых доходов региональных центров СЗФО, несмотря на колебания в динамике, были невысокими. В то же время реальный прирост произошел только в Мурманске: +35% в 2011–2018 гг., за счет роста налогов на совокупный доход и имущество (рис. 2).

Таблица 2. Динамика совокупных доходов бюджетов региональных центров (РЦ) СЗФО

Показатели	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2018 г. к 2011 г., %
<i>Мурманск</i>									
Млн. руб.	8551	8569	9261	9723	11076	11455	11970	14262	166,8
Темп роста, %	125,0	100,2	108,1	105,0	113,9	103,4	104,5	119,1	В среднем 109,9
<i>Сыктывкар</i>									
Млн. руб.	4658	5702	5658	6568	6278	7175	6873	7678	164,8
Темп роста, %	115,1	122,4	99,2	115,3	96,2	114,4	95,8	111,7	В среднем 108,8
<i>Вологда</i>									
Млн. руб.	5818	5606	6639	7361	7025	6102	6495	7902	135,8
Темп роста, %	113,2	96,4	118,4	110,9	95,4	86,9	106,4	121,7	В среднем 106,2
<i>Псков</i>									
Млн. руб.	3638	3004	3191	4113	3461	4368	3839	4666	128,3
Темп роста, %	133,1	82,7	106,2	128,9	84,1	126,2	87,9	121,5	В среднем 108,8
<i>Архангельск</i>									
Млн. руб.	7376	7053	7986	7433	7813	7939	8286	9166	124,3
Темп роста, %	103,1	95,6	113,2	93,1	105,1	101,6	104,4	110,6	В среднем 103,3
<i>Великий Новгород</i>									
Млн. руб.	4643	4327	4551	4697	4473	5207	5691	5718	123,2
Темп роста, %	108,8	93,2	105,2	103,2	95,2	116,4	109,3	100,5	В среднем 104,0
<i>Калининград</i>									
Млн. руб.	11521	12299	13074	14789	12632	11054	12831	13925	120,9
Темп роста, %	99,5	106,8	106,3	113,1	85,4	87,5	116,1	108,5	В среднем 102,9
<i>Петрозаводск</i>									
Млн. руб.	6376	5107	4961	4913	4491	5102	5129	5717	89,7
Темп роста, %	113,1	80,1	97,1	99,0	91,4	113,6	100,5	111,5	В среднем 100,8
<i>Итого по РЦ СЗФО</i>									
Млн. руб.	52581	51668	55321	59599	57250	58402	61113	69033	131,3
Темп роста, %	110,9	98,3	107,1	107,6	96,1	102,0	104,6	113,0	В среднем 105,0
<i>Всего по ГО РФ</i>									
Млрд. руб.	1453,3	1510,6	1619,5	1689,9	1684,2	1743,8	1851,8	2135,2	146,9
Темп роста, %	113,3	103,9	107,2	104,3	99,7	103,5	106,2	115,3	В среднем 106,7
Источник: рассчитано автором по данным отчетности Федерального Казначейства России; отчетов об исполнении бюджетов городских округов; Росстата.									

Рис. 2. Темпы роста налоговых доходов бюджетов региональных центров Северо-Западного федерального округа в 2011–2018 гг. (в сопоставимых с 2018 годом условиях), %

Источник: рассчитано автором по данным отчетов об исполнении бюджетов городских округов, отчетности Федерального Казначейства России, Росстата, ФНС России.

Как показывает исследование, в силу неравномерного развития производственного потенциала административных центров даже в пределах одного федерального округа существует двукратное различие в уровне среднедушевых налоговых доходов между самым высокообеспеченным городом (Мурманск) и самым низкообеспеченным (Петрозаводск) (табл. 3).

В исследуемом периоде наблюдается усиление негативной структурной трансформации

бюджетных доходов городских округов, обусловленной превышением безвозмездных поступлений над налоговыми доходами (рис. 3).

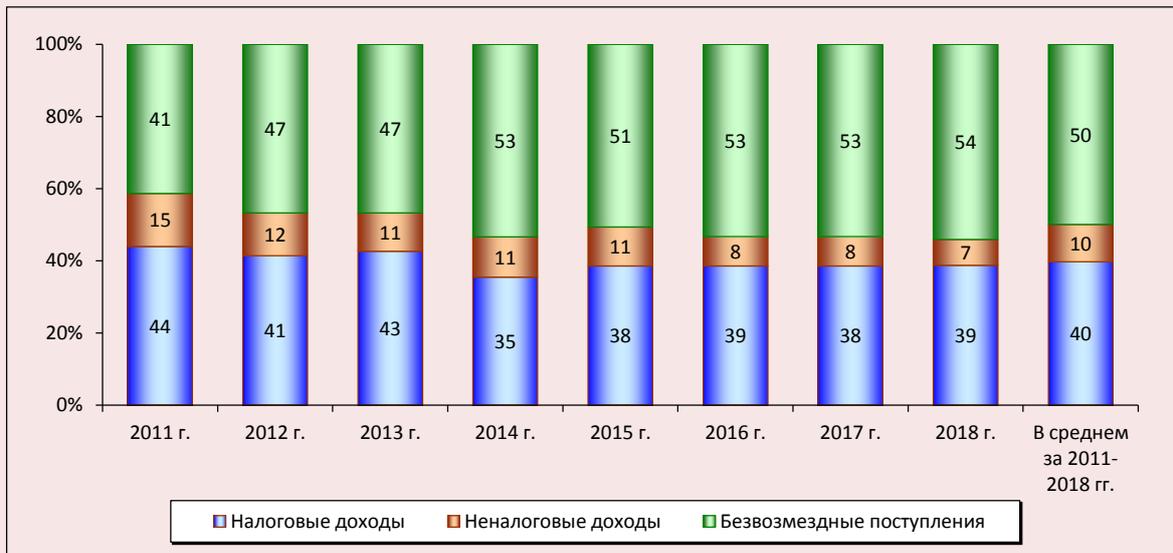
Неустойчивая динамика налоговых доходов была обусловлена преимущественно нестабильными поступлениями основного компонента доходной части бюджетов городских округов – налога на доходы физических лиц. Мурманск, Калининград, Псков и Архангельск показали увеличение сборов данного налога. Наиболее

Таблица 3. Доля региональных центров в формировании налоговых доходов консолидированных бюджетов регионов СЗФО

Субъект	Всего поступило налоговых доходов в 2011–2018 гг., млн. руб.	В % к налоговым доходам консолидированных бюджетов регионов СЗФО	Налоговые доходы на душу населения в 2018 г., тыс. руб.
Мурманск	43126	10,2	27,8
Калининград	47550	16,3	14,1
Архангельск	28249	6,4	10,9
Сыктывкар	18398	3,9	9,9
Вологда	18225	4,7	8,2
Великий Новгород	11606	6,4	7,4
Псков	11141	8,3	7,1
Петрозаводск	14281	7,9	6,9
РЦ СЗФО	192576	7,6	12,0

Источник: рассчитано автором по данным отчетности Федерального Казначейства России; отчетов об исполнении бюджетов городских округов; Росстата; ФНС России.

Рис. 3. Структура доходной части бюджетов региональных центров СЗФО, %

Источник: рассчитано автором по данным отчетности Федерального Казначейства России; отчетов об исполнении бюджетов городских округов; Росстата; ФНС России.

сильное падение налога наблюдалось в Вологде и Великом Новгороде – на 21 и 27% соответственно (табл. 4).

Решающим фактором сокращения НДФЛ стали корректировки бюджетного законодательства³, которые затронули механизм перераспределения налогов по уровням бюджетной системы. Так, нормативы отчислений данного налога в бюджеты городских округов были снижены с 30% в 2011 году до 20% в 2012–2013 гг. и до 15% в период с 2014 года. Вместе с тем следует признать, что не во всех северо-западных регионах органы государственной власти установили минимальный 15%-ный норматив отчислений НДФЛ в бюджеты городов, поэтому в территориальном разрезе наблюдался значительный разрыв в динамике поступлений налога.

В условиях проведения политики межбюджетного выравнивания бюджетные системы подавляющего большинства городских округов СЗФО характеризовались снижением собственных налоговых и неналоговых доходов,

³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 30.11.2011 № 361-ФЗ (ред. от 29.12.2017); О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 23.07.2013 № 252-ФЗ.

хотя в среднем коэффициент обеспеченности собственными доходами превышал средний коэффициент по городским округам страны (табл. 5). Так, например, в «столицах» Новгородской и Вологодской областей, имевших в 2011 г. самые лучшие показатели обеспеченности собственными средствами, произошло их снижение с 91 до 64% и с 80 до 65% соответственно.

Собственные доходы городских бюджетов СЗФО сократились в реальном выражении на 30% против номинального десятипроцентного роста. В Великом Новгороде, Вологде, Петрозаводске сокращение доходов с учетом инфляции составило 43–57%. Рост реального объема доходов показал только Мурманск (рис. 4).

Сокращение доходной части бюджетов, нарастание дисбаланса между поступлением и расходованием бюджетных средств в исследуемом периоде привели к значительному дефициту бюджетных систем городских округов. В отдельные годы его размер превышал предельные ограничения, установленные Бюджетным кодексом (10% в объеме собственных доходов). По итогам 2018 года наиболее дефицитными были бюджеты Петрозаводска и Вологды, сбалансированности удалось достичь Мурманску и Великому Новгороду (табл. 6).

Таблица 4. Поступления налога на доходы физических лиц в бюджеты региональных центров Северо-Западного федерального округа

Показатели	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2018 г. к 2011 г.
<i>Мурманск</i>									
Млн. руб.	3102	3273	3597	2886	3116	3378	3649	4128	133%
В % к налогам	82	83	72	64	60	55	53	53	-29,3 пп.
<i>Калининград</i>									
Млн. руб.	2793	3165	2906	2931	2916	3120	3276	3688	132%
В % к налогам	68	55	46	51	49	53	53	52	-16,2 пп.
<i>Псков</i>									
Млн. руб.	882	914	898	900	878	920	997	1065	121%
В % к налогам	67	68	66	65	64	66	66	64	-2,7 пп.
<i>Архангельск</i>									
Млн. руб.	2690	2609	2826	2618	2654	2264	2861	3068	114%
В % к налогам	67	80	81	79	76	73	78	79	12,2 пп.
<i>Сыктывкар</i>									
Млн. руб.	1354	1555	1744	1252	1263	1135	1193	1356	100%
В % к налогам	64	65	68	60	58	54	55	55	-9,7 пп.
<i>Петрозаводск</i>									
Млн. руб.	1568	1311	1466	1121	1093	1144	1169	1354	86%
В % к налогам	79	77	76	70	67	65	63	63	-15,9 пп.
<i>Вологда</i>									
Млн. руб.	1850	997	1092	873	988	900	982	1468	79%
В % к налогам	62	45	46	46	51	44	46	56	-6,2 пп.
<i>Великий Новгород</i>									
Млн. руб.	1069	807	900	699	674	711	729	785	73%
В % к налогам	65	57	61	51	49	53	52	52	-13,2 пп.
<i>Итого по РЦ СЗФО</i>									
Млн. руб.	15309	14630	15429	13281	13852	13572	14856	16911	111%
В % к налогам	70	67	63	61	59	57	58	59	-10,5 пп.
<i>Всего по ГО РФ</i>									
Млрд. руб.	361947	376909	420282	337001	338602	353027	374821	440319	122%
В % к налогам	64	67	68	61	61	60	59	58	-5,9 пп.

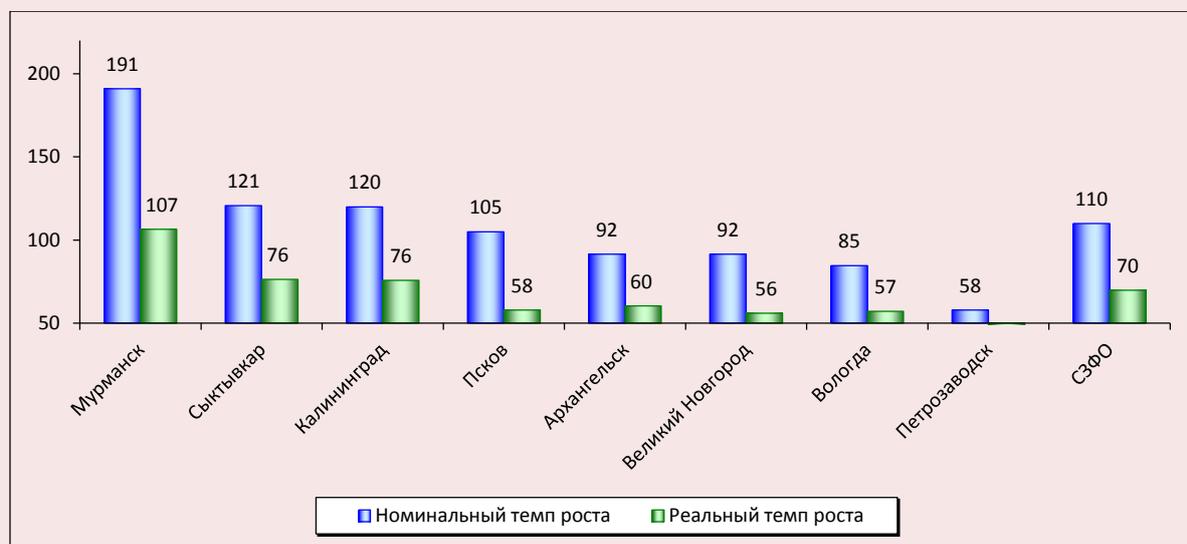
Источник: рассчитано автором по данным отчетности Федерального Казначейства России; отчетов об исполнении бюджетов городских округов; Росстата; ФНС России.

Таблица 5. Коэффициент обеспеченности собственными доходами бюджетов региональных центров СЗФО, %*

Городской округ	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	Абс. откл. 2018 г. к 2011 г.
Мурманск	0,73	0,80	0,83	0,82	0,85	0,92	0,93	0,93	0,20
Калининград	0,57	0,66	0,65	0,64	0,60	0,82	0,78	0,80	0,23
Сыктывкар	0,66	0,73	0,64	0,65	0,76	0,58	0,73	0,78	0,12
Архангельск	0,78	0,78	0,69	0,86	0,85	0,71	0,83	0,77	0,00
Петрозаводск	0,78	0,71	0,71	0,78	0,85	0,74	0,85	0,77	-0,01
Вологда	0,80	0,64	0,66	0,72	0,76	0,70	0,63	0,65	-0,15
Великий Новгород	0,91	0,65	0,65	0,78	0,80	0,57	0,53	0,64	-0,27
Псков	0,50	0,63	0,61	0,53	0,67	0,50	0,62	0,53	0,03
По РЦ СЗФО	0,71	0,70	0,68	0,72	0,77	0,69	0,74	0,73	0,02
По ГО РФ	0,62	0,63	0,63	0,63	0,63	0,64	0,63	0,63	0,01

* Коэффициент рассчитан как отношение налоговых и неналоговых доходов к расходам без учета субвенций из федерального бюджета.
 Источник: рассчитано автором по данным отчетности Федерального Казначейства России; отчетов об исполнении бюджетов городских округов; Росстата.

Рис. 4. Темпы роста собственных доходов бюджетов региональных центров Северо-Западного федерального округа, %

Источник: рассчитано автором по данным отчетности Федерального Казначейства России; отчетов об исполнении бюджетов городских округов; Росстата.

Таблица 6. Отношение дефицита к объему собственных доходов бюджетов региональных центров СЗФО, %*

Городской округ	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Петрозаводск	-3,7	0,1	-20,9	-12,8	-12,3	-9,4	-2,1	-3,8
Вологда	-8,2	-16,7	-16,3	-8,0	-11,1	-8,2	-9,3	-2,4
Сыктывкар	-5,1	14,1	-12,1	-11,0	-9,1	-16,9	-3,1	-0,7
Архангельск	11,2	6,9	5,8	5,3	2,2	7,0	0,0	-0,3
Великий Новгород	12,7	-19,2	-13,1	-9,4	-11,0	-8,7	-1,4	0,4
Мурманск	1,9	-5,1	-5,6	-9,6	-3,7	0,3	-0,4	0,7
Псков	-11,3	-8,2	-8,8	-2,7	-0,05	-0,3	-4,3	1,2
Калининград	-26,5	-7,3	-4,3	9,0	-31,7	-6,3	0,7	4,2

* Значение со знаком «-» – дефицит, со знаком «+» – профицит.

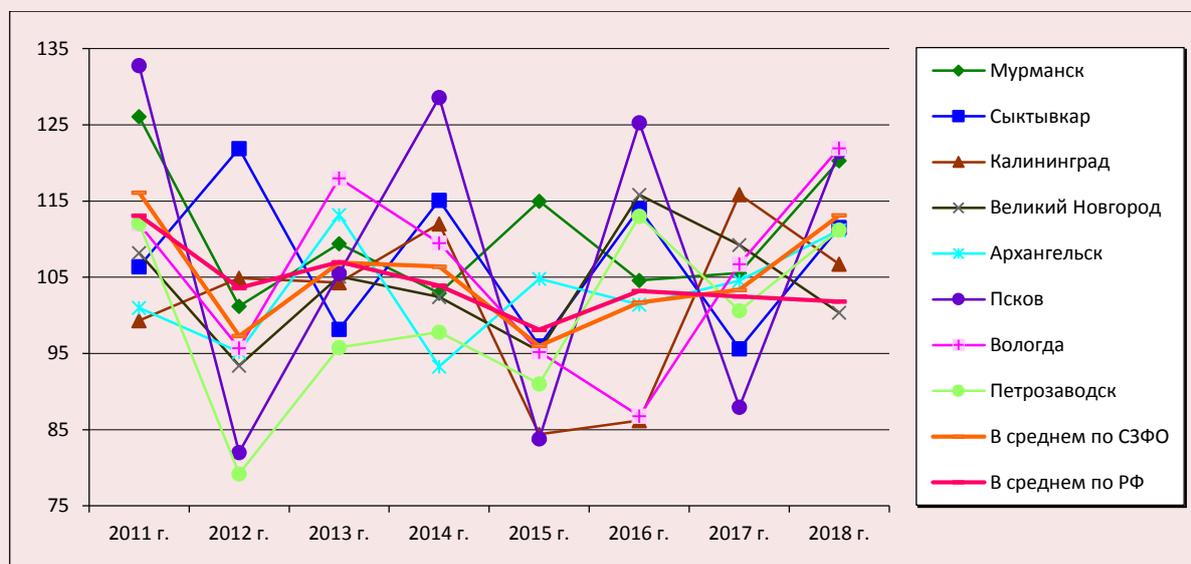
Источник: рассчитано автором по данным отчетности Федерального Казначейства России; отчетов об исполнении бюджетов городских округов; Росстата.

Исследования [14–19] подтверждают, что возможности проведения модернизации экономики и социальной сферы растут при укреплении бюджетной обеспеченности территорий. Однако анализ выявил крайне нестабильный с 2012 года уровень обеспеченности городских бюджетов, который пока не может решающим образом способствовать экономическому росту городов (рис. 5).

В отношении обеспеченности доходами жителей административных центров Северо-Запа-

да можно резюмировать, что наиболее обеспеченными в исследуемый период были жители Мурманска (рост с 28 до 48,7 тыс. руб. на человека), Сыктывкара (рост с 18,3 до 29,4 тыс. руб. на человека) и Калининграда (рост с 26,6 до 29,3 тыс. руб. на человека). Тогда как низкой обеспеченностью своих жителей характеризовались Псков (рост с 17,8 до 22,2 тыс. руб. на человека), Петрозаводск (снижение с 24,0 до 18,4 тыс. руб. на человека) и Вологда (рост с 18,6 до 24,8 тыс. руб. на человека) (табл. 7).

Рис. 5. Динамика доходной бюджетной обеспеченности региональных центров СЗФО на душу населения, в % к предыдущему году

Источник: рассчитано автором по данным отчетности Федерального Казначейства России; отчетов об исполнении бюджетов городских округов; Росстата.

Таблица 7. Обеспеченность доходами бюджета на душу населения в региональных центрах СЗФО

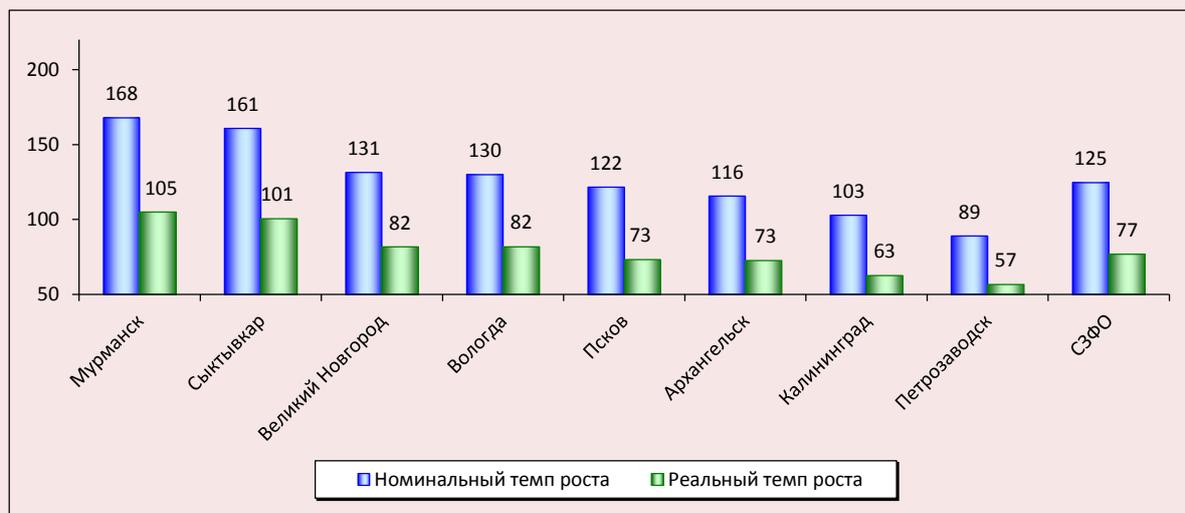
Городской округ	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2018 г. к 2011 г.	В среднем за 2011–2018 г.
Мурманск	28,0	28,3	31,0	31,9	36,7	38,4	40,5	48,7	174,1	35,4
Сыктывкар	18,3	22,3	21,9	25,2	24,2	27,6	26,4	29,4	160,9	24,4
Калининград	26,6	27,9	29,1	32,6	27,5	23,7	27,5	29,3	110,2	28,0
Архангельск	20,7	19,7	22,3	20,8	21,8	22,1	23,1	25,68	124,1	22,0
Великий Новгород	21,1	19,7	20,7	21,2	20,2	23,4	25,6	25,66	121,6	22,2
Вологда	18,6	17,8	21,0	23,0	21,9	19,0	20,3	24,8	133,1	20,8
Петрозаводск	24,0	19,0	18,2	17,8	16,2	18,3	18,4	20,5	85,3	19,0
Псков	17,8	14,6	15,4	19,8	16,6	20,8	18,3	22,2	124,9	18,2
В среднем по РЦ СЗФО	22,4	21,8	23,3	24,8	23,8	24,2	25,0	28,3	126,3	24,2
В среднем по РФ	13,8	14,3	15,3	15,9	15,6	16,1	16,5	16,8	121,7	15,5

Источник: рассчитано автором по данным отчетности Федерального Казначейства России; отчетов об исполнении бюджетов городских округов; Росстата.

Что касается расходов, то номинальные расходы бюджетов городских округов приросли на 25%, однако, по нашим расчетам, инфляционное обесценение бюджетных расходов за анализируемый период составило 23% (рис. 6).

Обеспеченность населения «столиц» регионов СЗФО бюджетными расходами в расчете на одного жителя превышала средний уровень по городам страны в 1,7 раза, но это достигалось за счет высоких показателей в Мурманске, Сыктывкаре и Калининграде (табл. 8).

Рис. 6. Динамика расходов бюджетов региональных центров СЗФО, млрд. руб.

Источник: рассчитано автором по данным отчетности Федерального Казначейства России; отчетов об исполнении бюджетов городских округов; Росстата.

Таблица 8. Динамика расходной бюджетной обеспеченности на душу населения в региональных центрах СЗФО

Городской округ	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2018 г. к 2011 г.	В среднем за 2011-2018 гг.
Мурманск	27,7	29,1	32,0	33,5	37,5	38,3	40,6	48,5	175,2	35,9
Сыктывкар	19,0	20,9	23,5	26,6	25,2	29,3	26,7	29,5	155,2	25,1
Калининград	30,5	29,0	29,9	31,2	32,4	24,6	27,4	28,6	93,9	29,2
Архангельск	22,3	20,5	23,1	21,4	22,1	23,0	22,8	25,7	115,4	22,6
Великий Новгород	19,8	21,4	21,9	22,0	21,1	24,1	25,7	25,6	129,4	22,7
Вологда	19,7	19,3	22,6	23,8	22,9	19,7	21,1	25,0	127,0	21,8
Псков	18,7	15,2	16,1	20,0	16,6	20,8	18,6	22,1	118,4	18,5
Петрозаводск	24,6	19,0	20,4	19,0	17,3	19,1	18,6	20,8	84,6	19,9
В среднем по РЦ СЗФО	23,5	22,5	24,4	25,3	25,3	24,9	25,2	28,3	120,2	24,9
В среднем по РФ	14,1	14,6	15,7	16,2	16,0	16,2	16,4	16,6	117,7	15,7

Источник: рассчитано автором по данным отчетности Федерального Казначейства России; отчетов об исполнении бюджетов городских округов; Росстата.

В остальных городах подушевая обеспеченность расходами была в основном ниже средней обеспеченности по городским округам, то есть можно в некотором роде говорить о дефиците публичных услуг населению этих городов.

Выводы

В заключение перечислим полученные нами результаты исследования бюджетных систем региональных центров СЗФО.

Во-первых, выявлено укрепление крайне негативной тенденции превышения финансовой

помощи над налоговыми доходами в бюджетах региональных столиц, которая вызвана сокращением их собственных доходов за 2011–2018 гг. на 30% в реальном выражении.

Во-вторых, доказано, что инфляционное обесценение бюджетных расходов региональных центров СЗФО за 2011–2018 гг. составило 23%, вследствие чего в ряде городов (Вологда, Петрозаводск, Псков) уровень бюджетной обеспеченности по расходам упал ниже 25 тыс. руб. на человека.

В-третьих, выявлено снижение фискальной функции налога на доходы физических лиц в результате изменений в действующей межбюджетной политике, что решающим образом повлияло на устойчивость и сбалансированность бюджетов региональных центров СЗФО.

В-четвертых, в исследуемом периоде наблюдается тенденция улучшения сбалансированности бюджетных систем городских округов СЗФО. Наиболее сбалансированными бюджетами по итогам 2018 года следует признать бюджеты Мурманска и Великого Новгорода.

Данные тенденции позволяют сделать вывод о том, что бюджеты региональных центров находятся пока в состоянии выживания, а не служат цели достижения экономического роста территорий и повышения качества жизни населения. Подобное фронтальное состояние требует особого внимания к региональным центрам со стороны государства. При этом главным образом, необходимо следующее:

- модернизация образа жизни населения региональных центров путем стимулирования развития легального малого бизнеса и роста среднего класса;
- наделение региональных центров источниками финансовых ресурсов для развития, которое возможно только при корректировке

межбюджетных отношений, в частности пропорций распределения налогов между уровнями бюджетной системы;

- создание благоприятных институциональных условий для привлечения инвестиций, что позволит создать новые рабочие места и улучшить социальную среду региональных центров.

Без радикального решения назревших проблем региональные столицы не смогут повысить уровень и качество жизни населения, а следовательно, не сконцентрируют на своих территориях человеческие ресурсы и не нарастят собственную экономическую базу.

Не случайно многие эксперты утверждают, что с помощью соответствующего государственного регулирования российские города необходимо выводить на самостоятельный уровень рыночных отношений и интегрировать в мировую экономику. Вместе с тем нельзя не отметить, что результаты и успехи города в формировании и реализации экономического потенциала и политическом влиянии на мировой арене во многом зависят от умения и способностей местных органов самоуправления использовать достижения науки, производства и культуры на своей территории, а также сочетать торговые, промышленные и инфраструктурные функции.

Литература

1. Friedmann J. Where we stand: A decade of world city research. *World Cities in a World-System*. Cambridge, 1995. Pp. 21–47.
2. Feagin J., Smith M. *Cities and the New International Divisions of Location: An Overview*. The Capitalist City: Global Restructuring and Community Politics. Oxford, 1987. Pp. 3–34.
3. Taylor P. Specification of the world city network. *Geographical Analysis*, 2001, no. 33, pp. 181–194.
4. Taylor P., Walker D., Catalano G., Hoyle M. Diversity and power in the world city network. *Cities*, 2002, no. 19, pp. 231–241.
5. Krätke S. Die globale Vernetzung von Medienzentren. Zur Diversity von Geographien der Globalisierung. *Geographische Zeitschrift*, 2002, no. 90, pp. 103–123.
6. Зубаревич Н.В. Российские города как центры роста // Управленческое консультирование. 2006. № 2(22). С. 113–118.
7. Нефедова Т.Г., Тревиш А.И. Сильные и слабые города России // Полюса и центры роста в региональном развитии. М., 1998.
8. Смирнова В.В., Шубин С.И. Развитие региональных центров Европейского Севера России в условиях советской модернизации 1920–1930-х гг. // Вопросы территориального развития. 2017. № 3 (38). URL: <http://vtr.vsec.ac.ru/article/2266>
9. Бухвальд Е.М., Печенская М.А. Возможности местных бюджетов при реализации муниципальных стратегий развития // Проблемы развития территорий. 2017. № 4. С. 37–50.

10. Буфетова А.Н. Неравномерность пространственного развития: региональные центры и региональная периферия // Регион: экономика и социология. 2009. № 4. С. 55–68.
11. Fujita M., Krugman P., Venables F.J. *The Spatial Economy: Cities, Regions and International Trade*. Cambridge, 2000.
12. Thrift N. *The Geography of International Economic Disorder. A World in Crisis? Geographical Perspectives*. Oxford, 1989. Pp. 16–78.
13. Theil H. *Economics and Information Theory*. Studies in Mathematical and Managerial Economics. Amsterdam: North-Holland, 1967. p. 120.
14. Зубаревич Н.В. Города как центры модернизации экономики и человеческого капитала // Общественные науки и современность. 2010. № 5. С. 5–19.
15. Печенская М.А. Развитие межбюджетных отношений в России в 2000 – 2015 гг. // Проблемы прогнозирования. 2017. № 2. С. 117–130.
16. Одинцова А.В. Местное самоуправление как институт развития / А.В. Одинцова // Федерализм. 2015. № 2 (78). С. 87–100.
17. Бухвальд Е.М., Печенская М.А. О бюджетных ограничениях муниципального стратегического планирования // Самоуправление. 2016. № 9 (102). С. 16–19.
18. Дядик В.В. О проблемах стратегического планирования на муниципальном уровне: российские реалии и скандинавский опыт // Региональная экономика: теория и практика. 2014. № 6. С. 53–62.
19. Ильин В.А., Поварова А.И. Проблемы эффективности государственного управления. Бюджетный кризис регионов: монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2013. 128 с.
20. Буфетова А.Н. Неравномерность пространственного развития: региональные центры и региональная периферия // Регион: экономика и социология. 2009. № 4. С. 55–68.

Сведения об авторе

Мария Александровна Печенская – кандидат экономических наук, заведующий лабораторией, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: marileen@bk.ru)

Pechenskaya M.A.

Budgets of Regional Centers in the North-West: Tools for Modernization or Survival?

Abstract. The paper opens a series of studies on the development of regional administrative centers. We put forward a hypothesis that the budgetary policy regarding regional centers does not correspond to their current budget condition and is not focused on such development that would turn cities into the pillars of the balanced and harmonious spatial development of Russia. In this regard, the goal of the study is to conduct a comprehensive analysis of the budget system and the conditions of its functioning in regional administrative centers. We use economic and mathematical methods and reveal that the changes in geopolitical and geo-economic conditions in Russia had a negative impact on the budget systems of regional centers; it was manifested in the predominance of financial assistance in the structure of total revenues, in the stable dynamics of imbalance and in a decrease in the level of budget security of the population. We use official data of Rosstat and the Federal Treasury to find out key trends in the development of regional centers of the North-West of Russia since 2011. We conclude that the budgets of regional centers are trying to survive and are not ready to implement social transformation and promote economic growth. Based on this, we define major development directions for regional centers. The materials of the paper can be of use in the educational sphere, in the study of financial and economic disciplines; they

can also be used by scientists as a basis for further research and by management bodies of various levels to substantiate management decisions. Further research will be devoted to the study of the effectiveness of management of the budget of the regional center, the level of debt burden and the state of intergovernmental fiscal relations.

Key words: territorial systems, economic growth, sustainable development, municipal entities, city, regional center, differentiation, budget security, periphery.

Information about the Author

Mariya A. Pechenskaya – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, head of laboratory, Vologda Research Center of RAS (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: marileen@bk.ru)

Статья поступила 29.05.2019.

Налогообложение цифровых услуг: вопросы теории, зарубежной практики и отечественных предпосылок

Людмила Павловна КОРОЛЕВА

Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева
Саранск, Республика Мордовия, Российская Федерация, 430005,
ул. Большевистская, д. 68
E-mail: korol.l@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8375-8524; ResearcherID: N-8494-2017

Аннотация. Реформирование корпоративного налогообложения с учетом концепции создания стоимости пользователями является необходимым этапом трансформации налоговой системы России для обеспечения ее справедливости и эффективности в условиях цифровой экономики, позволяющей крупнейшим ИТ-корпорациям извлекать сверхприбыль от использования в качестве фактора производства больших данных и оказания цифровых услуг, стоимость которых во многом зависит от участия пользователей. Цель исследования – обосновать теоретические предпосылки для повышения налоговой нагрузки на компании, использующие большие данные в качестве фактора производства; выявить тенденции и закономерности, присущие современному этапу реформирования налогообложения доходов от оказания цифровых услуг в зарубежных странах, и обосновать наличие потенциала для его применения в России. В результате проведенного исследования определены особенности больших данных как фактора производства, которые демонстрируют необходимость особого подхода к налогообложению доходов от его использования и имеют значимость для идентификации объекта налогообложения. В свете европейской налоговой реформы по созданию справедливой и эффективной системы налогообложения в условиях цифровой экономики освещены действующая практика по введению налога на цифровые услуги в странах-членах ЕС, а также полемические положения, требующие дополнительных исследований. Проведенный анализ финансовых результатов деятельности и налоговой нагрузки крупнейших ИТ-компаний Yandex N.V. и Mail.Ru

Для цитирования: Королева Л.П. Налогообложение цифровых услуг: вопросы теории, зарубежной практики и отечественных предпосылок // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 3. С. 91–106. DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.6

For citation: Koroleva L.P. Taxation of digital services: theory, international practice and domestic prerequisites. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 3, pp. 91–106. DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.6

Group за период 2013–2018 гг. позволил выявить тенденцию опережающего роста валового дохода и прибыли по сравнению с суммой уплачиваемого налога, преобладание в структуре доходов статей, попадающих под обложение налогом на цифровые услуги, а также факторы, способствующие сокращению налоговой нагрузки. Сделан вывод о наличии в России потенциала для введения налога на цифровые услуги в среднесрочной перспективе.

Ключевые слова: налог на цифровые услуги, большие данные, цифровой капитал, цифровая рента, создание стоимости пользователями, налог GAFA, налог на Google, транснациональная IT-компания.

Введение

В условиях цифровой экономики меняется структура капитала как фактора производства, а вместе с ней и источники накопления богатства. «Цифровой капитал не только заменяет различные виды человеческого труда, но и легко и дешево воспроизводит сам себя при минимальных затратах других факторов. Новые „цифровые“ технологии, интегрируя существующие источники труда и капитала и создавая новые продукты, услуги и бизнес-модели, вытесняют труд и материальный и интеллектуальный капитал» [1, с. 11]. Ярким примером данного эффекта является вытеснение с местных рынков мелких производителей и торговцев при расширении сети цифровых платформ в сфере интернета вещей.

Цифровая экономика усиливает рыночную концентрацию, монопольную власть и доходы (в том числе за счет получаемых от государства субсидий и налоговых льгот) IT-компаний и компаний в иных отраслях, в которых цифровизация становится конкурентным преимуществом. В 2018 г. в мире 50 % крупных компаний получали доходы от использования больших данных. Объем мирового рынка больших данных к 2025 г. увеличится в 4 раза по сравнению с 2015 г. и составит 90 млрд. долларов¹.

Существенно отстает от темпов развития цифровой экономики теория и практика налогообложения новых источников доходов и богатства. С одной стороны, в условиях цифровизации вполне применимы традиционные и хорошо разработанные инструменты налогообложения ренты, в данном случае цифровой. С другой стороны, специфический объект налогообложения — доходы от использования боль-

ших данных и широкий круг возможных налогоплательщиков, осуществляющих обработку персональных данных и контента, — требуют особых налоговых конструкций, позволяющих объективно оценить, а также справедливо и эффективно изъять часть цифровой ренты, не замедлив при этом темпы экономического развития. Так, в повестке XIII Саммита лидеров стран G20 ставились фундаментальные вопросы о том, «как цифровая экономика порождает ценность, когда создается ценность и как можно сообщать и собирать налоги, справедливо и эффективно, не создавая препятствий для инноваций»² (Буэнос-Айрес, 2018 г.).

Ввиду этого гипотеза исследования базируется на утверждении, что реформирование корпоративного налогообложения с учетом концепции создания стоимости пользователями является необходимым этапом трансформации налоговой системы России для обеспечения ее справедливости и эффективности в условиях цифровой экономики, позволяющей крупнейшим IT-корпорациям извлекать сверхприбыль от использования в качестве фактора производства больших данных и оказания цифровых услуг, стоимость которых во многом зависит от участия пользователей.

Проблема реформирования налогообложения цифровых услуг обусловлена отсутствием в теории и мировой практике адекватного общепризнанного инструмента (налога), позволяющего наложить справедливую налоговую нагрузку на доходы от оказания цифровых услуг.

1. Современная международная система налогообложения добавленной стоимости облагает выручку от реализации услуг, оказываемых в электронной форме, по европейской мо-

¹ Индикаторы цифровой экономики: 2018 : стат. сб. / Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневецкий, Г.Л. Волкова, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2018. С. 242.

² *Overview of Argentina's G20 Presidency 2018: Building Consensus for Fair and Sustainable Development*. 01.12.2017 г. Available at: <http://www.g20.utoronto.ca/2018/2018-Overview-en.html>

дели (в зависимости от сегмента оказания услуг по месту основного ведения деятельности покупателя или по месту его нахождения) или по новозеландской модели (по месту фактического потребления услуг). В России НДС взимается по европейской модели с 2017 г. при оказании иностранными организациями услуг в электронной форме. С 2019 г. Федеральная налоговая служба России ужесточила требования в части обязательной постановки на учет иностранных организаций. Однако существующий порядок обложения российских поставщиков электронных услуг, предполагающий ряд освобождений от уплаты в интересах стимулирования отечественной ИТ-индустрии, нередко используется транснациональными компаниями для оптимизации налоговой нагрузки, что позволяет им снижать эффективную налоговую ставку. Так, расчет фактического размера эффективной ставки по налогу на добавленную стоимость, взимаемому с иностранных и российских ИТ-компаний при предоставлении услуг в сфере цифрового контента, показал, что увеличение рентабельности их деятельности на 1% влечет за собой уменьшение начисленного к уплате в бюджет НДС на 0,1525% [2].

2. Современная международная система корпоративного налогообложения предполагает обложение доходов в странах, в которых бизнес создает стоимость. Однако этот принцип неэффективен в отношении бизнес-моделей, для которых создание стоимости частично зависит от привлечения и участия пользователей, возможно, находящихся в другой стране. Это обуславливает необходимость трансформации системы корпоративного налогообложения с учетом концепции создания стоимости пользователем. Однако это перспектива долгосрочного периода, эффективная реализация которой возможна только в странах, применяющих в отношении транснациональных компаний правила консолидированного налогообложения доходов. Как известно, в России действует мораторий на создание консолидированных групп налогоплательщиков даже внутри страны.

В связи с этим для России единственным возможным инструментом формирования справедливой налоговой нагрузки на транснациональные организации, оказывающие услуги в

электронной форме, является обсуждаемый в настоящее время в странах ЕС косвенный налог на доходы от определенных видов цифровой деятельности, так называемый налог GAFА, исследованию которого и посвящена данная статья. Его введение в России может повысить справедливость в распределении налоговых доходов между субъектами РФ в зависимости от того, где формируется прибыль от цифровых услуг (с учетом нахождения пользователя при получении услуги).

Предлагаемая в странах Европы модель налога GAFА вполне может быть встроена в российское налоговое законодательство, сформированное по образцу и во многом по подобию европейского. Однако в России данная инициатива не получила широкого освещения. В настоящее время большое внимание уделяется только совершенствованию порядка взимания НДС с цифровых услуг, так называемого налога на Google. Данное исследование привлекает внимание научной общественности, налоговых органов и иных заинтересованных групп к дискуссии по вопросам реформирования налогообложения доходов от оказания цифровых услуг в контексте концепции создания стоимости пользователем, что обуславливает его практическую значимость.

Цель исследования – обосновать теоретические предпосылки для повышения налоговой нагрузки на ИТ-компании, использующие большие данные в качестве фактора производства; выявить тенденции и закономерности, присущие современному этапу реформирования корпоративного налогообложения доходов от оказания цифровых услуг в контексте концепции создания стоимости пользователями, и обосновать наличие потенциала для его применения в России.

Методология и данные исследования

Теоретико-методологическую основу исследования составили труды Д.С. Львова [3], С.А. Кимельмана [4], Е.А. Куклиной [5], С.В. Чернявского [6], В.В. Понкратава [7] и других ученых-экономистов, занимающихся исследованием проблем рентного налогообложения природопользования [8]. Феномен «цифровой» ренты использован в содержании, предлагаемом в работах Т.Н. Юдиной [9]. Исходной информационной базой исследования

послужили публикации в зарубежной научной литературе, посвященные оптимальному налогообложению в цифровой экономике с учетом следующих ее особенностей: крупные сетевые эффекты, наличие двусторонних платформ, сбор и использование персональных данных, стирание территориальных границ для экономической деятельности [10–15]; труды группы авторов под руководством М.Р. Пинской по вопросам международного налогообложения [16], а также ряд публикаций, посвященных налогообложению операций по реализации электронных услуг [17–19].

Вместе с тем анализ перечисленных работ российских ученых позволил заключить, что совершенствованию налогообложения цифрового бизнеса в контексте концепции создания стоимости пользователями уделено недостаточно внимания. В современной научной литературе круг вопросов, связанных с налогообложением, включая выделение и идентификацию объекта налогообложения (имущество, оборот или прибыль), определение категории налогоплательщика (бизнес (корпорация), цифровой рантье, потребитель цифровых услуг) и момента возникновения обязанности по уплате налога (достижения определенного масштаба деятельности), признается одним из наиболее актуальных [20, с. 124]. Однако исследований, посвященных совершенствованию налогообложения доходов крупнейших ИТ-холдингов от обработки больших данных в контексте концепции создания стоимости пользователями, а также освещающих современную зарубежную практику налогообложения в этой сфере, нам найти не удалось. Как справедливо отметил А.Н. Козырев, «пока в дискуссиях о цифровой экономике преобладает обсуждение ее возможностей и перспектив, а также новых форм бизнеса на основе цифровых платформ и технологии блокчейн, вопросы налогообложения, как и вопросы создания и уничтожения стоимости, остаются в тени, хотя они затрагивают интересы всех субъектов экономики, включая население, бизнес и государство»³. Данное исследование по-

³ Козырев А.Н. Стоимость и налогообложение в цифровой экономике: доклад на Учёном совете ЦЭМИ РАН 16.05.2017 г. Available at: <https://medium.com/cemi-ras>

священо заполнению указанных пробелов, чем и обусловлена его научная актуальность.

Для достижения поставленной в статье цели были использованы общенаучные методы исследования (анализ и синтез, сравнение, аналогия), методы вертикального и горизонтального экономического анализа результативности деятельности организации в рамках следующих этапов:

- обоснование необходимости повышения налоговой нагрузки на получателей цифровой ренты на основе уточнения содержания категории «большие данные» как фактора производства в условиях цифровой экономики;
- исследование инициатив и опыта зарубежных стран по введению налога GAFA и его аналогов;
- анализ доходов и налоговой нагрузки крупнейших российских ИТ-компаний (Yandex N.V. и Mail.Ru Group) на предмет оценки предпосылок использования в России опыта зарубежных стран по налогообложению цифровых услуг.

Информационной базой исследования выступили резолюции стран-членов ЕС по совершенствованию корпоративного налогообложения в условиях цифровой экономики, представленные на официальных сайтах их органов власти, а также данные публичной финансовой отчетности компаний Yandex N.V. и Mail.Ru Group. Данные о финансовых результатах представлены в соответствии с управленческой отчетностью компаний, в связи с чем могут отличаться от данных на основе отчетности по МСФО. Некоторые показатели финансовых результатов деятельности компаний за 2018 г. переведены в евро по курсу 74,81, рассчитанному как среднеарифметическое значение номинального курса евро к рублю на конец каждого квартала 2018 г. (70,56; 72,99; 76,23; 79,46)⁴.

Для сравнительного анализа налоговой нагрузки на ИТ-компании Yandex N.V. и Mail.Ru Group рассчитан показатель эффективной налоговой ставки как отношение суммы налога на доходы к прибыли до налогообложения текущего года.

⁴ Данные ЦБ РФ – обменный курс рубля. Available at: <https://www.cbr.ru/statistics/?PrId=svs>

Результаты исследования

Большие данные как особый фактор производства в цифровой экономике

Большие данные характеризуются такими тремя основными признаками, как объём (англ. volume), скорость прироста, обработки и получения результата (velocity), многообразии (variety), и рядом дополнительных: достоверностью (veracity), жизнеспособностью (viability), ценностью и экономической целесообразностью обработки (value), переменчивостью (variability) и визуализацией (visualization). Во всех случаях в этих признаках подчёркивается, что определяющей характеристикой является не только физический объём больших данных, но и другие категории, существенные для представления о сложности задачи их обработки и анализа. Эти характеристики, а также базовые свойства информации, по нашему мнению, определяют ряд особенностей больших данных как фактора производства:

1. Они являются вторичным ресурсом, результатом обработки и анализа огромных объёмов первичной многообразной, структурированной и неструктурированной информации, в том числе персональных данных.

2. Имеют свойство самовозрастания — первичная информация ежеминутно возникает, непрерывно накапливается, структурируется, обрабатывается, что приводит к появлению нового информационного продукта, способного приносить специфический доход. При этом для большинства собственников первичные данные или созданный ими контент являются неэкономическим благом, имеющим малую потребительную и меновую ценность (за исключением медийных личностей, блогеров и иных физических лиц, имеющих определенный уровень известности). В противоположность им, большие данные — это экономическое благо производственного характера с высокой потребительной и меновой ценностью.

3. Имеют нулевые предельные издержки ресурса, обусловленные добровольным, обязательным и условно безвозмездным (если не брать в расчет то, что собственник данных получает возможность использовать функционал цифровой платформы, которой передает и на которой размещает свои данные) характером получения («добычи») первичных, в том числе персональных, данных у индивидов; а также

сравнительно низкие предельные издержки накопления, обработки и распространения больших данных.

4. Имеют универсальный характер, так как при должной обработке и анализе большие данные могут быть полезны и востребованы в разных производственных и непроизводственных сферах, что позволяет сделать вывод о меньшей производности спроса на большие данные от спроса на рынках конечных товаров и услуг по сравнению с другими факторами производства.

5. Являются неисчерпаемыми, неуничтожаемыми (сохранение свойств в процессе потребления) и могут приносить доход собственнику многократно (чаще всего в форме нематериального актива).

6. Имеют частичную взаимозаменяемость с другими факторами производства, высокую мобильность и легкость тиражирования, что обуславливают существование устойчивого спроса на рынке конечных товаров и услуг.

7. Приносят специфический доход — информационную дифференциальную ренту II рода, связанную с получением дополнительной прибыли при использовании информационных продуктов и услуг, повысивших свою ценность (полезность) в результате дополнительных инвестиций. Классическими источниками больших данных признаются интернет вещей и социальные медиа, которые имеют возможность получать монопольную информационную ренту в виде фиксированного избыточного дохода. В отличие от дифференциальной, монопольная информационная рента имеет устойчивый, фиксированный характер и возникает у собственников особо ценных, редких информационных ресурсов [21]. Более того, в современный научный оборот вводятся понятия информационно-цифрового капитала (большие данные и инструменты их обработки и анализа) и цифровой ренты, получаемой цифровыми платформами за счет обладания исключительным правом на использование уникального и ценного информационно-цифрового капитала [22].

Эти особенности позволяют собственникам больших данных, как части цифрового капитала — ключевого фактора производства в условиях цифровой экономики, не только быть высококонкурентоспособными, но и получать огромные доходы в виде цифровой ренты, обусловленной монопольной властью, возник-

шей в результате охвата большого количества потребителей. При этом доминирующее положение технологических компаний чаще всего обусловлено первенством выхода на рынок и консервативностью или привычкой потребителей, для которых переход на другие цифровые платформы (услуги) чреват затратами времени и потерей части данных и контактов, а иногда и вовсе невозможен, к примеру, если корпоративный бизнес (общение) ведется на определенной платформе. Ограниченность числа потребителей на планете и их физической способности (в силу ограниченности времени) использовать цифровые продукты становится одним из основных барьеров выхода на рынок новых участников, наряду с барьерами традиционными для рынков несовершенной конкуренции. Возможность иметь доступ к данным как можно большего числа потребителей — ключевой фактор конкурентоспособности бизнеса. Сами же потребители «становятся природным ресурсом, за доступ к которому (в условиях сохраняющихся суверенных стран) можно и разумно взимать плату, как за доступ к любой естественной монополии» [1, с. 13]. Плата в форме обязательного налога, который будет выступать инструментом перераспределения дивидендов цифровой экономики, представляется нам единственно адекватной масштабу получаемого дохода.

Инициативы зарубежных стран по введению налога GAFA

В настоящее время «экономика данных существует не только как нерегулируемая, но и как необлагаемая, неудивительно, что за время стремительной массовой рыночной капитализации (основанной во многих случаях на накопленных данных, хранящихся у компаний) государственные бюджеты сокращаются»⁵. Эффективная ставка налога на доходы для цифровых бизнес-моделей лежит в диапазоне от 10 до 25%. Доходы цифровых бизнес-моделей в среднем облагаются налогом по ставке 10,2%, а доходы традиционных бизнес-моделей — по ставке 22%⁶. Поэтому введение дополнительного налога на использование персональных

данных в настоящее время активно обсуждается в странах ЕС.

В январе 2013 г. Франция рассматривала инициативу по взиманию интернет-налога на сбор «сырья» интернет-бизнеса со стороны Facebook, Google, Amazon и других технологических компаний. Предлагалось установить зависимость налоговых ставок от количества пользователей, отслеживаемых специальной интернет-фирмой, которые будут проверены внешними аудиторами⁷. Конкретные элементы данного налога не были представлены широкой общественности, но развернувшаяся при этом дискуссия вышла на уровень ЕС и ОЭСР. В 2017 году уже предлагался ряд альтернатив: уравнивающий налог с оборота цифровых компаний в виде самостоятельного или встроенного в корпоративный подоходный налог; автономный налог на цифровые транзакции; налог на доходы, полученные от предоставления цифровых услуг или рекламной деятельности⁸.

В марте 2018 г. Европейская комиссия в рамках реформы справедливого налогообложения цифрового бизнеса наряду с прочими предложила инициативу по введению налога на оборот крупнейших цифровых гигантов, получившего название налога GAFA (Google, Apple, Facebook, Amazon). Предложено ввести данный налог по ставке 3% с дохода, получаемого от деятельности, в которой пользователи играют важную роль в создании стоимости и которую труднее всего учитывать в соответствии с действующими налоговыми правилами:

- размещение на цифровом интерфейсе рекламы, ориентированной на пользователей этого интерфейса;
- предоставление пользователям много-стороннего цифрового интерфейса, который позволяет находить других пользователей и взаимодействовать с ними и облегчает обеспечение основных поставок товаров или услуг непосредственно между пользователями;
- передача данных, собранных о пользователях и сгенерированных из действий пользователей, по цифровым интерфейсам.

⁵ Caulfield M. *A State Sales Tax on Personal Data*. 14.09.2017. Available at: <https://hapgood.us/2017/09/14/a-state-sales-tax-on-personal-data/>

⁶ PWC and ZEW. *Digital Tax Index*. 2017. 14 p. Available at: <https://www.pwc.de/de/industrielle-produktion/executive-summary-digitalisierungsindex-en.pdf>

⁷ Pfanner E. *France Proposes an Internet Tax*. *The New York Times*. Available at: https://www.nytimes.com/2013/01/21/business/global/21iht-datatax21.html?pagewanted=all&_r=1&

⁸ EU. *COM(2017) 547 final/ Brussels, 21.09.2017*. Available at: [ps://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2017:0547:FIN:PT:PDF](https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2017:0547:FIN:PT:PDF)

Необлагаемыми признаются цифровые услуги, в создание стоимости которых пользователи не вносят существенного вклада: например, услуги связи или платежей через интернет; услуги электронной коммерции; услуги по поставке цифрового контента при наличии прав на его распространение; услуги по сбору и использованию данных бизнесом для внутренних целей; ряд инвестиционных и краудфандинговых услуг и другие.

Плательщики налога GAFA – компании с годовым оборотом более 750 млн. евро, доходы которых в ЕС превышают 50 млн. евро. Под эти критерии попадают 120–150 компаний (технологические гиганты, половина из которых американские, четверть – азиатские и четверть – европейские). Планируется создать цифровой портал (One-Stop-Shop), который позволит контролировать соответствие компаний требованиям. В рамках предлагаемой системы налогообложения одно государство-член будет нести ответственность за идентификацию налогоплательщика, сбор налога и распределение его по мере необходимости в других государствах-членах в соответствии с количеством пользователей в каждой стране. При ставке 3% данный налог позволит государствам-членам ЕС собирать 5 миллиардов евро в год, из которых 500 миллионов планирует получить Франция⁹.

Официально заявлены две цели введения налога. Во-первых, наложить справедливую налоговую нагрузку на гигантов цифрового бизнеса, использующих в рамках ЕС легитимные способы оптимизации налогов, к примеру, такие как режим IP-Vox [23]. Во-вторых, избежать концентрации богатства в руках цифровых гигантов, которые, попадая в цепочки добавленной стоимости как субъект инфраструктуры, в конечном итоге реализуют так называемый подрывной сценарий цифровой трансформации рынка, предполагающий захват данной цепочки путем вытеснения малых и средних игроков.

⁹ Commission Européenne. *Directive du conseil concernant le système commun de taxe sur les services numériques applicable aux produits tirés de la fourniture de certains services numériques*. Bruxelles, le 21.03.2018 COM(2018) 148 final. Available at: https://ec.europa.eu/taxation_customs/sites/taxation/files/proposal_common_system_digital_services_tax_21032018_fr.pdf

При этом подчеркивается временный характер налога GAFA, который будет существовать до принятия единых правил корпоративного налогообложения цифровой деятельности в ЕС, разработанных, в том числе, с учетом концепции создания стоимости пользователями (concept of «user value creation»), что позволит облагать вышеперечисленные доходы в рамках единого корпоративного налога.

Инициатива довольно тяжело проходит в Европейском Совете. В ходе обсуждений в начале декабря 2018 г. было предложено облагать только доходы от интернет-рекламы и перенести дату введения налога на 1 января 2021 году, в случае если к этому сроку не будут приняты единые правила корпоративного налогообложения цифровой деятельности в ЕС и ОЭСР. Но даже в таком усеченном виде проект не был поддержан Ирландией, Данией, Швецией, Финляндией и его обсуждение было перенесено на март 2019 г., несмотря на заявления ряда стран (Франция, Великобритания) о готовности ввести данный налог в рамках своей страны с 2019 г., даже при отсутствии общеевропейского консенсуса.

Великобритания в 2018 г. также провела открытое обсуждение вопроса по налогообложению корпоративных доходов в условиях цифровой экономики и считает необходимым дополнительно облагать цифровой бизнес, для которого сбор данных о пользователях является результатом более широкого и более активного взаимодействия с бизнесом, нежели просто формирование оперативной базы данных о клиентах. Выделены четыре канала, в рамках которых сами пользователи становятся участниками цепочки создания стоимости: создание контента; глубокое и долгосрочное взаимодействие с цифровой платформой; сетевые и внешние эффекты от участия большого числа пользователя; вклад пользователей в бренд¹⁰.

В марте 2019 г. Франция обнародовала законопроект о введении налога на цифровые услуги с 1 января 2019 г. Под обложение во Франции попадают компании с глобальным оборотом в цифровой деятельности более 750 млн. евро,

¹⁰ GOV.UK. *Corporate tax and the digital economy: position paper. Closed consultation. 13.03.2018 г.* Available at: <https://www.gov.uk/government/consultations/corporate-tax-and-the-digital-economy-position-paper>

из которых более 25 млн. евро — во Франции. Ставка дифференцирована в зависимости от оборота, максимальный пот%. Налог на цифровых гигантов коснется в общей сложности около тридцати групп, большинство из которых иностранные. Уплаченные суммы налога GAFa будут сокращать налогооблагаемую прибыль по корпоративному подоходному налогу. Данная реформа позволит к 2022 г. снизить базовую ставку корпоративного налога с 33,3 до 25% для всех компаний¹¹.

В бюджете Италии на 2019 г. вводится аналогичный косвенный налог с оборота компаний более 5,5 млн. евро на территории страны по ставке 3%. Налогооблагаемой базой является сумма выручки от цифровых услуг (за вычетом налога на добавленную стоимость)¹².

Таким образом, активная налоговая конкуренция между странами за доходы от крупнейших налогоплательщиков цифровой сферы приводит к продвижению налога на цифровые услуги. Для разработки эффективного и справедливого порядка международного налогообложения доходов от оказания цифровых услуг необходимо:

- 1) признание участия пользователя в качестве важного фактора ценности в определенных видах бизнеса;
- 2) разработка метода измерения участия пользователя;
- 3) определение системы критериев отнесения компаний в бизнес-группе к категории плательщиков;
- 4) предоставление юрисдикциям, в которых пользователи находятся, права облагать компании-нерезиденты без постоянного представительства;
- 5) разработка метода определения доли прибыли этих компаний, которая создана пользователями, которая должна быть распределена между странами юрисдикцией, получившей право на взимание налога¹³.

¹¹ *Taxation: the outlines of the GAFa tax revealed*. 06.03.2019 г. Available at: <https://www.gouvernement.fr/en/taxation-the-outlines-of-the-gafa-tax-revealed>

¹² *Italy introduces new digital services tax*. Available at: <https://taxinsights.ey.com/archive/archive-news/italy-introduces-new-digital-services-tax.aspx>

¹³ *GOV.UK. Corporate tax and the digital economy: position paper. Closed consultation*. 13.03.2018 г. Available at: <https://www.gov.uk/government/consultations/corporate-tax-and-the-digital-economy-position-paper>

Как показало исследование, в развитых странах активно ведутся дискуссии по поводу разработки новой налоговой конструкции, позволяющей повысить справедливость и эффективность корпоративного налогообложения в условиях цифровой экономики, в которых Россия пока не принимает участия, хотя налоговый потенциал в данной сфере есть и в российской экономике.

Анализ финансовых результатов и налоговой нагрузки крупнейших интернет-компаний русскоязычного сегмента сети

Yandex N.V. и Mail.Ru Group — крупнейшие IT-холдинги, владеющие русскоязычными социальными сетями и мессенджерами, поисковыми интернет-системами и другими продуктами, позволяющими генерировать и использовать для получения дохода большие данные о пользователях. В Топ 10 холдингов по данным на декабрь 2018 г. они занимают первые два места по охвату аудитории в России (12–64 лет): Mail.Ru Group — 49 080 тыс. человек; Yandex N.V. — 48 727 тыс. человек в среднем за месяц¹⁴.

Данные компании, являясь резидентами других стран (соответственно Нидерланды и Британские Виргинские острова), представлены в России филиалами ООО «Яндекс» и ООО «Мэйл.Ру». Оценить результативность деятельности только филиалов на территории России не представляется возможным из-за отсутствия в открытом доступе данных финансовой отчетности. В связи с этим воспользуемся сведениями консолидированной отчетности холдингов, согласно которой их выручка ежегодно стремительно растет.

Как видно из данных *таблицы 1*, в период 2013–2018 гг. консолидированная выручка компании Yandex N.V. увеличилась более чем в три раза (323%). За 2018 г. рост по сравнению с 2017 годом составил 136% — до 127 657 млн. рублей (1707 млн. евро).

Mail.Ru Group за анализируемый период выросла в 2,5 раза (241,5%), и по итогам 2018 г. выручка компании оказалась на 52 397 млн. рублей меньше аналогичного показателя Yandex N.V. За 2018 г. рост по сравнению с 2017 г. составил 133% — до 75 260 млн. рублей (1006 млн. евро).

¹⁴ WEB-Index: Аудитория интернет-проектов. Результаты исследования: Desktop, декабрь 2018, Россия 0+ Available at: <https://mediascope.net/data/>

Таблица 1. Динамика и структура выручки Yandex N.V. и Mail.Ru Group, млн. руб.

Показатель	2013	2014	2015	2016	2017	2018	Темп роста, %
<i>Yandex N.V.</i>							
Выручка, в т.ч.	39502	50767	59792	75925	94054	127657	323
– выручка от продажи интернет-рекламы;	38848	50147	58210	72579	87400	102737	264
доля выручки от продажи интернет-рекламы в общей величине выручки	98,3	98,8	97,4	95,6	92,9	80,5	-
– прочие доходы	654	620	1582	3346	6654	24920	3810
<i>Mail.Ru Group</i>							
Выручка	31165	32708	37986	43285	56789	75260	241,5
– выручка от продажи интернет-рекламы;	11486	12257	14630	18772	22975	31853	277,3
доля выручки от продажи интернет-рекламы в общей величине выручки	42,4	37,5	38,5	43,4	40,5	42,3	-
– прочие доходы	19679	20451	23356	24513	33814	43407	220,6
Источник: составлено по данным годовых и ежеквартальных отчетов за 2014–2018 гг. Yandex N.V. Available at: https://yandex.ru/company/prospectus ; а также Mail.Ru Group Available at: https://corp.mail.ru/ru/investors/reports/							

Таким образом, оборот холдингов существенно превышает минимальный рубеж, планируемый для применения налога GAFA в странах ЕС (750 млн. евро по всему миру). Однако так как основную часть выручки холдинги получают в России и ряде стран из ближнего к ней зарубежья, под обложение налогом GAFA при его введении в странах ЕС они не попадают.

Основным источником доходов IT-холдингов за анализируемый период является интернет-реклама, выручка от продажи которой ежегодно растет. В Yandex N.V. за анализируемый период доля рекламных доходов сократилась на 15% на фоне роста прочих доходов от сервисов онлайн-заказа такси, объявлений, доставки еды, экспериментальных направлений деятельности, но всё ещё является источником свыше 80% доходов (рис. 1).

Как видно по данным рисунка, при сохранении существенной доли доходов от поиска и портала Яндекса в 2018 г. был получен стремительный прирост прочих доходов от сервисов онлайн-заказа такси и доставки еды. За период 2015–2018 гг. они выросли в 19,5 раза и составили по итогам 2018 г. рекордные 19 213 млн. рублей. Для сравнения: доходы от поиска и портала выросли всего в 1,9 раза. Фактически Yandex N.V. проникла на наиболее прибыльный рынок услуг, на котором изначально участвовала только в роли платформы для ин-

тернет-рекламы. При этом выход цифровых платформ – сервисов онлайн-заказа такси на рынок коммерческой перевозки пассажиров существенно трансформировал его, превратив путем консолидации и вытеснения малых и средних конкурентов в олигополию. Так, по итогам 2018 г. рынок таксомоторных перевозок г. Москвы представлен четырьмя крупными игроками: «Яндекс. Такси» – 56,5%, «Ситимобил» – 24,5%, Gett – 9,4%, «Везет» – 5,3% от общего количества перевозок¹⁵. «Яндекс.Такси» – лидер российского рынка сервисов вызова такси, доля которого оценивается в 50%.

Обороты от прочих сервисов Яндекса и экспериментальных направлений растут не так значительно. В 2018 г. выросли доходы запущенного в данном году сервиса Яндекс.Драйв, а также доходы от продажи устройств.

В Mail.Ru Group продажа интернет-рекламы приносит в 3 раза меньше доходов по сравнению с Yandex N.V. и составляет в среднем 40% от их общей величины. В качестве приоритетных направлений деятельности на 2019 г. компания рассматривает стимулирование потребления контента, расширение рекламной сети и

¹⁵ Баулин А. Дорогие дети: «Яндекс.Такси» потратил четверть миллиарда на перезапуск автокресла // FORBES. 2019.12.02. Available at: <https://www.forbes.ru/tehnologii/372215-dorogie-deti-yandekstaksi-potratilchetvert-milliarda-na-perezapusk-avtokresla>

Рис. 1. Выручка Yandex N.V. по сегментам оказываемых услуг, млн. рублей

Источник: данные годовых и ежеквартальных отчетов за 2014–2018 гг. Yandex N.V. URL: <https://yandex.ru/company/prospectus/>; а также Mail.Ru Group URL: <https://corp.mail.ru/ru/investors/reports/>

повышение эффективности рекламы за счет постоянного развития, новых инновационных рекламных продуктов, привлечения на платформу новых типов рекламодателей, таких как малый и средний бизнес и оффлайн-ритейлеры¹⁶.

Кроме рекламы Mail.Ru Group получает доходы в основном от ММО игр (массовая многопользовательская онлайн-игра – англ. Massively Multiplayer Online Game, ММО, ММОГ) – сетевая компьютерная (или консольная) игра, в которую одновременно играет большое количество игроков: Hustle Castle, War Robots, Warface и др.), и продажи виртуальных сервисов в социальных сетях «ВКонтакте», «Одноклассники» (рис. 2).

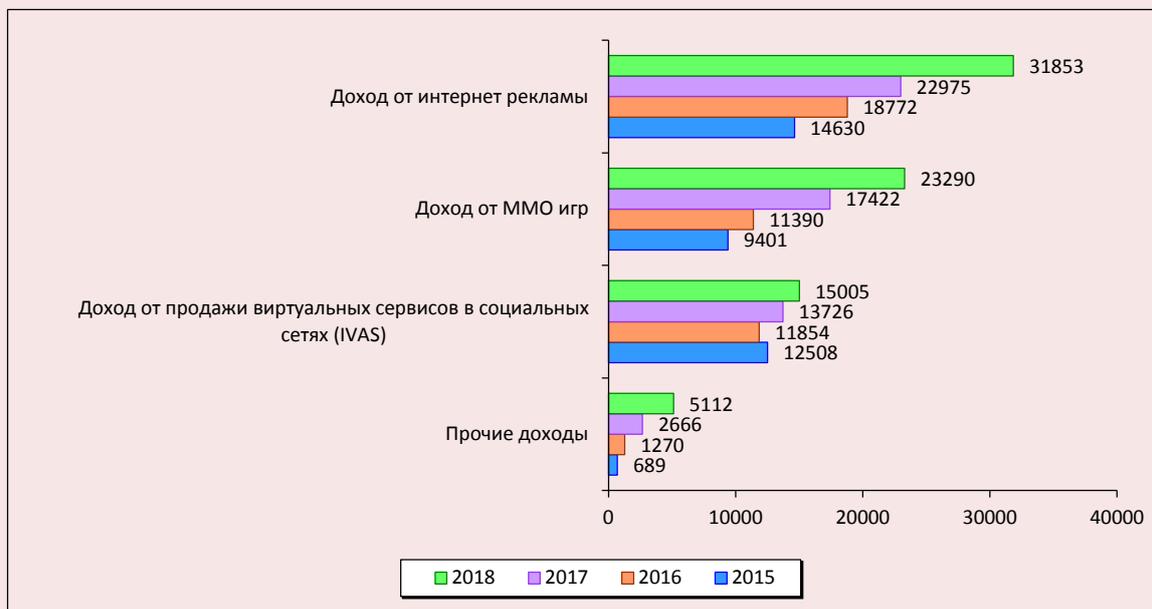
Как видно по данным рисунка, доходы Mail.Ru Group от ММО игр с 2015 по 2018 г. выросли в 2,5 раза. Наиболее успешная по итогам 2018 г. онлайн-игра Warface Console заняла 3-е место среди бесплатных игр по версии Sony PS4 для США, а также получила распространение в

Германии и Японии. Выручка от продажи виртуальных сервисов (IVAS) за анализируемый период выросла на 20%, что обеспечено в основном новыми мобильными продуктами. В социальных сетях данная категория доходов сокращается. Однако валовой доход от социальных сетей растет стремительными темпами. С 2014 года, в котором Mail.Ru Group получила контроль над сетью «ВКонтакте», валовые доходы от нее выросли в 4 раза за 4 года. В течение следующих 3–4 лет холдинг ожидает удвоения доходов от этой сети.

Кроме того, Mail.Ru Group активно осваивает рынки доставки еды (Delivery Club и ZakaZaka), объявлений (мобильная торговая площадка Youla), картографии (MAPS.ME), розничной торговли (международный маркетплейс Pandao, в перспективе – AliExpress Russia), он-лайн образования (GeekBrains) и др. Так, в 2018 г. Delivery Club (мобильная и десктопная платформа для доставки еды) вступил в партнерские отношения с McDonald’s и KFC и теперь является единственной платформой в России, имеющей все крупнейшие франшизы для ресторанов быстрого обслуживания.

¹⁶ Mail.Ru Group Limited Audited IFRS results for FY 2018. 01.03.2019 г. Available at: <https://corp.mail.ru/en/press/releases/10381/>

Рис. 2. Выручка Mail.Ru Group по сегментам оказываемых услуг, млн. рублей

Источник: данные годовых и ежеквартальных отчетов за 2014–2018 гг. Yandex N.V. URL: <https://yandex.ru/company/prospectus/>; а также Mail.Ru Group URL: <https://corp.mail.ru/ru/investors/reports/>

Таблица 2. Динамика показателей прибыли и налога на прибыль Yandex N.V. и Mail.Ru Group, млн. руб.

Показатель	2013	2014	2015	2016	2017	2018	Темп роста, %
<i>Yandex N.V.</i>							
Прибыль до налогообложения	16713	22475	13596	11107	13582	54464	325,9
Налог на прибыль организаций	3239	5455	3917	4324	4926	8603	265,6
Чистая прибыль	13474	17020	9679	6783	8656	45861	340
Эффективная налоговая ставка	19,4	24,3	28,8	38,9	36,3	15,8	-
<i>Mail.Ru Group</i>							
Прибыль до налогообложения	14492	14558	12597	14319	16362	16710	115,3
Налог на прибыль организаций	3253	3079	2753	3410	3111	2611	80,3
Чистая прибыль	11239	11479	9844	10909	13251	14099	125,4
Эффективная налоговая ставка (по данным управленческой отчетности)	22,4	21,1	21,9	23,8	19,0	15,6	-

Источник: составлено по данным годовых и ежеквартальных отчетов за 2014–2018 гг. Yandex N.V. URL: <https://yandex.ru/company/prospectus/>; а также Mail.Ru Group URL: <https://corp.mail.ru/ru/investors/reports/>

Лидерские позиции на рынке интернет-услуг и широкий перечень направлений деятельности позволяют холдингам ежегодно увеличивать прибыль и добиваться высокой рентабельности (табл. 2).

Судя по данным таблицы, более высокие темпы роста прибыли демонстрирует холдинг Yandex N.V. Наиболее рентабельной его деятельность была в 2018 г. Чистая прибыль выросла на 430% по сравнению с уровнем 2017 г.

и составила 45,9 млрд. рублей (660,1 млн. долларов США), а рентабельность по чистой прибыли — 35,9%. Из них 27,5 млрд. рублей были получены от Яндекс.Маркет¹⁷. Темпы роста чистой прибыли Mail.Ru Group за весь анализируемый период составили 125,4 %, в 2018 г. по сравнению с 2017 г. — 106,4 %.

При этом в обоих холдингах налог на прибыль за анализируемый период увеличивался с меньшей прогрессией, чем суммы налогооблагаемой прибыли. Эффективная налоговая ставка на прибыль холдингов была максимальной в 2016 г. (Yandex N.V. — 38,9%; Mail.Ru Group — 23,8%) и сократилась в 2018 г. — соответственно до 15,8 и 15,6%, несмотря на стремительный рост показателей выручки и чистой прибыли.

При оценке данной динамики следует учитывать, что, как правило, холдинги отражают в своей консолидированной финансовой отчетности не только фактически уплаченные суммы налогов, но и резервы, формируемые для нейтрализации возможных налоговых рисков.

Налоговые льготы по неопределенным позициям по налогу на прибыль признаются в финансовой отчетности, только если существует большая вероятность того, что они будут подтверждены налоговыми органами при проверке, включая разрешение соответствующих апелляций или судебные процессы. Так, Yandex N.V. объясняет высокое значение эффективной налоговой ставки в 2016 г. влиянием определенных резервов, признанных на результаты налоговых проверок прошлых лет. Без учета таковых эффективная налоговая ставка по оценкам холдинга составила бы: в 2015 г. — 22,7 %, в 2016 г. — 23,4 %, в 2017 г. — 24,3%, то есть на 8–10 % меньше официально заявленных значений.

Кроме того, эффективная налоговая ставка отражает валовую налоговую нагрузку на прибыль холдингов с учетом ставок корпоративного налога в разных странах присутствия. Так, Mail.Ru Group, ее дочерние и зависимые компании, являющиеся резидентами Британских Виргинских островов, освобождены от уплаты

¹⁷ 27 апреля 2018 года Яндекс и Сбербанк создали совместное предприятие на базе платформы Яндекс.Маркет. С этой даты по методу долевого участия доля финансовых результатов Яндекс.Маркета отражается в составе прочих доходов. Финансовые результаты без учета Яндекс.Маркета исключают результаты Яндекс.Маркета, прибыль от деконсолидации и долю Яндекса в чистой прибыли Яндекс.Маркета после деконсолидации.

корпоративного подоходного налога и налога на прирост капитала. Дочерние и взаимозависимые компании холдинга, зарегистрированные в других странах, облагаются по ставкам: 12,5% — на Кипре; 20, 15 или 5% (на дивиденды) — в России; 25% — в Нидерландах; 35% — в США. На деятельность компании Yandex N.V. приходится более высокая налоговая нагрузка по сравнению с Mail.Ru Group в связи с резидентством в Нидерландах с базовой ставкой налога на прибыль в 25%.

На величину эффективной налоговой ставки существенное влияние оказывает также необлагаемый налогом на прибыль прирост капитала — доход холдингов от продажи акций. Так, эффективная налоговая ставка на Yandex N.V. снизилась в 2013 г. на 2,8% в связи с получением необлагаемой прибыли от продажи Яндекс.Деньги в июле 2013 г. В 2016 году Mail.Ru Group был получен необлагаемый единовременный доход в результате выбытия HeadHunter; в 2014 — от выбытия Qiwi и приобретения акций сети «ВКонтакте». Это объясняет снижение эффективной ставки за счет неизменного налога на прибыль при существенном приросте прибыли до налогообложения.

В связи с этим судить о справедливости налогообложения холдингов по показателю эффективной налоговой ставки можно только с определенной долей условности. При этом вышеописанные факты вполне позволяют предположить, что фактическая налоговая нагрузка на прибыль холдингов существенно меньше заявленной в консолидированной финансовой отчетности.

В пользу данного вывода свидетельствуют и некоторые общеизвестные факты из практики налогообложения доходов холдингов в России. Так, существенное понижение налоговой нагрузки на деятельность Mail.Ru Group произошло в 2016–2017 гг. в связи с положительным результатом судебных разбирательств холдинга с ФНС России, позволившим компании применять освобождение от НДС в отношении доходов от ММО игр и продажи виртуальных сервисов в социальных сетях¹⁸. При этом цены на

¹⁸ London Stock Exchange. *Mail.Ru Group receives confirmation from Russian tax authorities that IVAS revenues are eligible for VAT exemption.* 28.07.2017. Available at: <https://www.londonstockexchange.com/exchange/news/market-news/market-news-detail/MAIL/13275329.html>

услуги, освобожденные от НДС, понижены не были. Это позволило холдингу в 4 квартале 2016 г. дополнительно получить выручку около 342 млн. руб. от онлайн-игр, а в 2017 г. повысить долю доходов от сообщества IVAS в выручке на 17,6%.

И хотя официально инкорпорирование IT-холдингов за рубежом объясняется высшим менеджментом как вынужденно необходимая мера для привлечения иностранных инвестиций, а не для оптимизации уплачиваемых налогов, налоговая нагрузка на их деятельность в связи с данным фактом существенно снижается. Так, по собственным оценкам Mail.Ru Group, большая часть ее налогооблагаемой прибыли, а также расходов по налогу на прибыль генерируется в России, а прибыли и убытки до налогообложения (доходы от акций, переоценки справедливой стоимости, прибыли и убытки в иностранной валюте и другим статьям) — в других юрисдикциях, в которых они обычно не облагаются налогом.

Элементарные расчеты по схеме предложенного в странах ЕС налога GAFA со ставкой 3% от оборота, не включая прочих доходов, которые, как правило, образуются от стартапов, позволяют примерно оценить налоговый потенциал компаний. В 2018 г. доходы Yandex N.V. от поиска и портала, а также от сервисов онлайн заказа такси и еды составили 123 577 млн. рублей, условная сумма налога с которых составила бы 3707,31 млн. рублей; доходы Mail.Ru Group от интернет рекламы, MMO игр и продажи сервисов в социальных сетях — 70 148 млн. рублей, условная сумма налога — 2104,44.

Ограниченный перечень объектов и плательщиков позволит избежать существенного влияния налога GAFA на цены цифровых услуг для населения. В частности, под налогообложение попадает крайне ограниченный перечень рекламных и посреднических услуг, стоимость которых создается пользователями цифрового интерфейса, а не его собственником, получающим доход от их оказания третьим лицам. В связи с этим цифровые компании, заинтересованные в привлечении как можно большего числа пользователей, сохраняют для последних бесплатный доступ к своим цифровым интерфейсам. То есть введение указанного налога не

окажет влияния на цены услуг для пользователей цифровых интерфейсов, создающих стоимость. К примеру, вероятность введения платы за регистрацию и использование пользователями социальных сетей или почтовых сервисов практически нулевая. Напротив, компании активно продолжают предлагать сопутствующие бесплатные услуги, конкурируя за привлечение пользователей, например облачные хранилища данных и другие. Однако вполне вероятно, что плательщики налога GAFA, пользуясь своим доминирующим положением, повысят цены на налогооблагаемые услуги для третьих лиц — рекламодателей; организаций, приобретающих данные, сгенерированные из действий пользователей и др. В этом случае цены повысятся на рекламные и посреднические услуги, оказываемые собственником цифровых интерфейсов третьим лицам. Результатом может стать либо сокращение объема спроса на налогооблагаемые услуги, либо частичное переложение налоговой нагрузки на конечных потребителей продуктов и услуг третьих лиц (не обязательно цифровые). Степень переложения будет зависеть от специфики и конъюнктуры рынка, доли фирмы на рынке, преобладающего вида конкуренции (ценовая или неценовая), ценовой эластичности спроса на продукты и услуги и других факторов. В связи с этим влияние налога на цифровые услуги на цены не будет таким же прямо пропорциональным и однозначным как, к примеру, влияние НДС в отношении услуг, оказываемых в электронной форме (в России так называемый налог на Google). Оценка эффектов от введения налога GAFA требует дополнительных исследований.

Таким образом, в России есть потенциал для введения аналогичного налога. Однако, по нашему мнению, это перспектива среднесрочного периода. В настоящее время необходимо активизировать исследования налоговиков по разработке отмеченных в статье ключевых теоретических аспектов формирования справедливого налогообложения в условиях цифровой экономики, а также налоговых органов — по оценке эффективной налоговой нагрузки на крупнейшие российские и иностранные IT-холдинги, оказывающие цифровые услуги, попадающие под обложение.

Заключение

Обобщая вышеизложенное, отметим, что проведенное исследование позволило получить ряд результатов, содержащих приращение научного знания:

1. Определены особенности больших данных как фактора производства в цифровой экономике (вторичность; самовозрастание; экономическое благо производственного характера с высокой потребительной и меновой ценностью, нулевыми предельными издержками ресурса, а также сравнительно низкими предельными издержками накопления, обработки и распространения; универсальный характер; неисчерпаемость, сохранение свойств в процессе потребления и многократность использования для получения дохода; частичная взаимозаменяемость с другими факторами производства, высокая мобильность и легкость тиражирования; специфический доход — информационная дифференциальная рента II рода, монопольная информационная рента, цифровая рента), которые демонстрируют необходимость особого подхода к налогообложению доходов от данного фактора производства и имеют значимость для идентификации объекта налогообложения.

2. Охарактеризована дискуссия в рамках европейской налоговой реформы по созданию справедливой и эффективной системы налогообложения в условиях цифровой экономики, в

том числе ее положения, носящие полемический характер, и освещена действующая практика по введению налога на цифровые услуги в странах-членах ЕС, что привносит новые данные о зарубежной практике и способствует привлечению внимания российских исследователей к проблемам трансформации налогообложения в условиях цифровой экономики.

3. В деятельности компаний Yandex N.V. и Mail.Ru Group выявлены тенденция опережающего роста валового дохода и прибыли по сравнению с суммой уплачиваемого корпоративного налога на прибыль, преобладание в структуре доходов статей, попадающих под обложение налогом на цифровые услуги, а также факторы, способствующие сокращению эффективной налоговой ставки на прибыль IT-холдингов, что в условиях высокой рентабельности их деятельности доказывает нарушение справедливости в распределении налоговой нагрузки между цифровой и нецифровой сферами экономики.

Вклад автора заключается в обосновании необходимости повышения в РФ налоговой нагрузки на деятельность крупнейших IT-корпораций, имеющих возможность извлекать сверхприбыль от обработки больших данных и оказания цифровых услуг, путем реформирования налогообложения доходов в соответствии с концепцией создания стоимости пользователями.

Литература

1. Архипова Н.И., Родионов И.И. Изменение содержания и роли факторов производства как источника конкурентоспособности в современном мире // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2015. № 1 (1). С. 9–16.
2. Ахмадеев Р.Г., Быканова О.А., Малахова Л.И. Рынок цифрового контента: новый порядок взимания НДС // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2017. Т. 6. № 4 (21). С. 43–46.
3. Львов Д.С. Концепция управления национальным имуществом // Экономическая наука современной России. 2002. № 2 (9). С. 5–24.
4. Кимельман С.А., Пителин А.К. Рентный потенциал и рентное налогообложение // Экономическая наука современной России. 2008. № 2 (41). С. 95–111.
5. Куклина Е.А. Рентное налогообложение пользователей недр и мифы сырьевой экономики // Научные труды Северо-Западного института управления. 2015. Т. 6. № 2 (19). С. 58–65.
6. Чернявский С.В., Золотарев Н.А. Теории природной (горной) ренты и совершенствование системы ее изъятия (налогообложения) // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2017. № 39. С. 71–79.
7. Понкратов В.В. Совершенствование налогообложения добычи нефти и газа в Российской Федерации // Журнал экономической теории. 2014. № 1. С. 40–52.

8. Налогообложение природных ресурсов. Теория и мировые тренды: монография для магистрантов / [И.А. Майбуров и др.]; под ред. И.А. Майбурова, Ю.Б. Иванова. М.: Юнити-Дана, 2018. 479 с.
9. Юдина Т.Н. «Подглядывающий капитализм» как «цифровая экономика» и/или «цифровое общество» // Теоретическая экономика. 2018. № 4 (46). С. 13–17.
10. Bloch F., Demange G. Taxation and privacy protection on Internet platforms. *Journal of Public Economic Theory*, 2017, vol. 20 (1). DOI:10.1111/jpet.12243.
11. Bourreau M., Caillaud B., De Nijs R. Taxation of a digital monopoly platform: Bourreau et al. *Journal of Public Economic Theory*, 2017. Vol. 20 (1). DOI:10.1111/jpet.12255.
12. Belleflamme P., Toulemonde E. Tax incidence on competing two-sided platforms. *Journal of Public Economic Theory*, 2017, vol. 20 (1). DOI:10.1111/jpet.12275.
13. Kind H.J., Koethenbueger M., Schjelderup G. Tax responses in platform industries, *Oxford Economic Papers*, 2010, vol. 62 (4), pp. 764–783.
14. Kind H.J., Schjelderup G., Stähler F. Newspaper differentiation and investments in journalism: the role of tax policy, *Economica*, 2013, vol. 80 (317), pp. 131–148.
15. Shamim A., Tony S.W. The impact of sales taxation on internet commerce – an empirical analysis. *Economics Letters*, 2008, vol. 99, no. 3, pp. 557–560. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2007.10.001>.
16. Международное налогообложение: размывание налоговой базы с использованием офшоров: монография / под ред. М.Р. Пинской. М.: ИНФРА-М., 2015. 192 с.
17. Соколовская Е.В. Косвенное налогообложение трансграничных сделок в электронной торговле // Экономика и управление. 2017. № 8 (142). С. 37–47.
18. Тихонова А.В. Налог на Google: как не сделать шаг назад в ближайшем будущем? // Международный бухгалтерский учет. 2018. Т. 21. № 10 (448). С. 1129–1139.
19. Покровская Н.Н. Проблемы налогообложения инновационных бизнес-моделей в цифровой экономике // Экономика России в условиях ресурсных ограничений: сб. науч. трудов по итогам науч.-практич. конф. молодых учёных Санкт-Петербургского государственного экономического университета. СПб., 2016. С. 170–173.
20. Степнов И.М., Ковальчук Ю.А. Платформенный капитализм как источник формирования сверхприбыли цифровыми рантье // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 4 (61). С. 107–124.
21. Захаров А.В. Условия формирования и виды информационной ренты // Актуальные вопросы экономических наук. 2010. № 11-1. С. 39–42.
22. Гелисханов И.З., Юдина Т.Н. Цифровые платформы: особенности и перспективы развития // сборник материалов 71-й Всерос. науч.-технич. конф. студентов, магистрантов и аспирантов высших учебных заведений с международным участием. Ярославль: ЯГТУ, 2018. Т. 3. С. 637–640.
23. Королева Л.П. Налоговый режим IP-BOX: основные элементы и тенденции трансформации в зарубежных странах // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. Т. 12. № 5 (338). С. 152–164.

Сведения об авторе

Людмила Павловна Королева — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры, Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева (430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68; e-mail: korol.l@mail.ru)

Koroleva L.P.

Taxation of Digital Services: Theory, International Practice and Domestic Prerequisites

Abstract. Reforming corporate taxation taking into account customer value creation concept is a necessary stage in the transformation of the Russian tax system. It will help make it just and efficient in the context of the digital economy in which major IT corporations gain super profits from the use of big data and provision of digital services, the cost of which largely depends on the participation of customers. The goals of the present research are as follows: to substantiate theoretical prerequisites for increasing the tax burden on the companies that use big data as a factor of production, to identify trends and patterns in the modern stage of reforming the taxation of revenues resulting from the provision of digital services in foreign countries, and to substantiate the presence of potential for its application in Russia. In the course of our research we identify features of big data as a factor of production; they demonstrate the need for a special approach to the taxation of income from its use and are important for the identification of the object of taxation. In the light of the European tax reform aimed to create a fair and effective tax system in the digital economy we make an overview of the current practice of introducing digital services tax in the EU member states; we also consider some polemical provisions that require further research. Having analyzed the financial performance and tax burden of the largest IT companies Yandex N.V. and Mail.Ru Group for 2013–2018, we reveal the trend of outstripping growth of gross income and profit in comparison with the amount of tax paid. We also find out that the structure of income is dominated by the items falling under digital services taxation, as well as factors contributing to the reduction of the tax burden. We conclude that Russia has the potential to introduce digital services tax in the medium term.

Key words: digital services tax, big data, digital capital, digital rent, customer value creation, GAFA tax, Google tax, multinational IT company.

Information about the Author

Lyudmila P. Koroleva – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, associate professor at the department, Ogarev Mordovia State University (68, Bolshevistskaya Street, Saransk, Republic of Mordovia, 430005, Russian Federation; e-mail: korol.l@mail.ru)

Статья поступила 15.03.2019.

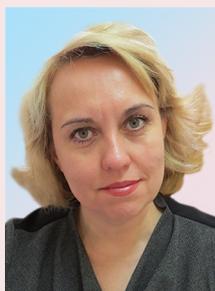
ЭКОНОМИКА ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ

DOI: 10.15838/esc.2019.3.62.7

УДК 330.15, 316.48, БК 65.049, 60.54

© Смиреникова Е.В., Уханова А.В., Воронина Л.В.

Конфликты на особо охраняемых природных территориях Арктического региона: выявление, анализ и пути решения*

Елена Владимировна СМИРЕННИКОВА

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. академика Н.П. Лаверова РАН
Архангельск, Российская Федерация, 163000, наб. Северной Двины, д. 23
E-mail: esmirennikova@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-7733-4285; ResearcherID: J-1673-2018

Анна Вячеславовна УХАНОВА

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. академика Н.П. Лаверова РАН
Архангельск, Российская Федерация, 163000, наб. Северной Двины, д. 23
E-mail: karmy-anny@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-9083-9931; ResearcherID: F-1192-2017

Людмила Васильевна ВОРОНИНА

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. академика Н.П. Лаверова РАН
Архангельск, Российская Федерация, 163000, наб. Северной Двины, д. 23
E-mail: voronina_ljudmila@rambler.ru
ORCID: 0000-0003-3607-0687; ResearcherID: E-6721-2017

* Исследование проводилось при поддержке Всемирного фонда дикой природы (WWF) России в рамках Баренц-Балтийской программы «Природа и человек» при поддержке Шведского агентства международного сотрудничества в области развития, Сида.

Для цитирования: Смиреникова Е.В., Уханова А.В., Воронина Л.В. Конфликты на особо охраняемых природных территориях Арктического региона: выявление, анализ и пути решения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 3. С. 107–123. DOI: 10.15838/esc.2019.3.62.7

For citation: Smirennikova E.V., Ukhanova A.V., Voronina L.V. Conflicts in protected natural areas of the Arctic Region: identifying, analyzing and finding the solutions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 3, pp. 107–123. DOI: 10.15838/esc.2019.3.62.7

Аннотация. Обозначившееся в последние годы повышенное внимание со стороны государства и общественности к Российской Арктике привело к новому витку ее хозяйственного освоения. Тем не менее одними из важнейших особенностей арктической природы являются ее уязвимость и сложность восстановления после антропогенных воздействий. Данный факт, а также исключительное климатическое, экологическое и культурное значение природы Российской Арктики предопределяет необходимость ее тщательной охраны и обеспечения хрупкого экологического равновесия. Определяющая роль в этих процессах принадлежит особо охраняемым природным территориям (ООПТ). В статье подчеркивается, что одними из главных «тормозов» развития сети ООПТ как в стране в целом, так и на ее арктических территориях являются многочисленные конфликтные ситуации и споры, связанные с организацией и существованием ООПТ. В рамках исследования авторами разработан универсальный алгоритм анализа конфликтов, возникающих при создании и функционировании ООПТ. Апробация предложенного алгоритма проведена на примере крупнейшего региона европейской части Российской Арктики – Архангельской области. При помощи использования методов контент-анализа, систематизации, экспертного опроса и общенаучных методов исследования на 35 действующих и двух планируемых к созданию ООПТ региона были выявлены 58 конфликтных ситуаций, осуществлено их структурирование в зависимости от сторон, предмета и стадии конфликта. На основании проделанной работы авторским коллективом сформулирован комплекс конкретных рекомендаций по устранению, снижению числа конфликтов на ООПТ Архангельской области и их предупреждению.

Ключевые слова: особо охраняемые природные территории, конфликт, Архангельская область, Российская Арктика.

Введение

Особо охраняемые природные территории – незаменимый инструмент для сохранения участков природы, имеющих высокую природоохранную, культурную, эстетическую, научную и рекреационную ценность. Согласно ратифицированной в нашей стране Конвенции о биологическом разнообразии, доля ООПТ в общей площади территорий к 2020 г. должна составлять не менее 17% суши и 10% морских акваторий. По состоянию на 2016 г. в Российской Федерации площадь ООПТ сухопутной части с внутренними водоемами составляла немногим более 11% всей площади страны. В региональном разрезе достигли и превысили международный стандарт лишь десять субъектов Российской Федерации: город Севастополь, республики Саха (Якутия), Кабардино-Балкария, Алтай, Карачаево-Черкессия, Ингушетия, Чеченская, Северная Осетия-Алания, Приморский край и Астраханская область. Как видно, в этом списке присутствует лишь один арктический субъект РФ – Республика Саха (Якутия). Между тем именно арктические регионы, обладающие уникальной и наиболее уязвимой к антропогенным воздействиям природой, ха-

рактеризуются и более длительным периодом восстановления нарушенных природных ландшафтов.

Ученые сходятся во мнении, что Арктика является экологическим фильтром и «кухней погоды» всей планеты [1]. Арктические льды играют огромную роль в отражении солнечной радиации, способствуя тем самым охлаждению атмосферы и формированию климата Земли. В том случае, если ледовый покров в Арктике отсутствовал бы, температура в этом макрорегионе повысилась бы более чем на 40°C [2]. В результате большая часть нашей планеты стала бы непригодной для проживания живых существ из-за крайне высоких температур. Природа Арктики имеет не только важнейшее климатическое значение, но и представляет собой основу жизнедеятельности ее коренных народов. Экологические проблемы стоят для них наиболее остро, создавая угрозу уничтожения исконной среды обитания, самобытной культуры, мировоззрения и традиционных промыслов (оленьеводства, рыболовства, собирательства и др.). С этой точки зрения развитие сети ООПТ в Российской Арктике имеет неопределимое значение для поддержания экологического равновесия,

сохранения биоразнообразия и культурных традиций не только в нашей стране, но и во всем мире.

На наш взгляд, одной из важнейших причин недостаточного развития сети ООПТ как в Арктическом макрорегионе, так и в стране в целом является не столько проблема обоснования уникальности природных и культурных достопримечательностей, нуждающихся в сохранении, сколько столкновение интересов различных сторон. Необходимо помнить, что создание и функционирование ООПТ затрагивает интересы многих субъектов: местного населения, органов власти различного уровня, предпринимателей, природоохранных организаций и других. Как правило, они имеют разнонаправленный характер, что приводит к возникновению различного рода спорных и конфликтных ситуаций. В результате неразрешенные споры нередко вызывают негативные последствия для ООПТ и природы в целом:

1. Создание новых ООПТ откладывается или значительно растягивается во времени. Примером здесь может служить планируемый к организации на территории Архангельской области на протяжении уже более чем десяти лет Двинско-Пинежский заказник. Изначально против создания заказника выступили главы районов, областные и районные депутаты. Они заявляли об опасениях, что организация ООПТ приведет к закрытию ряда предприятий лесной отрасли, снижению налоговых поступлений в бюджет и увеличению безработицы. Отрицательное отношение к идее создания нового заказника высказали также руководители лесопромышленных компаний, т.к. не хотели терять свою арендную базу. Компромисса удалось достигнуть только спустя несколько лет переговоров, в результате чего был подписан Протокол о согласовании границ Двинско-Пинежского заказника. Однако процесс создания новой ООПТ на сегодняшний день всё ещё не завершён.

2. Сокращается размер территории ООПТ. Другая планируемая к созданию ООПТ Архангельской области, расположенная на Соловецком архипелаге, вынуждена исключить часть морской акватории из своих предполагаемых границ. Причиной этому послужил конфликт с местным населением и представителями Архангельского водорослевого комбината, кото-

рый осуществляет промышленную добычу водорослей (ламинарии и фукуса) в данной акватории, по мнению руководства которого, включение морской акватории в состав ООПТ уменьшит сырьевую базу предприятия, снизит объемы выпускаемой продукции и приведет к сокращению числа рабочих мест.

3. Снижается эффективность функционирования ООПТ. Так, при создании Национального парка (НП) «Онежское Поморье» в Архангельской области не были учтены интересы местного населения и хозяйствующих субъектов (рыболовецких колхозов «Заря», имени Калинина). В результате в границы парка попала водная акватория, где испокон веков местное население ловило рыбу, а рыболовецкие колхозы занимались промышленным рыболовством. После создания Национального парка на осуществление данных видов хозяйственной деятельности был наложен запрет, в результате чего многие жители лишились важного источника доходов, а рыболовецкие колхозы вынуждены были сократить свои уловы. Следствием такого решения стало также снижение обеспеченности свежей рыбной продукцией близлежащих крупных городов. Отсутствие учета мнения местного населения в результате формирования границ и режима Национального парка спровоцировало многочисленные нарушения, в том числе браконьерство, что в значительной степени снижает эффективность функционирования данной ООПТ.

Всё вышесказанное обуславливает высокую значимость и актуальность настоящего исследования, а также предопределяет его цель, которой стали разработка и апробация на примере одного из арктических регионов России универсального алгоритма анализа конфликтных ситуаций, возникающих в ходе создания и функционирования ООПТ.

Методология исследования

Несмотря на высокую актуальность изучения конфликтных и спорных ситуаций на особо охраняемых природных территориях, подавляющее большинство современных исследований как российских ученых, так и зарубежных в сфере ООПТ посвящено проблемам сохранения природных комплексов, изучения естественных процессов в биосфере и контроля над изменением ее состояния, а также вопросам экологического просвещения и разви-

тия туризма (А.А. Тишков [3, 4], Н.А. Соболев [5], Е.М. Лаптева [6], Д.В. Панченко [7]; сотрудники Института биологии Коми научного центра УрО РАН [8]; И.А. Лавриненко, О.В. Лавриненко, Н.М. Николаева, С.А. Уваров [9], N. Dudley, M. Hockings, S. Stolton, [10], S.V. Degteva, V.I. Ponomarev, S.W. Eisenman, V. Dushenkov [11], J. Siitonen, R. Penttilä, H. Kotiranta [12], O.P. Tikkanen, I.A. Chernyakova [13], K.J. Wendland, M. Baumann, D.J. Lewis, A. Sieber, V.C. Radeloff [14], M. Elbakidze, P. Angelstam, [15], S.K. Juvonen, A. Kuhmonen, T. Opdahl, O. Höjer [16], J. Mikkola, B. Storrank, T. Lindholm [17] и др.).

В то же время проблемами изучения и решения конфликтных ситуаций, связанных с созданием и функционированием ООПТ, занимается крайне ограниченный круг исследователей. К наиболее авторитетным отечественным ученым в данной области следует отнести: Н.А. Алексеенко, А.В. Дроздова, А.А. Медведева, А.А. Тишкова, Е.А. Белоновскую, А.Н. Кренке, Н.Г. Царевскую и др. В работах Н.А. Алексеенко, А.В. Дроздова, А.А. Медведева осуществляется картографирование конфликтов природопользования на ООПТ Московской и Калужской областей. Этими авторами предлагается классификация конфликтов в зависимости от следующих признаков: источник, объект конфликта, форма, степень сложности, проявление, динамика, длительность развития, интенсивность, характер границ конфликта. Авторами настоящей статьи, под руководством Н.А. Алексеевой, подчеркивается особая значимость и важность проведенных исследований, которые на сегодняшний день представляют собой наиболее системную и глубокую работу по изучению конфликтов на особо охраняемых природных территориях.

М.П. Кузнецов и С.А. Пегов подробно анализируют социально-экономические конфликты на территории Национального парка «Валдайский», а также предлагают основные пути их разрешения [18]. Авторы обращают особое внимание на несовершенство законодательной базы, регулирующей хозяйственную деятельность на территории ООПТ, а также территориального устройства парка, как главные причины многих конфликтов.

Широкий взгляд на конфликты на особо охраняемых природных территориях и их типоло-

гию представлен в работах сотрудников Института географии РАН (А.А. Тишкова, Е.А. Белоновской, А.Н. Кренке, Н.Г. Царевской). Авторы разработали классификацию конфликтов на ООПТ в зависимости от двух признаков: масштаба (локальные, региональные и глобальные конфликты) и целей (конфликты ценностей, конфликты инфраструктурного характера, конфликты, связанные с регламентацией разного вида хозяйственной деятельности). Ими была предложена также оригинальная концепция конфликта ценностей при потреблении благ, производимых естественными экосистемами.

Как видно из представленного обзора, проблема выявления и анализа конфликтных ситуаций на особо охраняемых природных территориях по-прежнему остается малоизученной. До сих пор не существует единого алгоритма, позволяющего обнаружить и структурировать конфликт, что является основой его успешного решения. Кроме того, отсутствуют исследования по систематизации конфликтов на ООПТ арктических регионов России, где сохранение природы имеет колоссальное экологическое и культурное значение. На устранение данных пробелов и направлено настоящее исследование.

В настоящее время в научной литературе существуют десятки различных определений такого сложного и неоднозначного понятия, как конфликт, ни одно из которых не может быть принято в качестве универсального [19]. Применение того или иного определения во многом зависит от особенностей изучаемых объектов и явлений. С точки зрения реализации целей проводимого исследования авторы предлагают понимать под конфликтом противоборство субъектов, являющихся носителями антагонистических ценностей, интересов и целей, при котором хотя бы одна сторона воспринимает действия другой как угрозу своим интересам.

Как и любой сложный объект, конфликт характеризуется наличием определенной структуры. К основным структурным элементам конфликта относятся: 1) стороны конфликта – субъекты, являющиеся носителями антагонистических ценностей; 2) предмет конфликта – объект реального или идеального мира, из-за которого происходит конфликт; 3) образ конфликтной ситуации – это отображе-

ние предмета конфликта в сознании субъектов конфликтного взаимодействия; 4) мотивы конфликта — это внутренние побудительные силы, подталкивающие субъектов взаимодействия к конфликту (мотивы выступают в форме потребностей, интересов, целей, идеалов, убеждений); 5) действия сторон конфликта — в совокупности образуют конфликтное взаимодействие, без них конфликт не мог бы существовать; 6) условия конфликта — факторы или обстоятельства, которые определяют его характеристики и возможность возникновения [19, 20].

Динамика конфликта предопределяет наличие в его развитии четырех стадий:

- 1 стадия — возникновение конфликтной ситуации. Данная стадия предполагает зарождение конфликта, протекающего скрыто на неосознаваемом уровне, по крайней мере, для одной из сторон.

- 2 стадия — осознание конфликта. На второй стадии стороны воспринимают условия конфликта и сознают свое участие в нем.

- 3 стадия — конфликтные действия. Стадия открытого конфликта, когда стороны проявляют антипатию друг к другу, дают негативные оценки.

- 4 стадия — завершение конфликта. На этой стадии происходит выбор стратегии и стиля поведения в конфликте, способов его разрешения. При этом важно отметить, что конфликт может зайти в тупик и не быть разрешенным, а может иметь полное (удовлетворенность обеих сторон конфликта) или частичное (субъективная удовлетворенность хотя бы одной из сторон конфликта) разрешение.

Алгоритм анализа конфликтных ситуаций, возникающих в ходе создания и функционирования ООПТ

Для выявления, структурирования и классификации конфликтов на ООПТ на конкретной территории или в регионе авторами предлагается универсальный алгоритм анализа конфликтных ситуаций, возникающих в ходе создания и функционирования ООПТ, основанный на сборе и обработке обширного эмпирического материала.

При отборе источников информации для проведения анализа конфликтов на ООПТ авторы руководствовались следующими принципами:

1. Принцип комплексности. Данный принцип предполагает, что отобранные источники информации должны отражать многообразие мнений всех основных участников конфликта, а также наиболее осведомленных и компетентных внешних наблюдателей. Кроме того, получение информации для проведения анализа конфликтных ситуаций на ООПТ должно быть основано как на литературных, так и на социологических методах исследования.

2. Принцип открытости. Согласно этому принципу используемая информация не должна представлять государственную и коммерческую тайну и по большей части должна находиться в свободном доступе (в печатных материалах, на Интернет-сайтах).

3. Принцип затратности. Принцип предполагает минимизацию финансовых, трудовых и временных затрат, необходимых для сбора информационных данных для проведения анализа конфликтов на ООПТ. Руководствуясь данным принципом, авторы сознательно отказались от проведения массовых социологических исследований, требующих значительных финансовых и временных вложений в их организацию и обработку полученной информации.

Таким образом, предлагаемый алгоритм анализа конфликтных ситуаций, возникающих в ходе создания и функционирования ООПТ региона, включает в себя 6 основных этапов.

Первый этап — формирование базы данных об особо охраняемых природных территориях, расположенных в регионе. На данном этапе осуществляется анализ официальных документов (законодательных актов, положений, соглашений и др.) на предмет сбора информации о количестве ООПТ, их категории, местоположении, особенностях режима охраны.

Второй этап — проведение контент-анализа публикаций в средствах массовой информации (СМИ), посвященных конфликтным ситуациям при создании и функционировании ООПТ региона. Данный этап позволяет не только выявить значительную часть конфликтов, но и определить по частоте упоминания наиболее актуальные и резонансные из них, идентифицировать главных участников (стороны) конфликта, их основные мотивы, предмет конфликтной ситуации.

Третий этап – подготовка и направление официальных запросов в органы местного самоуправления той территории, на которой расположены ООПТ, с просьбой сообщить об имеющихся конфликтах, спорах и разногласиях, связанных с созданием и функционированием ООПТ. Данный этап имеет огромное значение в связи с тем, что: 1) нередко органы местного самоуправления выступают в качестве стороны конфликта, что позволяет получить информацию «из первых уст»; 2) в случае если органы местного самоуправления не являются стороной конфликта на ООПТ, они, тем не менее, оказываются в непосредственной «близости» к конфликтной ситуации, получая и регистрируя обращения от местных жителей и хозяйствующих субъектов; 3) процесс направления официальных запросов в органы местного самоуправления характеризуется минимальными финансовыми, временными и трудовыми затратами. Типовые обращения могут быть отправлены через специальную форму на официальном Интернет-сайте органов местного самоуправления или через электронную почту. Согласно Федеральному закону «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 02.05.2006 № 59-ФЗ, запросы рассматриваются органами местного самоуправления в течение 30 дней с момента их регистрации, что позволяет получить интересующую информацию уже через месяц.

Четвертый этап – выбор и опрос экспертов на предмет выявления конфликтов, связанных с созданием и функционированием ООПТ. При отборе экспертов должен учитываться принцип комплексности: эксперты должны представлять различные организации и учреждения – как общественные и научные, так и входящие в структуру органов государственной власти, непосредственно занятые вопросами охраны окружающей среды, изучения и развития сети ООПТ и управления ею. Опрос экспертов, по мнению авторов, удобнее проводить методом глубинного интервью, который предполагает длительную беседу по общей программе, но без конкретизации вопросов. Это позволяет вывести эксперта на доверительную, «живую» беседу, по итогам которой интервьюер получает максимально детальную, глубокую и нередко уникальную информацию.

Пятый этап – систематизация и анализ информации о конфликтах на ООПТ региона, полученной в ходе проведения 2-го, 3-го и 4-го этапов. На данном этапе формируется список конфликтных ситуаций, связанных с созданием и функционированием ООПТ в регионе, а также определяется структура каждого конфликта путем выделения его сторон, предмета, мотивов и стадии. Результатом пятого этапа становится формирование удобной для последующего использования (картографирования, прогнозирования, поиска путей решений и т. д.) информационной базы данных о конфликтных ситуациях на ООПТ исследуемого региона.

Шестой этап – разработка рекомендаций по устранению или смягчению конфликтов на ООПТ региона, выявленных в ходе проведения анализа.

Анализ конфликтных ситуаций, возникающих в ходе создания и функционирования ООПТ в Арктическом регионе (на примере Архангельской области)

С целью апробации предложенного алгоритма анализа конфликтных ситуаций, возникающих в ходе создания и функционирования ООПТ, авторским коллективом было принято решение выбрать в качестве объекта апробации один из наиболее интересных в природно-климатическом отношении регионов Российской Арктики – Архангельскую область. Выбор данного арктического субъекта РФ обусловлен следующими причинами: а) Архангельская область является самым крупным субъектом европейской части Российской Арктики, имеющим наибольшую протяженность с севера на юг и максимально выраженную зональность; б) на территории области встречаются несколько природных зон, в том числе арктические пустыни, тундра, лесотундра и тайга; сохранение природного разнообразия каждой природной зоны имеет огромное значение как для региона, так и для Арктики в целом; в) площадь сухопутной части действующих в Архангельской области ООПТ насчитывает только 47,2 тыс. км², что соответствует 8% площади региона. Это в два раза ниже принятого в Конвенции норматива и может свидетельствовать о наличии неразрешенных конфликтов в сфере ООПТ в области.

На *первом этапе* была сформирована база данных об ООПТ Архангельской области. Благодаря разнообразию природных комплексов и наличию уникальных природных объектов в регионе сформирована обширная сеть ООПТ, имеющая большое значение для сохранения биоразнообразия и поддержания экологического баланса в Арктике. Сеть особо охраняемых природных территорий области включает в себя 107 ООПТ, в том числе:

- 8 ООПТ федерального значения, среди которых один заповедник («Пинежский»), четыре национальных парка («Кенозерский», «Водлозерский», «Русская Арктика» и «Онежское Поморье»), два дендрария и один ботанический сад;

- 99 ООПТ регионального значения, включающих в себя 33 заказника и 66 памятников природы.

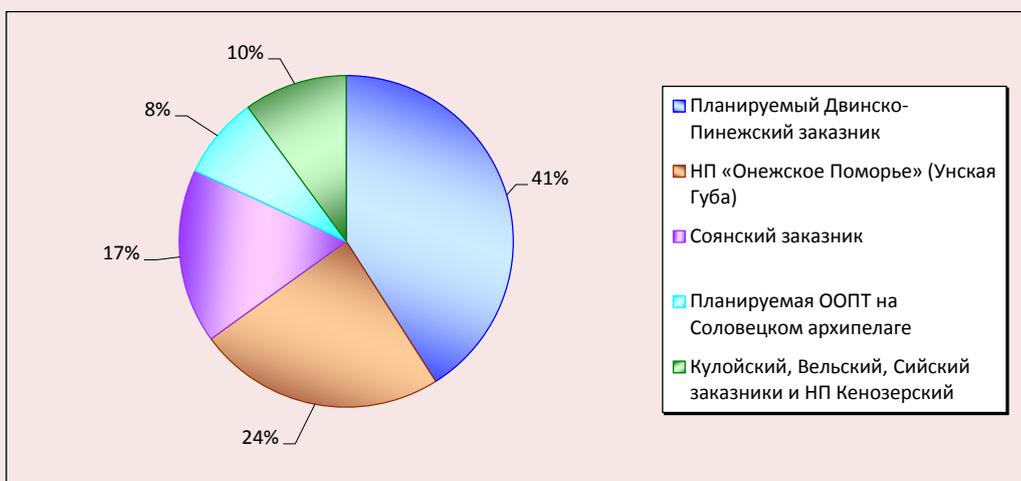
Перечисленные ООПТ расположены на территории области неравномерно, хотя и представлены во всех её районах. Занимаемая ими площадь варьируется от 0,3% (в Шенкурском районе) до 30% площади района (в Приморском районе).

На *втором этапе* исследования был проведен контент-анализ публикаций СМИ. Основными источниками информации о конфликтах на ООПТ Архангельской области стали крупнейшие региональные информационно-аналитические издания (газеты «Московский ком-

сомолец Архангельск», «Правда Севера», «Эхо Севера»), а также информационные источники муниципального уровня. Их детальный анализ позволил выявить 59 упоминаний о конфликтных ситуациях, связанных с функционированием и созданием ООПТ Архангельской области. Почти 41% проанализированных публикаций (*рис. 1*) посвящены вопросам создания Двинско-Пинежского заказника на территории Пинежского, Холмогорского, Виноградовского и Верхнетоемского районов.

Планируемый к созданию Двинско-Пинежский заказник располагается в центре междуречья Северной Двины и Пинеги, где сохранился крупнейший в Европе массив нетронутых тысячелетних лесов – эталон дикой северной тайги. 13 из 24 публикаций, датированных 2017–2018 гг., отражают действия основных сторон конфликта: общественных природоохранных организаций, лесопромышленных компаний, органов законодательной и исполнительной власти местного и регионального уровней. Главы районов, областные и районные депутаты, а также руководители лесопромышленных компаний выступили против создания заказника в связи с опасениями необходимости отказа от части арендной базы и, как следствие, закрытия ряда предприятий лесной отрасли, роста безработицы, социальной напряженности, снижения уровня жизни местных жителей. Тем не менее публикации последнего времени отра-

Рис. 1. Упоминание в СМИ о конфликтных ситуациях, связанных с созданием и функционированием ООПТ Архангельской области (в % от числа найденных публикаций)

жают позитивную тенденцию в вопросах разрешения данного конфликта. В апреле 2018 г. был подписан Протокол о согласовании границ Двинско-Пинежского заказника между руководителями крупнейших лесопромышленных компаний региона, Всемирным фондом дикой природы, Гринпис России и Правительством Архангельской области. Этому событию было посвящено большое количество публикаций региональных СМИ.

Следующим по частоте упоминаний о конфликтных ситуациях среди ООПТ регионального значения является Соянский биологический заказник, расположенный на территории Приморского и Мезенского районов Архангельской области. Более половины публикаций о Соянском заказнике посвящены нарушениям его режима, в том числе браконьерству (незаконным охоте и рыбалке на нерестовых семужьих реках). Четверть публикаций отражают резонансные события, связанные с посещением и отдыхом представителей власти в егерском домике на территории Соянского заказника. Оставшиеся публикации затрагивают вопросы незаконных рубок и замусоривания территории заказника.

Среди федеральных ООПТ Архангельской области наиболее «конфликтным» является Национальный парк «Онежское Поморье» (24% всех публикаций). Большая часть проанализированных материалов о нацпарке, опубликованных в период с 2014 по 2016 г., освещают вопросы возможности рыболовства в Унской Губе. Сторонами данного конфликта являются местное население, рыболовецкие колхозы, администрация Приморского района, выступающие за исключение из границ Национального парка акватории Унской Губы и возвращение рыболовецким колхозам права вылова наваги, и дирекция Национального парка, осуществляющая контроль за исполнением режима на территории Онежского Поморья, согласно которому промышленный лов рыбы в Унской Губе запрещен. Остальные публикации посвящены вопросам взимания платы за посещение парка и браконьерство.

8% публикаций освещают конфликтную ситуацию, связанную с предполагаемым созданием федерального заказника на Соловецком архипелаге. Сторонами конфликта здесь высту-

пают местные жители, научное сообщество, органы государственной власти, сотрудники Соловецкого музея-заповедника. Суть данной конфликтной ситуации была изложена авторами во введении к настоящей статье.

Оставшиеся 10% публикаций посвящены конфликтам в Сийском (незаконные рубки леса), Кулойском (браконьерство), Вельском (обеспечение безопасного перехода животных через дороги) заказниках и Кенозерском национальном парке (незаконные постройки и рыболовство).

В рамках реализации *третьего этапа* анализа конфликтных ситуаций, возникающих в ходе создания и функционирования ООПТ в Арктическом регионе, были составлены и направлены официальные запросы на имя глав муниципальных образований Архангельской области, на территории которых функционируют ООПТ. Всего было направлено 22 запроса: 19 – в муниципальные районы области и 3 – в города областного значения.

В результате анализа официальных ответов, полученных от органов власти муниципального уровня Архангельской области, выявлено, что:

1. В большинстве административно-территориальных единиц Архангельской области, согласно данным органов местного самоуправления, конфликтов, споров и разногласий, связанных с созданием и функционированием ООПТ на их территории, не возникало (Лешуконский, Коношский, Устьянский, Плесецкий, Вилегодский, Виноградовский, Шенкурский, Приморский, Каргопольский, Няндомский, Холмогорский, Ленский районы, города Северодвинск и Новодвинск).

2. В восьми муниципальных образованиях области, по мнению органов исполнительной власти муниципального уровня, существуют следующие конфликты, споры и разногласия:

- несовпадение названия и местоположения памятника природы «Талицкий ключ» (Онежский район); по мнению администрации МО «Онежский муниципальный район», истинным названием памятника природы является «Талецкий ключ», а местоположение должно определяться по паспорту на этот памятник природы от 1986 года;

- поддержка Собранием депутатов МО «Верхнетоемский муниципальный район»

обращения Муниципального Собрания МО «Виноградовский муниципальный район» к федеральным и региональным органам законодательной и исполнительной власти о недопущении создания заказника регионального значения «Двинско-Пинежский» от 27.12.2016 (Верхнетоемский район); интересно, что администрация Виноградовского района в своем ответе не сочла необходимым указать на существование данного обращения;

– несогласие местных жителей с расширением Шиловского заказника (Красноборский район), в связи с чем было направлено соответствующее письмо губернатору Архангельской области;

– выявление угрозы нормальному существованию дендрологического сада имени И.М. Стратоновича (г. Архангельск) со стороны ЗАО «Проектно-строительная фирма „Инстрой“», зафиксированной в обращении САФУ имени М.В. Ломоносова в администрацию МО «Город Архангельск» от 28.08.2014, в котором отмечается, что строительство высотного объекта недвижимости и автостоянки, осуществляемое фирмой «Инстрой» в непосредственной близости от дендрологического сада, полностью нарушает инсоляцию, приводя сложившуюся экосистему к необратимым катастрофическим последствиям: гибели растений и утрате исторического сада;

– замечания Администрации МО «Котласский муниципальный район», связанные с необходимостью корректировки границ Сольвычегодского заказника в части исключения территории г. Сольвычегодск, территории, предназначенной под расширение кладбища в районе деревни Андреевская, а также исключения полосы отвода автодороги «Заболотье–Сольвычегодск–Яренск» (Котласский район);

– ущемление интересов местного населения, зафиксированное в обращении Совета депутатов МО «Соянское» от 25.12.2013 в Правительство Архангельской области, в части передвижения местного населения, постоянно проживающего в деревне Сояна, на транспортных средствах по семуужьенерестовым рекам, а также в части аренды лесных участков в рекреационных целях (Мезенский район) по согласованию с органами местного самоуправления МО «Соянское»;

– недовольство местных жителей, считающих себя заложниками Веркольского заказника (Пинежский район), по поводу зонирования территории заказника и ограничения проезда на моторных лодках, снегоходной технике и колесном транспорте; кроме того, местные жители обозначили кварталы, в которых они хотят заготавливать деловую и дровяную древесину для собственных нужд, однако их требования не совпали с видением Центра природопользования и охраны окружающей среды Архангельской области (далее – Центр ПООС АО), действующего в интересах заказника;

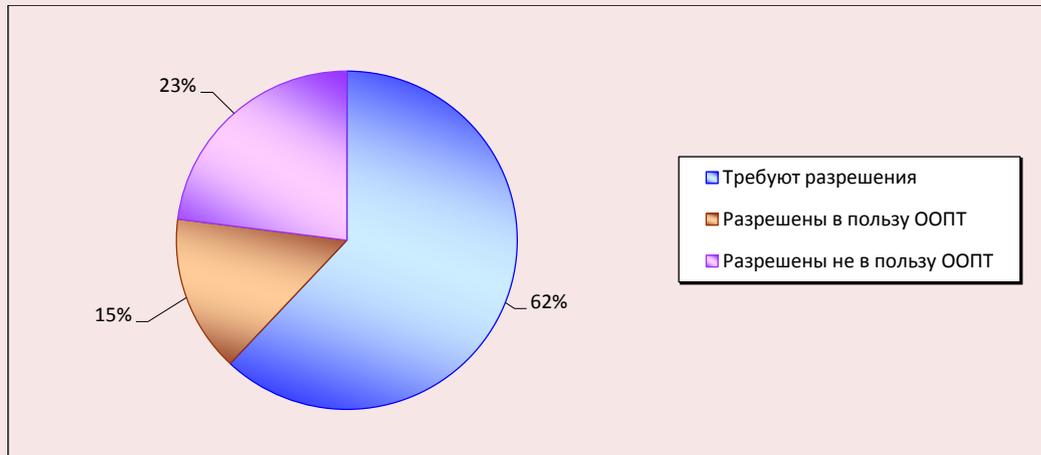
– незаконные рубки в Тиманевском бору, Тарасовском сосновом бору, Шунемском бору, Березнековском сосновом бору, Кореневском бору и Воронцовской роще, а также захламенение отходами производства и потребления, отходами лесопиления ООПТ Вельского района, в особенности в Зеленем бору.

На *четвертом этапе* для проведения экспертного опроса были отобраны 12 экспертов из числа представителей природоохранных организаций, органов государственной власти, менеджеров ООПТ и ученых Архангельской области. С каждым экспертом было проведено глубинное интервью длительностью от полутора до двух часов. В результате обработки полученных в ходе экспертного опроса данных были выявлены 47 конфликтов на 24 ООПТ Архангельской области. При этом более чем на 62% федеральных ООПТ и 54% региональных заказников существуют те или иные конфликтные ситуации. По мнению экспертов, наиболее «конфликтными» следует признать следующие ООПТ: Приморский ландшафтный заказник, Солянский биологический заказник и Национальный парк «Онежское Поморье».

В настоящее время 38% всех выявленных в ходе экспертного опроса конфликтов находятся в стадии завершения. Тем не менее более чем половина из них завершилась не в пользу ООПТ: сокращением площади особо охраняемой природной территории, а также послаблениями режима охраны (*рис. 2*).

Примерами здесь являются дендрарий Северного Арктического федерального университета (застройка территории, предназначенной

Рис. 2. Разрешение конфликтных ситуаций, связанных с созданием и функционированием ООПТ Архангельской области (в % от общего числа выявленных конфликтов)

для расширения дендрария), Приморский и Со-янский заказники (из состава которых выведе-ны территории, интересующие ресурсодобыва-ющие компании), Чугский заказник (активное функционирование карьера по добыче гипса угрожает большей части охраняемых природ-ных объектов заказника), Уфтюго-Илешский заказник (создан с меньшей площадью, чем планировалось, из-за арендаторов лесного фон-да) и другие. Удачными примерами разрешения конфликтных ситуаций являются с точки зре-ния интересов ООПТ Пинежский заповедник и Кенозерский национальный парк, существу-ющие более 25 лет. Так, на территории, при-мыкающей к Пинежскому заповеднику, ведет-ся активная эколого-просветительская работа как с местным населением, так и с туристами, которая дает положительные результаты. В Ке-нозерском национальном парке принят целый ряд активных мер для разрешения конфликт-ных ситуаций: организована просветительская работа с местным населением, выделен специ-альный сотрудник в дирекции парка, занимаю-щийся вопросами согласования строительства и реконструкции жилых и нежилых объектов местного населения, создан фонд микрозайма для поддержания традиционного образа жизни жителей деревень, создается и реконструиру-ется транспортная инфраструктура и др.

Предметами выявленных в результате экспертного опроса конфликтов, связанных

с функционированием и созданием ООПТ на территории Архангельской области, высту-пают:

1. Территория ООПТ. Данный предмет конфликта можно подразделить:

- на постройки на территории ООПТ (Со-янский, Приморский, Кожозерский заказники и др.);

- проезд по территории ООПТ (НП «Онежское Поморье», Веркольский, Шелов-ский, Клоновский заказники и др.);

- посещение территории ООПТ (НП «Онежское Поморье», Пинежский заповедник);

- территория ООПТ под строительство, а также размещение линейных объектов (Бело-морский заказник, дендрарий Северного (Ар-ктического) Федерального университета и др.);

- территория ООПТ под разведку и добы-чу полезных ископаемых (Соянский, Примор-ский, Чугский заказники);

- территория ООПТ под выпас оленей (Кулойский заказник);

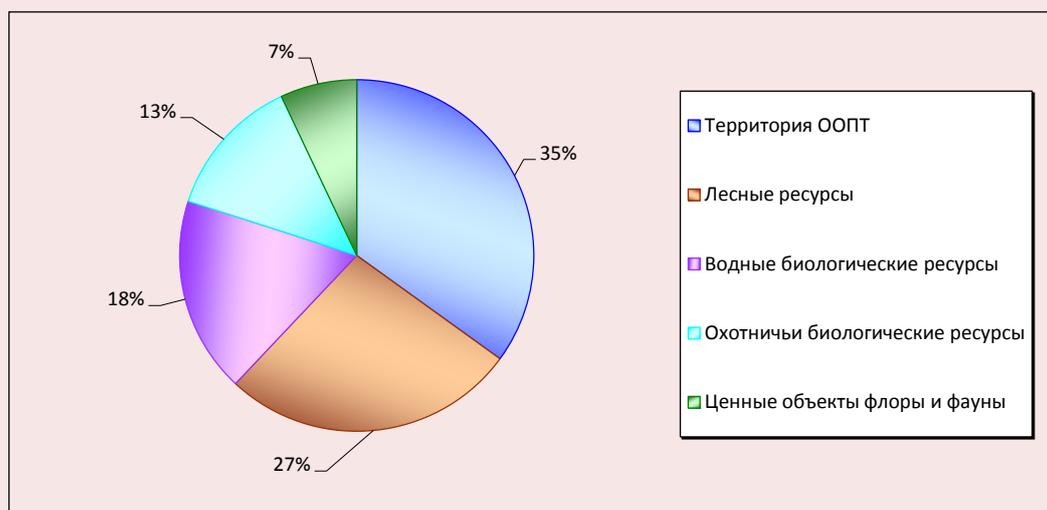
- территория ООПТ под свалку бытовых отходов (Пермиловский заказник).

2. Лесные ресурсы, которые подразделяются:

- на древесные ресурсы леса – деловую и дровяную древесину (Веркольский, Монас-тырский, Филатовский, Уфтюго-Илешский заказники и др.);

- недревесные ресурсы леса – грибы, яго-ды (Шиловский заказник).

Рис. 3. Предметы конфликтных ситуаций в СМИ, связанных с созданием и функционированием ООПТ Архангельской области (в % от общего числа предмета выявленных конфликтов)

Наряду с территорией, лесные ресурсы являются наиболее часто встречающимся предметом конфликтных ситуаций на ООПТ Архангельской области (рис. 3).

3. Водные биологические ресурсы (НП «Онежское Поморье», Соянский, Лачский заказники и др.).

4. Охотничьи биологические ресурсы (Клоновский, Пучкомский, Вилегодский, Соянский заказники и др.).

5. Ценные объекты флоры и фауны (Соянский заказник, памятник природы «Голубинский карстовый массив»).

Сторонами конфликтов, связанных с созданием и функционированием ООПТ Архангельской области и выявленных в ходе экспертного опроса, стали: Центр природопользования и охраны окружающей среды (26% от общего числа конфликтующих сторон); местное население (17%); научные организации и сообщества (9%); дирекция заповедника или национального парка (7%); природоохранные общественные организации (6%); туристы (6%); органы власти (5%); предприниматели (5%); браконьеры (4%); лесопромышленные компании (4%); предприятия по разведке и добыче полезных ископаемых (3%); незаконные лесорубы (2%); представители Русской православной церкви (2%); компании-застройщики, организации, занимающиеся строительством линейных объектов (2%);

рыболовецкие колхозы (1%); представители садово-огороднических товариществ (0,5%); оленеводческие бригады (0,5%).

Такая частая встречаемость в качестве стороны конфликта Центра ПООС АО объясняется тем, что Центр отвечает за соблюдение режима охраны на региональных ООПТ, тем самым автоматически становясь антагонистом любых нарушителей, будь то браконьеры, незаконные лесорубы, туристы или др.

На **пятом этапе** обширная информация о конфликтах на ООПТ в Архангельской области, полученная в результате контент-анализа СМИ, официальных ответов муниципальных органов власти и экспертного опроса, была систематизирована и представлена в виде таблицы. Она содержит важнейшую информацию о каждой конфликтной ситуации, связанной с созданием и функционированием ООПТ в регионе: сторонах конфликта, их мотивах, предмете и стадии конфликта, а также действиях, предпринятых для его разрешения. Поскольку вся таблица имеет колоссальный объем, в данной работе приводится лишь ее фрагмент, который может служить образцом систематизации и структурирования конфликтных ситуаций на ООПТ региона (*таблица*). В качестве примера представлена одна из наиболее «конфликтных» ООПТ Архангельской области – Приморский ландшафтный заказник.

Фрагмент таблицы, систематизирующей и структурирующей конфликты, связанные с созданием и функционированием ООПТ в Архангельской области (на примере Приморского ландшафтного заказника)

Стороны конфликта	Предмет конфликта	Мотивы конфликта	Стадия конфликта	Действия, направленные на разрешение конфликта
А. Предприятия по разведке и добыче полезных ископаемых/- природоохранные общественные и научные организации	А. Территория заказника	А. Добывающие предприятия претендуют на территорию заказника для осуществления разведки и добычи полезных ископаемых. Природоохранные общественные и научные организации выступают за сохранение площади и ненарушенности территории заказника.	А. 4 стадия – завершение конфликта	А. Конфликты решаются в пользу ресурсодобывающих предприятий. Интерсующие компании территории заказника выводятся из его состава.
Б. Ученые/- ученые	Б. Ценные объекты флоры и фауны	Б. Одни ученые обосновывают с научной точки зрения вывод кварталов из территории заказника в результате утраты их природной ценности, другие ученые выступают против, считая, что данная территория по-прежнему имеет большую значимость.	Б. 3 стадия – конфликтные действия	Б. Отсутствуют
В. Незаконные лесорубы /- Центр ПООС АО	В. Лесные ресурсы	В. На территории заказника происходят незаконные рубки леса. Центр ПООС АО рассматривает данный процесс как нарушение режима охраны ООПТ и угрозу биоразнообразию.	В. 3 стадия – конфликтные действия	В. Заказник не обладает необходимыми для патрулирования обширной территории и пресечения нарушений материально-техническими и человеческими ресурсами.
Г. Незаконные собиратели ископаемых остатков вендского периода /- Центр ПООС АО	Г. Территория с ископаемыми остатками вендского периода	Г. На территории заказника происходит незаконный сбор ископаемых остатков вендского периода. Центр ПООС АО рассматривает данный процесс как нарушение режима охраны ООПТ и утрату природной ценности территории.	Г. 3 стадия – конфликтные действия	Г. Заказник не обладает необходимыми для патрулирования обширной территории и пресечения нарушений материально-техническими и человеческими ресурсами.
Д. Жители г. Архангельска и Приморского района/- Центр ПООС АО	Д. Территория, охотничьи ресурсы, биологические водные ресурсы, постройки	Д. Жители г. Архангельска и Приморского района посещают территорию заказника на ГТС с целью незаконной охоты, рыбалки и размещения в незаконных постройках (избушках). Центр ПООС АО рассматривает данный процесс как нарушение режима охраны ООПТ и угрозу биоразнообразию.	Д. 3 стадия – конфликтные действия	Д. Заказник не обладает необходимыми для патрулирования обширной территории и пресечения нарушений материально-техническими и человеческими ресурсами.

Выводы и рекомендации

Таким образом, на основе систематизированной информации о конфликтных ситуациях, связанных с созданием и функционированием ООПТ в Архангельской области, можно сделать следующие выводы.

- Конфликты актуальные или уже завершённые встречаются на 35 действующих и двух планируемых к созданию ООПТ региона. Это означает, что почти треть всех существующих особо охраняемых природных территорий Архангельской области отмечены наличием конфликтных ситуаций, что в очередной раз подчеркивает значимость исследований в данной сфере.

- Всего в ходе проведенной работы были выявлены 58 конфликтных ситуаций, предметом большей части которых служат территория заказника и находящиеся на ней лесные ресурсы. При этом лишь 18 из 58 конфликтов на ООПТ Архангельской области находятся в стадии завершения, остальные же до сих пор не разрешены, что самым негативным образом сказывается на эффективности функционирования ООПТ, сохранении биоразнообразия и поддержании хрупкого равновесия арктических экосистем.

- Более половины выявленных конфликтов сосредоточены на территории 8 ООПТ: Национального парка «Онежское Поморье», Соянского, Приморского, Кулойского, Веркольского, Беломорского, Клоновского заказников и памятника природы «Голубинский карстовый массив». При этом самыми конфликтными являются Приморский ландшафтный заказник (7 конфликтов), Соянский биологический заказник (7) и Национальный парк «Онежское Поморье» (4 конфликта). Важно отметить, что конфликты Соянского заказника и НП «Онежское Поморье» фигурировали как в средствах массовой информации, так и в официальных ответах органов местного самоуправления и интервью экспертов. Данный факт прямым образом указывает на высокую актуальность и остроту конфликтных ситуаций в перечисленных ООПТ.

Анализ информации, полученной в ходе изучения публикаций СМИ, официальных ответов органов местного самоуправления и экс-

пертного опроса, позволяет предложить следующие рекомендации по устранению, снижению числа конфликтов, связанных с созданием и функционированием ООПТ Архангельской области (*шестой этап*):

1. Создание Общественного совета по ООПТ Архангельской области при Министерстве природных ресурсов и лесопромышленного комплекса Архангельской области. Общественный совет по ООПТ Архангельской области призван обеспечить учет потребностей и интересов жителей Архангельской области, предприятий ресурсного сектора, а также сохранение и защиту уникальных природных комплексов региона. Совет должен представлять собой постоянно действующий совещательно-консультативный орган.

В состав Общественного совета необходимо включить: представителей Министерства природных ресурсов и лесопромышленного комплекса Архангельской области, Центра природопользования и охраны окружающей среды Архангельской области, научных организаций и общественных природоохранных организаций, представителей ресурсодобывающих предприятий.

2. Организация общественных советов по ООПТ при администрациях муниципальных образований, расположенных на сопредельных ООПТ территориях.

Как и в случае с региональным Общественным советом, Общественный совет по ООПТ при администрации муниципального образования должен представлять собой постоянно действующий совещательно-консультативный орган, обеспечивающий учет потребностей жителей муниципального образования, сохранение и защиту уникальных природных комплексов.

В состав Общественного совета по ООПТ при администрации муниципального образования должны быть включены: представители администрации муниципального образования, структурного подразделения Центра природопользования и охраны окружающей среды Архангельской области (егерь), представители лесничества, образовательных учреждений, местного населения.

3. Организация и проведение эколого-просветительской работы:

- организация работы со средствами массовой информации областного и районного уровней с целью просвещения населения (знакомство с природными ценностями ООПТ, деятельностью Центра, Положением об ООПТ, ответственностью за нарушение режима ООПТ) и освещения проблем, связанных с созданием и функционированием ООПТ;

- организация работы с образовательными учреждениями (детскими садами, школами, колледжами, техникумами, вузами); с этой целью необходимо разработать план типовых презентаций для слушателей образовательных учреждений различного уровня, который бы включал краткую информацию о местонахождении ООПТ, ценных объектах охраны, режиме ООПТ и деятельности Центра;

- создание в каждом муниципальном образовании, расположенном на сопредельной ООПТ территории, информационного стенда (в администрации МО или магазине), на котором будут представлены сведения, касающиеся деятельности ООПТ;

- внесение предложения Министерству образования и науки Архангельской области о введении в образовательные программы по биологии и географии в рамках регионального компонента блока учебных часов, содержащих информацию об ООПТ Архангельской области;

- разработка и издание учебного пособия для школ Архангельской области, посвященного особо охраняемым природным территориям региона;

- организация и проведение встреч местного населения, проживающего на сопредельных ООПТ территориях, с ведущими учеными, занимающимися различными исследованиями, связанными с функционированием ООПТ.

4. Осуществление на регулярной основе научных исследований, направленных на изучение ООПТ Архангельской области:

- продолжение инвентаризационных работ на ООПТ Архангельской области;

- мониторинг особо ценных природных объектов, флоры и фауны;

- обязательное ознакомление с результатами научных исследований всех заинтересо-

ванных сторон (Центр ПООС АО, общественные советы по ООПТ и т.д.).

5. Проведение лесоустроительных работ на территории ООПТ с целью актуализации ее зонирования. Это позволит выделить местному населению зоны для осуществления хозяйственной деятельности, что поспособствует нивелированию конфликтов, связанных с функционированием ООПТ.

6. Проведение инвентаризации и постановка на учет дорог, находящихся на особо охраняемых природных территориях Архангельской области. Данное мероприятие позволит законодательно закрепить те дороги, которые реально существуют на ООПТ и используются населением. В свою очередь, это даст возможность привлекать финансирование для реконструкции и содержания этих дорог.

7. Увеличение финансирования Центра ПООС АО, что позволит увеличить штат сотрудников структурных подразделений (егерей), улучшить их материально-техническое оснащение, а также реализовать обозначенные выше мероприятия.

Заключение

Таким образом, поставленная в данном исследовании цель была полностью достигнута. Предложенный авторами алгоритм анализа конфликтных ситуаций, возникающих в ходе создания и функционирования ООПТ региона, носит универсальный характер и может быть применен для любого административно-территориального образования Российской Федерации. Алгоритм отличается комплексностью учета мнений всех заинтересованных сторон (представителей природоохранных организаций, органов государственной и муниципальной власти, менеджеров ООПТ, ученых) и использованием различных взаимодополняющих друг друга источников информации (средства массовой информации, официальные документы, интервью экспертов). Его реализация позволяет получить максимально точные и достоверные данные для выявления конфликта, его структурирования и всестороннего анализа.

Апробация разработанного алгоритма на примере одного из арктических субъектов Российской Федерации позволила выявить и проанализировать 58 конфликтов, встречающихся

ся на 35 действующих и 2 планируемых ООПТ региона. На основании проведенного исследования авторами сформулирован комплекс конкретных рекомендаций по их устранению, снижению их числа и предупреждению, направленных на совершенствование организационной структуры и деятельности общественных совещательно-консультативных советов при государственных и муниципальных органах исполнительной власти, осуществление эколого-просветительской работы, проведение лесоустроительных, инвентаризационных и научно-исследовательских работ. Результаты проделанной авторами работы вызвали боль-

шой интерес со стороны органов исполнительной власти Архангельской области и использованы в их деятельности в целях принятия и корректировки управленческих решений в сфере охраны окружающей среды.

Проведение аналогичных исследований в других регионах Российской Арктики поможет сформировать обширную базу данных о конфликтах на ООПТ макрорегиона, что впоследствии станет основой для разработки научно обоснованных рекомендаций по их разрешению и сохранению уникальной и хрупкой природы арктических субъектов Российской Федерации.

Литература

1. Ханзерова И. Арктика – земля обетованная // Санкт-Петербургский университет. 2016. № 4. С. 20–23.
2. Будыко М.И. Полярные льды как фактор формирования климата // Климат и жизнь. Л.: Гидрометеоиздат, 1971. С. 249–274.
3. Тишков А.А. Развитие географической сети заповедных территорий // География и природные ресурсы. 2017. № 3. С. 13–21. DOI: 10.21782/GIPR0206-1619-2017-3(13-21).
4. Тишков А.А., Белоновская Е.А., Титова С.В. Заповедники юга Европейской России как объекты туризма // Проблемы и перспективы развития туризма в Южном федеральном округе: сб. науч. трудов. Симферополь: Ариал, 2017. С. 243–246.
5. Соболев Н.А. «Красная книга» естественных экологических систем // Проблемы изучения и сохранения растительного мира Восточной Феноскандии: сб. тез. Апатиты, 2015. С. 84–85.
6. Роль ООПТ в сохранении разнообразия аллювиальных почв Республики Коми / Е.М. Лаптева, С.В. Денева, Ю.В. Холопов, А.Н. Панюков // Тезисы докладов VII Съезда почвоведов им. В.В. Докучаева и Всероссийской с международным участием научной конференции «Почвоведение – продовольственной и экологической безопасности страны». Белгород: Белгород, 2016. С. 324–325.
7. Роль особо охраняемых территорий в сохранении лесного северного оленя (*Rangifer tarandus fennicus* Linn) Карелии / Д.В. Панченко, К.Ф. Тирронен, П.И. Данилов, С.А. Кутенков // Сборник трудов междунауч.-практ. конф. «Международная и межрегиональная сопряженность охраняемых природных территорий Европейского Севера». Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2017. С. 99–100.
8. Биологическое разнообразие особо охраняемых природных территорий Республики Коми: монография / отв. ред.: С.В. Дегтева, Е.М. Лаптева. Сыктывкар: Коми научный центр УрО РАН, 2015. 200 с.
9. Особо охраняемые природные территории Ненецкого автономного округа / авт.-сост.: И.А. Лавриненко, О.В. Лавриненко, Н.М. Николаева, С.А. Уваров. Архангельск: Лоция. 2015. 80 с.
10. Dudley N., Hockings M., Stolton S. et al. Priorities for protected area research. *Parks*, 2018, vol. 24, no. 1, pp. 35–50. Available at: <https://doi.org/10.2305/IUCN.CH.2018.PARKS-24-1ND.en>
11. Degteva S.V., Ponomarev V.I., Eisenman S.W., Dushenkov V. Striking the balance: challenges and perspectives for the protected areas network in northeastern European Russia. *Ambio*, 2015, vol. 44, no. 6, pp. 473–490. DOI: 10.1007/s13280-015-0636-x.
12. Siitonen J., Penttilä R., Kotiranta H. Coarse woody debris, polyporous fungi and saproxylic insects in an old-growth spruce forest in Vodlozero National Park, Russian Karelia. *Ecological Bulletins*, 2001. vol. 49, pp. 231–242.
13. Tikkanen O.P., Chernyakova I.A. Past human population history affects current forest landscape structure of Vodlozero National Park, Northwest Russia. *Silva Fennica*, 2014. vol. 48, no. 4, p. 1207. DOI: 10.14214/sf.1207.

14. Wendland K.J., Baumann M., Lewis D.J., Sieber A., Radeloff V.C. Protected Area Effectiveness in European Russia: A Post-Matching Panel Data Analysis. *Land Economics*, 2015. vol. 91, no. 1, pp. 149–168. DOI: 10.3368/le.91.1.149.
15. Elbakidze M., Angelstam P., Sobolev N. et al. Protected area as an indicator of ecological sustainability? A century of development in Europe's boreal forest. *Ambio*, 2013, vol. 42, no. 2, pp. 201–214. DOI: 10.1007/s13280-012-0375-1.
16. Juvonen S.K., Kuhmonen A., Opdahl T. et al. *Evaluation of the Protected Area Network in the Barents Region*. Helsinki: Edita Prima Ltd., 2013. 314 p.
17. Kuhmonen A., Mikkola J., Storrink B., Lindholm T. (Eds.). *Protected areas and high conservation value forests in the Barents Euro-Arctic Region – Sweden, Finland and Russia*. Available at: <https://helda.helsinki.fi/handle/10138/229432>.
18. Кузнецов М.П., Пегов С.А. Конфликты природопользования в районе Национального парка «Валдайский» // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2010. № 4. С. 77–85.
19. Гришина Н.В. Психология конфликта. 2-е изд. СПб.: Питер Пресс, 2008. 544 с.
20. Петровская Л.А. *Теоретические и методологические проблемы социальной психологии*. М.: Моск. ун-т, 1977. 168 с.

Сведения об авторах

Елена Владимировна Смиреникова – кандидат географических наук, зав. лабораторией, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. академика Н.П. Лаврова Российской академии наук (163000, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 23; e-mail: esmirennikova@yandex.ru)

Анна Вячеславовна Уханова – научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. академика Н.П. Лаврова Российской академии наук (163000, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 23; e-mail: karmu-anny@yandex.ru)

Людмила Васильевна Воронина – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики им. академика Н.П. Лаврова Российской академии наук (163000, Российская Федерация, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 23; e-mail: voronina_ljudmila@rambler.ru)

Smirennikova E.V., Ukhanova A.V., Voronina L.V.

Conflicts in Protected Natural Areas of the Arctic Region: Identifying, Analyzing and Finding the Solutions

Abstract. The increased attention paid by the state and the public to the Russian Arctic in recent years has led to a new round of its economic development. Nevertheless, major features of the Arctic nature are its vulnerability and the difficulty of recovery after anthropogenic impacts. This fact, as well as the exceptional climatic, ecological and cultural significance of the nature of the Russian Arctic, predetermines the need for its careful protection and for preservation of its fragile ecological balance. The defining role in these processes belongs to protected natural areas (PNS). Our paper emphasizes that one of the main barriers to the development of the network of protected natural areas both in Russia as a whole and in its Arctic territories consists in numerous conflict situations and disputes related to the organization and existence of protected areas. In the framework of the study, we develop a universal algorithm for analyzing the conflicts related to the establishment and functioning of protected areas. The proposed algorithm was tested on the example of the Arkhangelsk Oblast – the largest region in the European part of the Russian Arctic. Using content analysis, systematization, expert survey and general scientific research methods,

we identify 58 conflict situations in 35 currently functioning protected areas and in two protected areas that are planned to be created in the region; we classify the situations according to the parties, subject and phase of the conflict. On the basis of this work, we formulate a set of specific recommendations to address, prevent and reduce the number of conflicts in the protected areas of the Arkhangelsk Oblast.

Key words: protected natural areas, conflict, Arkhangelsk Oblast, Russian Arctic.

Information about the Authors

Elena V. Smirennikova – Candidate of Sciences (Geography), head of laboratory, Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research, RAS (23, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163000, Russian Federation; e-mail: esmirennikova@yandex.ru)

Anna V. Ukhanova – Researcher, Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research, RAS (23, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163000, Russian Federation; e-mail: karmy-anny@yandex.ru)

Lyudmila V. Voronina – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research, RAS (23, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, 163000, Russian Federation; e-mail: voronina_ljudmila@rambler.ru)

Статья поступила 26.04.2019.

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.8

УДК 330:341, ББК 72

© Балацкий Е.В., Екимова Н.А.

Конкуренция российских экономических журналов на мировом рынке*

Евгений Всеволодович БАЛАЦКИЙ

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Москва, Российская Федерация, 109456, 4-й Вешняковский пр., д. 4
Центральный экономико-математический институт РАН
Москва, Российская Федерация, 117418, Нахимовский пр., д. 47
E-mail: evbalatsky@inbox.ru
ORCID: 0000-0002-3371-2229; ResearcherID: D-8752-2018

Наталья Александровна ЕКИМОВА

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
Москва, Российская Федерация, 109456, 4-й Вешняковский пр., д. 4
E-mail: n.ekimova@bk.ru
ORCID: 0000-0001-6873-7146; ResearcherID: D-8643-2018

Аннотация. В статье рассматривается очередной этап формирования российского рынка экономических журналов, который характеризуется его четким разделением на два сегмента — внешний и внутренний. Внешний сегмент включает издания, вошедшие в международные базы данных Scopus и Web of Science (WoS), внутренний — издания, не попавшие в эти базы. Для отражения произошедших на рынке изменений предлагается очередная модернизация методики составления Рейтинга ведущих экономических журналов (РВЭЖ) России. Нововведения затрагивают подсистему экспертной оценки изданий внешнего сегмента с учетом дифференциации баз Scopus и WoS на квартили, а также подсистему рыночной репрезентации, учитывающую

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект №17-02-00524-ОГН-А).

Для цитирования: Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Конкуренция российских экономических журналов на мировом рынке // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 3. С. 124–139. DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.8

For citation: Balatsky E.V., Ekimova N.A. Competition of Russian economic journals in the world market. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 3, pp. 124–139. DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.8

наличие русско- и англоязычных версий журнала. Приведены результаты 5-й волны РВЭЖ в виде Алмазного списка (13 лучших журналов) и Списка второго эшелона журналов, состоящего из 12 изданий. Анализируются произошедшие рокировки журналов в сравнении с предыдущими годами; показано, что в стране уже имеется 19 экономических изданий с международной сертификацией, из которых 8 изданий — с двойной сертификацией (Scopus и WoS одновременно). Рассмотрены стилизованные примеры успеха и неудач журналов, позволяющие определить основные контуры общей модели развития изданий международного уровня. В частности, рассмотрена работа руководителей журналов «наверху» — в качестве драйверов их развития за счет установления внешних связей и нахождения финансовых ресурсов, а также их деятельность «внизу» — в качестве организаторов локальных научных сообществ и эксклюзивных посредников между авторами и профессиональными переводчиками. Отмечаются изменения в трудовых отношениях с высококвалифицированными переводчиками, характеризующихся большей гибкостью по сравнению с предыдущим периодом. Рассматриваются среднесрочные и долгосрочные последствия возникновения двух сегментов рынка российских экономических журналов.

Ключевые слова: рейтинг, экономические журналы, международные базы данных.

Введение

Российская экономическая наука продолжает попытки интегрироваться в мировое информационное пространство посредством продвижения национальных периодических изданий в международные базы данных *Scopus* и *Web of Science (WoS)*. Факт вхождения журнала в указанные базы в России теперь воспринимается в качестве своеобразного международного сертификата качества. Уже в 2018 году данный процесс обрел зрелые формы, когда международную сертификацию прошли 15 российских периодических изданий экономического профиля, что нашло отражение в Рейтинге ведущих экономических журналов России (РВЭЖ).

Анализ данных РВЭЖ-2018 и их обсуждение на 7-й Международной научно-практической конференции «Научное издание международного уровня — 2018: редакционная политика, открытый доступ, научные коммуникации» позволили сделать оптимистичный вывод о том, что возникновение на российском рынке 30–35 изданий международного уровня приведет к потере потребности в национальных рейтингах журналов; предполагалось, что новые журналы-лидеры будут продвигаться в международных базах данных, что найдет автоматическое отражение в их российском статусе. По мнению авторов, наступление этого периода датировалось 2020 годом [1].

Время показало, что данные прогнозы были слишком упрощенными и оптимистичными. Во-первых, вхождение российских журналов в базы *Scopus* и *WoS* не устранило проблему их

качественной оценки, а сделало ее еще более сложной и неоднозначной, во-вторых, возникли новые императивы в международном признании журналов, которые также нуждаются в учете и интеграции в общую систему их оценивания. В связи с этим цель статьи состоит в уяснении новой диспозиции российских экономических журналов с учетом русскоязычного и международного сегментов рынка на базе усовершенствованной методики их рейтингования.

Далее, как и в предыдущих работах [1], в данной статье понятие «рынок» рассматривается в широкой трактовке как система участников, осуществляющих производство и потребление продукта (журнала). Производителей олицетворяют издатели (собственники), редакция (наемные работники или волонтеры) и рецензенты (экспертное сообщество). Для создания журнала привлекаются авторы (за гонорар или за возможность доступа к аудитории читателей). Рыночный продукт (контент журнала) характеризуется качеством и потребляется научным сообществом за определенную символическую плату, выражающуюся в популярности, престиже и цитируемости издания. Все эти процессы обеспечиваются взаимодействием участников рынка, которое носит характер сделок типа купли-продажи даже для случаев отсутствия монетарных выплат. Специфика рынка журналов состоит в том, что в ряде случаев производители и потребители контента совпадают, однако это не меняет общей стратегии журналов в борьбе за интерес со стороны научного

сообщества, что эквивалентно борьбе за читательскую аудиторию. Как было указано, проявления успеха в этой борьбе носят *символический* характер — популярность (чисто просмотров и скачиваний текстов), цитируемость статей, большой портфель присылаемых материалов для публикации и т.п. Таким образом, под рынком журналов подразумевается максимально широкое понятие, а именно множество конкурирующих между собой периодических изданий. Далее будут более подробно рассмотрены структура и механизм функционирования рынка российских экономических журналов.

Рейтингование экономических журналов: международный и российский опыт

Как неоднократно отмечалось, появление различных рейтингов экономических журналов является реакцией на их стремительное расширение и развитие [1, 2]. Вопрос понимания места на рынке того или иного издания актуален как для авторов, выбирающих, где печататься, так и для самих журналов, для которых позиции в рейтинге могут в определенной степени задавать стратегию их дальнейшего развития и продвижения. Кроме того, рейтинговые оценки могут учитываться и на государственном уровне, например, при принятии решения о бюджетном финансировании и поддержке тех или иных организаций [3].

Данные выводы подтверждаются эмпирическими оценками и аналитическими исследованиями. Так, в статье [4] приведены результаты анализа оценки влияния импакт-фактора и рейтинга журнала на принятие автором решения о размещении статьи в том или ином издании. Полученные расчеты подтвердили, что в журналы с более высоким импакт-фактором или рейтинговым рангом ожидаемо поступает большее количество статей. При этом рост импакт-фактора на 1% приводит к увеличению числа ежегодно поступающих в редакцию журнала статей почти на 64. Однако в отношении изменения количества обращений авторов в экономические журналы по мере их попадания и продвижения в Топ-5 были получены диаметрально противоположные результаты: нахождение на верхних строчках рейтинга отнюдь не гарантирует дополнительного притока статей, а, наоборот, приводит к уменьшению их числа. Это связано, по мнению Ю. Чжэна и Г. Кайзера, с «неуверенностью» авторов, принимающих

решение о размещении своей публикации, в том, что их статьи соответствуют требованиям того или иного журнала из списка Топ-5.

Таким образом, сегодня уже не возникает дискуссий относительно необходимости рейтингов, которые превратились в рабочий инструмент нашего времени и часто используются в качестве вспомогательных ориентиров и подсказок. Однако методологические подходы, заложенные в основу их построения, до сих пор вызывают множество нареканий и являются предметом открытых обсуждений в академической среде. Наверное, не будет ошибкой сказать, что основное «обвинение» в адрес любого рейтинга заключается в том, что они представляют собой «набор субъективных решений его конструктора» [5]. Исходя из попыток разработчиков рейтинговых продуктов нивелировать их субъективный характер, всех ранкиров можно разделить на 3 условные группы: сторонники количественных оценок, приверженцы качественных характеристик и поборники гибридных методик.

С момента появления первых журнальных рейтингов параллельно с ранжированием, основанным на экспертных оценках и не учитывающим количественные данные [6, 7, 8, 9], активно развивались и рейтинговые продукты, разработанные на основе библиометрических показателей, в частности индексов цитирования [10, 11, 12, 13]. Сторонники использования при составлении рейтингов количественных индикаторов указывают на их большую объективность по сравнению с субъективными экспертными оценками, что позволяет воспринимать данные индикаторы как показатели качества [14]. Противники библиометрического подхода, аргументируя свою позицию, отмечают, что библиографические показатели далеко не так объективны, как утверждают их сторонники. Это связано с тем, что зачастую цитирования носят «риторический» характер, выступая в качестве средства ведения научного обсуждения предшествующего опыта, а не признания интеллектуального вклада того или иного исследователя. Более того, достаточно распространена практика «кочевания» таких «риторических» ссылок из статьи в статью, на фоне чего могут страдать действительно заметные результаты, не попавшие в «кочующий» список [15]. Помимо этого, авторы отмечают,

что высокий импакт-фактор журнала может быть следствием многократного цитирования небольшого числа статей и не отражать средний уровень остальных статей издания [16].

На фоне конкурирующих друг с другом сторонников количественных и качественных оценок все большую популярность приобретают гибридные рейтинги, основанные на совмещении положительных сторон обоих подходов. Подобные синтетические рейтинговые продукты стали трендом последнего десятилетия [17, 18, 19].

Российские исследователи не остались в стороне от рейтинговой лихорадки, активно включившись в процесс ранжирования экономических журналов и определения лучших из лучших. Как и среди зарубежных исследователей, в российском сообществе нашлись приверженцы различных методологических подходов: библиометрического [20, 21, 22], экспертного [23, 24], гибридного [25]. Подробнее основные методологические подходы к ранжированию российских экономических журналов рассмотрены в работе [22]. Полемика, развернувшаяся вокруг рейтингования журналов [26, 27], позволяет разработчикам существующих рейтингов двигаться в направлении их усовершенствования и повышения качества. Так, методология рассматриваемого в данной статье РВЭЖ благодаря критическим замечаниям и обсуждению во внешней среде претерпела неоднократные изменения в сторону сокращения доли субъективных экспертных оценок и вызывающих определенные разногласия библиометрических показателей и повышения его объективности за счет поиска новых измерителей, позволяющих повышать качество проводимого исследования. Изменения методики текущей волны РВЭЖ и причины, их породившие, рассмотрим далее.

Новый этап конкуренции: расширение зоны «периферийных» журналов

РВЭЖ, который позволяет определить 50 наиболее качественных экономических журналов России, составляется авторами ежегодно с 2015 года. Кроме того, каждый раз формируется Алмазный список, включающий 13 лучших изданий из РВЭЖ. Ранее оценки журналов предполагали работу с мнением экспертов, что, независимо от используемых процедур, вызывало у заинтересованных лиц сомнения, споры и, как следствие, недоверие. Эпопея по систем-

ному вхождению российских журналов в базы *Scopus* и *WoS* позволила ослабить субъективный элемент рейтингования, ибо сам факт международной сертификации в значительной степени заменил работу отечественных экспертов. Учет данного обстоятельства лег в основу обновленного алгоритма рейтингования 2018 года. Однако уже к 2019 году стало ясно, что в среде исследователей сложился *новый стереотип поведения*: печататься следует только в журналах с международной сертификацией; традиционно широко использовавшийся ранее список журналов Высшей аттестационной комиссии (ВАК) уже перестал служить ученым в качестве адекватного ориентира и знака качества.

Данный стереотип стал реакцией на требования научных фондов и администраций вузов в отношении статуса публикаций — таковыми признаются статьи в *Scopus* и *WoS*. В некоторых случаях указанное требование выступает в более мягкой форме, когда учитываются все публикации, но предпочтение отдается международным изданиям, в некоторых — все прочие журналы категорически отвергаются. В результате этого в стране сложилось два сегмента рынка отечественных экономических журналов — *внутренний*, т.е. чисто российский, и *внешний*, т.е. международный. Причем сегодня почти весь внутренний сегмент по умолчанию попадает в разряд периферии, ибо оказывается на обочине мирового информационного поля. В связи с этим журналы, относящиеся к данной группе, обозначим как «периферийные».

Данный процесс является следствием более глобального процесса — *массовизации* и, как результат, *маргинализации* всех рынков. На *первом этапе* — по нашим оценкам, до 2014 года — рынок экономических журналов был крайне демократичен и формировался за счет массового привлечения участников. Институционализация рынка произошла посредством создания российской базы *eLIBRARY*; на 11.04.2019 число зарегистрированных в ней отечественных экономических журналов составляет 1281. На *втором этапе* — 2015–2017 гг. — развернулась борьба за лидерство, сопровождавшаяся ранжированием изданий. Для этих целей создавались специальные «фильтры»: список ВАК, внутренние списки научных организаций и вузов, инициативные национальные рейтинги журналов. Все эти фильтры можно класси-

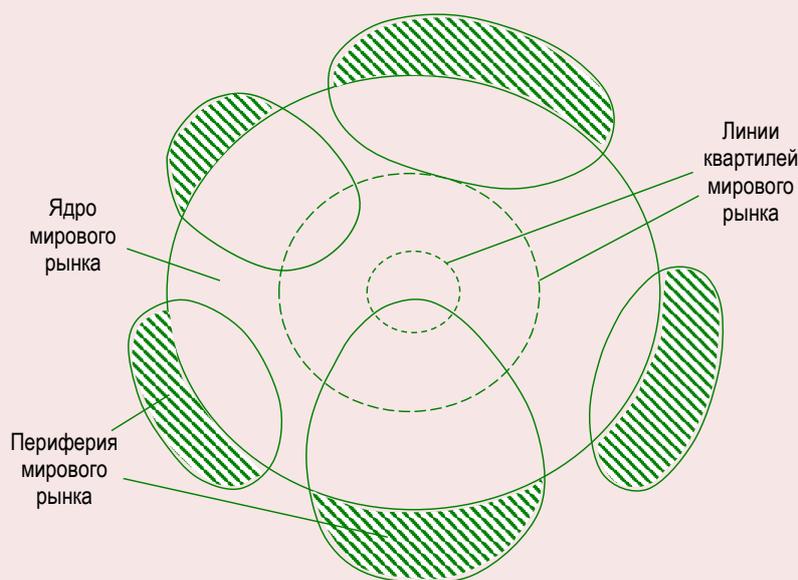
фицировать как *условно легитимные*, так как они активно использовались, хотя и вызывали множество вопросов и в отношении их в научном сообществе не был достигнут консенсус. На *третьем этапе* — начиная с 2018 г. — получил институциональное закрепление новый фильтр в виде международного статуса журналов (*Scopus* и *WoS*), который поначалу многими отвергался, но со временем был принят научной общественностью и превратился в *глобально легитимный* критерий качества. В этот период окончательно складывается два сегмента рынка — внешний, на котором оказались журналы-лидеры, и внутренний, на который были вытеснены остальные издания.

В настоящее время третий этап продолжается, но характеризуется качественными сдвигами на двух сегментах рынка журналов. Прежде всего, происходит ужесточение не только меж-, но и внутрисекторальной конкуренции. На этой стадии постепенно расширяется и усиливается в качественном отношении внешний сегмент за счет вхождения в него новых претендентов на лидерство и продвижения старых лидеров в более высокие кварталы. Однако само расширение престижного сегмента действует разрушительно на другой сегмент, ибо демонстрирует тот факт, что уважающим себя изданиям надо перебираться в «лучший мир». Тем самым формируется указанный ра-

нее стереотип, в соответствии с которым «настоящими» журналами являются только те, которые прошли международную сертификацию; остальные издания по умолчанию попадают в разряд ПЖ.

Для лучшего понимания описываемых процессов можно предложить ядерно-круговую схему мирового рынка журналов, которая представляет собой зону журналов с международной сертификацией и зону периферийных журналов различных стран мира (*рисунок*). Национальные рынки журналов каждой страны обозначены на рисунке малыми кругами и овалами и состоят из двух сегментов — внутреннего, представленного ПЖ (заштрихованные зоны), и внешнего, представленного журналами международного класса. Задача каждой страны состоит в максимизации доли внешнего сегмента или, что то же самое, в минимизации доли ПЖ. Геометрически продвижение страны на мировой рынок журналов проявляется в расширении зоны изданий международного уровня и ее вытягивании в сторону ядра мирового рынка (большого круга). Сам мировой рынок состоит из ядра, представленного изданиями мирового класса (большой круг), и периферии, состоящей из ПЖ разных стран. В свою очередь ядро мирового рынка имеет множество градаций (пунктирные линии), которые отражают уровень (квартиль) входящих в него изданий.

Ядерно-круговая диаграмма мирового рынка экономических журналов

Количественной мерой периферийности российского рынка журналов может служить коэффициент маргинализации, фиксирующий долю ПЖ в их общем числе. Забегая вперед и учитывая нынешние данные об объемах внешнего (19 изданий) и внутреннего (1281 журнал) сегментов рынка, легко вычислить коэффициент маргинализации, который составляет 98,5% (т.е. $[(1281-19)/1281]100\%=98,5\%$). Иными словами, имеет место почти тотальная «периферийность» отечественного рынка экономических журналов.

Феномен тотальной маргинализации, т.е. сдвиг подавляющей массы участников рынка на его периферию, характерен для всего современного мира, особенно для стран, не входящих в его ядро. Раньше структурирование рынков шло посредством формирования «среднего класса» во всех своих проявлениях, сегодня же эта середина вымывается и вытесняется на обочину экономической жизни. Это происходит применительно ко всем социальным общностям и, в частности, к рынку журналов, на котором срединное звено почти полностью исчезает за счет доминирования бинарной дилеммы «или/или»: либо ты среди немногих лидеров, либо ты попадаешь в разряд ПЖ. Не давая оценки данной тенденции, в дальнейшем будем отталкиваться от ее существования.

Подчеркнем, что термин ПЖ не несет в себе какой-либо негативной коннотации, а отражает лишь тот факт, что данные издания находятся на периферии мирового рынка журналов. Среди ПЖ присутствуют так называемые «мусорные» или «хищнические» издания, которые нарушают нормы академической этики. Однако наряду с мусорными изданиями там присутствуют и вполне качественные отечественные журналы, которые пока не прошли международную сертификацию — по финансовым или техническим причинам. Таким образом, сегмент ПЖ является качественно неоднородным, однако это не меняет того обстоятельства, что для ведущих исследователей страны все они попадают в разряд изданий, «неинтересных» для размещения в них статей и, следовательно, для постоянного чтения.

Новые императивы в оценке научных журналов

В 2018 г. авторский РВЭЖ был сильно скорректирован по сравнению с предыдущими тремя годами. В частности, был учтен международный статус издания. Такие журналы не подвергались экспертной оценке качества, а получали максимальные баллы по данной позиции. Тем самым оценка качества, так или иначе страдающая от субъективности, отныне распространялась только на внутренний сегмент журналов, тогда как для изданий внешнего сегмента эта процедура перекладывалась на международные структуры, принимающие решение об их включении в базы *Scopus* и *WoS*. На начальном этапе такой подход был вполне оправданным, однако высокая скорость развития рынка привела к его серьезной трансформации, что проявилось в следующих фактах.

Во-первых, издания внешнего сегмента начали «двигаться» в международных базах, перемещаясь в более высокие квартили. В такой ситуации унифицированная оценка качества журнала за сам факт его вхождения в базы *Scopus* и *WoS* уже не является адекватной; необходимо учитывать квартиль отечественных журналов. Однако здесь возникает ряд проблем с оцифровкой данного факта. Градации двух баз — *Scopus* и *WoS* — не совпадают, что затрудняет их автоматическое сравнение. Более того, академический статус двух баз не является эквивалентным. Если *WoS* является американской системой с очень жесткими требованиями и почти полным отсутствием феномена «мусорных» журналов, то *Scopus* представляет собой европейскую альтернативу с менее жесткими фильтрами, позволяющими появляться в ней россыпями «хищническим» изданиям, которые периодически со скандалом исключаются из базы. Кроме того, нужно учитывать и то обстоятельство, что некоторые российские издания могут оказаться в довольно высоком квартиле только в одной базе, а другие — на более скромных позициях одновременно в двух базах. Простое сложение в такой ситуации не дает адекватных результатов.

Во-вторых, многие издания осознали тот факт, что с русскоязычным контентом *можно войти* в международные базы, но *двигаться в*

них нельзя. Попасть в 1-й и 2-й квартили с русскоязычной версией журнала практически невозможно; для этого необходимо иметь, по крайней мере, полномасштабную англоязычную версию. Индексация издания, основанная на цитировании, предполагает его доступность мировому сообществу, а это возможно только при переходе на англоязычный формат. Причем требования к качеству английского языка растут по мере роста квартиля; примитивный перевод с русского, как правило, вызывает нарекания со стороны экспертов международных баз и может приводить к потере читаемости издания.

Указанные обстоятельства привели к новой волне «расслоения» журналов внешнего и внутреннего рынка. Некоторые из них уже имеют полномасштабные версии на двух языках, а другие – только на одном; некоторые обеспечили присутствие в двух базах, а другие – только в одной. Эти новые рыночные барьеры нашли отражение в модернизированной системе рейтингования российских экономических журналов.

Алгоритм построения РВЭЖ: учет новых трендов

Как было отмечено ранее, в 2018 году аналитическая основа РВЭЖ была усовершенствована. Это послужило базой для разработки его нынешней версии, которая в 2019 г. включает следующие этапы.

Первый этап представляет собой ранжирование журналов по четырем параметрам РИНЦ, взятым из научной электронной библиотеки *eLIBRARY*, и одному показателю, рассчитанному на основе данных этой библиографической базы:

x_{1i} – общее число цитирований i -го журнала без самоцитирований (т.е. *коэффициент цитирования*, характеризующий итоговую популярность издания);

x_{2i} – 5-летний импакт-фактор i -го журнала без самоцитирования (т.е. *коэффициент импакт-фактора*, отражающий относительную активность цитирования материалов издания);

x_{3i} – 5-летний индекс Херфиндала–Хиршмана i -го журнала по цитирующим журналам (т.е. *коэффициент группового цитирования*, учитывающий возможный стовор журналов в отношении перекрестных ссылок друг на друга);

x_{4i} – время полужизни статей i -го журнала, процитированных в текущем году (т.е. индекс «полураспада» статьи или *коэффициент долговечности*, учитывающий временную глубину цитирования и отражающий степень долговечности и фундаментальности материалов издания);

x_{5i} – потенциал высоких цитирований (т.е. сумма цитат статей, которые попали в 1% самых цитируемых за текущий год), характеризующий способность журнала публиковать *прорывные результаты* исследований.

Для выявления высокоцитируемых публикаций использовались основные принципы методологии международной базы *Essential Science Indicators* по методологии предыдущей версии РВЭЖ. Как и в предыдущей версии рейтинга, его пятая волна составлялась в содружестве с сотрудниками Вологодского научного центра РАН О.В. Третьяковой и А.С. Артамоновой, которые информационно обеспечили рейтинг в части показателя потенциала высоких цитирований.

В основе рейтинга по РИНЦ-параметрам лежат показатели y_{hi} , представляющие собой нормализованные значения x_{hi} (h – номер РИНЦ-параметра). Показатели x_{1i} , x_{2i} , x_{4i} , x_{5i} нормируются «прямым» способом:

$$y_{hi} = (x_{hi} / \max_i \{x_{hi}\}) 100\% , \quad (1)$$

где y_{hi} – пронормированное значение x_{hi} .

Для показателя x_{3i} осуществляется «обратное» нормирование:

$$y_{3i} = (1 - x_{3i} / \max_i \{x_{3i}\}) 100\% . \quad (2)$$

Итоговый рейтинговый балл (x_{Ri}) РИНЦ-показателей определяется путем взвешивания частных нормализованных значений (y_{hi}):

$$x_{Ri} = 0,2y_{1i} + 0,2y_{2i} + 0,2y_{3i} + 0,2y_{4i} + 0,2y_{5i} \quad (3)$$

с последующим прямым нормированием – y_{Ri} .

В свертке (3) используются равные весовые коэффициенты для всех агрегируемых РИНЦ-показателей.

Второй этап предполагает формирование выборки журналов, которые претендуют на роль лучших. Рейтинговая оценка (3), полученная на предыдущем этапе для 100 лучших экономических журналов России, является основой не только для дальнейших расчетов, но и для формирования «передовой» выборки журналов, которые в дальнейшем подвергаются более тщательному анализу.

На **третьем этапе** проводится экспертная оценка журналов. В 2019 году эксперты оценивали журналы только по одному параметру:

x_{6i} – научный уровень i -го журнала (соответствие современным требованиям, степень инструментальной проработки, культура работы с эмпирическим материалом и т.п.) (т.е. *индекс научного уровня*).

Экспертные оценки выставлялись по 10-балльной шкале [0;10] только для журналов внутреннего сегмента рынка по правилу: чем больше, тем лучше. При этом, как и ранее, предполагалось, что максимальный балл журналов внутреннего сегмента не может быть выше балла, получаемого журналами внешнего сегмента. Процедура экспертной оценки журналов внутреннего сегмента рынка осталась такой же, как и в предыдущей версии рейтинга (Балацкий, Екимова, 2018).

При вычислении оценок научного уровня журналов внешнего сегмента использовалась следующая эвристическая процедура:

$$x_{6i} = 10 \left(\frac{k_{Si} + k_{Wi}}{b} \right), \quad (4)$$

где k_{Si} и k_{Wi} – коэффициенты надбавки за качество i -го журнала, вошедшего в определенную подгруппу базы *Scopus* и *WoS* соответственно; b – коэффициент приведения.

В рейтинговых расчетах параметр b полагался равным 1,5, а коэффициенты надбавки приведены в *табл. 1*.

Обоснование выбранной процедуры оценки (4) следующее. Если журнал вошел в две наукометрические базы, то это должно премироваться (это лучше, чем вхождение в одну базу!), т.е. должно выполняться условие: $b < 2$; в случае $b = 2$ происходит простое усреднение параметров двух баз и «премия» за вхождение в две базы теряется. Если же производить простое сложение параметров двух баз, т.е. когда $b = 1$, то происходит удвоение результата, который для двух баз примерно одинаков, а это в свою очередь дает неправомерно большой бонус за частичное дублирование международного статуса. Следовательно, параметр b должен выбираться так, чтобы удовлетворять условию: $1 < b < 2$. В расчетах используется граница $b = 1,5$ как реализация простейшего «принципа золотой середины».

При построении шкалы соответствия в *табл. 1* предполагалось, что 10 баллов присваивается журналу за сам факт вхождения в международную базу. Учитывая, что в *WoS* существует предварительная стадия (группа) – *Emerging Sources Citation Index* – перед попаданием в активный список с градацией на квартили, а в *Scopus* такого буфера не предусмотрено, целесообразно предусмотреть сдвиг между квартилями двух баз. Наличие большего числа подгрупп *WoS*, его большая престижность и «чистота» от «мусорных» журналов позволяют использовать премиальную шкалу в его пользу. Сама величина пошаговой надбавки 10% является достаточной, чтобы параметр качества журнала стал доминирующим компонентом его рейтинговой оценки, но в то же время не слишком большим для того, чтобы «подавить» все остальные стороны рыночной позиции издания.

Полученные экспертные оценки нормировались для получения итоговой скоринговой оценки y_{Ei} .

Таблица 1. Шкала соответствия подгрупп баз *Scopus* и *WoS*

База данных		Коэффициент надбавки за качество (k)
<i>WoS</i>	<i>Scopus</i>	
1 квартиль	–	1,4
2 квартиль	1 квартиль	1,3
3 квартиль	2 квартиль	1,2
4 квартиль	3 квартиль	1,1
Emerging Sources Citation Index	4 квартиль	1,0

Таблица 2. Начисление «премии» за наличие двуязычного контента

Характер контента журнала	Балл (x_{Ai})
Только полная русскоязычная версия	1,0
Гибридная версия (частично – на русском, частично – на английском)	1,5
Только полная англоязычная версия	2,0
Полная русскоязычная версия с неполной версией на английском	2,5
Две полномасштабные версии – на русском и английском	3,0

На *четвертом этапе* рассчитывается дополнительный показатель *рыночной репрезентации* журнала, учитывающий наличие англоязычной версии контента x_{Ai} . Величина данного показателя формировалась в соответствии с правилом, заданным в *табл. 2*.

Обоснованием правила таблицы могут служить следующие соображения. Для журнала, вышедшего на международный уровень, первоочередной задачей является презентация своего контента мировому сообществу, а для этого необходимо иметь его полномасштабную версию на английском языке. В противном случае журнал внешнего сегмента российского рынка не получает дополнительной аудитории по сравнению с обычными изданиями внутреннего сегмента, а сама процедура международной сертификации принимает чисто символическое значение. Более того, отсутствие международного читателя чревато отсутствием цитирований в соответствующих базах, следовательно, низкой международной индексацией издания и риском быть исключенным из наукометрической системы. Одновременно с этим важное значение имеет и наличие русскоязычной версии, так как главным потребителем российских журналов еще долгое время будут преимущественно отечественные читатели, следовательно, сбрасывать их со счета совершенно неразумно.

На выходе данного этапа вычисляется про-нормированный показатель рыночной репрезентации журнала y_{Ai} .

На *пятом этапе* осуществляется агрегирование РИНЦ-рейтинга y_{Ri} , экспертного рейтинга y_{Ei} и рейтинга рыночной репрезентации y_{Ai} :

$$x_i = 0,4y_{Ri} + 0,1y_{Ai} + 0,5y_{Ei} \quad (5)$$

с последующим нормированием и получением итоговой оценки y_i .

В рамках данной парадигмы происходит четкое разделение успеха журнала между двумя сегментами рынка, что и отражено в правиле агрегирования (5). В отличие от предыдущих версий РВЭЖ правило (5) учитывает РИНЦ-показатели издания, которые отражают его фактический успех на внутреннем сегменте рынка, и показатель рыночной репрезентации, который фиксирует его потенциальный успех на внешнем сегменте. Причем последний показатель имеет важное значение не только для журналов внешнего сегмента, но и для пока не вошедших в международные базы изданий внутреннего сегмента, но уже заранее готовящихся к этому.

Результаты пятой волны рейтингования

Реализация рассмотренного выше алгоритма позволила получить пятую волну РВЭЖ, представленную первыми 50 журналами и в полном виде доступную на портале «Неэргодическая экономика»¹. В *табл. 3* приведен традиционный Алмазный список, включающий 13 лучших экономических изданий страны; в *табл. 4* представлен второй эшелон из 12 лучших журналов.

Сформированная рейтинговая база показывает, что в четвертой волне РВЭЖ было 15 изданий, преодолевших один международный барьер, в том числе 5 изданий, преодолевших два барьера. В пятой волне таких журналов было уже 19 и 8 соответственно. Следовательно, 4 новых издания преодолели первый барьер, а 3 журнала из числа старых лидеров смогли преодолеть второй. Это полностью соответствует прогнозу, согласно которому можно ожидать ежегодного пополнения внешнего сегмента рынка на 4–5 журналов [1].

Как и предполагалось, конкуренция обострилась прежде всего во втором эшелоне, где уже больше половины журналов (7 единиц) имеют международный статус, по сравнению

¹ Режим доступа: <http://nonerg-econ.ru/cat/18/9/>

Таблица 3. Алмазный список экономических журналов России, 2019 г.

Ранг	Журнал	Итог y_i	Параметры РИНЦ					y_{6i}	y_{Ai}
			y_{1i}	y_{4i}	y_{3i}	y_{2i}	y_{5i}		
1	Вопросы экономики	100,0	98,5	30,0	99,3	100,0	100,0	90,9	33,3
2	Форсайт	86,8	10,8	28,3	99,3	75,9	2,0	95,4	100,0
3	Экономика региона	84,8	33,7	18,8	99,3	47,3	28,0	100,0	50,0
4	Мировая экономика и международные отношения	77,7	34,0	34,4	97,9	23,2	11,0	95,4	33,3
5	Проблемы прогнозирования	75,0	31,4	35,5	96,5	42,0	8,3	74,9	100,0
6	Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика	74,9	4,4	19,4	96,4	15,6	0,0	95,4	66,6
7	Terra Economicus	74,1	29,4	32,7	93,4	16,3	0,0	90,8	50,0
8	Журнал Новой экономической ассоциации	70,8	10,3	17,7	98,5	31,0	0,0	90,8	33,3
9	Экономическая политика	70,7	10,1	18,8	97,4	26,4	4,4	90,8	33,3
10	Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз	66,8	17,5	20,5	98,1	29,8	4,8	68,1	100,0
11	Деньги и кредит	65,6	25,7	19,4	97,5	24,6	29,9	61,3	100,0
12	Бизнес-информатика	64,6	3,9	32,7	97,4	14,4	0,0	68,1	100,0
13	Российский журнал менеджмента	61,9	10,1	45,0	97,2	25,3	0,0	68,1	50,0

Таблица 4. Второй эшелон экономических журналов России, 2019 г.

Ранг	Журнал	Итог	Параметры РИНЦ					y_{6i}	y_{Ai}
			y_{1i}	y_{4i}	y_{3i}	y_{2i}	y_{5i}		
14	Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика	60,7	8,0	33,8	96,0	20,8	7,4	68,1	50,0
15	Прикладная эконометрика	59,5	5,4	36,6	95,8	16,0	0,0	68,1	50,0
16	Journal of Institutional Studies	59,3	6,3	21,6	96,3	28,2	0,0	68,1	50,0
17	Экономический журнал Высшей школы экономики	59,1	7,0	37,7	97,2	26,7	0,0	68,1	33,3
18	Современная Европа	58,1	5,1	12,2	92,2	11,0	0,0	74,9	33,3
19	Russian Journal of Economy	57,9	0,9	11,1	85,3	21,9	0,0	68,1	66,6
20	Управленец	57,3	5,6	16,6	97,8	11,9	0,0	68,1	50,0
21	Journal of Tax Reform	54,9	0,4	12,2	77,4	0,0	0,0	68,1	66,6
22	Экономика и математические методы	50,0	11,5	72,7	94,9	13,7	0,0	47,7	33,3
23	Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент	47,4	8,8	53,3	97,6	26,9	0,0	40,9	50,0
24	Пространственная экономика	46,7	11,1	25,5	98,5	39,0	5,0	40,9	50,0
25	Проблемы управления	42,8	10,9	36,6	95,5	16,1	0,0	40,9	33,3

с прошлой волной, в которой таковых была только 1/6 часть (2 единицы). При этом и Алмазный список за год претерпел заметные изменения — из 13 журналов прошлой волны 4 издания были вытеснены во второй эшелон. И хотя все лидеры хорошо известны, между ними постоянно идут перестановки. Все это позволяет констатировать, что конкуренция между российскими экономическими журналами не только не угасает, но и имеет потенциал к длительному росту. Можно сказать, что сегодня рынок находится на пике конкурентности.

Примечательно, что даже бессменный лидер в лице «Вопросов экономики» уже не слишком сильно отрывается от своего ближайшего преследователя. Например, в 2018 г. он опережал «Форсайт» почти на 26 пунктов, а в 2019 г. — только на 13. Аналогичным образом «Вопросы экономики» в рейтинге 2018 г. оторвались от журнала, замыкающего Алмазный список, почти в 2 раза (на 50 пунктов), тогда как в 2019 г. — только на 38 пунктов. Все это недвусмысленно говорит о возрастании «плотности» конкуренции в изданиях первого эшелона.

Сравнение 4-й и 5-й волн РВЭЖ показывает, как происходит процесс маргинализации очень успешных журналов в прошлом. Например, издание «Экономика и математические методы» переместилось с 16-го на 22-е место, «Пространственная экономика» – с 20-го на 24-е, а «Экономическая наука современной России» вообще выпала из второго эшелона, скатившись с 21-го на 29-е место.

Нельзя сказать, что проигранный тем или иным журналом очередной раунд рейтингования ставит на нем крест, однако время работает отнюдь не на аутсайдеров. Позднее вхождение в международные базы данных, скорее всего, уже не позволит таким изданиям претендовать на место в Алмазном списке. Даже среди журналов внешнего сегмента замыкающие будут довольствоваться «остатками» лучших статей, что затруднит их дальнейшее движение вперед. Дело в том, что число «особых» авторов и статей ограничено и все они разбираются самыми успешными изданиями Алмазного списка; на остальных просто-напросто не остается высококлассных и высокоцитируемых статей. Кроме того, нынешние журналы-лидеры, имеющие уже сегодня англоязычную версию, начинают активно привлекать иностранных авторов, тем самым расширяя потенциал поступающих к ним высококлассных текстов; издания позднего вхождения рискуют потерять и этот контингент исследователей.

Ориентация российских журналов на международное признание приводит буквально к «шоковым» рокировкам в рейтинге за разные годы. Например, журнал «Управленец», войдя в 2018 г. в *WoS*, ворвался во второй эшелон буквально из глубин сегмента ПЖ. Аналогичные скачки осуществили сугубо англоязычные издания «Russian Journal of Economy» и «Journal of Tax Reform», которые раньше не фигурировали в качестве заметных игроков отечественного рынка. Еще более головокружительный прыжок сделал журнал «Деньги и кредит», который за год переместился с 23-го места на 11-е и тем самым занял достойное место в Алмазном списке, будучи в нем единственным журналом без международной сертификации. Таким образом, нынешний этап характеризуется наличием «темных лошадей», которые в определенный момент громко заявляют о себе. По всей види-

мости, следующие 3–4 года будут по-прежнему преподносить подобные сюрпризы.

Важнейшими причинами *спонтанного* появления новых лидеров, «расталкивающих» своих конкурентов, являются большая зависимость успеха журнала от его руководителя (главного редактора) и непредсказуемость отыскания им новых финансовых источников. Иногда факт переназначения главы издания, который находит канал достойного финансирования, приводит к полному реформатированию деятельности журнала и в кратчайшие сроки выводит его на передовые позиции, равно как в случае неудачной смены руководителя – к полной утрате достигнутых успехов. Ниже мы коснемся этого аспекта более подробно.

Стилизованные примеры успехов и неудач

В более ранних публикациях [1, 25] уже рассматривались факторы успеха российских экономических журналов, в связи с чем в данном разделе мы рассмотрим лишь некоторые наиболее яркие примеры², которые могут претендовать на роль стилизованных и позволяют уяснить ключевые особенности изучаемого рынка [28].

Одним из хрестоматийных примеров иллюстрации эффекта *роли личности в истории* журнала служит полное реформатирование издания «Деньги и кредит» после назначения на пост главного редактора К. Юдаевой, являющейся первым заместителем председателя Банка России. Получив степень PhD по экономике в Массачусетском технологическом институте и опыт академических исследований в зарубежных организациях, а также имея опыт практической работы в мегарегуляторе страны, К. Юдаева осуществила тотальную реформу не соответствовавшего современным требованиям журнала, превратив его в передовое научное издание. Вместо 12 номеров в год стало выходить всего 4 номера; вместо в среднем 12 статей в номере стало выходить примерно по

² Все конкретные примеры, приводимые в дальнейшем, базируются прежде всего на инсайдерской информации, имеющейся у авторов и не фигурирующей в научной литературе. Именно это обстоятельство делает приводимые кейсы ценными для обсуждаемой проблемы – они впервые нами широко обнародуются, хотя большая часть подобной информации, не являясь секретной, как правило, остается «внутри» редакций журналов и не выносится вовне.

6 статей. Например, в 2017 году, когда «Деньги и кредит» выходили по старому образцу, было размещено 148 текстов, а в 2018 году, когда уже действовал новый формат издания, только 23. Таким образом, проведенная реформа привела к сокращению объема контента журнала почти в 6,5 раза с одновременным многократным ростом его качества. Кроме того, с 2018 года «Деньги и кредит» стали выходить в полномасштабной англоязычной версии. Параллельно произошла кардинальная замена авторского состава издания — стали доминировать статьи аналитиков Банка России и зарубежных экономистов, специализирующихся на монетарных проблемах, в том числе работников зарубежных центральных банков. Все эти достижения стали прямым результатом использования обширных профессиональных контактов мегарегулятора страны — Банка России и его почти неограниченных финансовых возможностей для финансирования «своего» журнала. Таким образом, К. Юдаева своевременно выступила в качестве модератора и связующего звена между регулятором, академическим сообществом и научно-информационной площадкой в лице журнала «Деньги и кредит». В настоящий момент вхождение данного издания в международные базы данных является лишь вопросом времени, причем, судя по всему, самого ближайшего.

Другой яркий пример самоотверженной работы главного редактора не столько «наверху», как в случае с журналом «Деньги и кредит», сколько «внизу» дает издание «Journal of Tax Reform». Его руководитель — И.А. Майбуров не просто курирует процесс выхода журнала, а занимается активным поиском в русскоязычном информационном поле статей и исследователей, с помощью которых он может обеспечить своему журналу адекватный контент. Например, он обращается к авторам, русскоязычные статьи которых ему понравились и подходят тематически его изданию, с просьбой о написании обобщающего и модернизированного материала, причем он сам выступает в качестве связующего звена между авторами и хорошими переводчиками на английский язык. Тем самым журнал играет роль *эксклюзивного посредника* (интерфейса) между сообществами русскоязычных авторов и профессиональных переводчиков. Сразу подчеркнем, что авторы и переводчики, как правило, проживают

в разных городах страны, следовательно, издание «Journal of Tax Reform», ко всему прочему, выполняет еще и глобальную миссию обеспечения *географической связности* агентов рынка научных исследований. Данный аспект работы для журнала, выходящего на английском языке, является стратегически важным, ибо на статьи, написанные на плохом языке или недостаточно отредактированные, почти мгновенно приходят нарекания со стороны экспертов *Scopus* и *WoS* с соответствующими рисками снижения квартиля или выпадения из наукометрических баз³.

Небезынтересно, что созданию «Journal of Tax Reform» предшествовала долгая организационная работа. В частности, в 2009 году стартовал Международный налоговый симпозиум «Теория и практика налоговых реформ», основанный И.А. Майбуровым и к настоящему времени отметивший свое 10-летие. В рамках этой инициативы происходит ежегодный «отсмотр» всех потенциальных «интересантов» налоговой проблематики, из числа которых рекрутируются и авторы «Journal of Tax Reform». Последний стартовал только в 2015 году — после того, как сформировался пул специалистов, включая экономистов из сопредельных государств. Параллельно осуществляется издание книг по налогообложению в формате энциклопедий, проводятся регулярные онлайн-опросы на сайте Симпозиума, что также содействует консолидации специалистов по налоговому регулированию и косвенно подпитывает авторами «Journal of Tax Reform».

Надо сказать, что появление полноценного внешнего рынка российских экономических журналов привело к росту ценности квалифицированных переводчиков. В связи с этим можно отметить примеры, когда руководство журналов идет на определенные уступки штатным переводчикам, соглашаясь на работу с ними в режиме удаленного доступа. Можно сказать, что главные редакторы осознали, что «кадры решают все», и действуют исходя из этого, отказываясь от лишних бюрократических процедур. Подобный случай имел место в журнале «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз», англоязычные тексты

³ Заметим, что многие «молодые» российские журналы, вошедшие в международные базы данных, постоянно проверяются экспертами данных баз на качество языка публикаций.

которого стабильно получают от международных баз оценку «Excellent». Указанные тренды ведут к оздоровлению трудовых отношений и формированию современной культуры сотрудничества на рынке научных исследований.

Интересный пример научно-делового сотрудничества дает журнал «Экономика региона», бывший главный редактор которого А.А. Куклин многие годы сотрудничал с генеральным директором Уральской горно-металлургической компании (УГМК) А.А. Козицыным, долларовым миллиардером и активным благотворителем. Глава УГМК входит в состав редакционного совета журнала и выступает в качестве бессменного спонсора его инициатив. Без финансовой подпитки от бизнеса журнал «Экономика региона» вряд ли смог бы так стремительно занять столь высокие позиции на международном рынке.

Вместе с тем уже накоплен опыт и неудач в выстраивании передовых научных журналов. Например, «Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика», издаваемый Высшей школой экономики (ВШЭ), систематически практикует публикацию двух статей одного и того же автора в одном номере, что по академическим меркам категорически недопустимо. Для сравнения: другое издание ВШЭ — журнал «Мир России» не позволяет себе публикацию двух статей одного автора в течение года даже во вспомогательной рубрике, посвященной обзору новых книг. Нарушение академических норм может негативно сказаться на продвижении журнала в международных базах и привести к падению его престижа в глазах исследователей.

Довольно печальной является потерпевшая неудачу попытка «Журнала Новой экономической ассоциации» выпускать полномасштабную англоязычную версию. Получив грант на данное мероприятие, издание выпустило 1-й и 2-й номера за 2018 год в двух версиях, после чего по не зависящим от журнала причинам полученное финансирование прекратилось на неопределенное время, а само начинание «заглохло». Не исключено, что попытки выходить на двух языках будут продолжены, однако пока «Журнал Новой экономической ассоциации» съехал на 8-е место в Алмазном списке, тогда как в предыдущие годы он занимал позиции с 4-й по 6-ю. Еще более острая пробле-

ма стоит перед двумя журналами, издаваемыми в Ростове-на-Дону и вошедшими в международные базы данных, — «Terra Economicus» и «Journal of Institutional Studies». Эти издания выступают флагманами экономической науки Южного федерального округа России, однако им так и не удалось (в отличие от «Экономики региона») найти спонсоров для запуска англоязычной версии. Руководство Южного федерального университета, под эгидой которого издаются эти два журнала, пока не желает инвестировать деньги в их продвижение, а найти частного инвестора в регионе также не удастся.

Есть уже и примеры отрицательной цифровизации, связанные с неумеренным увлечением журналов современными цифровыми платформами. Многие журналы перешли на формат электронной подачи статьи в редакцию (что само по себе является положительным моментом). Однако зачастую данная процедура предполагает большой объем заполнения различных окон, включая оформление договора с изданием о передаче авторских прав. Без этого статья не принимается, тогда как подобный договор является явно избыточной регистрационной опцией, так как после возможного отрицательного рецензирования статья автоматически отвергается и договор по определению не нужен. Подобные попытки заранее включить в процедуру электронной регистрации максимальное число юридических опций может также приводить к отталкиванию потенциальных авторов.

Заключение

Возникновение на российском рынке экономических журналов двух сегментов — внешнего и внутреннего — имеет неоднозначные долгосрочные последствия. Чего конкретно можно ожидать в краткосрочной и долгосрочной перспективе?

Нет никаких сомнений, что лихорадка по вхождению в международные наукометрические базы охватила многие российские журналы. Это явление положительное, так как все эти издания вынуждены обеспечить хотя бы некий минимальный научный уровень, а это способствует увеличению в стране числа достойных журналов и оздоровлению всего экономического сообщества. Однако в более длительной перспективе успех изданий внешнего сегмента будет означать их постепенное перерождение из преимущественно российских в международ-

ные. Это предполагает, что все большая часть контента журналов будет отдаваться иностранным авторам, а российские экономисты будут иметь в них все более уменьшающуюся квоту. Тем самым лучшие издания внешнего сегмента со временем перестанут «служить» продвижению отечественных ученых, а начнут жить своей собственной жизнью в качестве глобальных игроков научного рынка. Реальность такого сценария показывает опыт журнала «Форсайт»: по нашим оценкам, 60,7%⁴ его контента в 2018 г. было отдано иностранным исследователям.

Таким образом, в среднесрочной перспективе лучшие журналы внешнего сегмента могут быть потеряны для российских экономистов. Такую ситуацию можно смягчить путем введения хотя бы минимальной квоты для отечественных авторов. Однако такая мера может быть внедрена только на добровольной основе. В более длительной перспективе, когда

языковая культура российских экономистов существенно возрастет, следует ожидать прямо противоположной проблемы, когда ученые, свободно владеющие английским языком, будут предпочитать публиковаться в иностранных журналах стран-носителей этого языка. В этом случае даже журналы внешнего сегмента рискуют остаться без лучших отечественных авторов. Учитывая скорость изменений на российском рынке экономических журналов, заметим, что описанные события могут произойти в не слишком отдаленной перспективе. По нашим оценкам, это вопрос 8–10 лет.

Предложенная в данной статье методика рейтингования российских экономических журналов позволяет адекватно отслеживать и оценивать их успехи на обоих сегментах рынка – внутреннем и внешнем. По нашим оценкам, данная методика будет оставаться вполне работоспособной на протяжении, по крайней мере, следующих пяти лет.

Литература

1. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Международный ландшафт рынка российских экономических журналов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 4. С. 110–124. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.7.
2. Третьякова О.В. Рейтинг научных журналов экономических институтов РАН // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 5 (41). С. 159–172. DOI: 10.15838/esc.2015.5.41.11.
3. Hicks D. Performance-based university research funding systems. *Research Policy*, 2012, vol. 41, no. 2, pp. 251–261. DOI: 10.1016/j.respol.2011.09.007.
4. Zheng Y., Kaiser H. Submission demand in core economic journals: a panel study. *Economic Inquiry*, 2016, vol. 54, no. 2, pp. 1319–1338. DOI: 10.1111/ecin.12277
5. Engemann K., Howard J. (2009). A journal ranking for the ambitious economist. *Federal Reserve Bank of St. Louis Review*, 2009, no. 91(3), pp. 127–140.
6. Hawkins R.G., Ritter L.S., Walter I. What economists think of their journals. *The Journal of Political Economy*, 1973, vol. 81, no. 4, pp. 1017–1032.
7. Kagann S., Leeson K. Major journals in economics: a user study. *Journal of Economic Literature*, 1978, vol. 16, no. 3, pp. 979–1003.
8. Mason P.M., Steagall J.W., Fabritius M.M. Economics journal rankings by type of school: perceptions versus citations. *Quarterly Journal of Business and Economics*, 1997, vol. 36, no. 1, pp. 69–79.
9. Axaroglou K., Theoharakis V. Diversity in economics: an analysis of journal quality perceptions. *Journal of the European Economic Association*, 2003, vol. 1, no. 6, pp. 1402–1423. DOI: 10.1162/154247603322752584.
10. Liebowitz S.J., Palmer J.P. Assessing the relative impacts of economics journals. *Journal of Economic Literature*, 1984, no. 32, pp. 77–88.
11. Diamond A. The core journals in economics. *Current Contents*, 1989, vol. 21, no. 1, pp. 2–9.

⁴ Имеется в виду доля статей, написанных иностранными авторами, в общем числе опубликованных в 2018 году статей.

12. Laband D.N., Piette, M.J. The relative impacts of economics journals: 1970-1990. *Journal of Economic Literature*, 1994, vol. 32, no. 2, pp. 640–666.
13. Kodrzycki Y.K., Yu P. New approaches to ranking economics journals. *The B.E. Journal of Economic Analysis & Policy*, 2006, vol. 5, no. 1, pp. 1–44. DOI: 10.1515/1538-0645.1520.
14. Bornmann L., Haunschild R. Plots for visualizing paper impact and journal. *Scientometrics*, 2018, vol. 115, no. 1, pp. 385–394. DOI: 10.1007/s11192-018-2658-1.
15. Adler R., Ewing J., Taylor P. *Citation Statistics*. 2008. Available at: <http://www.mathunion.org/fileadmin/IMU/Report/CitationStatistics.pdf>.
16. Campbell P. Escape from the impact factor. *Ethics in Science and Environmental Politics*, 2008, vol. 8, pp. 5–7. DOI: 10.3354/ese00078
17. Chang C.-L., Maasoumi E., McAleer M. Robust ranking of journal quality: An application to economics. Econometric Institute report. *Econometric Reviews*, 2016, vol. 35, no. 1, pp. 50–97.
18. Wohlrabe K. *Taking the Temperature: A Meta-Ranking of Economics Journals*. CESifo: Working Paper Series no. 5726, 2016. Available at: http://www.cesifo-group.de/DocDL/cesifo1_wp5726.pdf.
19. Claar V., Gonzalez R. Ranking the rankings of journals in economics by quantifying journal demand. *Southwestern Economic Review*, 2014, vol. 41, no. 1, pp. 79–88.
20. Муравьев А.А. О научной значимости российских журналов по экономике и смежным дисциплинам // Вопросы экономики. 2013. № 4. С. 130–151.
21. Шумилов А.В., Балацкий Е.В. Академические рейтинги RePEc: вопросы построения и роль российских участников // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. № 4(32). С. 111–138.
22. Третьякова О.В. Импакт-рейтинг экономических журналов академического сектора // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 179–194. DOI: 10.15838/esc.2018.3.57.12.
23. Стерлигов И.А. Пилотный проект по оценке российских научных журналов [Электронный ресурс]. М.: НИУ ВШЭ. 2014. Доступно в: <http://slidegur.com/doc/225135/pilotnyj-proekt-vshe--po-e-kspernoj-ocenke-rossijskih>
24. Рубинштейн А.Я., Бураков Н.А., Славинская О.А. Сообщество экономистов и экономические журналы (социологические измерения VS библиометрии): научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2017. 83 с.
25. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Конкуренция экономических журналов России: итоги трех волн рейтингования // Экономическая политика. 2017. Т. 12. № 6. С. 178–201.
26. Рубинштейн А.Я. Ранжирование российских экономических журналов: научный метод или «игра в цифры»? // Журнал Новой экономической ассоциации. 2016. № 2(30). С. 162–175.
27. Гумеров Р.Р. Вновь о научной значимости российских экономических журналов, или Что стоит за попытками их ранжирования // ЭКО. 2017. № 7. С. 146–161.
28. Балацкий Е.В. Управленческие парадоксы реформ в университетском секторе // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. № 2(26). С. 124–149.

Сведения об авторах

Евгений Всеволодович Балацкий – доктор экономических наук, профессор, директор Центра макроэкономических исследований Департамента экономической теории, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (109456, Российская Федерация, г. Москва, 4-й Вешняковский пр., д. 4; e-mail: evbalatsky@inbox.ru), главный научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт РАН (117418, Российская Федерация, г. Москва, Нахимовский пр., д. 47)

Наталья Александровна Екимова – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра макроэкономических исследований Департамента экономической теории, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (109456, Российская Федерация, г. Москва, 4-й Вешняковский пр., д. 4; e-mail: n.ekimova@bk.ru)

Balatsky E.V., Ekimova N.A.

Competition of Russian Economic Journals in the World Market

Abstract. The paper considers the next stage of formation of the Russian market of economic journals, which is characterized by its clear division into two segments – external and internal. The external segment contains publications included in the international databases Scopus and Web of Science (WoS), the internal segment covers publications that are not included in these databases. To reflect the changes that have occurred in the market, we upgrade the methodology for compiling the Rating of Russia's Leading Economic Journals (RLEJ). The innovations affect the subsystem of expert assessment of publications included in the external segment, taking into account the differentiation of Scopus and WoS databases on quartiles, as well as the subsystem of market representation, taking into account the availability of Russian and English versions of journals. We provide the results of the fifth wave of RLEJ rating in the form of a Diamond List (top 13 journals) and a List of Journals of the Second Tier, consisting of 12 titles. We analyze the reshuffling of journals in comparison with previous years; we show that Russia already has 19 economic publications with international certification, of which eight publications have double certification (both Scopus and WoS). We consider several stylized examples of success and failure of journals; this allows us to determine the outlines of a general model for development of publications of the international level. In particular, we review the work of the heads of journals “at the top” – as drivers of their development through establishing external relations and finding financial resources, and their work “at the bottom” – as organizers of local scientific communities and exclusive intermediaries between authors and professional translators. Certain changes are pointed out in the employment relationship with highly qualified translators; now they are characterized by greater flexibility compared to the previous period. We also consider medium- and long-term implications of the emergence of two market segments of Russian economic journals.

Key words: rating, economic journals, international databases.

Information about the Authors

Evgenii V. Balatsky – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Director of the Center for Macroeconomic Research at the Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation (4, 4th Veshnyakovsky Lane, Moscow, 109456, Russian Federation; e-mail: evbalatsky@inbox.ru), Chief Researcher, RAS Central Economics and Mathematics Institute (47, Nakhimovsky Avenue, Moscow, 117418, Russian Federation)

Natal'ya A. Ekimova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Center for Macroeconomic Research at the Department of Economic Theory, Financial University under the Government of the Russian Federation (4, 4th Veshnyakovsky Lane, Moscow, 109456, Russian Federation; e-mail: n.ekimova@bk.ru)

Статья поступила 30.04.2019.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.9

УДК 338.24, ББК 65.05

© Петров В.Н., Каткова Т.Е., Карвинен С.

Тенденции развития лесной экономики в России и Финляндии

Владимир Николаевич ПЕТРОВ

Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет
им. С.М. Кирова

Санкт-Петербург, Российская Федерация, 194021, Институтский пер., д. 5

E-mail: wladimirpetrov@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4991-2249; ResearcherID: P-6029-2017

Татьяна Евгеньевна КАТКОВА

Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет
им. С.М. Кирова

Санкт-Петербург, Российская Федерация, 194021, Институтский пер., д. 5

E-mail: tatianakat@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1250-1921; ResearcherID: P-5895-2017

Сари КАРВИНЕН

Институт природных ресурсов Финляндии Luke

Йоэнсуу, Финляндия, FI-80100, ул. Yliopistokatu, д. 6

E-mail: sari.karvinen@luke.fi

ORCID: 0000-0001-5584-0742; ResearcherID: P-5989-2017

Для цитирования: Петров В.Н., Каткова Т.Е., Карвинен С. Тенденции развития лесной экономики в России и Финляндии // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 3. С. 140–157. DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.9

For citation: Petrov V.N., Katkova T.E., Karvinen S. Trends in the development of forestry in Russia and Finland. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 3, pp. 140–157. DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.9

Аннотация. Статья посвящена лесному хозяйству России и Финляндии, рассматриваемому через призму экономических отношений, развивающихся под воздействием национальных систем лесного законодательства и государственного лесопользования. Цель работы – оценка тенденций развития лесных отношений, формируемых в рамках национальных лесных нормативных правовых актов, и соответствующих им механизмов лесопользования на примере двух стран: России и Финляндии. Исследование основано на системном подходе к рассмотрению лесного хозяйства с эколого-экономической точки зрения, с использованием субъектно-объектного, абстрактно-логического методов, сравнительного, пространственного, статистического анализа, современных теорий устойчивого развития, зарубежного и отечественного опыта лесных отношений. Новизна исследования: выявлены тенденции развития лесной экономики, формируемые под воздействием национальных систем лесного законодательства, систем управления лесами с учетом мнения населения. Проанализировано соотношение организационно-распорядительных и экономических методов менеджмента при управлении лесами со стороны органов государственной власти двух стран. Сравнение экономической эффективности лесопользования по двум странам произведено путем сопоставления расходов и доходов лесного хозяйства. Проанализированы положительные и отрицательные тенденции лесной экономики России с начала административной реформы в стране. Оценка тенденций с точки зрения лесной экономики, экологии и социологии показала намного больше отрицательных тенденций, чем положительных. Результаты работы могут быть востребованы научными учреждениями, осуществляющими прогнозирование развития отраслевых экономик, лесными организациями при построении экономических отношений между государством, лесным бизнесом и населением. Исследование может быть продолжено в направлении оценки тенденций развития лесного хозяйства как эколого-экономической системы с длительным производственным циклом с учетом новой парадигмы мышления о роли воспроизводимых лесных ресурсов в жизни человека.

Ключевые слова: лесная экономика, управление лесами, лесное законодательство, экосистемные услуги лесов.

Введение. Устоявшиеся методы измерения эффективности лесной экономики, как правило, основаны на сопоставлении издержек и результатов, полученных от реализации полезных материальных продуктов, источником которых являются леса. Однако данный подход не учитывает стоимости потребляемых обществом «невесомых полезностей» или регулирующих, поддерживающих и других услуг лесов, распространяющихся далеко за пределы государств, на территории которых расположены леса. Развитие международных отношений с другими странами-потребителями или поставщиками лесных ресурсов – исключает изолированное рассмотрение национальной лесной экономики. В этом случае договорные отношения между странами основаны на законах спроса и предложения. Остается нерешенной проблема потребления неограниченным числом государств «невесомых полезностей» в отсутствие акта их купли-продажи.

Особенности леса как сложного экосистемного образования обуславливают особенности определения эффективности управления леса-

ми. Значительное количество работ российских лесоводов-классиков и лесозащитников посвящено многостороннему исследованию леса как биологической системы со всеми его многочисленными услугами. А.Т. Болотов [1], Н.А. Моисеев [2], Г.Ф. Морозов [3], В.В. Страхов [4], В.Н. Сукачев [5], М.Е. Ткаченко [6], М.К. Турский [7] и другие ученые дополнили теорию лесной отрасли знанием о лесе как о географическом и экономическом явлении. Данный подход к рассмотрению леса стал предпосылкой развития экосистемного подхода.

Ряд отечественных исследований посвящен аспектам эколого-экономической оценки лесов и многочисленных услуг лесных экосистем, можно отметить труды Н.П. Анучина [8], Н.А. Моисеева [2], Н.И. Кожухова [9], П.Т. Воронкова [10], К.Г. Гофмана [11], А.А. Гусева [11], Е.П. Смолоногова [12], Т.И. Яковлевой [12] и др.

Подходы к измерению экономической ценности экосистемных услуг и биоразнообразия в сравнении проанализированы в интернациональных исследованиях [13; 14; 15; 16; 17; 18; 19].

Однако не все экосистемные услуги поддаются точному измерению и оценке, в научном сообществе в настоящее время проблемы их оценки носят дискуссионный характер, что говорит о необходимости продолжения научных исследований в этой области, особенно с учетом региональных особенностей.

Качество лесного законодательства и государственного лесопользования определяет эффективность лесных отношений независимо от собственности на леса. Государственное лесопользование, присущее всем странам, осуществляется в рамках юридической регламентации образующих национальную правовую систему отраслей права.

Взаимодействие общества с природой происходит по двум основным направлениям: использование природных ресурсов, их воспроизводство и сохранение. Национальные особенности, традиции, обычаи и глобальные вызовы времени оказывают влияние на формирование национальных систем государственного лесопользования. Актуальные вызовы времени свидетельствуют о глобальных климатических изменениях, ухудшении экологии в мире. Экологический баланс на планете во многом определяется лесами.

Все это определяет отношение государств — лесных держав — к проблемам лесопользования и сохранения лесов, выдвигая на передний план охрану и защиту лесов, устойчивое управление лесами, экологизацию лесного законодательства — объединяющий признак действий практически всех государств — лесных держав — по сохранению лесных ресурсов. Вместе с тем схемам лесопользования разных стран присущ ряд признаков, основными из которых являются их относительная структурная стабильность и направленность на извлечение доходов от использования лесов. Возникает несоответствие между экологией и экономикой при осуществлении управляющих воздействий в государственном лесопользовании.

Приоритетной целью лесной политики всех стран является сохранение баланса различных интересов населения, государства и частного бизнеса.

Несмотря на внешнюю стабильность структуры управления, ее внутреннее содержание, определяемое набором функций и полномочий, кругом решаемых задач, выдвигаемых в тот или

иной промежуток времени, меняется во времени. Стабильность управления лесами, являющаяся важнейшим качеством управляющей системы, базируется на нормах конституционного и лесного права, а также на традициях и обычаях, что способствует преемственности лесного законодательства. Поэтому страны с переходной экономикой, к числу которых относится Россия, вынужденные отвечать как на новые внешние вызовы времени, так и на внутренние революционные перемены в национальной экономике, оказываются в непростом положении.

Лесопользованию в России присущ ряд недостатков:

- отсутствие достоверной и полной информации о количественном и качественном состоянии лесов;
- несоблюдение соотношения интересов основных субъектов лесных отношений: государства, населения и лесных бизнес-структур;
- неоптимальный баланс полномочий в лесной сфере между Российской Федерацией и ее субъектами и др.

Отрицательными чертами лесной экономики России являются:

- несовпадение бюджетных интересов Российской Федерации и ее субъектов в области установления и распределения платежей за лесопользование;
- невысокий уровень ставок платы за право пользования лесными участками (в среднем 60 руб./куб. м);
- поступления от использования лесов в два раза ниже затрат на государственное управление лесами в течение длительного периода времени и др.

Вышеизложенное актуализирует необходимость исследования зарубежных систем лесопользования для разработки предложений и рекомендаций по возможной адаптации к российским условиям отдельных элементов зарубежного опыта управления лесами и учета объективных закономерностей развития лесных отношений.

Цель исследования — оценка тенденций развития лесных отношений, образуемых в рамках национальных лесных нормативных правовых актов, и соответствующих им механизмов лесопользования на примере двух стран: России и Финляндии.

Мировая лесная экономика, состоящая из национальных лесных экономик отдельных стран, представляет собой стоимостной результат использования лесных ресурсов, их охраны и защиты, управления ими в рамках правового поля отдельного государства. Несмотря на относительную схожесть лесной нормативной правовой базы стран Европы и систем лесоуправления, лесное хозяйство каждой страны индивидуально: не найдется и двух стран с идентичными экономическими, социальными, природными условиями и лесными нормативными правовыми актами.

В работе для сопоставления базовых экономических показателей, отражающих вектор развития лесных отношений и их эффективность, выбрана Финляндия. Финляндия и Россия с начала XIX до начала XX века имели общую историю развития лесного хозяйства. После получения Финляндией независимости лесные хозяйства двух стран развивались самостоятельно. В настоящее время среди всех европейских стран только в Финляндии организация лесного хозяйства соответствует концепции устойчивого управления лесами, лесоуправление в стране признается наиболее эффективным европейскими странами – лесными державами [2]. Для отбора объективных факторов, влияющих на лесную экономику двух стран, был использован метод удельных показателей (стоимостных и натуральных).

Объектом исследования являются организационно-экономические и правовые отношения, складывающиеся между частным лесным бизнесом, государственными органами управления лесами и населением в исследуемых странах.

Предмет исследования – тенденции изменения экономических показателей лесного хозяйства России и Финляндии.

Методика исследования. В процессе исследования использовались субъектно-объектный, абстрактно-логический методы, сравнительный, пространственный, статистический анализ, современные теории устойчивого развития, зарубежный и отечественный опыт лесных отношений. Данные, полученные в результате официальных запросов в консульство Финляндии, проведенных авторами исследования консультаций и интервью с работниками отраслевых ведомств исследуемых стран, материалы официальных сайтов государственных органов лесного менеджмента изучаемых стран составили информационную и эмпирическую основу работы.

Результаты исследования и обсуждение

Система управления лесами и лесная экономика в Финляндии

Систему лесного права и соответствующих экономических и административных отношений определяет собственность на леса. Удельный вес индивидуальной и публичной собственности на леса по странам Европы варьируется. В Финляндии преобладает частная форма собственности на леса (табл. 1). Государство владеет северными и восточными лесными землями (значительную долю занимают особо охраняемые территории), частным собственникам принадлежат более продуктивные лесные земли на южных территориях.

Многообразие форм и видов собственности на леса, унитарная форма государственного устройства страны и соответствующая ей форма государственного правления определяют

Таблица 1. Собственники лесов в Финляндии

Собственник	Площадь лесных земель					
	Южная Финляндия		Северная Финляндия		В среднем по стране	
	млн. га	%	млн. га	%	млн. га	%
Физические лица	8,766	73,3	5,131	36,1	13,897	53,1
Государство	1,149	9,6	7,933	55,8	9,082	34,7
Юридические лица	1,330	11,1	0,546	3,8	1,876	7,2
Другие (коммуны, муниципалитеты, церковь и другие собственники)	0,720	6,0	0,617	4,3	1,337	5,1
Всего	11,965	100	14,226	100	26,192	100

Источник: составлено авторами на основе данных официальной статистики: *Luke's statistical services*. Available at: <http://stat.luke.fi/en/uusi-etusivu> [20].

своеобразный механизм национального лесного менеджмента.

В стране долгие годы существует децентрализованная система управления лесами. Схемы управления лесами государственными органами, органами менеджмента муниципалитетов и коммун, частными собственниками или представителями собственника характеризуются относительной самостоятельностью в принятии управленческих решений и формировании органов управления.

Таким образом, длительное время существующая децентрализованная схема управления лесами сформировала свои традиции и обычаи, которые имеют силу закона и не нуждаются в государственном регулировании. Положительными сторонами децентрализованной системы управления является учет на каждом уровне управления экономических, лесохозяйственных и социальных особенностей.

На высшем уровне нет отдельного органа управления лесами, государственное лесоправление осуществляет Министерство сельского и лесного хозяйства (*Maa- ja metsätalousministeriö*). Задачи в сфере управления природными охраняемыми объектами определяет Министерство окружающей среды (*Ympäristöministeriö*), к компетенции которого относятся вопросы сохранения и поддержания экосистемных услуг лесов. В Департаменте природных ресурсов при Министерстве сельского и лесного хозяйства функционирует отдел «Леса и биоэнергетика», название которого свидетельствует о значимости возобновляемых ресурсов на государственном уровне, при этом подчеркнута важность биоэнергетики как нового тренда развития лесной экономики.

Одним из важных традиционных элементов, характеризующих тенденцию развития лесной экономики страны, является поддержка государством частного лесного предпринимательства. Государственные лесные центры (*Metsäkeskus*) предоставляют услуги частным бизнес-структурам по выполнению значительной части лесохозяйственных и лесопромышленных мероприятий и работ. Источниками финансирования центров являются государственные бюджетные и собственные средства.

Функциями государственной лесной службы «*Metsähallitus*» — государственного предприятия — являются: коммерческая деятельность по извлечению дохода от лесопользования; предоставление населению услуг по туризму, рекреации и других. Деятельность является, как правило, затратной, компенсируется доходами от коммерческой деятельности, предусмотрено бюджетное финансирование.

Исследовательская и экспертная деятельность государственного Института природных ресурсов Финляндии *Luke* свидетельствует о ярко выраженном эколого-экономическом характере научных исследований последнего десятилетия в сфере лесного хозяйства. Институт научно обосновывает решения в сфере управления лесами, направленные на развитие зеленой экономики, устойчивого природопользования.

Управление лесами коммун — сфера местного самоуправления. Многие коммуны владеют собственными лесами, например парками, эксплуатационными, рекреационными и другими лесами, поэтому на администрацию коммуны возложены обязанности по лесоправлению. Леса коммун рассматриваются не как источник древесного сырья, основная цель использования коммунальных лесов — это отдых населения, поддержание благоприятной окружающей среды.

Механизм управления лесами зависит от преобладающего способа производства, уровней и потребностей развития производительных сил, разнообразия форм и видов собственности на леса, создающего рыночную среду в сферах предложения и потребления ресурсов леса.

Спрос и предложение формируются как на национальном, так и на международном рынке в разрезе отдельных сортиментов. В открытом доступе имеется подробная информация о рыночных ценах на различные сортименты не только в Финляндии, но и в других странах европейского сообщества.

Все собственники лесов являются продавцами на отраслевом рынке, но основной объем древесины заготавливают частные собственники (табл. 2).

Рыночный механизм создает динамическое ценообразование на древесные ресурсы

Таблица 2. Динамика сделок с древесными ресурсами в Финляндии

Год	Объем заготавливаемых древесных ресурсов			Объем продаж древесных ресурсов		
	Все владельцы, тыс. куб. м	Частные владельцы		По ценам у дороги, тыс. куб. м	По ценам леса на корню	
		тыс. куб. м	уд. вес, %		тыс. куб. м	уд. вес, %
1996	46915	39919	45,97	7149	25374	78,02
1997	52996	47148	47,08	6754	33042	83,03
1998	55131	48881	47,0	7175	29439	80,4
1999	55289	47757	46,35	6270	27454	81,41
2000	55903	47988	46,19	5873	31705	84,37
2001	53250	45105	45,86	6299	22919	78,44
2002	54158	46315	46,10	6876	30246	81,48
2003	55030	46715	45,91	5523	26546	82,78
2004	55051	46564	45,82	5466	28819	84,06
2005	52572	44211	45,68	5670	22741	80,04
2006	50823	39381	43,66	4797	26522	84,68
2007	57742	46359	44,53	5683	33325	85,43
2008	51686	41045	44,26	8370	20265	70,77
2009	41374	32052	43,65	3380	12448	78,65
2010	51996	40667	43,89	5322	26609	83,33
2011	52419	41023	43,90	4612	20455	81,6
2012	51502	39693	43,53	5137	22799	81,61
2013	56224	44871	44,38	5057	31297	86,09
2014	55926	44707	44,43	5934	33961	85,13
2015	58 514	48 145	45,14	5396	32850	85,89
2016	61790	51076	45,25	7190	33824	82,47

Источник: составлено авторами на основе данных официальной статистики: *Luke's statistical services*. Available at: <http://stat.luke.fi/en/uusi-etusivu> [20].

по основным сделкам: торговля растущими лесонасаждениями по «ценам леса на корню» (ценам растущего леса); торговля заготовленными древесными ресурсами по «ценам у дороги» [22].

Рыночная цена на древесные ресурсы должна покрыть затраты владельца на выращивание, сохранение леса, на лесоуправление, на уплату налогов и содержать долю прибыли продавца [22]. Динамика цен растущего леса зависит от конъюнктуры рынка круглой древесины, о чем свидетельствует представленная на рис. 1 и 2 многолетняя динамика цен по основным сортаментам. Рыночные цены на сортаменты различаются по видам рубок, территориальному фактору (наблюдается дифференциация цен по лесным центрам и регионам страны).

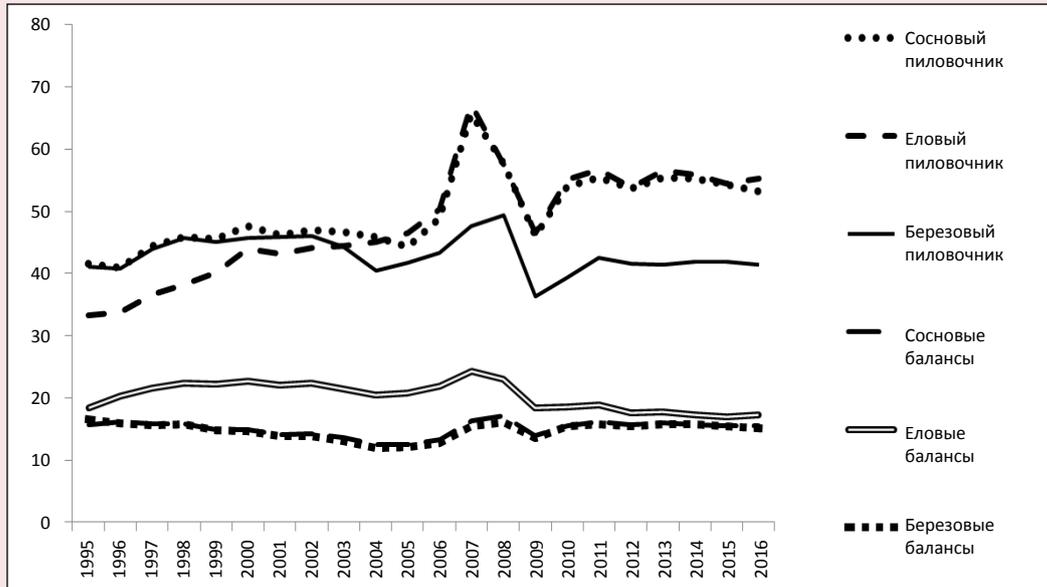
Еженедельный, ежемесячный и годовой статистический учет цен Институтом «Luke» сви-

детельствует о динамическом ценообразовании на древесные ресурсы.

Свыше 80% объема продаж занимает продажа растущих лесонасаждений (см. табл. 2), поэтому заготовкой древесины занимается, как правило, покупатель. Лесные компании в основном пользуются услугами мелких подрядчиков для заготовки древесных ресурсов, затраты на заготовку и вывозку древесины формируются рыночными законами.

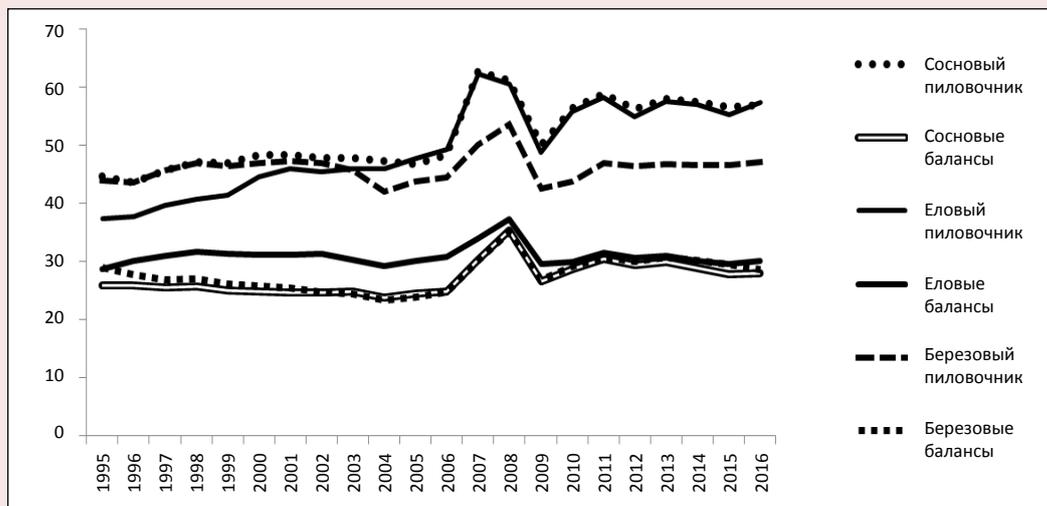
Ценообразование на отраслевом рынке объективно и не определяется формой собственности на лесные ресурсы. Государство как крупный собственник лесных ресурсов (см. табл. 1) на рынке имеет преимущество по сравнению с частными собственниками. Однако государственные лесные земли отдаленные и менее продуктивные. Древесина из государственных лесов реализуется с учетом поддержания стабильности на внутреннем рынке.

Рис. 1. Динамика цен на корню на основные сортаменты, евро/куб. м

Источник: построено авторами на основе данных официальной статистики: *Luke's statistical services*. Available at: <http://stat.luke.fi/en/uusi-etusivu> [20].

Рис. 2. Динамика цен «у дороги» на основные сортаменты, евро/куб. м

Источник: построено авторами на основе данных официальной статистики: *Luke's statistical services*. Available at: <http://stat.luke.fi/en/uusi-etusivu> [20].

Ценовая политика государства осуществляется экономическими и административными рычагами, а именно:

- участием в подготовке различных представлений и рекомендаций с учетом сохранения и поддержания лесных экосистем на национальном и общеевропейском уровне;
- совершенствованием антимонопольных нормативных правовых актов;
- развитием дифференцированного налогообложения лесных предпринимателей;
- совершенствованием частно-государственного партнерства при управлении лесами: государство субсидирует выполнение

мероприятий по охране лесных экосистем и лесовосстановлению частными собственниками (бюджетные средства – составная часть цены леса на корню) [22];

- предоставлением информационных и консультационных услуг и др.

Лесное законодательство Финляндии, регулирующее лесные отношения

Соглашения и договоры на международном уровне, Конституция Финляндии (*Suomenperustuslaki*), «Закон о лесе» (*Metsälaki*), подзаконные акты правовых систем страны и Европейского союза, правовые санкционированные традиции и обычаи являются источниками лесного права в Финляндии. Финляндия – активный участник:

- основополагающих многосторонних природоохранных соглашений и процессов, посвященных проблемам устойчивого лесного хозяйства;

- переговорных процессов в сфере лесного хозяйства глобального и регионального уровней (Форум ООН по лесам и другие);

- ряда международных организаций по лесным вопросам;

- сотрудничества в сфере лесного хозяйства в рамках Совета министров северных стран;

- двустороннего и многостороннего международного сотрудничества (в двустороннем сотрудничестве приоритетным является сотрудничество с Россией).

Сравнительный анализ норм конституций Финляндии и России, имеющих отношение к лесным ресурсам, представлен в *табл. 3*.

В стране популярно многоцелевое лесопользование, основанное на «праве каждого» (относится не только к населению страны, а ко всем посещающим её), гарантирующего свободное перемещение в лесах всех типов собственности. «Право каждого» не указано в нормативных правовых актах, но имеет правовую силу и принимается во внимание в судебной практике.

Принятый в 1886 г. изначальный «Закон о лесе» защищал леса от сведения и способствовал лесовосстановлению. Основанные на принципе преемственности лесного права, отдельные нормы этого закона по сей день являются составной частью национальных лесных нормативных правовых актов.

Во главе действующей национальной системы лесного законодательства – принятый в 1997 году «Закон о лесе» (*Metsälaki*), имеющий рамочный характер. Последующие изменения и дополнения к Закону показывают усиление экологизации отраслевого законодательства, направленного на сохранение лесных экосистем, биоразнообразия лесов, устойчивое лесопользование. В 2014 г. произошло обновление лесного законодательства с целью повышения доходности лесного хозяйства, увеличения свободы собственников в лесопользовании и, одновременно, усиления их ответственности за лесоземельные угодья. Правовое регулирование

Таблица 3. Нормы конституций России и Финляндии, относящиеся к лесным ресурсам

Нормы конституций	Финляндия	Россия
Гарантии права собственности	Всем гарантируется защита права собственности (§ 15).	В Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности (ст. 8).
Пользование собственностью	Полномочия и порядок осуществления принадлежащих государству прав участника в компаниях, в которых государство имеет контрольный пакет акций, установлены законом. Законом установлены и случаи, в которых для приобретения государству контрольного пакета акций или его уступки требуется согласие парламента (§ 92).	Владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляется их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц (ст. 36).
Отчуждение собственности	Законом определен порядок отчуждения с полной компенсацией имущества для общих нужд (§ 15). Государственное недвижимое имущество может быть отчуждено только с согласия парламента либо в соответствии с тем, что установлено законом (§ 92).	Никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии предварительного и равноценного возмещения (ст. 35).
Источник: разработано авторами.		

в лесной отрасли базируется на доминировании допускающего выбор инструментов управления диспозитивного метода над императивным методом, основанным на властных директивах.

Действуют национальные лесная политика, программа, стратегия, Программа *METSO* био-разнообразия лесов для Южной Финляндии, лесохозяйственные программы регионального уровня. Национальная лесная политика по многим аспектам базируется на политических стратегиях Евросоюза.

Оценка эффективности лесоуправления в Финляндии

Эффективность лесоуправления основана на сопоставлении одновременных издержек и результатов лесовладельца. Критерий эффективности – экономический, социальный, экологический эффект при соизмерении с издержками на его получение или предотвращение ущерба. Определяя эффективность с точки зрения лесной экономики, помимо экономического анализа результатов и затрат, необходимо учитывать варьирование с течением времени стоимости инвестиционных активов, к которым относится лесной участок с осуществленными неотделимыми улучшениями (например, объектами лесной и лесоперерабатывающей инфраструктуры). По мнению зарубежных ученых, вложения в лесной участок дают невысокий, но стабильный доход относительно доходов от других видов вложений (например, портфельных инвестиций и других) [22, 23]. В рыночной экономике эффективность управления в лесном хозяйстве при любой форме собственности на лесные ресурсы измеряется поступлением максимального чистого дохода от использования лесов.

Таблица 4 содержит показатели эффективности лесопользования. Показатели эффективности в стране определяются на гектар площади лесных земель, выступающих основным фактором производства в лесном хозяйстве. Таким образом, рассчитывается пространственная эффективность или эффективность одного гектара лесных земель. Нами определены соответствующие показатели эффективности на кубический метр древесины, как это принято в российских условиях, и на 1 гектар площади лесных земель.

Невзирая на различные подходы к определению эффективности в исследуемых странах,

выполненные расчеты можно считать сопоставимыми, так как подходы базируются на сопоставлении издержек и полученных от использования единицы лесоземельного угодья результатов.

Эффективность ценообразования в конкретное время зависит от спроса и предложения, содержания методов государственного управления, ставок процентов кредитно-финансовых структур, государственной поддержки предпринимательских структур и т.д. Рассматриваемый период характеризуется положительной динамикой итогового показателя погектарной эффективности: от 80,2 до 114,3 евро/га. Чистая прибыль собственника лесов, определенная с учетом государственной поддержки, в анализируемый период варьируется от 19,1 евро/куб. м до 22,1 евро/куб. м.

Оценка эффективности лесоуправления в России

Особенности определения эффективности управления лесами государством обусловлены доминированием государственной собственности на земли лесного фонда и децентрализованной формой лесного менеджмента в РФ. Децентрализация в лесоуправлении выражается в передаче ряда полномочий по лесоуправлению от собственника субъектам РФ, которые получают субвенции из федерального бюджета на выполнение переданных полномочий. Сравнение полномочий Российской Федерации и ее субъектов говорит о том, что основные лесные полномочия сконцентрированы на федеральном уровне, что дает основание говорить о фактическом сохранении централизованной системы управления лесами.

Среди прав пользования лесными участками в большей степени востребованы аренда участков леса и купля-продажа лесных насаждений сроком до одного года. Лесные нормативные правовые акты в большей степени по форме являются шаблонными, по юридическому содержанию – императивными и не принимают во внимание природные, экономические и социальные особенности регионов.

Использование лесов юридическими и физическими лицами, в том числе иностранными, осуществляется с предоставлением или без предоставления участков леса, с изъятием или без изъятия ресурсов леса. Аукцион – распространенный способ передачи участков леса в

Таблица 4. Средние показатели эффективности заготовки древесины в Финляндии

№ п/п	Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	Отклонение 2016 г. к 2010 г.		
									Абс. (+; -)	Темп. изм., %	Отн., %
<i>Абсолютные показатели, тыс. евро</i>											
1.	Валовые доходы от продажи древесных ресурсов	1437452	1479497	1365884	1635559	1631433	1685723	1674567	237115	116,5	16,5
2.	Государственные субсидии	62867	63324	61201	64231	59348	57814	52746	-10121	83,9	-16,1
3.	Затраты лесовыращивания	347296	358075	345017	280539	278299	224066	218296	-129000	62,9	-37,1
3.1.	Инвестиции в лесовыращивание	198988	207855	204881	212085	207634	164066	156580	-42408	78,7	-21,3
3.2.	Издержки на лесной менеджмент и другие затраты	148308	150220	140136	68454	70665	60000	61716	-86592	41,6	-58,4
4.	Операционный результат	1153023	1184745	1082068	1419251	1412482	1519471	1509017	355994	130,9	30,9
<i>Относительные показатели, евро/га лесных земель</i>											
5.	Валовые доходы от продажи древесных ресурсов	110,1	109,7	101,2	121,5	121,2	126,1	125,3	15,2	113,9	13,8
6.	Затраты лесовыращивания	26,6	26,5	25,6	20,8	20,7	16,8	14,9	-11,7	56,0	-43,5
7.	Государственные субсидии	4,8	4,7	4,5	4,8	4,4	4,3	3,9	-0,9	81,3	-18,8
8.	Операционный результат	88,3	87,8	80,2	105,5	105,0	113,7	114,3	26	129,4	29,4
<i>Относительные показатели, %</i>											
9.	Операционный результат/валовой доход от продажи древесных ресурсов, %	80,0	80,1	79,2	86,8	86,6	90,1	90,1	10,1	112,6	12,6
<i>Относительные показатели, евро/куб. м заготовленной древесины</i>											
10.	Валовые доходы от продажи древесных ресурсов	35,4	36,1	34,4	36,5	36,5	35,0	33,2	-2,2	93,8	-6,2
11.	Государственные субсидии	1,6	1,5	1,5	1,4	1,3	1,2	1,1	-0,5	68,8	-31,3
12.	Затраты лесовыращивания	8,5	8,7	8,7	6,3	6,2	4,7	4,3	-4,2	50,6	-49,4
13.	Операционный результат	28,4	28,9	27,2	31,6	31,6	31,6	29,9	1,5	105,3	5,3
14.	Налоги	8,5	8,7	8,2	9,5	9,5	9,5	8,9	0,4	104,7	4,7
15.	Чистая прибыль	19,9	20,2	19,1	22,1	22,1	22,1	20,9	1	105,0	5,0
16.	Чистая прибыль без субсидий	18,8	19,1	18,0	21,1	21,2	21,3	20,2	1,4	107,5	7,5

Источник: разработано и рассчитано авторами на основе данных официальной статистики: Luke's statistica /services. Available at: <http://stat.luke.fi/en/uusi-etusivu> [20].

пользование. Наибольшее количество статей Лесного кодекса РФ посвящено вопросам лесопользования, что подчеркивает ресурсную направленность лесного законодательства. Вопросам охраны и защиты лесных экосистем и воспроизводству лесов посвящено меньше статей Лесного кодекса РФ.

Лесное хозяйство России перешло к рыночным отношениям сравнительно недавно. В 1993 году Основами лесного законодательства Российской Федерации было закреплено право частного бизнеса на лесопользование. В настоящее время экономические отношения в лесном хозяйстве не развиты, находятся в стадии становления и могут характеризоваться как административно-рыночные [24]. Они предусматривают централизованное государственное определение минимальной, начальной стоимости леса на корню (или стоимости права пользования лесами) и установление конечной стоимости леса на корню после лесных аукционов или торгов.

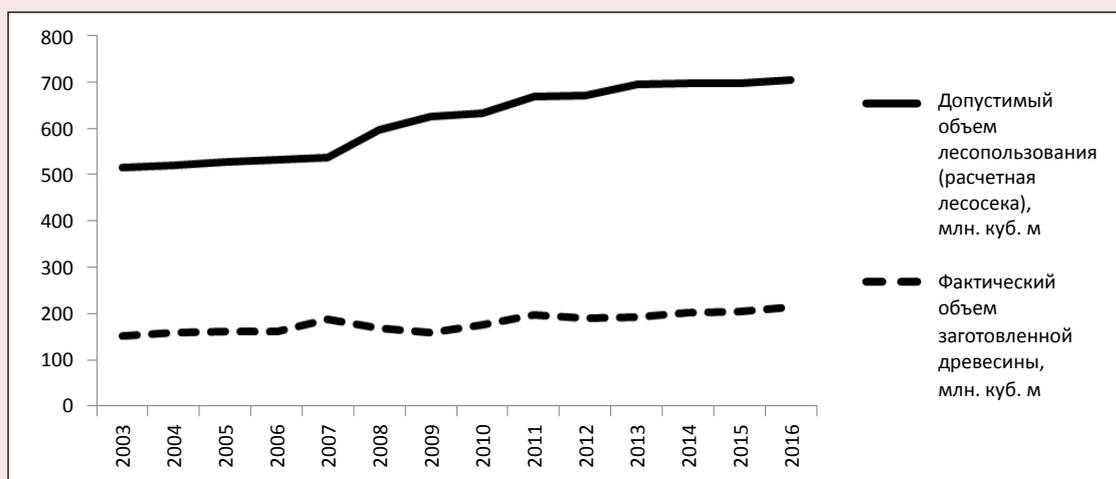
Лесное законодательство определяет принцип платности лесопользования, в бюджетную систему вносятся: арендная плата при долгосрочном использовании лесов до 49 лет; плата по договору купли-продажи лесных насаждений при краткосрочном использовании лесов до года, которые наряду со штрафами и пенями признаются неналоговыми доходами бюджетной системы.

Существенный доход от лесопользования поступает от заготовки древесных ресурсов. Основным показателем при организации заготовки древесных ресурсов — допустимый ежегодный объем изъятия древесных ресурсов, определяемый расчетной лесосекой, перерубы которой не допускаются. Объем расчетной лесосеки последнего десятилетия в России находится на уровне примерно 600 млн. куб. м, а ее освоение характеризуется негативной тенденцией снижения. В последнее время фактическая заготовка древесных ресурсов составляет не более 25–30% от расчетной лесосеки (рис. 3). Данная динамика способствует увеличению территорий спелых и перестойных насаждений, сокращению спроса на подобные насаждения.

Существенным фактором риска является непредсказуемость государственных решений в сфере лесопользования. Повышению риска способствует отсутствие переговорного процесса между органами государственной власти и бизнесом. Переговорный процесс между бизнесом и государством — основа лесной политики демократических государств, реализация государственной власти в лесном хозяйстве — характерная черта авторитарных государств.

Отношение доходов от лесопользования к затратам на лесное хозяйство отражается коэффициентом эффективности управления (табл. 5). Результаты в виде поступлений от использования лесов у государства меньше,

Рис. 3. Эффективность организации использования лесов на примере заготовки древесины в РФ

Источник: построено авторами на основе данных первичной отчетности Федерального агентства лесного хозяйства.

Таблица 5. Бюджетная эффективность управления лесами в РФ

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	Отклонение 2016 г. к 2010 г.		
								Абс. (+; -)	Темп. изм., %	Отн., %
1. Затраты на лесное хозяйство, млрд. руб.	27,4	45,1	51,2	59,3	63,4	59,4	59,5	32,1	217,2	117,2
1.1. Из федерального бюджета, млрд. руб.	15,0	21,2	19,9	22,5	24,8	24,1	21,9	6,9	146	46
- удельный вес в сумме затрат, %	54,7	47,0	38,9	37,9	39,1	40,6	36,8	-17,9	67,28	-32,7
1.2. Из бюджета субъектов РФ и иные источники, млрд. руб.	12,4	23,9	31,3	36,8	38,6	35,3	37,6	25,2	303,2	203,2
- удельный вес в сумме затрат, %	45,3	53,0	61,1	62,1	60,9	59,4	63,2	17,9	139,5	39,51
2. Доходы от лесопользования, млрд. руб.	19,9	21,6	22,6	23,2	25,4	26,5	29,7	9,8	149,2	49,25
В том числе по уровням бюджетной системы:										
2.1. В федеральный бюджет, млрд. руб.	14,8	16,3	17,0	17,4	19,1	19,6	20,9	6,1	141,2	41,22
- удельный вес в сумме поступлений, %	74,4	75,5	75,2	75,0	75,2	74,0	70,4	-4	94,62	-5,38
2.2. В бюджет субъектов РФ, млрд. руб.	5,1	5,3	5,6	5,8	6,3	6,9	8,8	3,7	172,5	72,55
- удельный вес в сумме поступлений, %	25,6	24,5	24,8	25,0	24,8	26,0	29,6	4	115,6	15,63
3. Площадь земель лесного фонда, млн. га	1146,38	1146,38	1146,38	1146,38	1146,38	1146,38	1146,38	-	-	-
4. Плата за использование лесов, руб./га земель лесного фонда	17,3	18,8	19,7	20,2	22,1	23,0	25,7	8,4	148,6	48,55
5. Расходы бюджета, руб./га земель лесного фонда	23,8	39,2	44,5	51,6	55,1	51,7	51,7	27,9	217,2	117,2
6. Коэффициент эффективности государственного управления лесами	0,73	0,48	0,44	0,39	0,40	0,45	0,50	-0,23	68,49	-31,5
- относительно субвенций из федерального бюджета	0,99	0,77	0,85	0,77	0,77	0,81	0,95	-0,04	95,96	-4,04
- относительно бюджетных средств субъекта федерации	0,41	0,22	0,18	0,16	0,16	0,20	0,23	-0,18	56,1	-43,9

Источник: составлено и рассчитано авторами на основе данных первичной отчетности Федерального агентства лесного хозяйства.

чем затраты на лесное хозяйство, что отражает низкую эффективность управления лесами и рентабельность использования лесов [24].

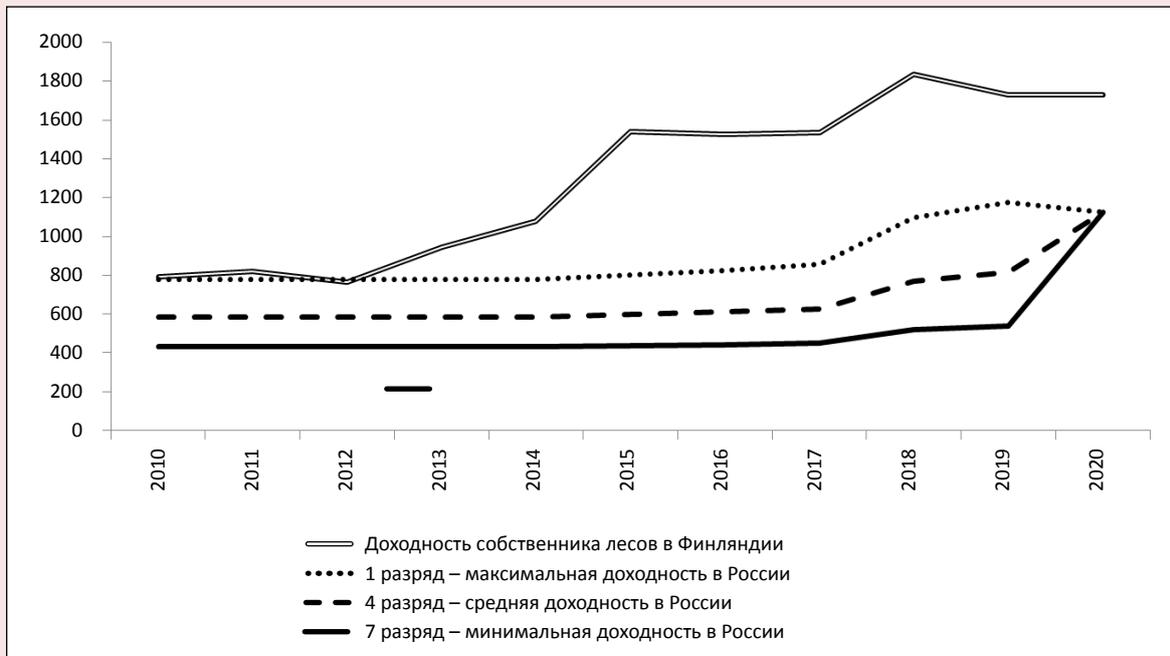
Хотя при организации использования лесов в РФ соблюдается конкуренция, сумма арендной платы не всегда зависит от соотношения спроса и предложения на продукцию первичной переработки, например круглые лесоматериалы. Инерционность процесса ценообразования, ориентированного в сильной степени на административные методы, не дает возможности установить цену леса на корню в зависимости от рыночных цен на круглые лесоматериалы. Отклик государственных органов управления лесами на изменения на рынке лесных товаров и услуг – медленный. Проведенный анализ доходности лесного хозяйства за ряд лет говорит о существенном отставании, особенно в последние годы, поступлений от использования лесов их собственнику.

На рис. 4 в графическом виде представлены поступления в государственный бюджет от использования лесов по виду «заготовка древесины», сопоставленные с доходами собственника лесов в Финляндии.

Анализируемые ежегодные данные для российских и финских условий приведены в сопоставимый вид (исключена финансовая поддержка со стороны государства частных лесовладельцев Финляндии; учтены средние ежегодные курсы валют; все данные пересчитаны в руб./куб. м; рассчитаны удельные величины; категории «чистая прибыль частного собственника лесов» и «сумма поступлений в государственный бюджет арендной платы и чистой прибыли арендатора» идентичны по своей экономической природе). Для сравнения рассчитана доходность от использования лесов по Ленинградской области (формула породного состава – 4СЗЕ2Б1Ос) по трем лесотаксовым разрядам (1 разряд – максимальная доходность, 4 разряд – средняя доходность и 7 разряд – минимальная доходность).

Проведенный экономический анализ результирующих экономических показателей по двум странам (схожим лесорастительным районам) позволяет сделать следующий вывод: несмотря на почти идентичные цены на круглые лесоматериалы, доходность лесного хозяйства в Финляндии оказывается выше, чем в России.

Рис. 4. Чистая прибыль от использования лесов в РФ и Финляндии, руб./куб. м

Источник: рассчитано и построено авторами на основе данных Института природных ресурсов (Luke); Минпромторга России.

Такое положение объясняется иными лесоводственными подходами, ориентированными на конечный результат выполнения работ, и формированием качественных в товарном отношении насаждений, в то время как в отечественном лесном хозяйстве в центре внимания оказываются лишь лесохозяйственные работы. Работа и конечный ее результат не одно и то же. Можно выполнить много работ, потратить большие средства и не получить конечного результата. Иными словами, эффективность затрат в лесном хозяйстве Финляндии выше, чем в России. Другой фактор, оказывающий влияние на различие в доходности, это курсовая разница валют. Если в 2010 году стоимость евро была 39,87 руб., то с 2015 года она увеличилась почти в два раза, что привело к отставанию показателя доходности отечественного лесного хозяйства. Данные по 2020 году являются прогнозными: для условий Финляндии они приняты согласно прогнозам Института природных ресурсов (*Luke*) [20], для отечественных условий были использованы прогнозные значения Минпромторга России, вносящие изменения в постановление Правительства РФ «О ставках платы за единицу объема лесных ресурсов и ставках платы за единицу площади лесного участка, находящегося в федеральной собственности» от 22.05.2007 № 310 [25]. Пересечение в одной точке трех кривых, отражающих максимальную, минимальную и среднюю доходность, объясняется не рыночными изменениями, а стремлением собственника лесов – государства – увеличить административным путем ставки низших разрядов такс, не меняя максимальный.

Необходимо отметить, что особенности определения эффективности управления лесами обусловлены тем, что лес – это экосистема. Ранжирование степени значимости экосистемных услуг лесов по исследуемым странам на национальном уровне осуществлено нами исходя из оценки населения и вклада каждой услуги в валовой внутренний продукт: как в России, так и в Финляндии значение ресурсообеспечивающих услуг – высокое; значение культурных услуг – среднее; значение регулирующих услуг – низкое; значение поддерживающих услуг – низкое.

Несмотря на схожие в обеих странах оценки экосистемных услуг лесов, лесохозяйственной пропаганде, экологическому просвещению и лесной педагогике для молодого поколения и населения в Финляндии уделяется намного больше внимания, чем в России.

Российские инструменты управления использованием лесов базируются в основном на ресурсном подходе, направлены на достижение монетарных задач и не принимают во внимание разнообразие экосистемных услуг лесов. Вместе с тем намечается тенденция экологизации лесного планирования. Так, например, лесные планы субъектов Российской Федерации содержат раздел об экономической оценке «невесомых полезностей» в регионах. Но на практике ресурсо-ориентированная экономика стала основой не только для частных лесных компаний, она отражена в современной отечественной лесной политике государства. Так, целью лесной политики в сфере экономики является «увеличение валового внутреннего продукта на основе рыночного спроса» [26]. В результате может возрасти валовой внутренний продукт, но за счет деградации уникальных комплексов природы (лесов).

Выводы. Тенденции развития лесной экономики исследуемых стран свидетельствуют о переходе от ресурсно-ориентированного подхода к экосистемному. Объектом управления остается лес, но не как лесной ресурс, а как экологическая система. Примером является включение экосистемных услуг, оказываемых населению, в Национальный проект России «Экология»: увеличение количества посетителей особо охраняемых территорий, увеличение площади лесовосстановления, снижение площади лесных пожаров и др.

В Финляндии лесоуправление основано на соизмерении издержек и результата от использования лесов, при этом экологические функции лесов, получающие иррациональную оценку, как правило, не вовлекаются в оборот. Государство субсидирует выполнение лесохозяйственных работ и поддержание экосистемных услуг лесов частными владельцами. Современное состояние лесных отношений страны построено с учетом принципа преемственности норм лесного права, имеющих ярко вы-

раженное экологическое содержание. Рамочный характер национального лесного закона закрепляет основные направления все более эколого-ориентированной национальной лесной политики. Закономерности развития лесных отношений в Финляндии состоят в переходе от императивных методов управления к диспозитивным методам, допускающим право выбора частным лесным бизнесом методов хозяйствования.

Россия – богатейшая лесная держава мира, но по многим объемным и стоимостным показателям от заготовки древесины до продуктов ее глубокой переработки уступает многим странам. Огромные лесные территории, находящиеся в государственной собственности, суровый климат и неразвитость транспортной инфраструктуры – весомые причины отставания лесной экономики. Но еще большее отрицательное влияние на экономические показатели оказывает лесной менеджмент, формируемый в рамках лесного законодательства при отсутствии внятной лесной политики.

Стратегическими целями являются достижение устойчивого лесопользования в России, инновационного и эффективного развития использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов, обеспечивающих опережающий рост лесного сектора экономики, социальную и экологическую безопасность страны, безусловное выполнение международных обязательств Российской Федерации в части лесов.

Однако в рамках существующего лесного законодательства, без коренного изменения экономики лесных отношений, достижение поставленных целей может обернуться дополнительными расходами из государственного бюджета и увеличением затратной части для лесного бизнеса.

Стагнация отечественной лесной экономики, характерная черта последнего десятилетнего экономического цикла лесного хозяйства, заставляет искать новые формы экономических отношений между государством и лесным бизнесом. В условиях государственной собственности на земли лесного фонда, без изменения лесного законодательства, оживление лесной экономики маловероятно.

Подъем лесной экономики возможен без изменения форм собственности на леса, для этого необходимо правовое регулирование

лесных отношений, основанных на рамочном федеральном лесном законе и полноценных лесных законах каждого субъекта Российской Федерации, учитывающих экономические, экологические и социальные условия регионов.

По итогам исследования можно говорить о нецелесообразности копирования организационно-экономического механизма лесного хозяйства Финляндии и его распространения на отечественные условия. Результатом выполненного анализа является заключение о силе влияния на результативные экономические показатели лесного хозяйства различных групп факторов для разработки предложений по корректировке направления развития отечественного лесного хозяйства.

Исследование вносит вклад в теорию лесной экономики, заключающийся в выявлении закономерностей и тенденций развития лесных отношений, формируемых системами менеджмента, лесным законодательством России и Финляндии. Значимость работы состоит в выработке новых подходов, позволяющих по-новому оценить значение отечественной лесной экономики и лесных ресурсов в мировой экономике природопользования, стабилизации климатических изменений и повышении качества жизни населения.

Полемика по поводу результатов. Результаты исследования выявили определенные тенденции в развитии лесных экономик двух стран, но одновременно поставили ряд вопросов перед экономической наукой: какова роль государственного управления лесами в становлении и развитии экономики лесных отношений; является ли залогом эффективного экономического развития лесной отрасли наличие лесных ресурсов; может ли большой объем ресурсов и услуг леса способствовать эффективной лесной экономике и вносить значительный вклад в валовой внутренний продукт страны? Не прибегая к экономическому анализу показателей, отражающих эффективность лесной экономики, можно заявить, что наличие больших лесных площадей положительно влияет на производство и потребление экосистемных лесных услуг. При этом объем производства таких услуг практически всегда равен объему их потребления, а само производство зависит в основном от природного производственного фактора.

Состояние лесной экономики в меньшей степени зависит от формы собственности на леса, в большей – от системы налогообложения, лесоуправления и лесного законодательства конкретной страны.

Остается открытым вопрос о возможности или целесообразности включения экосистемных

лесных услуг в рыночные отношения. Подобные услуги не признают административных и государственных границ, потребляются населением всех государств, но не имеют стоимостной оценки, при этом собственнику лесных ресурсов, в нашем примере – Российской Федерации, не поступают платежи за оказанные услуги.

Литература

1. Болотов А.Т. Избранные сочинения по агрономии, плодоводству, лесоводству, ботанике: монография. М.: МОИП, 1952. 523 с.
2. Моисеев Н.А. Интегрированное управление лесами при их неистощительном многоцелевом использовании в условиях рыночной экономики // Лесное хозяйство. 1993. № 2. С. 2–6.
3. Морозов Г.Ф. Учение о лесе. М.: Почв. ин-т им. В.В. Докучаева, 1994. 460 с.
4. Страхов В.В. От национальных лесов – к глобальному лесному хозяйству // Лесное хозяйство. 1997. № 4. С. 9–12.
5. Сукачев В.Н. Основы лесной биогеоценологии: монография. М.: Наука, 1964. 574 с.
6. Ткаченко М.Е. Наше лесное хозяйство. М.: Новая деревня, 1928. 16 с.
7. Турский М.К. Лесоводство. Изд. 6-е. М.: Сельхозгиз, 1954. 352 с.
8. Анучин Н.П. Лесное хозяйство и охрана природы: монография. М.: Лесная промышленность, 1979. 272 с.
9. Кожухов Н.И. Анализ факторов, определяющих тенденции конъюнктуры российского лесного рынка // Лесной экономический вестник. 2000. № 4. С. 30–31.
10. Воронков П.Т. Современные тенденции в организации управления лесами // Лесохозяйственная информация. 2004. № 9. С. 16–24.
11. Охрана окружающей среды (Модели управления чистотой природной среды): монография / ред.: К.Г. Гофман, А.А. Гусев. М.: Экономика, 1977. 230 с.
12. Восстановительная и возрастная динамика таежных лесов Среднего Урала: сборник научных трудов / Е.П. Смолоногов, А.М. Шихов, Т.И. Яковлева и др.; отв. ред. Р.С. Зубарева, Е.П. Смолоногов. Свердловск: Уральский научный центр АН СССР, 1987. 155 с.
13. *Geneva timber and forest study paper 34*. Available at: <http://www.unece.org/fileadmin/DAM/timber/publications/SP-34Xsmall.pdf> (accessed: 10.05.2017)
14. Haines-Young R.H., Potschin M.B. *Methodologies for defining and assessing ecosystem services*. Final Report, JNCC, Project Code C08-0170-0062, 2009.69 p. Available at: http://www.nottingham.ac.uk/cem/pdf/JNCC_Review_Final_051109.pdf(accessed: 15.05.2017)
15. *Millennium Ecosystem Assessment, 2005. Ecosystems and Human Well-being: Desertification Synthesis*. World Resources Institute, Washington, DC. Available at: <http://www.millenniumassessment.org/documents/document.355.aspx.pdf> (accessed: 10.05.2017)
16. *TEEB - The Economics of Ecosystems and Biodiversity for Local and Regional Policy Makers (2010)*. Available at: http://www.teebweb.org/media/2010/09/TEEB_D2_Local_Policy-Makers_Report-Eng.pdf (accessed: 10.05.2017)
17. *TEEB – The Economics of Ecosystems and Biodiversity for National and International Policy Makers – Summary: Responding to the Value of Nature 2009*. Available at: http://ec.europa.eu/environment/nature/biodiversity/economics/pdf/d1_summary.pdf (accessed: 10.05.2017)
18. *TEEB (2010) The Economics of Ecosystems and Biodiversity Ecological and Economic Foundations*. Available at: <http://doc.teebweb.org/wp-content/uploads/Study%20and%20Reports/Reports/Ecological%20and%20Economic%20Foundations/TEEB%20Ecological%20and%20Economic%20Foundations%20report/TEEB%20Foundations.pdf> (accessed: 10.05.2017)
19. *TEEB (2010) The Economics of Ecosystems and Biodiversity: Mainstreaming the Economics of Nature: A synthesis of the approach, conclusions and recommendations of TEEB*. Available at: <http://www.teebweb.org/wp-content/uploads/Study%20and%20Reports/Reports/Synthesis%20report/TEEB%20Synthesis%20Report%202010.pdf> (accessed 10 may 2017)

20. *Luke's statistical services*. Available at: <http://stat.luke.fi/en/uusi-etusivu> (accessed: 10.05.2017)
21. *Metsäkeskus*. [Forest centers] Available at: <https://www.metsaan.fi> (accessed: 10.05.2017)
22. Петров В.Н., Каткова Т.Е. Стоимость леса на корню в Финляндии // Известия Санкт-Петербургской лесотехнической академии. 2014. Вып. 208. С. 249–266.
23. *Metsä sijoituskohteena 1983-2013. Metla, Suomen virallinen tilasto, Metsätalostatiedote*, 2014, vol. 52, 7 p. [Forestry as subject to investments 1983-2013. Metla, The official statistics, Forest statistical bulletin, 2014, vol. 52, 7 p.]
24. Petrov V., Bemmann A. Forst- und Holzwirtschaft Russlands stagniert. *Holz-Zentralblatt*, 2019, no. 16, pp. 337–339.
25. Ставки платы за единицу объема лесных ресурсов и ставки платы за единицу площади лесного участка, находящегося в федеральной собственности: утв. пост. Правительства РФ «О ставках платы за единицу объема лесных ресурсов и ставках платы за единицу площади лесного участка, находящегося в федеральной собственности» от 22.05.2007 № 310. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_68813/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения: 30.05.2018)
26. Основы государственной политики в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов в Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации № 1724-р от 26.09.2013. URL: <http://government.ru/media/files/41d4926bf69a218ee79f.pdf> (дата обращения: 02.05.2017).

Сведения об авторах

Владимир Николаевич Петров – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой, Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет им. С.М. Кирова (194021, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Институтский пер., д. 5; e-mail: wladimirpetrov@mail.ru)

Татьяна Евгеньевна Каткова – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры, Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет им. С.М. Кирова (194021, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Институтский пер., д. 5; e-mail: tatianakat@mail.ru)

Сари Карвинен – магистр сельских и лесных наук, исследователь, Институт природных ресурсов Финляндии Luke (FI-80100, Финляндия, г. Йюэнсуу, ул. Yliopistokatu, д. 6; e-mail: sari.karvinen@luke.fi)

Petrov V.N., Katkova T.E., Karvinen S.

Trends in the Development of Forestry in Russia and Finland

Abstract. The article is devoted to the forestry in Russia and Finland considered through economic relations developing under the influence of national forest legislation and state forest management systems. The purpose of the article is to assess the trends in the development of forest relations formed within the framework of national forest regulations and their respective forest management mechanisms on the example of two countries: Russia and Finland. The study is based on a system approach to forestry considered from an ecological and economic perspective, using subject-object, abstract and logical methods, comparative, spatial, statistical analysis, modern theories of sustainable development, as well as foreign and domestic experience of forest relations. The research novelty lies in revealing trends in the development of forest economy formed under the influence of national forest legislation systems, forest management systems taking into account population's opinion. The ratio of organizational-administrative and economic methods of forest management by public authorities of the two countries are analyzed. The economic efficiency of forest management in two countries is compared through contrasting costs and revenues of forestry. The positive and negative trends of the Russian forest economy since the beginning of the administrative reform in the country are analyzed. Trends in forest economy, environment and sociology showed are more negative rather than positive. The research results can be in

demand by research institutions forecasting the development of sectoral economies, forest organizations for building economic relations between the state, forestry business and the population. The study can be continued in terms of assessing trends in the development of forestry as an eco-economic system with a long manufacturing cycle, taking into account the new paradigm of thinking about the role of renewable forest resources in human life.

Key words: forest economy, forest management, forest legislation, forest ecosystem services.

Information about the Authors

Vladimir N. Petrov – Doctor of Science (Economics), Professor, Head of Department, Saint-Petersburg Forest Technical University (5, Institutskii Lane, Saint-Petersburg , 194021, Russian Federation; e-mail: wladimirpetrov@mail.ru)

Tat'yana E. Katkova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Saint-Petersburg Forest Technical University (5, Institutskii Lane, Saint-Petersburg , 194021, Russian Federation; e-mail: tatianakat@mail.ru)

Sari Karvinen – Master of Science (Forestry), Researcher, Natural Resources Institute Finland (Luke) (6, Yliopistokatu, Joensuu, FI-80100, Finland; e-mail: sari.karvinen@luke.fi)

Статья поступила 23.04.2019.

DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.10
УДК 325.14 (410+44), ББК 60.561.2

© Мойса Н.И.

Экономическая интеграция иммигрантов через преодоление неравенства в сфере занятости и оплаты труда. Сравнительный анализ британских и французских мусульманских общин

Наталья Ивановна МОЙСА

Московская школа экономики МГУ им. М.В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация, 119991, Ленинские горы, 1, стр. 61
Институт Европы РАН
E-mail: moysa@mse-msu.ru
ORCID: 0000-0001-9587-375X

Аннотация. Проблема регулирования иммиграции является одной из наиболее сложных и актуальных как в академической науке, так и в практической политике. Она поляризует общественное мнение и вызывает жаростные споры. Одной из важнейших задач внутренней политики стран с большим количеством иммигрантов становится эффективная социально-экономическая интеграция инокультурных общин и консолидация гражданского общества. В статье рассмотрены общие вопросы вовлечения мусульманских иммигрантов Великобритании и Франции в экономику, приведены данные об их численности, характере и степени занятости, доходах и социальном положении в сопоставлении с этническим большинством. Информационной базой исследования послужили официальные статистические данные, социологические опросы, аналитика правительственных институтов и комиссий, отчеты известных исследовательских центров и мусульманских организаций. Из-за особенностей статистического учета прямое сравнение положения британских и французских мусульман невозможно. К тому же в Великобритании и Франции интеграция мигрантов осуществляется по разным исторически сложившимся моделям. В статье показаны специфика каждой страны в вопросах расселения мигрантов, место мусульман на рынке труда среди различных иммигрантских меньшинств, затронуты вопросы национальной политики в борьбе с дискриминацией и исламофобией. Цель статьи – сфокусировать внимание на объективных количественных и качественных показателях экономической

Для цитирования: Мойса Н.И. Экономическая интеграция иммигрантов через преодоление неравенства в сфере занятости и оплаты труда. Сравнительный анализ британских и французских мусульманских общин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 3. С. 158–171. DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.10

For citation: Moisa N.I. Economic integration of immigrants through overcoming inequalities in employment and wages. Comparative analysis of British and French Muslim communities. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 3, pp. 158–171. DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.10

деятельности мусульманских иммигрантов в двух рассматриваемых странах для преодоления существующих стереотипов и политических спекуляций. Анализ экономического положения мусульман Великобритании и Франции выявляет существенный разброс в зависимости от страны происхождения, страны рождения, принадлежности к первому или второму поколению иммигрантов. В статье делается вывод о том, что Великобритания открывает больше возможностей, чем Франция, для экономической интеграции мусульман.

Ключевые слова: иммиграция, мусульмане, экономическая интеграция иммигрантов, Великобритания, Франция, занятость, рынок труда.

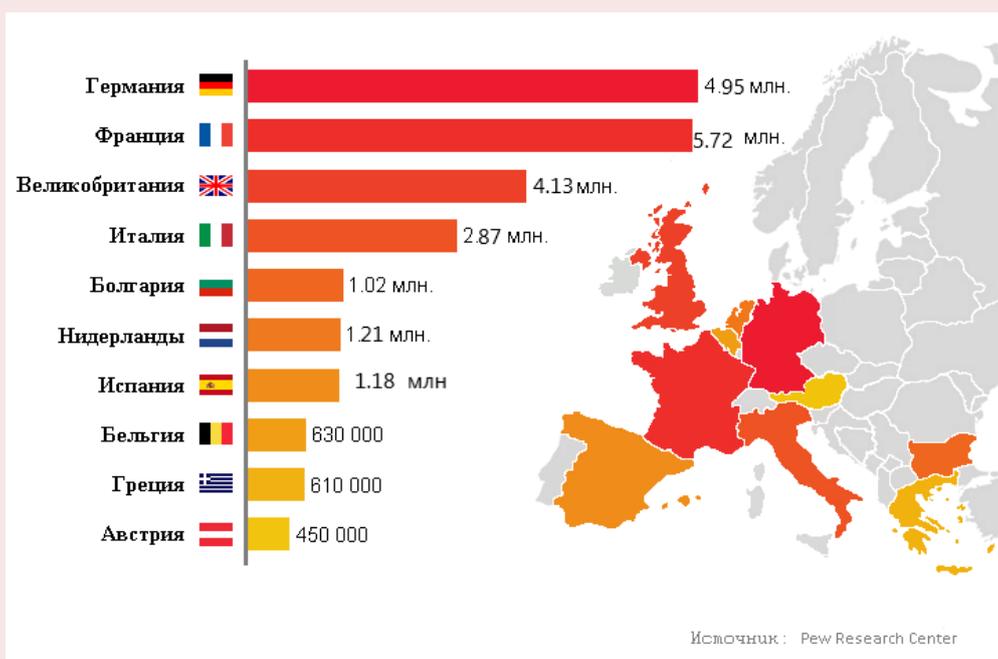
Введение

В данный момент ислам является второй по численности и наиболее быстро растущей религией в Европе. Численность мусульман увеличивается втрое быстрее, чем прирост коренного немусульманского населения. Это происходит как из-за рекордно высокой иммиграции в последние 30 лет, так и из-за более высокого уровня рождаемости, чем в христианских или нерелигиозных семьях. Цифры (рис. 1) говорят сами за себя.

По данным Исследовательского центра Пью (Pew Research Center) за 2016 год, самые большие мусульманские общины сложились во Франции, Германии, Великобритании, Италии [1]. В поисках убежища чаще всего выбирают Германию, а традиционные мигран-

ты предпочитают Великобританию. Быстрый демографический рост мусульманского сообщества в Европе делает невозможным его быструю интеграцию. В странах массового въезда мусульманских мигрантов усиливается реакция отторжения со стороны коренных жителей. Прогрессирует исламофобия, из всех иммигрантских общин наиболее сложно идет интеграция именно мусульман [2, р. 3, 9]. Наблюдаемое с конца XX века увеличение числа мусульман в Европе принимает характер глобального вызова европейской цивилизации. На повестке дня стоит вопрос об угрозе национальной идентичности, понятию национального государства. В то же время не менее важным является поддержание экономической стабильности, сохранение высокого уровня жизни в

Рис. 1. Количество мусульманского населения в европейских странах

экономически развитых европейских странах, а следовательно, поиск эффективных механизмов интеграции мигрантов в принимающее общество. Уровень интеграции новоприбывших зависит от двух главных факторов: как быстро растет их численность и как быстро они приспосабливаются к новой реальности. Большинство иммигрантов первого поколения ограничены в своей жизнедеятельности рамками своей этнической группы. Они селятся рядом, практически создавая этнические гетто, общаются на своих национальных языках, находят работу «среди своих», но такая экономическая интеграция не приводит к интеграции социальной.

Мы полагаем, что социально-экономическая интеграция эффективнее всего достигается через обычное, неэтническое трудоустройство. Выход на свободный рынок труда, получение работы наравне с местными кандидатами дает не только легальный заработок, социальный статус, а еще и возможность выучить официальный язык, усвоить правила и обычаи принимающего общества, завести коллег и друзей среди коренного населения. Для представителей второго поколения мигрантов – это еще и шанс к успешному построению карьеры в открытой конкуренции с представителями этнического большинства. Целью данной работы является исследование проблемы трудоустройства и преодоления разрыва в оплате труда мусульманских иммигрантов первого и второго поколения в Великобритании и Франции, как двух наиболее показательных стран, принимающих глобальный вызов современной иммиграции.

Методика исследования

В качестве основного метода изучения проблем трудоустройства представителей мусульманских меньшинств был выбран сравнительный анализ. Его применение позволяет выявить и учесть многие факторы, объясняющие сходства и различия в моделях интеграции. При определении количественных показателей были использованы открытые данные из статистических источников, таких как статистическая служба Европейского союза Eurostat, национальные статистические бюро Соединенного Королевства и Франции. При изучении правительственных подходов к интеграции му-

сульман проводился анализ правительственных актов и официальных отчетов. В частности, Отчета о разрыве в оплате труда по этническому признаку, выпущенного Комиссией по равенству и правам человека Великобритании в августе 2017 г. Для выяснения уровня дискриминации и социальной напряженности в отношении мусульманских меньшинств использовался вторичный анализ данных социологических опросов и социологических экспериментов, проведенных как независимыми, так и правительственными институтами.

Численность и расселение мусульман в Великобритании и Франции

Все оценочные данные последних лет о количестве мусульман в Великобритании берут за основу результаты последней всеобщей переписи населения, проведенной в 2011 г.: это 2,71 млн. мусульман, что составляет 4,8% населения Англии и Уэльса [3]. Хотя количество исповедующих ислам превышает общее количество приверженцев всех других нехристианских конфессий, говорить об исламизации страны пока рано, мусульманином является только каждый 20-й житель. Согласно той же переписи, 47% от общего количества исповедующих ислам родились на территории Великобритании. В 2001 году, когда вопрос о религиозной принадлежности впервые появился в переписи населения, мусульманами назвались 1,55 млн. человек, таким образом прирост числа мусульман за десятилетие между двумя переписями составил 75%. Основными факторами прироста являются более высокий уровень рождаемости в исламских семьях, а также рост иммиграции из мусульманских стран [4, р. 23]. По данным ИЦ Пью, именно новоприбывшие мигранты обеспечили на 60% увеличение исламского населения Европы с 2010 по 2016 г. [1, р. 12]. Поэтому, размышляя о положении мусульманских общин, можно довольно уверенно считать, что основную часть мусульман Великобритании и Франции составляют иммигранты двух поколений.

Британские мусульмане делятся на множество этнических групп. По данным 2011 года 68% (1,83 млн.) – выходцы из Азии, 32% – неазиатского происхождения. Большинство англоязычных мусульман – это рожденные в Британии потомки иммигрантов из Пакистана, Бангладеш и Индии. Интересен тот факт, что,

при опросе, 73% людей, исповедующих ислам, уверенно и безальтернативно идентифицировали свою национальную принадлежность к англичанам (British) [4, p. 17].

Статистические данные по британским мусульманам разнообразны и доступны, чего нельзя сказать о французской статистике. К сожалению, ни данные переписи населения, ни какая-либо другая правительственная статистика по французским мусульманам не существуют. Согласно французскому законодательству сбор персональной информации, базирующейся на расовой, национальной и религиозной принадлежности, запрещен. Долгое время единственной практикой в отношении иммигрантов во Франции была политика ассимиляции. Ассимиляция по-французски означала, что любой человек, желающий постоянно проживать во Франции и получить французское гражданство, должен был принять поведенческую модель местного сообщества и желательно жениться на француженке/выйти замуж за француза. Не способствует верному пониманию численности мусульман во Франции и тот факт, что, после того как человек натурализовался во Франции, в официальном понимании он больше ни иммигрант и ни представитель национального или религиозного меньшинства¹. Так из поля зрения исследователя уходят иммигранты, приехавшие в 1960–1980-х годах. Сколько из них сохранили приверженность исламу, неизвестно.

На помощь исследователю приходят независимые исследовательские центры, коммерческие аналитики, а также мусульманские общественные организации, которые собирают информацию по своим каналам и проводят различные соцопросы. Также возможны перекрестные сравнения общеевропейской и национальной статистики. В официальных кругах господствует точка зрения, что количество мусульман-французов примерно равно количеству мусульманских иммигрантов (тех, кто родился за границей в исламских странах). Ежегодник статистических данных ЦРУ за 2017 год оценивает численность мусульман во

Франции как 7–9% населения (на июль 2017 года – 67,1 млн. чел.) [5]. Согласно докладу Высшего совета по интеграции, во Франции уже в 2000 г. проживали 4 млн. мусульман [6, p. 33]. «Википедия», ссылаясь на директора Национального института демографических исследований (INED) Франсуа Эрана, дает цифру в 8,4 млн. мусульман в 2017 году². С этой цифрой хорошо коррелирует оценка 8,5 млн. человек, приведенная в новейшем серьезном исследовании Жан-Поля Гуревича «Реальные проблемы миграции» [7, p. 176]. Однако Азуз Бегаг, бывший министр равенства (2005–2007 гг.), используя такие различия в уровне религиозной практики, как «мусульманская религия» и «мусульманская культура», введенные в оборот Высшим советом по интеграции, полагает, что людей, принадлежащих к «мусульманской культуре», во Франции 2017 года должно быть около 15 млн. человек.

Как показал опрос 2008–2009 гг., во Франции среди взрослых иммигрантов доля относящих себя одновременно к французам и к своей этнической группе составляет 45%, среди детей иммигрантов, родившихся за пределами Франции, – 58%, а среди детей иммигрантов (оба родителя – иммигранты), родившихся во Франции, – 66% [8]. Расселяются французские мусульмане чаще всего внутри и вокруг трех крупнейших городов – Парижа, Марселя, Лиона. Именно в этих городах находятся пять больших «соборных» мечетей. В Лилле, Тулузе, Марселе мусульмане составляют не менее 20% населения, а в одном только департаменте Сена – Сен Дени, входящем в парижскую агломерацию, по данным его префекта, проживают 700 000 мусульман, и имя Мухаммед является наиболее распространенным среди жителей. В ходе опроса Национального института статистики и экономических исследований (INSEE) 2015 года были опрошены 9000 учеников средних школ, 25,5% назвали себя мусульманами [9]. Опрос школьников на самом деле весьма показателен. По данным социологов, половина мусульманского населения во Франции сегодня – это дети и подростки до 24 лет³.

¹ Иммигрантом во Франции считается человек, родившийся за пределами Франции у родителей нефранцузского гражданства, а также дети, рожденные во Франции в семьях иммигрантов.

² Islam en France. Wikipedia URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Islam_en_France

³ Islam en France. Wikipedia. URL https://fr.wikipedia.org/wiki/Islam_en_France#Démographie

Так же как и во Франции, большинство исповедующих ислам в Великобритании сосредоточены в мегаполисах. 76% мусульманского населения Англии приходится на районы Большого Лондона, Бирмингема, Манчестера. Мусульмане в Лондоне составляют 12,4% населения, а всего в Великобритании 35 административных округов, где приверженцы ислама составляют 10 и более процентов населения. Среди людей, назвавших себя мусульманами, дети и подростки до 15 лет составляли 33%. Это большой демографический ресурс. В целом всё мусульманское население является молодым и быстро растущим: около 60% – это люди моложе 30 лет. Вследствие расселения по этническому признаку в некоторых городах появились районы, где концентрация мусульманских детей составляет более 50% [3]. Это иллюстрирует *таблица*.

Вообще иммигранты редко расселяются дисперсно, так как объединение в группы, создание этнических анклавов отвечает их потребностям выживания и адаптации в новой социально-экономической, политической и культурной среде принимающего общества [10, с. 150]. Но степень концентрации этнических общин в одном месте проживания неодинакова для Англии и Франции. Модель **этнически обусловленного расселения** доминирует в Великобритании, причем она характерна для трех основных этнических общин – индийцев, пакистанцев, бангладешцев. Ареал расселения группы расширяется главным образом из-за увеличения ее численности. Так, около 40% бангладешцев Лондона проживает в одном из его 33 районов – Тауэр-Хэмлетс, составляя там не менее трети мусульманского населения

[11, с.15]. Определяющим фактором расселения является скорее принадлежность к этнической группе, нежели социальный статус. Другая модель, которая, как показал в своем исследовании А.В Капралов [11], более характерна для французского социума, это **модель социально обусловленного расселения**. Она предполагает расселение иммигрантов в зависимости от уровня их дохода и сферы занятости. Здесь возможны как дальнейшая социальная интеграция иммигрантов и их равномерное расселение, так и концентрация богатых иммигрантов в престижных районах и массы неимущих иммигрантов в бедных районах [11, с. 15]. В нашем случае более распространен второй вариант, особенно это заметно в Париже и его пригородах. Изначально большинство иммигрантов имеют более низкий социальный статус, чем коренное население, они сконцентрированы в районах с минимальной стоимостью аренды жилья. Но этнические группы в Париже проживают не изолированно в этнических кварталах, а в многонациональных районах со смешанным арабским, черным африканским и белым французским населением.

Возникновение социально неблагополучных районов очень опасно, так как именно в них скапливается наиболее проблемная во всех отношениях часть населения. Основные характеристики таких «гетто» – высокий уровень безработицы, низкие доходы, разгул преступности, распространение наркомании. Правда, в Лондоне существует другая проблема – «этнические анклавы» (иногда даже богатые этнические районы), где иммигранты существуют в своем мире, воспроизводящем условия страны происхождения, где они могут существо-

Количество молодых мусульман в городских районах Бирмингема, 2011 г.

Район	Дошкольный возраст, 0–4 года			Школьный возраст, 5–15 лет		
	Всего, чел.	Мусульман	% мусульман	Всего, чел.	Мусульман, чел.	% мусульман
Washwood Heath	3 520	2 935	83,4	7 650	6 547	85,6
Bordesly Green	3 660	2 979	81,4	7 798	6 531	83,8
Sparkbrook	3 282	2 670	81,4	6 715	5 526	82,3
Springfield	3 012	2 261	75,1	6 020	4 510	74,9
Aston	3 190	2 109	66,1	6 046	4 173	69,0
Lozells and E. Handsworth	2 874	1 750	60,9	6 012	3 749	62,4
Nechells	3 322	2 086	62,8	5 677	3 710	65,4
Hodge Hill	2 657	1 562	58,8	5 363	3 136	58,5
South Yardley	2 898	1 427	49,2	5 320	2 638	49,6

Источник: Census 2011. ONS Table DC2107EW

вать более или менее изолированно от коренных британцев и поддерживать традиционный стиль жизни [11, с. 20].

Анализ практики трудоустройства и уровня доходов мусульманских иммигрантов в Великобритании и Франции в 2000–2017 гг.

Трудно поспорить с тем, что социально-экономическое неблагополучие (плохие жилищные условия, высокий уровень безработицы, трудности в получении образования и пр.), а также дискриминация из-за вероисповедания приводят к взрывоопасным последствиям и усилению исламского экстремизма. По мнению многих ученых, все значительные выступления мусульман, сопровождавшиеся применением насилия, например в 2005 и 2011 г., были вызваны прежде всего социально-экономическими, а не религиозными факторами. Поэтому в нашем исследовании крайне важен вопрос экономической интеграции мусульманских мигрантов и степени эффективности государственных мер по ограничению дискриминации по расовому или религиозному признаку в сфере занятости.

Данные об экономической активности населения в Великобритании в 2011 году показывают, что 19,8% исламского населения имело полную занятость (всё население – 34,9%), 7,2% мусульман являлись безработными (в сравнении с 4,0% общей безработицы по стране) [4, р. 19]. Мусульманское сообщество страны считает подобные показатели результатом расовой дискриминации и исламофобии. В 2003 году, признавая эти негативные явления, правительство приняло Положение о равенстве в сфере занятости (The Employment Equality Religion or Belief Regulations), основные статьи которого позднее подтвердил Закон о равенстве 2010 года (Equality Act) [12]. Надо отметить, что ситуация с трудоустройством мусульман улучшается. Так, по данным Министерства национальной статистики (Office for National Statistics) за 2004 год, без работы были 13% мусульман, что превышало показатели среди христиан в три раза. Мусульмане в возрасте от 16 до 24 лет давали самый высокий уровень безработицы – 28% (среди христиан этого возраста безработица была значительно меньше – 11%). Согласно последней переписи процент мусульман, не имеющих профессии, существенно уменьшился за 10 лет – с 39 до 26% [4, р. 60]. В 2011 г. число мусульман-выпускни-

ков университетов оказалось лишь незначительно меньше, чем в среднем по стране: 24% против 27%. В целом заметно серьезное повышение уровня образования среди некоренного населения.

В 2011 г. доля занятых женщин-мусульманок составила 29% по сравнению с 50% в целом по стране. Доля мусульманок в возрасте от 16 до 74 лет, ответивших, что они полностью заняты домом и семьей, составила 18%, что в три раза превышает средний национальный показатель [4, р. 62]. Это во многом связано с тем, что в исламском мире большинство женщин после замужества отдают приоритет семье, но немалое значение имеет и то, что они всё ещё чувствуют определенную дискриминацию при приеме на работу [4, р. 63]. Однако довольно велик процент мусульманок среди студенток вузов – 43%, в некоторых муниципалитетах доля исламских женщин, обучающихся полный день, превышает долю мужчин-мусульман. Довольно внушительно выглядят данные об удельном весе мусульман, занятых в высшем менеджменте и высокооплачиваемых профессиях, – 5,5% против 7,6% по всему населению. 9,7% мусульман являются самозанятыми или работают в мелком бизнесе, что практически идентично доле всех самозанятых по стране (9,3%) [4, р. 64].

Для изучения материального положения мусульманских иммигрантов весьма полезен доклад JRF (Joseph Rowntree Foundation) «Снижая уровень бедности в Соединенном Королевстве», вышедший в 2014 г. Одна из статей называется «Религия и бедность». Это редкий случай, когда исследуется взаимосвязь вероисповедания и материального благополучия, обычно все исследования берут за основу этническое происхождение субъектов. База исследования довольно внушительна, она насчитывает 60 925 респондентов, которые отвечали на вопросы о религиозной принадлежности [13]. Согласно исследованию фонда JRF, в группе самых бедных жителей Королевства больше всего мусульман. Уровень бедности доклад характеризует как менее 60% от медианного годового дохода семьи, который по итогам 2017 года составил 27 300 фунтов стерлингов [14].

По приведенным выкладкам, 50% мусульман живут в бедности. В то же время самая благополучная группа – иудеи, там процент бедных не превышает 13%. Для сравнения

приведём и другие группы: доля бедных у сикхов — 27%; индуистов — 22%; католиков — 19%; англикан — 14%; лиц, не относящих себя ни к одной религии — 18% [13, р. 34]. По мнению авторов, причины бедности кроются в самой истории мусульманской иммиграции в Великобританию и в первую очередь объясняются тем, что речь идет об иммигрантах первого поколения. Среди важнейших причин бедности указываются также недостаточное владение английским языком, количество малолетних детей в семье, что препятствует трудоустройству матерей и снижает подушевой доход. Основной контингент беднейших представителей мусульманских общин дают выходцы из Пакистана и Бангладеш. Большинство иммигрантов из этих стран не имели профессиональной квалификации, а их английский оставял желать лучшего. Однако уже во втором поколении эти иммигранты добиваются гораздо лучших экономических показателей. Сложнее обстоит дело с трудоустройством женщин, так как в традиционной среде этих групп принято, чтобы женщины занимались детьми и домашним хозяйством. Совет мусульман Британии признает, что у незамужней исламской женщины шансов трудоустроиться в 1,5 раза больше, чем у замужней [4, р. 63].

Таким образом, авторы доклада не считают основной причиной низких доходов приезжих из Пакистана и Бангладеш этническую или религиозную дискриминацию, упоминая, впрочем, о том, что религиозный фактор приобретает значение, если потенциальный кандидат предпочитает носить национальную одежду, резко выделяющую его на общем фоне, или как-то иначе подчеркнута демонстрировать свою религиозность. Авторы также отмечают, что риск попасть в число бедных у мусульман намного больше, чем у других групп, но при этом не совсем понятно, чем это обусловлено.

К сожалению, мы не располагаем сопоставимыми статистическими данными по мусульманскому населению Франции. Однако несомненно, что иммигранты находятся в очень уязвимой ситуации на рынке труда, так как уровень безработицы во Франции значительно выше, чем в Великобритании. В 2015–2016 гг. он варьировался от 9,7 до 10,2% [15]. В 2017 году число официально зарегистрированных безра-

ботных равнялось 3,55 млн. человек. Процент мусульман среди них неизвестен. Большинство исследований косвенно подтверждают, что процент занятых мусульман значительно ниже средних показателей по стране. Так, в 2014 г., в зонах их компактного проживания, в депрессивных районах, уровень безработицы лиц от 15 до 64 лет составлял 26,7% против 10% в среднем по стране [16]. Хотя миграционный кризис в Европе не так сильно затронул Францию, как Италию или Германию, но, по данным Евростата, число вынужденных мигрантов из мусульманских стран также увеличилось: с 64 тыс. в 2014 г. до 84 тыс. в 2016 г. [17]. Поскольку приток гуманитарных мигрантов не соотносится с потребностями рынка труда, это осложняет решение проблемы трудоустройства новоприбывших.

Низкий уровень образования мигрантов существенно ограничивает возможности их включения в производство — главным образом нестабильными, низкооплачиваемыми местами с плохими условиями труда и повышенным риском оказаться на улице. По данным Евростата, во Франции в 2016 г. 42% приезжего населения в возрасте 15–74 лет не имели полного среднего образования, тогда как в ЕС в целом — только 35%; уровень безработицы уроженцев других стран этого возраста составлял 17%. В 2015 г. 24% приезжих старше 18 лет считались бедными, поскольку их доходы были ниже 60% медианного уровня доходов в стране, 10% страдали от тяжелой материальной депривации (Eurostat, 2017). Ограниченный доступ мигрантов на рынок труда существенно затрудняет их социально-экономическую интеграцию и мобильность [18, с. 20].

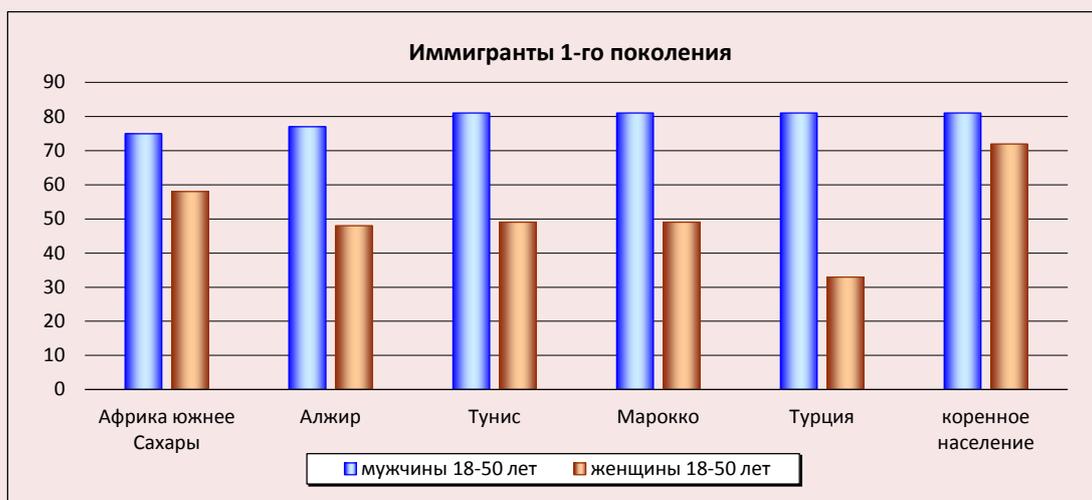
Некоторое представление об экономической интеграции мусульманского населения можно получить из совместного исследования национальных институтов INSEE и INED, которое проводилось в 2008–2010 гг., под поэтическим названием «Пути и истоки»⁴, целью которого было установить связь условий жизни и возможностей продвижения индивидов в обществе с социальным и этническим (иммигрантским) бэкграундом [19]. Исследование охватило 21 000 человек различных возрастов и судеб:

⁴ «TRAJECTOIRES ET ORIGINES». В отечественной литературе есть разные варианты перевода.

как иммигрантов и их детей, так и коренных французов. Основной идеей этого грандиозного опроса было установить, в какой степени иммигранты могут использовать ресурсы и возможности французского государства и общества для успешной интеграции и личностного роста. Для этого предполагалось определить динамику дифференциации и гомогенизации

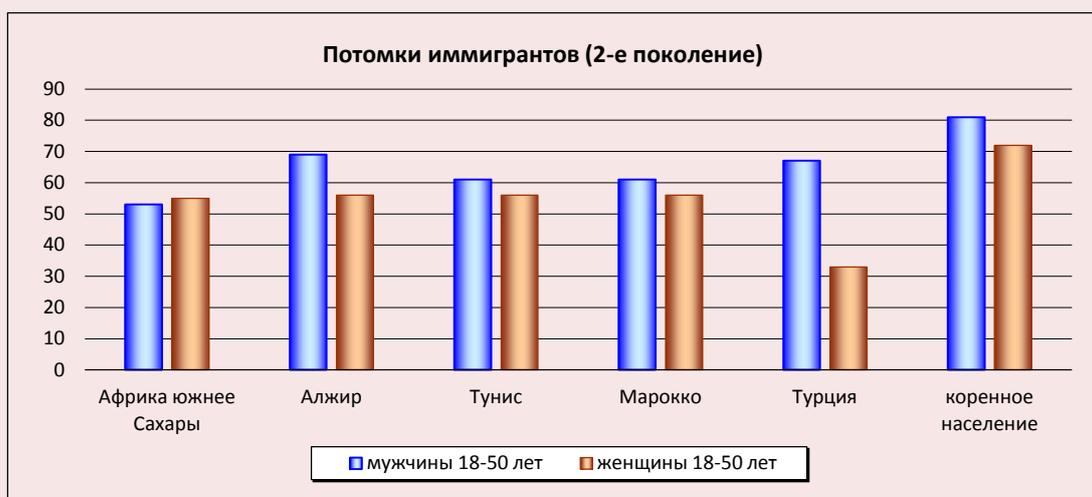
внутри одной группы и между группами. Участники опроса рассказывали о своих родителях и странах происхождения, уровне достатка, образовании, профессии, семейном положении. Опрос подтвердил, что самый низкий процент занятости среди выходцев из Марокко, Алжира, Туниса, Турции, Африки южнее Сахары. Графически эти данные представлены на рис. 2 и 3.

Рис. 2. Занятость французских иммигрантов по странам происхождения (в % от численности), 2009 г.

Источник: составлено по данным INED и INSEE (Trajectories and Origins. Survey on Population Diversity, 2010 in France).

Рис. 3. Занятость второго поколения французских иммигрантов по странам происхождения (в % от численности), 2009 г.

Источник: составлено по данным INED и INSEE (Trajectories and Origins. Survey on Population Diversity, 2010 in France). Available at <https://teo-english.site.ined.fr/>

Сравнение поколений показывает, что занятость женщин растет, но в целом дети иммигрантов во Франции остаются без работы чаще, чем их родители. В чем тут дело? На этот важный вопрос нет однозначного ответа. Похоже, что дело не в молодости второго поколения. Три четверти иммигрантов первого поколения, участвовавших в опросе, въехали в страну в возрасте до 30 лет и, тем не менее, были востребованы на рынке труда. Мало того, при сравнении возрастных групп 18–30 и 31–50 лет выяснилось, что риск потерять работу увеличивается после 30 лет; например, для выходцев из Алжира он оказался в 2 раза выше, чем у коренного населения, а для выходцев из Турции — в 1,6 раза.

Несмотря на то что вопрос о религии задавался всем респондентам INED/INSEE, исследование акцентировано на специфике интеграции различных этносов. Насколько правомерна эта проекция на лиц мусульманского вероисповедания? Здесь мы руководствуемся представлением об исламе как весьма стойкой традиционной религии, значение которой, как и число последователей, неуклонно растет. Можно предположить, что не менее 80% иммигрантов из стран Магриба и их потомков считают себя мусульманами. По данным исследования, проведенного французским Институтом общественного мнения (IFOP) для газеты «La Stoix» в 2011 году, верующими называли себя 75% выходцев из мусульманских стран.

Важными базовыми критериями при приеме на работу являются уровень квалификации и владение языком страны пребывания. Среди иммигрантов, прибывших во Францию в 1990–2000 годах, около 40% не имели квалификации (не имели никакого или только начальное или неполное среднее образование), в то время как 34% имели высшее образование. Эти показатели намного лучше, чем у иммигрантов первой волны (1960–1970-е гг.), среди которых 76% не имели среднего образования и профессиональной квалификации и только 11% закончили университеты. Многие иммигранты из бывших французских колоний, въезжавшие во Францию, хорошо владели французским языком. На уверенное владение языком указывали 77% выходцев из Западной и Центральной Африки, 53% — из зоны Сахеля, 44% — из североафриканских стран [19, р. 33]. По сравнению с

иммигрантами из Португалии или Турции африканцы имели важное преимущество. Однако, как показывают исследования и соцопросы, именно мусульманские иммигранты чаще всего подвергались дискриминации при приеме на работу.

Нельзя прямо утверждать, что главная причина дискриминации — религия. Во время опроса INED/INSEE большая часть респондентов указала на дискриминацию по цвету кожи и стране происхождения, меньшая часть связывала дискриминацию с вопросами религии, пола или возраста. (Действительно, трудно различать «мусульманскую» и «немусульманскую» стороны проблемы, так как в странах Европы почти все мусульмане являются выходцами из одной страны или одного региона. Например, мусульмане Германии — это прежде всего турки, мусульмане Франции в подавляющем большинстве происходят из стран Магриба.) Однако на наличие дискриминации по религиозным мотивам прямо указывает исследование американской Академии наук (PNAS), опубликованное в декабре 2010 г. Ученые из США проводили «корреспондентский тест», посылая идентичные резюме с арабскими именами и мусульманским бэкграундом и с христианскими именами плюс указанием на участие в работе католических организаций на вакансии ведущего национального рекрутингового агентства, чтобы определить, насколько отличаются возможности трудоустройства и уровень дохода мусульманских иммигрантов второго поколения и французских христиан. Шансов найти работу для мусульманина оказалось в 2,5 раза меньше, чем у христианина. Подобное исследование с похожими результатами в 2013 г. провело Министерство труда. В 2009 г. Институт Открытого общества (Open Society Institute) констатировал усиление религиозной дискриминации: 55,8% респондентов-мусульман и 43% респондентов-немусульман заявили, что в 2009 г. они чаще сталкиваются с расовыми предрассудками, чем 5 лет назад. А 68,7% респондентов-мусульман и 55,9% респондентов-немусульман полагали, что то же самое можно сказать о религиозных предрассудках. При этом более 90% всех респондентов считали, что именно мусульмане страдают от религиозных предрассудков общества [20].

По данным исследований Института Мон-теня, проведенных в 2013–2014 гг., 44% иммигрантов второго поколения хотя бы раз в жизни сталкивались с дискриминацией. Среди претендентов на трудоустройство с одинаковым уровнем профессиональной квалификации шансы быть вызванными на собеседование с работодателем у католиков на 30% выше, чем у иудеев, и в два раза выше, чем у мусульман, особенно мужчин-мусульман, которым для приглашения на собеседование потребовалось выслать в четыре раза больше анкет, нежели католикам [21]. Предприниматели игнорируют лиц другой расы при подборе кандидатов для работы с клиентами или на руководящие посты. Несмотря на то что закон «О равенстве шансов» 2006 г. позволяет набирать кадры по анонимным анкетам, использование последних не практикуется. По данным опроса INED/INSEE, сфера экономической активности мусульман чаще всего ограничена работой в строительстве (25% – первое поколение, 16% – второе), в промышленности (17 и 16%), а также в сфере обслуживания (HoReCa – 53 и 59%) [22, р. 8]. Женщины-мусульманки чаще всего находят работу в социальной сфере и в здравоохранении. Мусульмане очень слабо представлены на государственной службе – там их в 10 раз меньше, чем представителей коренной нации.

В начале 2015 г. глава правительства Мануэль Вальс заявил о существующем в стране «территориальном, социальном и этническом апартеиде», признав наличие дискриминации по расовому и этническому признакам. Мы уже упоминали о модели «социального расселения», свойственной французским иммигрантам: неблагополучные окраины, которые после 1 января 2015 г. стали именовать «приоритетными зонами», несмотря на все усилия государства, продолжают лидировать по доле безработных, особенно среди молодежи. В 1500 приоритетных зонах проживают 5,5 млн. чел., из которых более половины – иммигранты первого и второго поколения. Особенно уязвимыми оказываются те представители меньшинств, которые сумели подняться над своей социальной средой и получить хорошее образование. Как подчеркивается в докладе исследовательского центра Национальной обсерватории городской политики 2015 г., обладатели дипломов о высшем образовании старше 30 лет имеют на

22% меньше шансов на трудоустройство по специальности, если они проживают в приоритетной городской зоне. Живущие в мигрантских районах мусульмане значительно религиознее тех, кто рассеян по смешанным районам, мусульманские предписания в пище и рамадан соблюдают 90% молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет. Неудачи в социально-экономической интеграции мигрантов, чувство социальной сегрегации приводят к тому, что молодежь окраин противопоставляет ислам республиканским ценностям.

В Великобритании, наоборот, влияние территориального фактора на уровень безработицы не зафиксировано, однако среди прочих факторов присутствует дискриминация по расовому признаку и исламофобия. В ходе исследования, предпринятого по поручению Департамента труда и пенсионного обеспечения, было выслано около 3000 заявлений на 987 вакансий с фальшивыми резюме под именами Назия Махмуд, Мариам Намагембе и Элисон Тейлор. Все три кандидатки имели британское образование, очень похожую квалификацию и опыт работы. Элисон Тейлор получала положительный отклик работодателей в каждом девятом случае, в то время как кандидатки с «небританскими» именами получали отклики только на каждом шестнадцатом месте работы⁵.

Самое свежее и интересное статистическое исследование об экономическом неравенстве мигрантов в Великобритании – исследование университета Эссекса, проведенное в 2015–2017 гг. по поручению Комиссии по правам человека с целью изучить разрыв в оплате труда белых британцев и представителей цветных меньшинств, выявить области нарушения и призвать к государственному вмешательству, если потребуется [23]. Данные были взяты из ежеквартальных отчетов Национального статистического бюро (Labour Force Survey) [24]. Это единственный источник, фиксирующий этническое происхождение работников. Насколько применимы данные по этническим меньшинствам к мусульманам, так как вопрос религиозной принадлежности в исследовании не ставился? По переписи 2011 года среди черного и

⁵ Undercover job hunters reveal huge race bias in Britain's workplaces. The Guardian. 11.09.2009. URL: <https://www.theguardian.com/money/2009/oct/18/racism-discrimination-employment-undercover>

цветного населения Великобритании 31,6% мусульман, то есть каждый третий [25]. Некоторые этнические группы, например пакистанцы, бангладешцы, сомалийцы, являются почти полностью мусульманскими. Поэтому мы считаем допустимым в определенных пределах экстраполировать данные исследования о разрыве в оплате труда среди национальных меньшинств на мусульманское население Великобритании.

Понятно, что разрыв в оплате труда – стойкий феномен. Этнические меньшинства всегда зарабатывали меньше, чем коренное население. Часто это определяется социальным бэкграундом, но иногда и просто дискриминацией. Уже неоднократно мы упоминали о том, что новоприбывшие плохо знают язык, недостаточно квалифицированы, незнакомы с культурой Англии. Но исследования показывают, что часто мигранты работают в низкооплачиваемых отраслях, обладая более высокой квалификацией. В 2002–2014 г. белые британцы обоего пола зарабатывали больше остальных в 70% случаев, но имеющийся разрыв сильно варьируется в различных этнических группах, также очень различается оплата труда женщин и мужчин. Доходы существенно зависят от места рождения – Соединенное Королевство или другая страна. Правда, есть исключения: например, индийские и китайские мужчины независимо от места рождения зарабатывают одинаково с белыми британцами. Но родившиеся за рубежом пакистанцы и бангладешцы резко выделяются в худшую сторону [23, р. 8]. Так, мужчина, приехавший из Бангладеш, получает в среднем на 48% меньше. Его сыновья, родившиеся в Британии, уменьшают разрыв примерно до 26%. Такая же картина по пакистанцам – 31 и 19%.

У женщин положение с оплатой труда неоднозначно. Женщины из Бангладеш и Пакистана получают на 12% меньше среднего заработка белого большинства, другие этнические группы не делают существенной разницы, или иммигрантки имеют более высокий уровень оплаты. Так, черные африканки получают на 21% больше своих белых конкуренток [23, р. 55].

В чем состоят возможные изъяны подобного отчета? Он дает представление только о работе по найму за зарплату. Не учитываются самозанятые, а также игнорируется дополнитель-

ный заработок (неосновная работа), а только самозанятых мусульман в Великобритании 10%. Нельзя ограничиваться только цифрами и полагать, что разница в оплате обусловлена этнической дискриминацией. Надо принимать во внимание полный спектр деловых качеств, которые ценятся работодателями. Только если разница в оплате никак не объяснима, можно говорить о дискриминации. В чем авторы отчета видят основную причину разрыва в уровне оплат? Как бы не казался соблазнительным простой тезис, что этнические меньшинства получают меньше из-за расовой дискриминации, вырисовывается несколько иная картина. Выясняется, что меньшинства тяготеют к определенным профессиям, а точнее сказать, сферам занятости, и во многом именно этим тяготением обусловлен уровень оплаты их труда.

Рассуждая о положении с оплатой труда мусульманских меньшинств во Франции, можно воспользоваться уже упомянутым проектом INED/INSEE от 2008–2009 г. По данным опроса, из трудоустроенных мигрантов 97% мужчин работали полный день, но среди женщин так трудились только около 70%. 88% экономически активных мужчин и 92% женщин работали как наемные сотрудники за зарплату. На этом фоне резко выделялись выходцы из Турции – 74% иммигрантов первого поколения и 83% их сыновей работали по найму, остальные были самозанятыми [19, р. 69].

Чтобы выразить в цифрах разрыв в оплате труда, французские исследователи изучали почасовую оплату мужчин и женщин при полном и неполном рабочем дне, попутно выясняя, является ли неполная занятость желанной или вынужденной. Они пришли к любопытному выводу, что по совокупности факторов (страна происхождения, уровень владения языком, квалификация, род занятий и т.д.) большинство иммигрантов получают зарплату, сопоставимую с зарплатой этнических французов. Но, чтобы прийти к этому выводу, понадобилось сделать факторный анализ статистических данных.

Относительный уровень зарплат у мигрантов из всех стран, кроме Испании, Италии и Португалии, был ниже, чем у коренного населения. Меньше всех зарабатывали мужчины-турки и африканцы. У женщин отличие в оплате с коренным населением наблюдалось только у турчанок. Пытаясь объяснить, чем объясняет-

ся разрыв в оплате, исследователи построили 4 модели, начав с базовой статистики и каждый раз усложняя факторный анализ. Так, в чистом статистическом выражении выходцы из Алжира имели доход на 13% меньше, чем коренные французы. Когда добавляли показатели образования, профессиональной квалификации, то получалось минус 16%. При введении других признаков, например времени нахождения во Франции, уровня владения языком, наличия гражданства, разрыв уменьшался до минус 7%, а при добавлении совсем специфических требований навыков и опыта работы разница в зарплате сокращалась до 1–2% [19, р. 71–72]. Таким образом, по эконометрической модели получилось, что дискриминация несущественна.

На наш взгляд, всё-таки нельзя сводить всё своеобразие экономических характеристик мигрантов к математическим моделям. В отношении мусульманских меньшинств работает целый ряд факторов и условий, которые не исчерпываются скупой статистикой. Главное здесь – понять, почему для мусульман во Франции плохо работают социальные лифты. Ведь их заработки отличаются не столько потому, что мусульманам или вообще нацменьшинствам меньше платят, а потому, что в большинстве своем они заняты в низкооплачиваемых секторах экономики. В том же отчете отмечается, что дети мигрантов, например из Алжира или Туниса, часто наследуют род деятельности родителей, хотя и демонстрируют некоторое повышение квалификации, в частности переходя от чисто ручного труда к частично автоматизированному ручному труду. Это наводит на размышление о степени эффективности французской политики в отношении мусульманских мигрантов.

Заключение

Экономическая интеграция мусульман является основополагающим элементом в комплексе связей иммигрантов и принимающего общества. Автором предпринята попытка обоб-

щения и анализа разноплановых статистических данных за 2001–2017 гг., полученных в результате опросов мусульманского населения, прежде всего иммигрантов первого и второго поколения из стран Азии и Африки, легально проживающих в Великобритании и Франции. Этот анализ позволяет сделать некоторые осторожные выводы о достигнутом к настоящему времени уровне социализации этих религиозных меньшинств.

В Великобритании и Франции исторически реализуются разные модели социально-экономического взаимодействия с иммигрантскими меньшинствами, но и там и там включение в хозяйственную жизнь носит медленный и неполный характер. Основными проблемами на сегодняшний день являются резкий рост численности мусульманских общин, относительно низкий уровень образования и квалификации новоприбывших, их неготовность к интеграции и аккультурации. Это выражается в концентрированном расселении и создании этнических кварталов, воспроизведении традиционных этнических сфер трудоустройства, что является серьезной проблемой как для экономической интеграции, так и для включенности мусульман в гражданские общества принимающих стран.

Второе поколение британских мусульман демонстрирует серьезное улучшение своего статуса и уровня дохода, особенно ярко выделяются родившиеся в Великобритании. 73% мусульман уверенно выбирают понятие «британцы» как свою культурную идентичность. Во Франции мы наблюдаем обратную картину. Дети иммигрантов не улучшают своего социально-экономического статуса относительно статуса своих родителей, или положительные изменения малозаметны. С определенной долей уверенности можно говорить, что политика Великобритании по отношению к мусульманским меньшинствам является более взвешенной и дает лучшие результаты.

Литература

1. *Europe's Growing Muslim Population. Demographic Study*. November 2017. Pew Research Center. Available at: <http://www.pewforum.org/2017/11/29/europes-growing-muslim-population/>
2. *Muslims in European Union. Discrimination and Islamophobia*. EUMC, 2006.
3. *2011 Census Data*. Office for National Statistic. Available at: <https://www.ons.gov.uk/census/2011census/2011censusdata>

4. *British Muslims in Numbers. A Demographic, Socio-economic and Health profile of Muslims in Britain drawing on the 2011 Census.* The Muslim Council of Britain, January 2015. Available at: http://www.mcb.org.uk/wp-content/uploads/2015/02/MCBCensusReport_2015.pdf
5. *The World Factbook.* CIA, 2017. Available at: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/fr.html>
6. Понкин И. Ислам во Франции. М., 2005. 196 с.
7. J.-P. Gourévitch *Les véritables enjeux des migrations.* Monaco, 2017, 220 p.
8. Simon P. French National Identity and Integration: Who Belongs to the National Community. Washington, DC: Migration Policy Institute. 2012.
9. *Être né en France d'un parent immigré.* INSEE, Enquête emploi de 2015, enquête annuelle de recensement de 2015. Available at: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/3303358?sommaire=3353488>
10. Kastorjano R. Integration und Suche nach kollektive Identitaet von Einwanderervereinigungen in Frankreich // Migration und Staat / Hrsg. von R. Leveau, W. Ruf. Muenster, 1991. Цит. по А.И. Куропятник «Иммиграция и национальное общество: Франция» Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. № 4. С. 1–38.
11. Капралов А.В. Расселение иммигрантов в крупнейших городских агломерациях зарубежной Европы: автореф. дис. на соиск. уч. степ. канд. географ. наук. М., 2009.
12. *Equality Act 2010.* Available at: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2010/15/pdfs/ukpga_20100015_en.pdf
13. *Reducing Poverty in the UK: A Collection of Evidence Reviews.* 2014. Joseph Rowntree Foundation. Available at: https://www.jrf.org.uk/sites/default/files/jrf/migrated/files/Reducing-poverty-reviews-FULL_0.pdf
14. *Household disposable income and inequality in the UK: financial year ending 2017.* Available at: <https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/personalandhouseholdfinances/incomeandwealth/bulletins/householddisposableincomeandinequality/latest#median-household-disposable-income-1600-higher-than-pre-downturn-leve>
15. *Conjoncture en France.* March 2017. INSEE. Available at: <https://www.insee.fr/en/statistiques/2662654?sommaire=2662688&q=unemployment>
16. *L'Observatoire national de la politique de la ville (ONPV) 2016.* Rapport annuel 2015. Available at: http://www.onpv.fr/uploads/media_items/rapport-onpv-2015.original.pdf
17. Population by educational attainment level, sex, age and country of birth; Employment rates by sex, age and country of birth; Unemployment rates by sex, age and country of birth. At-risk-of-poverty rate by broad group of country of birth; severe material deprivation rate by broad group of country of birth. *Eurostat.* Available at: <http://ec.europa.eu/eurostat/data/database>
18. Преображенская А. А. Французская модель интеграции иммигрантов: испытание временем. // Человек. Сообщество. Управление. 2017. Том 18 (3). С. 18–36.
19. *INED-INSEE, Trajectories and Origins (TeO), Survey on Population Diversity in France,* 2010. Available at: <https://teo-english.site.ined.fr/>
20. Adida C.L., Laitin D.D., Valfort M.-A. *Identifying barriers to Muslim integration in France.* PNAS December 28, 2010. 107 (52). 22384–22390. Available at: <https://doi.org/10.1073/pnas.1015550107>
21. *Discriminations religieuses a l'embauche: une realite.* Institute Montaigne, 2015. Available at: http://www.institutmontaigne.org/res/files/publications/20150824_Etude%20discrimination.pdf
22. *Emplois, salaires et mobilité intergénérationnelle. Série Trajectoires et Origines (TeO) Enquête sur la diversité des populations en France.* Available at: http://www.ined.fr/fichier/t_publication/1611/publi_pdf1_publi_pdf1_doc.travail.182.pdfNumber:182
23. *The Ethnicity Pay Gap.* Equality and Human Rights Commission. Research Report 108. 2017. Available at: <https://www.equalityhumanrights.com/sites/default/files/research-report-108-the-ethnicity-pay-gap.pdf>
24. *Labour Force Survey.* Office for National Statistics. Available at: <https://www.ons.gov.uk/employmentandlabourmarket/peopleinwork/employmentandemployeetypes/datasets/labourmarketstatusbyethnigroupa09>
25. *2011 Census Analysis: Social and Economic Characteristics by Length of Residence of Migrant Populations in England and Wales.* November 2014. Office for National Statistics. Available at: http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20160107131432/http://www.ons.gov.uk/ons/dcp171776_381447.pdf

Сведения об авторе

Наталья Ивановна Мойса – старший преподаватель, Московская школа экономики МГУ им. Ломоносова, соискатель, Институт Европы РАН (119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, 1, стр. 61; e-mail: moysa@mse-msu.ru)

Moisa N.I.

Economic Integration of Immigrants through Overcoming Inequalities in Employment and Wages. Comparative Analysis of British and French Muslim Communities

Abstract. The issue of immigration management is one of the most complex and relevant both in academic science and practical politics. It polarizes public opinion and provokes fierce debate. One of the most important objective of the domestic policy of countries with a large number of immigrants is effective socio-economic integration of foreign cultural communities and consolidation of the civil society. The article deals with the general issues of integration of Muslim immigrants in the UK and France in the economy; provides data on their number, employment, income and social status compared with the ethnic majority. The information framework of the research includes official statistics, sociological surveys, analytics of government institutions and commissions, reports of well-known research centers and Muslim organizations. Due to the peculiarities of statistics it is impossible to directly compare the situation of British and French Muslims. Moreover, in the UK and France, migrant integration is carried out according to different historical models. The article demonstrates the specific features of each country in migrant resettlement, the position of Muslims in the labor market among various immigrant minorities, the issues of the national policy in fighting against discrimination and Islamophobia. The purpose of the article is to focus on objective quantitative and qualitative indicators of economic activity of Muslim immigrants in the two countries in question to overcome the existing stereotypes and political speculation. Analysis of the economic status of Muslims in the UK and France reveals a significant spread depending on the country of origin, country of birth, belonging to the first or the second generation of immigrants. The article concludes that the UK opens up more opportunities for the economic integration of Muslims than France.

Key words: immigration, Muslims, economic integration of immigrants, the UK, France, employment, labor market.

Information about the Author

Natal'ya I. Moisa – Senior Lecturer, MSU Moscow School of Economics, Candidate, RAS Institute of Europe (1, Leninskie Gory Street, Moscow, 420111, Russian Federation; e-mail: moysa@mse-msu.ru)

Статья поступила 25.07.2018.

Формирование человеческого потенциала детского населения в системе общего образования*

Галина Валентиновна ЛЕОНИДОВА

Вологодский научный центр РАН

Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а

E-mail: galinaleonidova@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0361-2099; ResearcherID: I-7139-2016

Аннотация. Повышение качества человеческого потенциала является приоритетным направлением социально-экономического развития России. От этого зависит решение задач прорывного научно-технологического и социально-экономического развития России до 2024 г., поставленных в национальных проектах. Одним из важных элементов нацпроекта «Образование» является обновление содержания, методов и стандартов образования, включая развитие навыков XXI века и новой грамотности, внедрение современных воспитательных и образовательных практик, ориентированных на повышение самостоятельности и мотивации к знаниям. Все эти задачи, так или иначе, связаны с формированием и развитием человеческого потенциала детского населения России. Численность молодых когорт российского населения сегодня недостаточна для восполнения демографических потерь общества. Поэтому важно сохранять и преумножать человеческий потенциал страны, усиливая эти процессы во всех социальных институтах, в том числе семье, сфере образования, здравоохранения и т.д. Целью статьи является анализ возможностей современной системы общего образования для формирования человеческого потенциала детей, а также качество отношений «родители – школа», «дети – школа». Информационной базой исследования выступили социологические опросы, проведенные ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области. В опросах приняли участие родители, имеющие детей в возрасте от 3 до 17 лет (2018 г.), педагоги общеобразовательных школ (2011, 2015, 2017 гг.). Научной новизной

* Исследование выполнено при поддержке гранта № 18-011-01039 «Инструменты повышения человеческого потенциала детского населения в условиях социально-экономических трансформаций общества».

Для цитирования: Леонидова Г.В. Формирование человеческого потенциала детского населения в системе общего образования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 3. С. 172–188. DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.11

For citation: Leonidova G.V. Human potential formation of children in the system of general education. Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast, 2019, vol. 12, no. 3, pp. 172–188. DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.11

исследования является оценка отношений «родители – школа», «дети – школа», которая показала высокую зависимость формирования и развития интеллектуальных и социальных характеристик детского населения от их качества. Так, у тех детей, чьи родители вовлечены в школьную жизнь детей, показатель сформированности человеческого потенциала выше (0,822 ед.), чем у остальных, даже тех, кто вниманием родителей в принципе не обделен (0,786 ед. – позиция ответов: часто). Исследование показало, что чем реже осуществляются контакты родителей и детей в отношении чтения, тем ниже показатели сформированности человеческого потенциала детей (при постоянном чтении индекс равен 0,840 ед., при очень редких занятиях – 0,781 ед.). Результаты исследования будут полезны для работников сферы образования и организаций, осуществляющих работу с родителями школьников.

Ключевые слова: человеческий потенциал, детское население, родители, сфера общего и дополнительного образования, взаимодействие родителей и школы в воспитании детей.

Введение

Человеческое развитие определяет более 70% национального богатства стран. Основным интегральным измерителем человеческого потенциала является широко признанный в мире Индекс человеческого развития (Human development index, ИЧР)¹. Он рассчитывается² ежегодно (с 1990 г.) в рамках Программы развития ООН и включается Доклад о человеческом развитии в мире (UNDP *Human Development Report*) [1]. Подобные доклады сегодня издаются более 100 стран (Россия – с 1997 г.).

В рейтинге стран в 2018 г. лидирует Норвегия (0,958 ед.). Позиция России [2] – 49-я (табл. 1). Несмотря на то что страна входит в группу с очень высоким уровнем человеческого развития, отставание от стран первой пятерки составляет более 15%. При этом современное положение России в рейтинге скромнее, чем в советский период, – 31 место (0,734 ед.) в 1990 г.

Россия, как и многие страны мира, стремится выйти на траекторию устойчивого развития. Поэтому повышение человеческого потенциала является приоритетным направлением

Таблица 1. Динамика интегрального показателя Индекса человеческого развития ПрООН

Страна	1990 г.	2000 г.	2010 г.	2015 г.	2017 г.	2018 г.
Норвегия	0,850/3*	0,917	0,942	0,948	0,953	0,958/1
Германия	0,801/12	0,868	0,921	0,933	0,936	0,936/5
США	0,860/2	0,885	0,014	0,920	0,924	0,924/14
Япония	0,816/9	0,855	0,885	0,905	0,909	0,909/19
Франция	0,779/20	0,849	0,882	0,898	0,901	0,901/24
Польша	0,712/44	0,785	0,835	0,835	0,865	0,865/33
Россия	0,734/31	0,720	0,780	0,813	0,813	0,816/49
Беларусь	–	0,683	0,792	0,805	0,808	0,811/53
Бразилия	0,611/80	0,684	0,724	0,757	0,759	0,759/79
Китай	0,502/102	0,594	0,706	0,743	0,762	0,762/90
Индия	0,427/113	0,493	0,581	0,627	0,640	0,640/130

* Здесь и далее – место страны в рейтинге.

Источник: Данные официального сайта Программы развития ООН. URL: <http://hdr.undp.org/>

¹ Ранее – индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП).

² Индикатор рассчитывается на основе трех субиндексов: долголетия, измеряемого как продолжительность предстоящей жизни при рождении; образования; уровня жизни, измеряемого на базе ВНД (ВВП) на душу населения на основе паритета покупательной способности. Величина ИЧР позволяет классифицировать страны и регионы в зависимости от уровня человеческого развития. К странам с очень высоким уровнем относятся те, в которых ИЧР больше 0,8; в странах с высоким уровнем ИЧР находится в интервале 0,7–0,8; со средним уровнем – в интервале 0,5–0,7; с низким уровнем ИЧР – меньше 0,5 (даны округленные цифры).

социально-экономического развития страны. Акцент на значимости человеческого потенциала звучит во всех стратегических документах Правительства РФ и программных выступлениях Президента РФ, который неоднократно подчеркивал: «... одно из наших главных конкурентных преимуществ ... эффективное применение знаний и умений людей» [3]. В национальных проектах, утвержденных в 2019 г., также отражена программа действий, направленных на повышение человеческого потенциала России. В неё входят четыре проекта («Здравоохранение», «Образование», «Демография», «Культура») с общим финансированием более пяти триллионов рублей [4]. Одна из целей проекта «Образование» при этом гласит: «Воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций».

Накопление человеческого потенциала начинается с детского возраста. «Именно состояние детского населения, его социально-биологические характеристики являются базой формирования человеческого потенциала и человеческого капитала в современном обществе» [5].

Основной институциональной средой, необходимой для формирования качественного человеческого потенциала детского населения, выступает прежде всего семья, а также образовательные институты, включающиеся, с определенного возраста ребёнка, в процесс социализации его личности.

Образование — это сложное и многогранное общественное явление, сфера передачи, освоения и переработки знаний и социального опыта, что и обеспечивает важность этой сферы для человеческого развития.

Целью статьи является анализ возможностей современной системы общего образования для формирования человеческого потенциала детей, а также качество отношений «родители — школа», «дети — школа».

Основные подходы к исследованию человеческого потенциала детского населения

Широкий интерес к человеческому потенциалу вызван прежде всего условиями усили-

вающейся в мире конкурентной борьбы за этот ресурс [6]. Анализу сущности исследуемого понятия посвящено множество работ отечественных и зарубежных ученых. Эволюция теорий человеческого развития связана с трудами экономистов А. Смита [7], Д. Рикардо, Дж. М. Кейнса, Й. Шумпетера, А. Маршалла [8], Т. Веблена, Т. Шульца [9], Г. Беккера [10], К. Маркса, У. Петти. В них представлены идеи и выводы о месте человека в структуре национального богатства, о его роли в интеллектуальной деятельности, об инвестировании в его развитие. Дальнейшее развитие теоретических положений направлено на более узкую категорию «человеческий капитал», которая рассматривается как результат инвестирования и источник доходов человека в будущем. Позже получила распространение «концепция человеческого развития» (А. Сен [11], М. Уль-Хак [12]), ставшая основой [13] Докладов о человеческом развитии [14].

В российских и зарубежных исследованиях человеческого развития существуют терминологические расхождения. Представители социо-демографической научной школы (Н.М. Римашевская и др.) отмечают, что термин «человеческий потенциал», закрепившийся в России, «содержательно является более точным» [15, с. 83], «в отличие от принятого за рубежом термина “человеческое развитие”». Анализ категории «человеческий потенциал» в трудах отечественных ученых показал, что наиболее употребляемыми компонентами человеческого потенциала исследователи [16] называют *интеллектуальный, творческий, коммуникативный, ценностный и деятельностный*. Причем наибольшее количество характеристик, составляющих основу оценки человеческого потенциала, представлено в теории качества населения, основоположником которой была Н.М. Римашевская. Отличительной особенностью ее социодемографической школы является исследование потенциальных возможностей человека (или популяции) в таких аспектах, как здоровье (физическое, психическое, социальное); профессионально-образовательные способности (интеллектуальный потенциал), культурно-нравственное поведение (социокультурная активность).

Данный подход используется нами в анализе человеческого потенциала детского населения [17]. Отличие от «взрослого» человеческого потенциала состоит в том, что детский потенциал оценивается с позиций сформированности у ребенка тех или иных навыков с учетом возрастной специфики развития:

1) в плане *здоровья* — навыки физической активности, гигиены, соблюдения режима питания и отдыха, поддержания нормального психического состояния, стрессоустойчивости и т.д.;

2) *интеллектуального развития* (навыки, характеризующие сформированность высших психических функций: памяти, мышления, воображения, внимания, в том числе цифровых навыков);

3) *социокультурной активности* (навыки социокультурной адаптации детей — этикет и общение, хозяйственно-бытовое поведение и т.д.).

Следует отметить, что в научной литературе понятие «человеческий потенциал детского населения» не встречается, несмотря на то что активное его формирование происходит именно в детском возрасте при участии основных институтов: семьи, системы образования и здравоохранения.

Детское население чаще исследуется в таких категориях, как здоровье, психическое развитие, адаптация в социуме. Комплексных исследований, оценивающих человеческий потенциал детей в целом, пока не имеется. С этой точки зрения исследование, предпринятое сотрудниками Вологодского научного центра РАН в рамках гранта РФФИ, является уникальным и оригинальным.

В данной статье мы обратимся к одному из социальных институтов, формирующих потенциал детей, — системе общего образования.

Подход к «образованию как к одному из ведущих социальных институтов» провозглашался в свое время психологами (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия), экономистами (Д. Норт, М. Вебер, С.Г. Кирдина, Т. Лукман, Г. Спенсер, С.Г. Струмилин), социологами (Г.Е. Зборовский, Ф.Э. Шереги, Д.Л. Константиновский, Г.А. Чередниченко), а также представителями других общественных наук. В исследовании мы рассматриваем образование с точки зрения институциональной теории, поскольку

ку «... развитие образования ... определяется институциональными характеристиками общества» [18]. Образование как институт выполняет специфический набор функций, ориентированных на определенные общественные потребности:

— передача (трансляция) знаний от поколения к поколению;

— генерирование и сохранение культуры общества;

— социализация личности и ее интеграция в общество;

— содействие воспроизводству и изменению социальной структуры общества, канал индивидуальной социальной мобильности;

— социальный контроль [19].

В научной литературе основные функции образования рассматриваются и более широко: как спектр социально-культурных, социально-экономических и социально-политических позиций. К первому блоку относятся задачи, направленные на развитие духовной жизни общества, сохранение, трансляцию и развитие культурного наследия. Социально-экономические функции связаны с формированием и развитием интеллектуального, научно-технического и кадрового потенциала общества, а также с социальной стратификацией. Реализация социально-политических функций позволяет обеспечить безопасность общества в самом широком ее понимании [20].

Система образования, по определению Ф. Шереги, является «базисным социальным институтом, определяющим уровень научно-технического, экономического и культурного прогресса общества» [21]. В то же время образование рассматривается и в аспекте формирования личности конкретного человека во всех её проявлениях и качествах. «В конечном итоге высшей ценностью и иерархически высшей целью образования являются именно ментальные характеристики и личности, и социума в их естественной взаимосвязи и взаимозависимости» [22]. Как раз последнее и служит предметом анализа проведенного исследования — взаимосвязь и взаимозависимость трех акторов, влияющих на формирование человеческого потенциала, т.е. социокультурных, интеллектуальных характеристик детского населения, — родителей, детей, института образования.

Материалы и методы исследования

Информационной основой исследования являются результаты социологического опроса населения Вологодской области. Сбор эмпирических данных проводился в 2018 г. в форме раздаточного анкетирования родителей детей. Было опрошено 1500 человек, имеющих детей в возрасте от 3 до 17 лет, в городах Вологде и Череповце, в Бабаевском, Великоустюгском, Междуреченском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском районах. Репрезентативность выборки, сформированной на основании статистических данных о возрастном-половом составе населения Вологодской области по состоянию на 01.01.2017 г., была обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением; между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); возрастной структуры детского населения области.

Частично использованы данные мониторинга социального самочувствия и материального положения учителей общеобразовательных школ Вологодской области, проведенного ФГБУН ВолНЦ РАН в 2011, 2015, 2017 гг., и пилотного опроса родителей детей школьного возраста г. Вологды (2018 г.).

Для анализа отдельных аспектов развития человеческого потенциала детей были использованы базы статистических данных Росстата, привлекались источники зарубежных баз данных, а также результаты социологических исследований НИУ ВШЭ и РАНХиГС по соответствующей тематике.

Результаты и их обсуждение

Одной из центральных проблем современного общего образования является формирование мотивации к учебной деятельности. Мотивирующие факторы имеют решающее

значение для достижения позитивных результатов в рамках обучения. Исследователи отмечают большое разнообразие мотивов, влияющих на эффективность обучения, что обусловлено прежде всего возрастными особенностями [23]. Выделяются два кластера учебных мотивов: *познавательные интересы*, связанные с потребностью овладения умениями, навыками и знаниями, и *широкие социальные мотивы*, как ответ на потребность в общении, оценке и одобрении других людей, желание занять определенное место в системе общественных отношений [24]. Родители школьников оценивают эти группы мотивов как равнозначные, в среднем на 3,9 балла по 5-балльной шкале (табл. 2). Требования к личностному развитию детей существенно возросли с введением новых Федеральных государственных образовательных стандартов. Особенно это отмечается в усилении внимания к таким личностным качествам учащихся, как *активность, самостоятельность, инициативность*. Важность развития данных качеств подчеркивается и введенным в национальный проект «Образование» индикатором общественной активности обучающихся «*Численность обучающихся, вовлеченных в деятельность общественных объединений на базе образовательных организаций общего образования, среднего и высшего профессионального образования*», который должен возрасти к 2024 г. в 8 раз (с 1,61 до 8,8 млн. чел.) [4].

Сформированность самостоятельности как одного из волевых качеств личности оценивается родителями-респондентами достаточно высоко – 3,9 балла из пяти. Однако это не самый высокий балл. Более всего у детей, по оценкам их родителей, развита любознательность (выше 4-х баллов; рис. 1). Такие качества, как настойчивость, дисциплинированность,

Таблица 2. Оценка родителями значимости учебных мотивов для ребёнка по 5-балльной шкале, средний балл

Учебные мотивы	Средний балл
Личностные (чувство самоуважения и честолюбия, стремление к авторитету среди сверстников)	4,0
Социальные (осознание социальной значимости учения, понимание значения учения как развивающего личность, потребность в развитии мировоззрения и миропонимания и др.)	3,9
Познавательные (интерес к получению знаний, любознательность, стремление к развитию познавательных способностей, получение удовольствия от интеллектуальной деятельности и др.)	3,9
Источник: данные социологического опроса родителей школьников, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018 г.	

Рис. 1. Оценка родителями степени проявления у детей волевых качеств личности, средний балл по 5-балльной шкале

Источник: данные социологического опроса родителей школьников, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018 г.

целеустремленность, совесть, смелость, респонденты оценили на 3,8 балла. А инициативность развита в меньшей степени (3,7 балла), и это повод задуматься. Тем более что эта характеристика не является преобладающей не только в среднем по выборке, но и в старших возрастах (11–14 и 15–17 лет).

Мотивация к учебной деятельности во многом зависит от отношения ребенка к образовательным институтам (детсаду, школе, профессиональным заведениям), от качества взаимосвязи «дети — школа». Формирование человеческого потенциала детского населения

в образовательных организациях должно сопровождаться комфортной внешней средой, от которой зависит то, с каким настроением ребенок идет учиться. Исследование показывает, что в целом у школьников преобладает позитивный настрой (табл. 3): более трети опрошенных родителей (36%) заявляют, что их ребенок положительно относится к школе. Ещё у 46% детей наблюдается доброжелательное отношение к школе, правда иногда оно зависит от настроения. Наиболее позитивный настрой — у череповецких детей, судя по оценкам их родителей (48%).

Таблица 3. Оценки родителей, касающиеся отношения их детей к школе (для родителей, имеющих детей 3–6 лет, вопрос касался посещения детского сада), %

Варианты ответов	Вологда	Череповец	Районы	Область в целом
Относится к посещению школы крайне отрицательно, периодически пропускает занятия (в 3...6 лет: Нет, постоянно утром плачет, не хочет расставаться с семьёй)	2,6	2,9	5,1	3,9
Равнодушно относится к школе, посещает её без особого удовольствия (в 3...6 лет: Не желает ходить в детский сад, не плачет, но выражает недовольство)	11,2	9,4	19,3	14,5
Зависит от настроения, но в целом отношение к школе положительное (в 3...6 лет: Зависит от настроения; зависит от того, какой воспитатель работает в этот день)	48,2	39,9	47,6	45,8
Позитивно относится к школе, всегда посещает её в хорошем настроении (в 3...6 лет: Да, всегда идёт в садик в хорошем настроении)	38,0	47,7	27,9	35,8

Источник: данные социологического опроса родителей школьников, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018 г.

Наименьший позитив в отношении к школе характерен для школьников сельских районов области. Как представляется, это не является случайной оценкой. Известно, что прошедшая в недалеком прошлом оптимизация социальной сферы более жестко коснулась именно сельской инфраструктуры (всего же в период 1990–2016 гг. сеть школ в области сократилась более чем в 2 раза – с 835 до 366 ед. [25]). Увеличившиеся расстояния между местом жительства и местом получения образования, в том числе и школьного, стали позиционироваться в качестве основных причин миграционных настроений населения региона. Согласно исследованиям ФГБУН ВолНЦ РАН, перемещения молодежи в большинстве случаев связаны с получением образования (41,4%) [26]. Желание обеспечить ребенка более доступным качественным образованием заставляет семьи принимать решение об отъезде. В результате сельские поселения всё более пустеют и обезлюдывают.

О проблемах формирования человеческого потенциала детского населения в сельских районах информирует и индекс, рассчитанный сотрудниками [11] ФГБУН ВолНЦ РАН на основе данных социологического обследования³ (рис. 2).

Он показывает развитость основных характеристик личности детей, вкуче образующих те потенциальные возможности, которые составляют основу будущего человеческого потенциала.

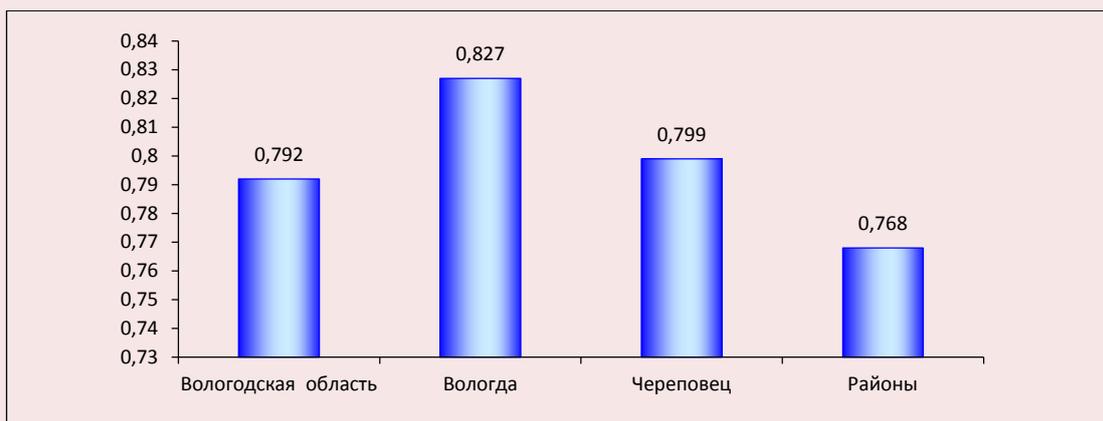
Из рисунка 2 видно, что индекс сформированности человеческого потенциала детского населения (ИЧПДН) сельских детей в районах области (0,768 ед.) существенно ниже соответствующих значений потенциала городских детей (0,827 ед. в г. Вологде и 0,799 ед. в г. Череповце). Кроме того, значение индекса ниже, чем у среднеобластного показателя (0,792 ед.).

Вовлеченность родителей в школьную жизнь ребенка, интерес семьи к его обучению является существенным условием качественного формирования человеческого потенциала.

Исследование показало, что только четверть родителей (26%) постоянно находятся рядом с ребенком во время выполнения им домашних заданий. Ещё почти столько же (28%) делают это часто, но не всегда. А остальная часть родительского корпуса призналась, что это происходит редко, время от времени или никогда (45,8%).

В то же время результаты опроса свидетельствуют о том, что постоянное внимание родителей к данному вопросу положительно влияет

Рис. 2. Индекс сформированности, согласно возрасту, человеческого потенциала детского населения Вологодской области (оценка родителей), ед.

Источник: данные социологического опроса родителей школьников, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018 г. [11]

³ Сводный индекс сформированности человеческого потенциала детского населения рассчитывался как среднегеометрическое трех составляющих его субиндексов: ИЗ – субиндекс здоровья; ИИР – субиндекс интеллектуального развития; ИСКР – субиндекс социокультурного развития.

на развитие человеческого потенциала ребенка (табл. 4). У тех детей, чьи родители проявляют большое внимание к школьной жизни детей, показатель сформированности человеческого потенциала выше (0,822 ед.), чем у остальных, даже тех, кто вниманием родителей в принципе не обделен (0,786 ед. – позиция ответов: часто). Показатели интеллектуального развития (память, внимание, мышление и другие характеристики) также существенно выше (0,810 ед.). Соответственно и навыки мышления ребенка оцениваются родителями более высокими баллами – 4,1.

Вместе с тем необходимо отметить, что родители не всегда могут оказать помощь ребенку в понимании каких-либо сложных школьных заданий. По наблюдениям социологов, «инновации в сфере образования существенно осложняют качественное исполнение родителями роли транслятора образовательных навыков своим детям» [27], поскольку полученные ими знания, навыки и компетенции были освоены «в рамках старых стандартов».

Еще одной значимой проблемой взаимодействия родителей с детьми является приучение к чтению или совместное чтение. Чтение книг «расширяет представление ребенка о мире, активно развивает мышление, приучает к усидчивости и выработке навыков самостоятельной работы, заставляет думать, анализировать, формирует мировоззрение, ценности, убеждения» [28].

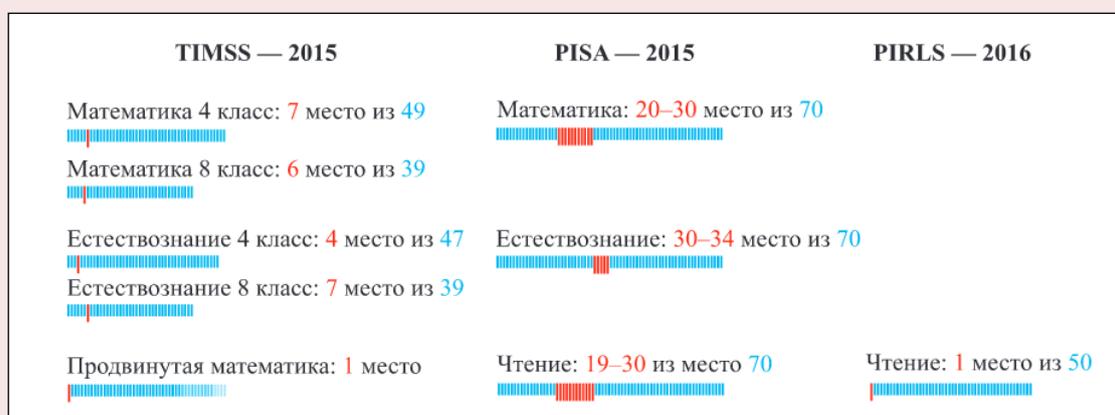
Межстрановые исследования учебных достижений детей (например, PIRLS), проводимые международными организациями (в данном случае это International Association for the Evaluation of Educational Achievement), позволяют оценить уровень читательской грамотности, сравнить качество чтения и понимания текстов учащимися начальных школ в разных странах мира. Россия принимала участие во всех волнах исследования PIRLS, проводимого с 2001 года (один раз в пять лет). Российские школьники демонстрируют в нём высокие результаты: в 2016 году они заняли 1 место (рис. 3).

Таблица 4. Зависимость формирования человеческого потенциала детского населения от качества отношений «родители – дети» в части взаимодействия в выполнении домашних заданий, %

Выполняем школьные домашние задания в будние дни (с 7 лет, для 3...6 лет не задаётся)	Среднее по опросу	ИЧПДН	Субиндекс интеллектуального развития	Навыки мышления
Никогда	8,6	0,777	0,776	4,0
Редко	14,7	0,749	0,737	3,7
Время от времени	22,5	0,796	0,789	3,9
Часто	28,2	0,799	0,786	4,0
Постоянно	26,0	0,822	0,810	4,1

Источник: данные социологического опроса родителей школьников, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018 г.; расчеты автора.

Рис. 3. Место РФ в международных исследованиях учащихся [29]

В настоящее время в развитых странах мира начинают широко обсуждать проблему «кризиса чтения», считая, что последствия его могут негативно сказаться на экономической, социальной и духовной жизни общества в будущем [30]. Проведенное исследование подтверждает эти опасения.

Из *таблицы 5* мы видим, что чем реже осуществляются контакты родителей и детей в отношении чтения, тем ниже показатели сформированности человеческого потенциала детей (при постоянном чтении индекс равен 0,840 ед., при очень редких занятиях – 0,781 ед., при отсутствии таких действий – 0,759 ед.). Такие же тенденции можно наблюдать и в развитии интеллектуальных качеств детей.

Таким образом, от качества отношений «родители – дети» очень сильно зависит формирование человеческого потенциала детей. И здесь важен не только сам процесс совместных действий, сколько внимание родителей, их вовлеченность в жизнь ребенка. Кстати, у современных родителей, как показывают исследования Фонда «Общественное мнение», отмечен «высокий запрос на близкие отношения с детьми... Но для того, чтобы выстраивать отношения, нужно проводить с ребенком время. 42% считают, что они проводят с детьми времени меньше, чем им бы хотелось» [31].

Важным фактором развития человеческого потенциала детского населения является *участие в программах дополнительного образования*. В 2018 г. в рамках реализации приоритетного проекта по дополнительному образованию в РФ осуществлено внедрение модели персонализированного финансирования дополнительного образования. В Вологодской области к концу 2017 г. более 15 тыс. детей получили сертификаты на получение услуг дополнительного образования. Увеличение охвата детей в возраст

те 5–18 лет образовательными программами дополнительного образования (2016 год – 694 ед., 2015 год – 489 ед., 2014 год – 112 ед.) позволило обеспечить исполнение майского Указа Президента РФ (2012 г.) [32]. Данным Указом предполагается увеличение к 2020 году охвата детей в возрасте 5–18 лет программами дополнительного образования до 70–75%. Целевое значение Национального проекта «Образование» по участию в программах дополнительного образования – 80% к 2024 г. [4]

Согласно исследованию, большинство городских детей имеют возможность пользоваться услугами дополнительного образования. 66% вологодских и 54% череповецких родителей отметили, что их ребенок/дети посещают занятия дополнительного образования (*рис. 4*).

В то же время доступ к данному виду учебной (творческой, поисковой, занимательной, развивающей) деятельности имеет только треть детей сельских районов (33%). Такое положение существенно ограничивает условия качественного формирования человеческого потенциала детского населения в сельских территориях.

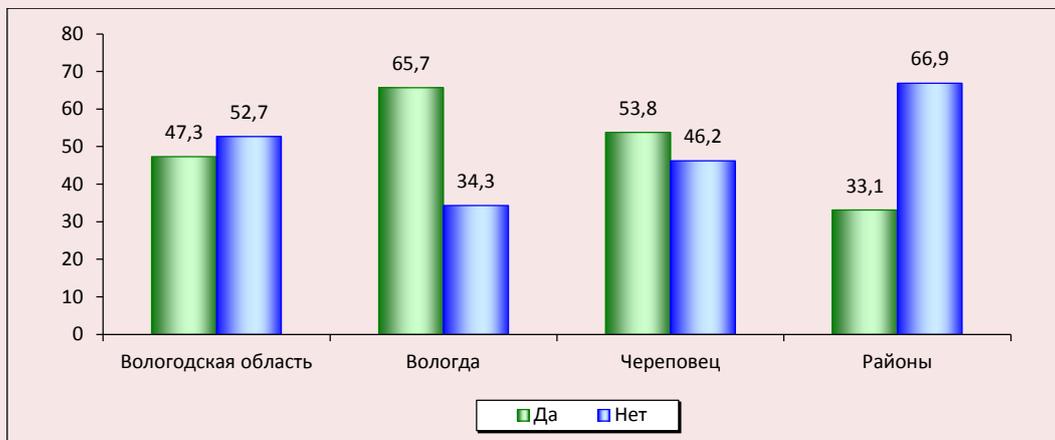
Очень важный результат исследования – выявление мотивов родителей, принимающих решение о получении их ребенком услуг дополнительного образования (*табл. 6*). Как показал опрос, наибольшим предпочтением среди родительской общественности пользуется ориентация на интересы и увлечения самого ребенка (4,5 балла по 5-балльной шкале). Эта позиция занимает по результатам опроса первое место. На втором месте – способности и склонности ребенка (4,4 балла). Можно утверждать, что такой подход обеспечит ребенку в будущем осознанный профессиональный выбор, работу по призванию. Это очень важно для экономики любой территории (района, региона, страны). Исследователями доказано, что работа по призванию

Таблица 5. Зависимость формирования человеческого потенциала детского населения от качества отношений «родители – дети» в части совместного чтения книг, %

Читаем книги в будние дни	Среднее по опросу	ИЧПДН	Субиндекс интеллектуального развития	Навыки мышления
Никогда	12,6	0,759	0,748	3,8
Редко	17,8	0,781	0,768	3,9
Время от времени	30,6	0,783	0,774	4,0
Часто	28,1	0,799	0,797	4,1
Постоянно	10,9	0,840	0,824	4,2

Источники: данные социологического опроса родителей школьников, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018 г.; расчеты автора.

Рис. 4. Распределение ответов родителей на вопрос «Посещает ли Ваш ребёнок занятия (секции) дополнительного образования?», %

Источник: данные социологического опроса родителей школьников, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018 г.

Таблица 6. Оценка значимости мотивов, повлиявших на принятие решения о направлении ребенка в секции (кружки) дополнительного образования (в % от числа тех, чей ребенок посещает занятия, секции дополнительного образования; вариант ответа «да»), средний балл по 5-балльной шкале

Варианты ответов	Вологда	Череповец	Районы	Область в целом
Интересы и увлечения самого ребёнка	4,6	4,3	4,4	4,5
Способности и склонности ребёнка	4,5	4,3	4,3	4,4
Желание родителей	3,8	3,6	3,4	3,6
Доступная стоимость данной услуги	3,8	3,6	3,3	3,6
Перспективность и востребованность данного направления	3,6	3,5	3,5	3,5
Рекомендации друзей, знакомых	3,1	3,3	3,2	3,2
«Мода» на данный вид дополнительных занятий	2,4	2,8	2,8	2,7

Источник: данные социологического опроса родителей школьников, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018 г.

даёт существенный экономический эффект, который выражается в большей отдаче от заработной платы, более высоком качестве работников и их повышенной по отношению к остальным работникам производительности труда [33].

О ведущей роли желания самого ребенка при выборе организаций дополнительного образования свидетельствуют и результаты исследований НИУ ВШЭ, согласно которым около половины опрошенных родителей (42,5%) на-

звали причиной выбора определенного кружка желание ребенка [34]. Таким образом, и в сфере дополнительного образования детей связь «дети – школа» имеет позитивный тренд. Тем более это важно, поскольку свыше 70% 15 – 17-летних детей, по мнению родителей, уже сегодня определились с выбором будущей профессии (табл. 7). Такая уверенность присуща и городским, и сельским родителям практически в равной мере.

Таблица 7. Распределение ответов родителей на вопрос «Определился ли с выбором будущей профессии Ваш ребёнок? (вопрос для родителей детей 15... 17 лет), %

Варианты ответов	Вологда	Череповец	Районы	Область в целом
Ребёнок определился с выбором	71,4	85,7	61,9	70,5
Ещё не определился	20,6	7,9	30,5	22,1
Ребёнок окончательно не определился	7,9	6,3	7,6	7,4

Источник: данные социологического опроса родителей школьников, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018 г.

Анализ распространенности профилей дополнительного образования детей показывает, что наиболее распространенными направлениями являются художественное (59%) и спортивное (57%). Те же направления дополнительного обучения прослеживаются и в ответах родителей о своем образовании (58 и 43% соответственно). Аналогично выглядят и результаты Всероссийского обследования. По данным НИУ ВШЭ, кружки художественной направленности посещают 48% школьников, спортивной – 37% [34]. Примечательно, что техническое направление дополнительного образования (информационные технологии, моделирование, конструирование, робототехника и т.д.) менее распространено среди школьников (в Вологодской области их посещают дети 15% респондентов, в РФ – 7%) [34]. Здесь нужны определённые усилия сферы образования, поскольку в условиях развития цифровой среды и перехода от рутинных производств к роботизированным специалистам с техническими и ИТ-компетенциями становятся всё более востребованными в экономике.

Распространенность охвата детей дополнительными программами различных направленностей неодинакова в федеральных округах РФ (рис. 5).

К примеру, физкультурно-спортивные направления более востребованы детьми в Южном, Северо-Кавказском, Уральском федеральных округах и Республике Крым, а художественные (искусствоведческие) – в Северо-Западном, Приволжском и Дальневосточном округах. Для Дальневосточного федерального округа также характерны программы по туризму и ремеслам. Занятия техникой чаще всего посещают дети Приволжского федерального округа, а наименьший охват детей программами данной направленности в Сибирском и Уральском федеральных округах.

Интересно проследить в этом смысле результативность занятий в кружках и секциях дополнительного образования (рис. 6). Большинство родителей отмечают, что участие ребенка в дополнительном образовании существенно повлияло на развитие его творческого потенциала (65%), кроме того, расширился круг общения ребенка (55%) и заметно повысился его интеллектуальный уровень (51%).

По оценкам более трети родителей, за время посещения секций и кружков дополнительного образования уровень лидерских качеств ребенка стал заметно выше (38%). Это существенный результат, который показывает, что недостаток

Рис. 5. Распространенность профилей дополнительного образования детей в федеральных округах РФ, 2017 г. (% от общей численности ответивших родителей) [34, с. 21]

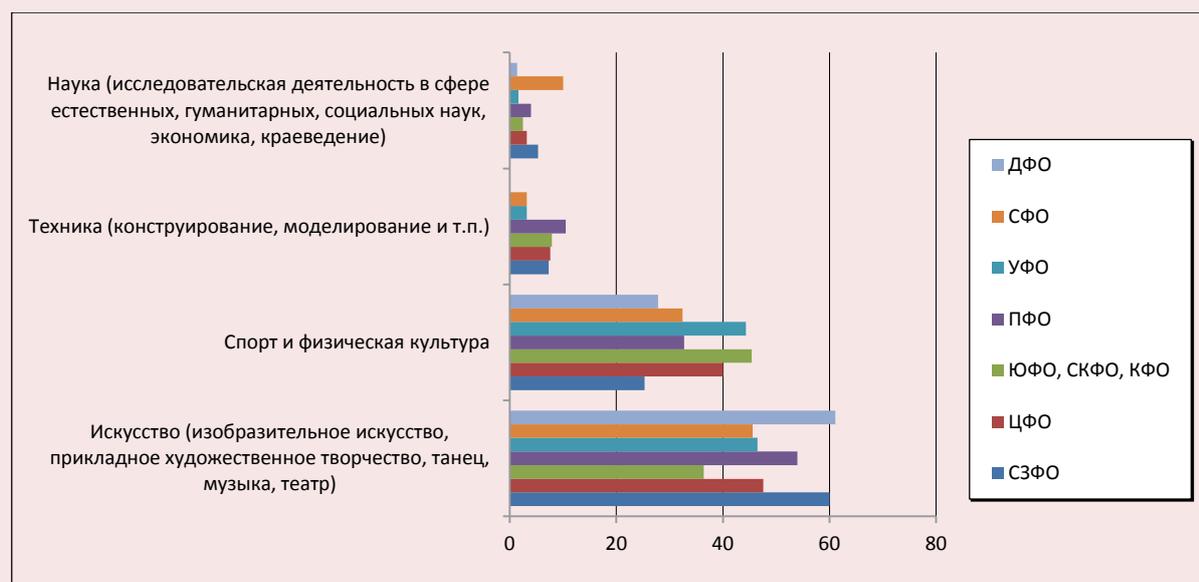
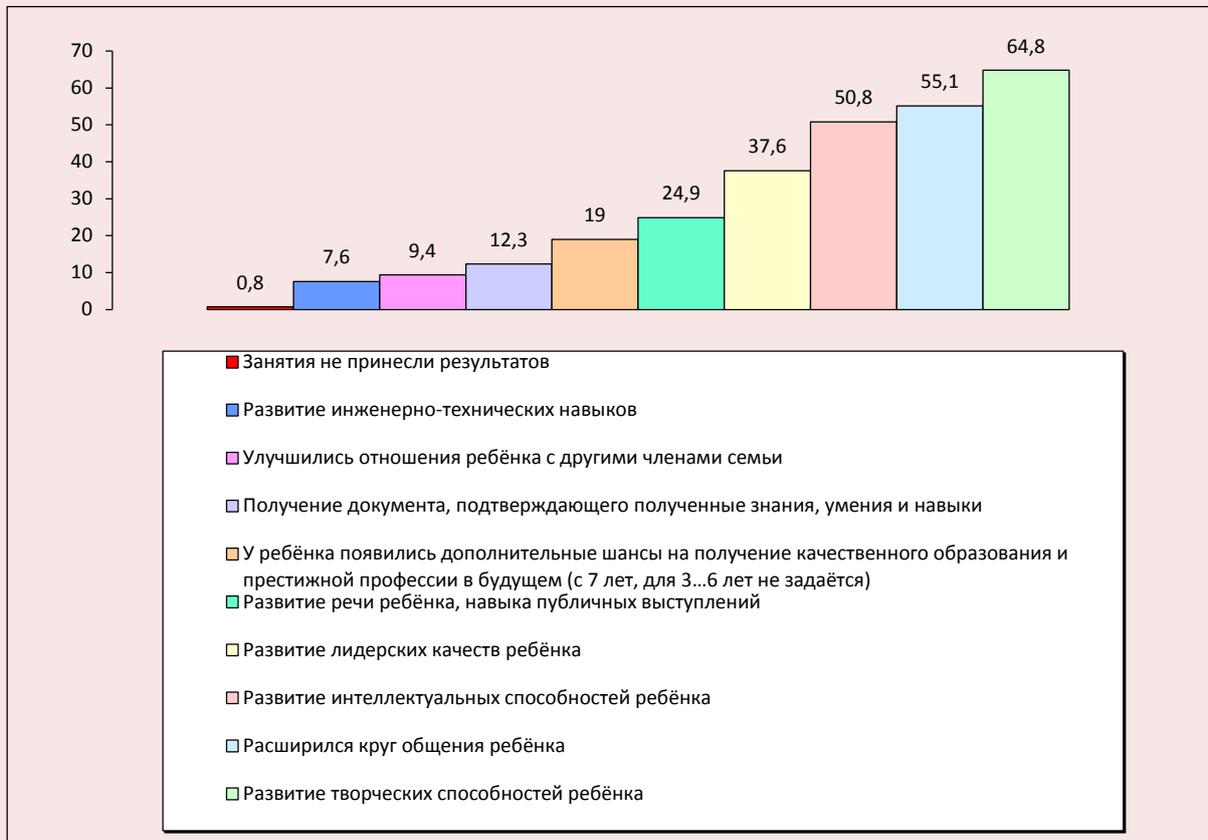

Рис. 6. Распределение ответов родителей на вопрос «Какие результаты принесли дополнительные занятия?» в % от тех, чей ребёнок посещает занятия, секции дополнительного образования (вариант ответа «да»)

Источник: данные социологического опроса родителей школьников, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018 г.

внимания в школе к развитию инициативности детей компенсируется в системе дополнительного образования.

Наряду с этим, нужно отметить, что, согласно оценкам родительской общественности, и познавательный, и социальный мотивы учебной деятельности детей реализуются в системе общего и дополнительного образования с определенной долей успешности. Соответственно обеспечивается формирование таких компонентов человеческого потенциала детского населения, как интеллектуальное и социокультурное развитие.

Одним из факторов, напрямую влияющих на развитие человеческого потенциала детского населения в части формирования способностей, знаний, умений и навыков, является ка-

чество учительской профессиональной группы и, соответственно, качество отношений «родители – школа», «дети – школа».

Основными критериями социально-профессионального статуса учителя выступают уровень образования и квалификация. Результаты исследования TALIS-2018 показывают, что 75% российских педагогов прошли подготовку по программам специалитета и магистратуры, каждый шестой (16%) получил степень бакалавра⁴ (рис. 7). В странах-участницах исследования TALIS эти показатели ниже – 41% (магистратура) и 51% (бакалавриат) соответственно.

⁴ Открытые данные Минобрнауки России // Официальный сайт Министерства образования и науки Российской Федерации. – Режим доступа: <http://xn----8sblcdzzacvuc0jbg.xn--80abucjiibhv9a.xn--plai/opendata/>

Рис. 7. Уровень формального образования учителей, %

Источник: Непрерывное обучение учителей и директоров школ: отчет по результатам международного исследования учительского корпуса по вопросам преподавания и обучения TALIS-2018 (Teaching and learning international survey). Ч. 1. М.: Рособрнадзор, 2019. 41 с.

Судя по данным исследования РАНХиГС (2013–2014 гг.), в среде учителей наиболее распространена первая квалификационная категория (49% педагогов), 31% педагогов имеют высшую категорию [36].

Существенно осложняет процесс формирования человеческого потенциала детей растущий дефицит педагогических кадров, который является особенностью современного этапа развития образования. Укомплектованность штата педагогов общего образования в России в 2016/2017 учебном году составляла 96,6%, тогда как в 2015/2016 уч. г. – 99,2% [37]. Наибольшую потребность российская школа испытывает в учителях иностранного языка (укомплектованность штатов российских школ этими специалистами составляет 96,2%), математики – 95,8%, физической культуры – 95,6%. Потребность школ в квалифицированных специалистах является весьма острой, что можно проследить на примере Вологодской области [37]. Согласно данным Департамента труда и занятости Вологодской области, умеренный дефицит учительских кадров наблюдается в Чагодощенском, Кичменгско-Городецком районах и г. Череповце (рис. 8). Слабый дефицит – в Бабушкинском, Кадуйском, Тарногском, Харовском и Шекснинском районах [37]. На начало мая 2019 г. по региону заявлено 34 вакансии

учителя иностранного языка, 17 – физики и математики, 8 – начальных классов⁵.

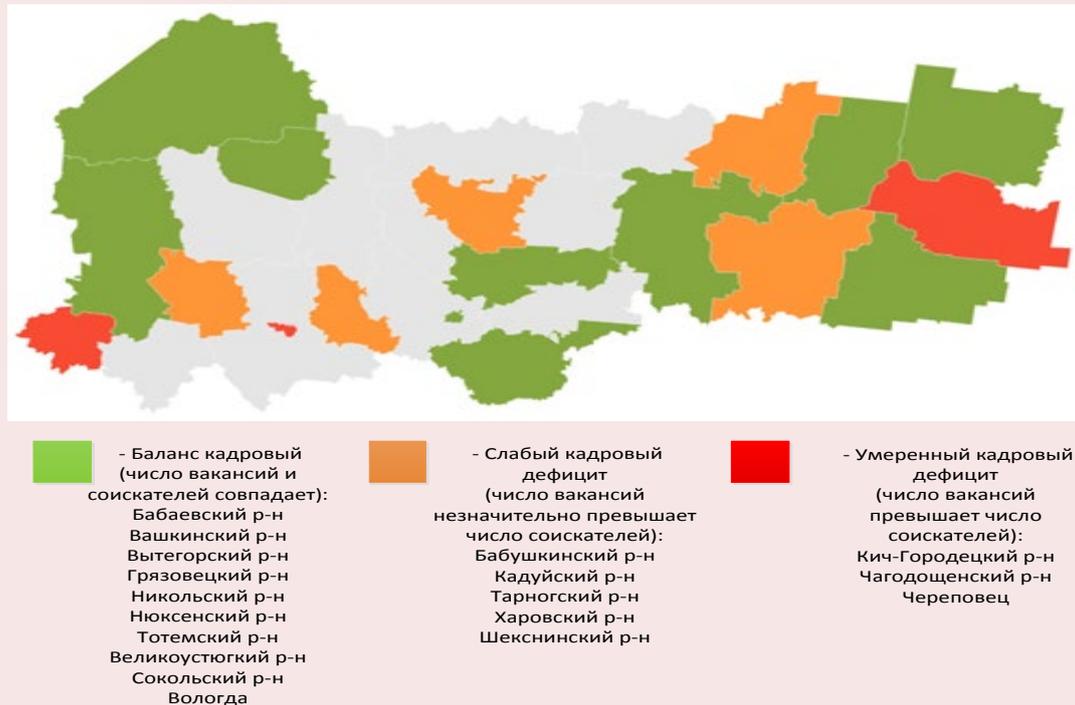
Качество учительских кадров напрямую связано с качеством отношений «родители – школа». Результаты мониторинга социального самочувствия и материального положения учителей общеобразовательных школ Вологодской области, проведенного ФГБУН ВолНЦ РАН тремя волнами (2011, 2015 и 2017 гг.), свидетельствуют [25] об удовлетворенности учителей в педагогической деятельности именно отношениями с детьми (индекс удовлетворенности⁶ равен 185 пунктам) и родителями детей (166 п.). Подобные оценки повторяются и в родительской среде. При этом родители проявляют больший уровень удовлетворенности, чем педагоги. Наибольшие значения индекса в оценках родителей имеют профессионализм работников школы (194 пункта) и отношение учителей к ребенку (179 пунктов)⁷.

⁵ Общероссийская база вакансий. URL: <https://trudvsem.ru/> (дата обращения: 06.05.2019 г.)

⁶ Индекс рассчитывается как разница между суммой положительных и суммой отрицательных ответов. К полученному результату прибавляется 100, чтобы не иметь отрицательных величин. Таким образом, полностью положительные ответы дают индекс, равный 200, полностью отрицательные – 0, а равновесие – 100, являющееся по сути нейтральной оценкой.

⁷ Данные пилотного опроса родителей детей школьного возраста в г. Вологде, проведенного в 2018 г. ФГБУН ВолНЦ РАН.

Рис. 8. Обеспеченность учительскими кадрами образовательных организаций Вологодской области

Источник: Барометр занятости. URL: <http://voloblcareer.ru/barometer> (дата обращения: 06.05.2019 г.)

Заключение

Основы человеческого потенциала формируются прежде всего в семье и системе образования как ключевых социальных институтах. Вклад других факторов (здоровоохранение, культура), конечно же, неоспорим, но те знания, умения и навыки, которые позволяют человеку создать свой «капитал», прирастают именно в первых двух устойчивых формах организации людей. В то же время семья и сфера образования, как самые важные социальные институты формирования человеческого потенциала детского населения, обладают рядом детерминирующих свойств. В исследовании выявлено, что наибольших успехов в формировании человеческого потенциала детей добиваются те семьи, которые уделяют большое внимание воспитанию детей и вовлечены в их школьную жизнь. Проведенные исследования показали, что в отношениях «родители — дети», «родители — школа» есть определенные проблемы. Они выражаются, в частности, в недостаточной во-

влеченности родителей в школьную жизнь детей, что служит ограничивающим фактором в процессе формирования человеческого потенциала. Соответственно, этот сигнал должен быть воспринят и педагогами для усиления работы с родительской общественностью, и в первую очередь посредством улучшения качества просветительской работы, расширения доступа к информации о школьной жизни детей, помощи в части овладения навыками успешного родительства, расширения участия родителей в жизни школы (обсуждение программы развития школы, содержания и методик образования, способов достижения показателей и т.д.). Вместе с тем родители должны стремиться к взаимодействию с педагогами, осознавая, что их участие в школьной жизни ребенка не должно ограничиваться его материальным содержанием. Необходимо перенести акцент на духовно-нравственное общение. Ведь именно от родителей должен идти правильный посыл, определяющий мотивацию и интерес к учению.

Ряд характеристик человеческого потенциала детского населения успешно формируется в системе дополнительного образования. Однако недостаточная доля детей, вовлечённых в кружки технической направленности, и сегодня, в век цифровизации, будет влиять на отставание страны в этом процессе. И в части усиления внимания к вовлечению детей в технические профили дополнительного образования, как нигде, требуется взаимодействие с родительской общественностью.

Существенны ограничения в развитии человеческого потенциала детского населения в сельской местности. Исследование показало значительное отставание индекса ЧПДН сельских территорий. Необходимо обратить внимание на условия формирования человеческого потенциала сельских детей — увеличение доступности образовательных ресурсов, в том числе и дистанционных форм дополнительного образования. Здесь нужна, как нам представляется, и адресная поддержка сельских школ в качестве инструмента выравнивания социальных возможностей.

Анализ качества взаимодействия триады акторов (родители, дети, школа) и его роли в формировании человеческого потенциала детского населения дал возможность обоснования нового подхода к моделированию/выстраиванию данных взаимосвязей. Наш подход заключается в перестановке взаимоотношений с модели «цепочка» (родители — дети — школа) на модель «круга» (родители — дети — школа — родители), в котором акторы смогут эффективно наращивать детский потенциал.

Как видится, в результате реализации данного подхода взаимодействие школы и родителей должно быть поднято на новый уровень. Прежде всего, с точки зрения понимания родителями своей ответственности в деле обучения и воспитания детей. Смысл эффективного сотрудничества должен состоять в налаживании симметричных взаимно полезных отношений учительства и родительства [38], результатом которых станет существенный вклад этих социальных институтов в формирование и развитие человеческого потенциала детского населения.

Литература

1. Человеческое развитие для всех и каждого: доклад о человеческом развитии. 2016. Вашингтон: Communications Development Incorporated, 2017. 40 с.
2. *Human Development Indicators*. URL: <http://hdr.undp.org/en/media/hdr> (accessed: 05.06.2018).
3. Послание Президента РФ Федеральному собранию, 01.03.2018 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42902>
4. Национальные проекты: ключевые цели и ожидаемые результаты, 07.02.2019 г. URL: <http://government.ru/projects/selection/741/35675/>
5. Римашевская Н.М. Детское население России: основные проблемы развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. № 1 (13). С. 59–70.
6. Иванов О.И. Человеческий потенциал (формирование, развитие, использование) / ИПРЭ РАН. СПбГУ. СПб.: Скифия-принт, 2013. 336 с.
7. Smith A. *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. Moscow: Eksmo Publisher, 2007.
8. Marshall A. *Principles of Political Economy*. Moscow: Progress Publisher, 1983, vol. 1.
9. Shultz T. *Human Capital in the International Encyclopedia of the Social Sciences*. New York, 1968, vol. 6.
10. Becker G.S. *Human Capital*. New York: Columbia University Press, 1964.
11. Sen A. *Resources, Values and Development*, 1997.
12. Fukuda-Parr S., Shi-va Kuma K.A. (Eds.). ul Haq M. *The Human Development Paradigm. Readings in Human Development*. Oxford, UK: Oxford University Press, 2003, pp. 17–34.
13. Человеческое развитие: новое измерение социально-экономического прогресса: уч. пособие / под ред. В.П. Колесова. 2-е изд. М.: Права человека, 2008. 636 с. URL: undp.ru/nhdr2008/undp_uchebnik_site.pdf. (Дата доступа: 02.05.2019).
14. Human Development Report 1990 / UNDP. New York: Oxford University Press, 1990. 180 p.
15. Человеческий потенциал российских регионов / Н.М. Римашевская, В.К. Бочкарёва, Л.А. Мигранова, Е.В. Молчанова, М.С. Токсанбаева // Народонаселение. 2013. № 3. С. 82–140.

16. Россошанская Е.А., Устинова К.А., Лихачева Т.Н. Теоретико-методологические подходы к исследованию человеческого потенциала сельских территорий // Проблемы развития территории. 2017. № 4(90). С. 96–111. URL: <http://pdt.vscs.ac.ru/article/2302>
17. Короленко А.В., Гордиевская А.Н. Человеческий потенциал детского населения: понимание и оценка // Социальное пространство. 2018. № 5(17). DOI: 10.15838/sa.2018. 5.17.3
18. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
19. Вороненко А.И. Образование как социальный институт: теоретико-методологические проблемы изучения // Философия и социальные науки. 2010. № 2. С. 61–66.
20. Гладышева А.В., Горбунова О.Н. Роль образования как социально-экономического института в современной экономике // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 10. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rol-obrazovaniya-kak-sotsialno-ekonomicheskogo-instituta-v-sovremennoy-ekonomike> (дата обращения: 01.09.2017).
21. Шереги Ф.Э. Социология образования: прикладные исследования. М., 2001.
22. Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века: учеб. пос. для самообразования. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Пед. общ-во России, 2002. 512 с.
23. Баньковская Н.И. Взаимосвязь мотивации к учебной деятельности со смысловыми образованиями личности школьника // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2012. №1-1.
24. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте (Психологическое исследование). М.: Просвещение, 1968. 464 с.
25. Учитель и образовательная реформа: взгляд из региона / Г.В. Леонидова, М.А. Головчин, Т.С. Соловьева; под науч. рук. чл.-корр. РАН В.А. Ильина; под ред. д.э.н. А.А. Шабуновой, к.э.н. О.Н. Калачиковой. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018. 178 с.
26. Корепина Т.А., Леонидова Г.В. Образовательные факторы миграции населения (на примере Вологодской области) // Социальное пространство. 2018. № 2 (14). DOI: 10.15838/sa.2018.2.14.2
27. Ильдарханова Ч.И. Методологические альтернативы исследования образовательного капитала семьи // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 3. С. 64–69.
28. Роль книги в развитии ребенка / Л.Д. Шеховцова, И.В. Прокофьева, Е.А. Молчанова, Р.И. Маркова // Образование и воспитание. 2018. № 1. С. 3–6.
29. Глобальная конкурентоспособность российского образования. Материалы для дискуссии / И.В. Абанкина, А.А. Беликов, О.С. Гапонова, Ф.Ф. Дудырев, Ю.Н. Корешникова, И.А. Коршунов, С.Г. Косарецкий, Т.А. Мерцалова, А.К. Нисская, Д.П. Платонова, П.С. Сорокин, Б.М. Таловская, И.Д. Фрумин; НИУ «Высшая школа экономики», Институт образования. М.: НИУ ВШЭ, 2017. 112 с.
30. Воронцов А.В. Чтение как социально-экономическая проблема // Общество. Среда. Развитие. 2009. № 4. С. 57–67.
31. Вяткина Ю. У современных родителей высокий запрос на близкие отношения с детьми: исследование ФОМ. URL: <https://changeonlife.ru/2017/05/03/u-sovremenny-h-roditelej-vy-sokij-zapros-na-blizkie-otnosheniya-s-det-mi-issledovanie-fom/> (дата обращения: 24.04.2019 г.)
32. О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки: Указ Президента РФ от 07.05.2012 г. № 599. URL: <http://www.kremlin.ru/>
33. Шабунова А.А., Леонидова Г.В., Россошанская Е.А. Социокультурные резервы экономического роста: продуктивность труда по призванию // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 4. С. 162–179. DOI: 10.15838/esc.2017.4.52.9
34. Родители в системе дополнительного образования детей: ожидания, стратегии поведения, информированность: инф. бюллетень. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2018. № 4 (124). 56 с.
35. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191669/
36. Проведение третьей волны мониторинга эффективности и качества школьного образования в контексте повышения оплаты труда учителей: основные результаты / Е.М. Аврамова, Т.Л. Клячко, Д.М. Логинов, С.В. Мареева. М.: РАНХиГС, 2016. 92 с.

37. Индикаторы образования: 2018: стат. сб. / Н.В. Бондаренко, Л.М. Гохберг, Н.В.Ковалева и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: НИУ ВШЭ, 2018. 400 с. С. 227.
38. Барометр занятости. URL: <http://voloblcareer.ru/barometer> (дата обращения: 06.05.2019 г.).
39. Шабунова А.А. Общественное развитие и демографические вызовы современности // Проблемы развития территории. 2014. № 2 (70). С. 7–17.

Сведения об авторе

Галина Валентиновна Леонидова – кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Вологодский научный центр РАН (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: galinaleonidova@mail.ru)

Leonidova G.V.

Human Potential Formation of Children in the System of General Education

Abstract. Improving the quality of human potential is a priority area of socio-economic development of Russia. The solution to the issues of breakthrough scientific, technological and socio-economic development of Russia up to 2024 set in the national projects depends on it. One of the important elements of the national project “Education” is to update the content, methods and standards of education, including the development of the 21st century skills and the new literacy, the introduction of modern educational practices aimed at increasing independence and motivation for knowledge. One way or another, all these objectives are connected with the formation and development of human potential of the Russian child population. The number of groups of young population in Russia today is insufficient to compensate for the demographic losses of the society. Therefore, it is important to preserve and increase the country’s human potential, strengthening these processes in all social institutions, including family, education, healthcare, etc. The purpose of the paper is to analyze the opportunities of the modern system of general education to form child human potential, as well as improve the quality of relations “parents – school”, “children – school”. The research framework is based on surveys conducted by the Vologda Research Center of RAS in the Vologda Oblast. The surveys were attended by parents with children aged 3–17 (2018) and teachers of secondary schools (2011, 2015, 2017). The research novelty of the study lies in the evaluation of relations “parents – school”, “children – school”, which demonstrate a high dependence of formation and development of intellectual and social characteristics of the child population on their quality. Thus, human development rate is higher (0.822 units) among children whose parents are involved in their school life than among the rest, even among those who are not deprived of their parents’ attention (0.786 units – answers: often). The study shows that the less parents and children contact in relation to reading, the lower the indicators of child human potential (with constant reading practice, the rate is 0.840 units, with occasional – 0.781 units.). The research results are useful for experts in education and organizations working with parents of schoolchildren.

Key words: human potential, child population, parents, system of general and supplementary education, interaction of parents and school in child education.

Information about the Author

Galina V. Leonidova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Leading Researcher, Vologda Research Center of RAS (56a, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: galinaleonidova@mail.ru)

Статья поступила 23.05.2019.

© Биктимиров Н.М., Гайфутдинова Р.М., Ибрагимова А.А., Ильдарханова Ч.И.

Внутрирегиональная дифференциация демографического потенциала Республики Татарстан

Нияз Миннахматович БИКТИМИРОВ

Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан
Казань, Респ. Татарстан, Российская Федерация, 420111, ул. Лево-Булачная, д. 36а
E-mail: Niyaz825@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8582-708X; ResearcherID: L-9454-2013

Рамзия Муллануровна ГАЙФУТДИНОВА

Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан
Казань, Респ. Татарстан, Российская Федерация, 420111, ул. Лево-Булачная, д. 36а
E-mail: ramziya_gaifutdinova@mail.ru
ORCID: 0000-0001-6621-4472; ResearcherID: X-2539-2018

Алиса Ахтямовна ИБРАГИМОВА

Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан
Казань, Респ. Татарстан, Российская Федерация, 420111, ул. Лево-Булачная, д. 36а
E-mail: alisa.garifullin@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3970-545X; ResearcherID: X-1742-2018

Чулпан Ильдусовна ИЛЬДАРХАНОВА

Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан
Казань, Респ. Татарстан, Российская Федерация, 420111, ул. Лево-Булачная, д. 36а
E-mail: Ildarhanova.Chulpan@tatar.ru
ORCID: 0000-0002-3992-0336; ResearcherID: N-6382-2016

Для цитирования: Внутрирегиональная дифференциация демографического потенциала Республики Татарстан / Н.М. Биктимиров, Р.М. Гайфутдинова, А.А. Ибрагимова, Ч.И. Ильдарханова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 2019. Т. 12. № 3. С. 189–202. DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.12

For citation: Biktimirov N.M., Gaifutdinova R.M., Ibragimova A.A., Ildarhanova Ch.I. Intraregional differentiation of demographic potential in the Republic of Tatarstan. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 3, pp. 189–202. DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.12

Аннотация. Проблемы формирования агломераций в большей степени рассматриваются с экономической точки зрения и как эффективный способ инфраструктурного развития территорий. Однако остаются без внимания демографические аспекты изучения потенциала территорий регионов. Цель исследования заключается в определении зон демографического риска и устойчивости Республики Татарстан и выявлении вектора направлений демографического развития трех её агломераций. Теоретический анализ понятия «агломерация» позволил рассматривать объединение городов и муниципальных районов не в географическом и экономическом ракурсе, а как качественное средство эффективного развития человеческого капитала. Методика экспресс-анализа демографических процессов в Республике Татарстан, разработанная Центром семьи и демографии Академии наук РТ, представляет собой дифференцированный анализ демографических перспектив агломераций республики с учетом их изначального потенциала. В статье на основе агломерационного подхода выявлена внутрирегиональная дифференциация демографического потенциала муниципальных образований республики. Для определения зон демографического риска в трех агломерациях был подсчитан интегральный ранг муниципальных районов по основным демографическим показателям: общему коэффициенту рождаемости, смертности, естественного прироста, брачности, разводимости и миграционного прироста. В данной статье подробно рассматривается рождаемость как важнейшая категория социально-демографического развития региона. Ранжирование муниципальных районов Республики Татарстан, входящих в различные агломерации, по сложившейся демографической ситуации позволило выявить благополучные зоны региона на современном этапе развития. Определение зон риска позволит скорректировать социальную и демографическую политику муниципальных образований, тем самым обеспечить устойчивое демографическое развитие Республики Татарстан в целом.

Ключевые слова: рождаемость, миграция, брачность, разводимость, смертность, Республика Татарстан.

Введение. Приоритетными направлениями развития Российской Федерации выступают региональные стратегии устойчивого развития, одним из механизмов которых является формирование агломераций.

Глава Центра стратегических разработок А.Л. Кудрин на сессии «Экономика тысячи городов» отметил, что, для того чтобы Россия оставалась конкурентоспособной страной, быстро росла, она должна вырастить и создать свои крупнейшие агломерации. По его мнению, городские агломерации должны появиться во всех частях страны, и они будут тем местом, в котором сосредоточены интеллектуальный потенциал, социальный капитал и качество жизни населения. Американский ученый П. Кругман [1] отмечает, что, если неравномерно распределять экономическую деятельность, могут сформироваться крупные агломерации, которые в свою очередь будут способствовать возникновению разлома внутри страны или региона.

В Концепции стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до

2030 года¹ агломерация рассматривается в качестве урбанизированной территории, системы расселения. По данным Концепции, в Российской Федерации 124 сформировавшиеся и формирующиеся агломерации.

Теория и методология. Вопросы изучения агломераций носят междисциплинарный характер, привлекая внимание экономистов, социологов, географов, историков, демографов и т.д. Существуют многочисленные трактовки понятия «агломерация», которые рассмотрены в работах С.А. Кожевникова [2; 3].

Агломерация представляет собой комплекс городских поселений или регионов, который объединен главным образом экономическими связями², способствует улучшению эффективного ресурсоиспользования (территориального

¹ Концепция стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года URL:http://карьеру-евразии.рф/uploadedFiles/files/Kontseptsiya_SPR.pdf (дата доступа: 25.02.2019).

² Социологическая энциклопедия: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 2003. 694 с.

и финансового), а также развитию человеческого капитала. Интенсивность экономической и трудовой миграции определяет наличие и характер взаимодействия между поселениями. Возникает агломерационный эффект, который заключается в суммировании экономического и демографического потенциала нескольких поселений. С этой точки зрения агломерации становятся важной составляющей социально-экономического роста региона.

Проблемы оценки социального компонента регионального потенциала приобретают большую значимость в современных условиях социальной и демографической напряженности. В свою очередь, данная социально-демографическая проблема остается малоизученной с теоретико-методологической и практической точек зрения, что может привести к некорректной прогнозной оценке и выбору малоэффективных управленческих решений. Выявлено отсутствие единой трактовки категории «демографический потенциал».

А.Г. Вишневский совместно с другими учеными определяет сущность демографического потенциала как численность жителей территории. При его характеристике они оперируют следующими показателями: численностью населения и его воспроизводством (рождаемостью, смертностью), возрастной структурой, ожидаемой продолжительностью жизни, миграционным приростом, прогнозом роста населения, жизненным потенциалом населения, демографическим старением и пенсионным обеспечением.

В данной работе демографический потенциал рассматривается не просто как численность региона, а как система, позволяющая оценить уровень рождаемости, смертности, брачности, разводимости и миграции, то есть жизнеспособность территории [4]. В практической части работы мы более детально рассмотрим потенциал рождаемости, поскольку он выступает в качестве важнейшего фактора определения демографического потенциала территории. Возникает необходимость изучения демографического потенциала в рамках человеческого потенциала территории. В данном аспекте демографический потенциал следует рассматривать в качестве количественного и качественного потенциала воспроизводства наро-

донаселения конкретной территории (региона), формирующегося на основе таких показателей, как совокупность населения, его состав по полу и возрасту, прирост (убыль) населения, процесс миграции и т.д. Очень важным является то, что рост демографического потенциала может осуществляться посредством эффективной демографической политики.

Итак, современный этап развития страны характеризуется агломерационным строительством, которое затрагивает все крупные регионы, в том числе и Республику Татарстан. В данном случае демографические показатели (уровень рождаемости и смертности, продолжительность жизни, индекс миграции и т.д.) в значительной степени будут предопределять территориальное развитие. Подтверждением данного феномена являются региональные стратегии. В 2015 году была разработана «Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года». В ней главной ценностью выступает человек, а человеческий капитал – основой экономики, ключом к успеху. Мерой успешности развития региона служат качество жизни его населения, количество и качество накопленного и успешно функционирующего человеческого капитала. Стратегия накопления человеческого капитала включает в себя несколько социальных направлений, в том числе и демографическое, то есть фактором его формирования является демографическое развитие.

Статистический анализ демографических процессов говорит о том, что воздействие даже на один из определяющих факторов находит свое отражение в общей динамике. У каждого из факторов имеется свой набор внутренних и внешних условий, определяющих общий результат.

В.В. Меркурьев выделяет агломерацию муниципальных образований, интерпретируя ее в качестве типа организации функционирования определенного количества муниципальных образований на локализованной территории, интегрированную в общую многообразную динамическую систему с сильными внутренними связями, которые способствуют эффективно-му и взаимовыгодному использованию местных ресурсов (трудовых, финансовых, материальных, информационных) [5]. А.Е. Кац [6]

рассматривает образование агломераций как новый способ развития территорий (инфраструктурного и экономического). От объединения муниципальных районов остаются в выигрыше и центр-ядро, и прилегающие территории.

Проблемы формирования агломераций в большей степени рассматриваются с экономической точки зрения и как эффективный способ инфраструктурного развития территорий. Так, выделяется весьма значительный пласт работ, в которых анализируется благосостояние отдельных территорий с учетом уровня дохода населения [7–10]. Однако работы, посвященные изучению важнейших процессов современного социально-демографического развития агломераций, практически отсутствуют. С.Р. Хуснутдинова, М.В. Сафонова в статье «Демографическая ситуация урбанизированных территорий Республики Татарстан» [11] представили общий анализ демографической ситуации в трех агломерациях республики – Казанской, Камской и Альметьевской. Авторы положительно характеризуют демографическую ситуацию в урбанизированных территориях республики в 2014 году. Стоит отметить, что агломерационные процессы усиливают асимметрию в социально-демографическом развитии территорий регионов, при этом предопределяя важность нивелирования негативных эффектов от локального скопления ресурсов [12].

Н.Л. Мосиенко [13] обосновала необходимость дополнить географические и экономические подходы к изучению агломераций социологическим, в рамках которого городские образования и сельские муниципальные районы рассматриваются как единое социальное пространство. Интенсивное взаимодействие, обеспечивающее общность жизненной среды, определяет агломерацию не только как общность территориальных зон, но и как целостность социального пространства. С социологической точки зрения агломерацию следует рассматривать как ключевую форму расселения. В ходе агломерационного процесса происходит стягивание населения в пригороды крупных городов, характеризующееся мобильностью и маятниковой миграцией. Существует взаимосвязь между наличием возможности перемещения внутри агломерации и экономи-

ческим развитием территории, социальным самочувствием людей, в связи с тем что социальная жизнь большинства их отличается высоким уровнем мобильности [14]. По мнению ученого, благодаря феномену мобильности возникает возможность образования агломераций в качестве скопления населенных пунктов, которые объединены тесными связями.

Цель исследования заключается в определении зон демографического риска и устойчивости Республики Татарстан и выявлении вектора направлений демографического развития её агломераций с учетом общего интегрального ранга демографических процессов муниципальных районов.

Представляемая работа практически значима: полученные в ходе исследования данные могут применяться в процессе разработки определяющих направлений региональной социально-экономической и демографической политики, а именно при подготовке программы развития региона, документов о мероприятиях государственной политики по демографическим вопросам и т.д.

Методологический инструментарий. На основании принятой Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года³ мы сгруппировали муниципальные образования республики в три зоны (табл. 1): демографическая зона № 1 (23 муниципальных района), демографическая зона № 2 (9 районов), демографическая зона № 3 (11 районов) [15].

Методика оценки демографического потенциала территории заключается в выявлении интегративного ранга демографических показателей муниципальных районов республики. Полученные данные позволяют провести демографическую типологию муниципальных образований Республики Татарстан. Центром семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан был составлен рейтинг муниципальных районов республики по демографическим показателям. Рейтингование выступает необходимым инструментом анализа различных аспектов регионального благополучия в целом и агломераций в частности [16].

³ Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года. URL: <http://mert.tatarstan.ru/strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya.htm> (дата обращения: 20.02.2019).

Таблица 1. Агломерации и сельские подзоны Республики Татарстан

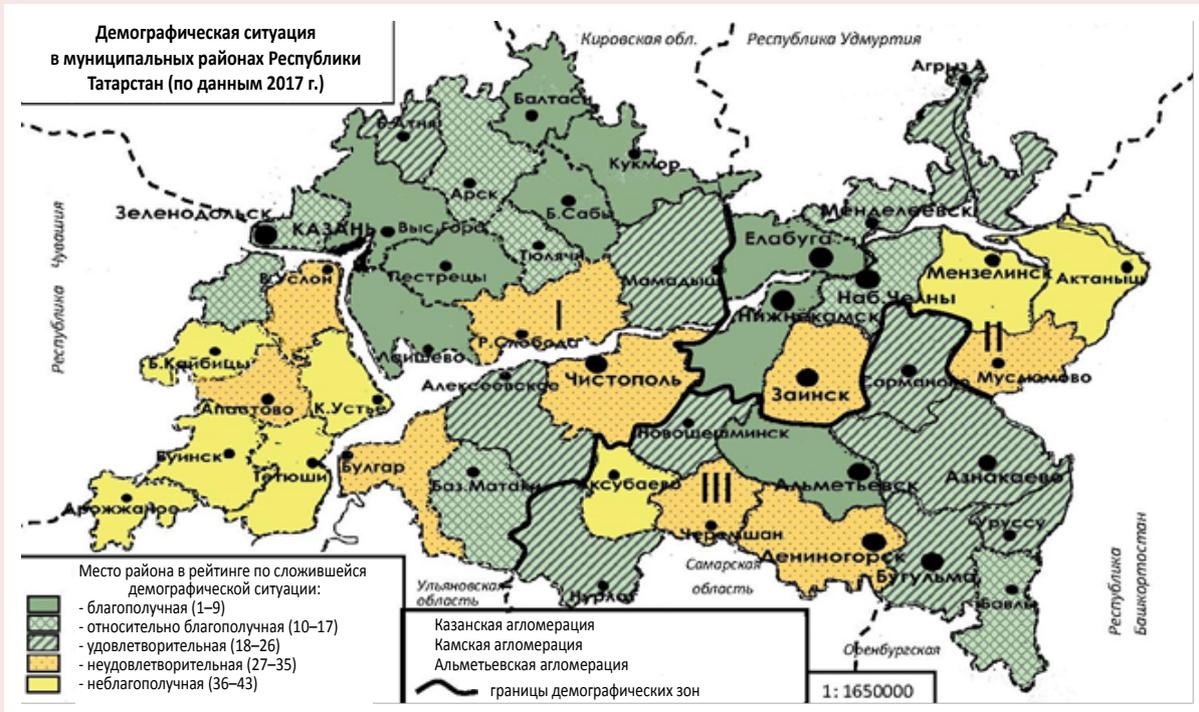
<p>1. Казанская агломерация: а) Предкамская сельская подзона; б) Закамская сельская подзона; в) Предволжская сельская подзона.</p>	<p>Демографическая зона №1 (Д1)</p>
<p>2. Камская агломерация: а) сельские территории пояса Камской агломерации.</p>	<p>Демографическая зона №2 (Д2)</p>
<p>3. Альметьевская агломерация: а) сельские территории пояса Альметьевской агломерации.</p>	<p>Демографическая зона №3 (Д3)</p>
<p>Источник: Стратегия социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года. URL: http://mert.tatarstan.ru/strategiya-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya.htm</p>	

Существуют различные модели благосостояния: аддитивная [17], мультипликативная [18], степенная аддитивная [19] и т.д. Был осуществлен отбор определенного количества демографических показателей благосостояния и разработана методика сведения их к интегральному показателю [20]. Для определения зон демографического риска в трех агломерациях РТ на основе агрегирования демографических показателей (общий коэффициент рождаемости, смертности, естественного прироста,

брачности, разводимости и миграционного прироста (на 1000 чел.)) был подсчитан интегральный ранг муниципальных районов (рисунки). Расчет осуществлялся на основе суммирования рангов всех демографических процессов и на основе полученных данных, определения интегрального ранга каждого муниципального района.

В состав Республики Татарстан входят два городских округа и 43 муниципальных района. Демографическая ситуация в республике харак-

Зоны демографического риска и устойчивости Республики Татарстан

Составлено по: Демографический ежегодник Республики Татарстан. 2018: стат. сб. /Татарстанстат. Казань, 2018. 162 с.

теризуется значительной пространственной дифференциацией. Общая численность населения Республики Татарстан на начало 2018 года составляла 3 894 284 человек⁴, из которых 76,8% городское население и 23,2% – сельское. Преобладание городского населения над сельским наблюдается с 70-х годов⁵ XX века (это может быть связано с изменением статуса некоторых территорий). За год общий прирост составил 14 345 человек (9827 – естественный, 4518 – миграционный).

Результаты и обсуждение. Ранжирование муниципальных районов Республики Татарстан, входящих в различные агломерации, на основе статистических данных 2017 года⁶ позволило выявить группы районов с благополучной, относительно благополучной, удовлетворительной, неудовлетворительной и неблагополучной демографической ситуацией.

Альметьевская агломерация. В Альметьевской агломерации худшую позицию по уровню брачности (39 место) занимает Сармановское муниципальное образование. В Новошешминском районе наиболее благоприятная ситуация в республике по данному показателю (1 место). В случае отсутствия у Альметьевского района одного из высоких показателей по разводам (36 место) общий рейтинг района по сложившейся демографической ситуации был бы выше. По уровню разводимости среди районов агломерации выделяются Аксубаевский (7 место по республике) и Черемшанский (10 место по республике) районы. По коэффициенту миграционного прироста в большинстве районов агломерации образовался отрицательный прирост. Худшая ситуация сложилась в Бугульминском (36 место), Лениногорском (38 место), Сармановском (39 место), Нурлатском (40 место) районах. Аксубаевский район с показателем (-10%) расположился на 41 месте. Положительный миграционный прирост наблюдается только в Альметьевском муниципальном районе (4,3%), что позволяет ему занимать по этому показателю 6 место в республике.

⁴ Демографический ежегодник Республики Татарстан. 2018: стат. сб. / Татарстанстат. Казань, 2018. 162 с.

⁵ Там же.

⁶ Демографический ежегодник Республики Татарстан. 2018: стат. сб. / Татарстанстат. Казань, 2018. 162 с.

Камская агломерация. В Камской агломерации неблагополучную ситуацию имеют только 2 района: Актанышский (36 место) и Мензелинский (40 место). В исследуемой демографической зоне наилучшая демографическая ситуация (благополучная) наблюдается в Нижнекамском (7 место) и Елабужском (9 место) муниципальных районах, именно эти районы имеют один из лучших показателей по рождаемости (6 и 4 места) в республике. Согласно рейтингу муниципальных районов низкая смертность имела место в Нижнекамском – 9,1‰ (1 место) и Елабужском – 10,2‰ (2 место) районах. Соотношение основных демографических показателей (рождаемость и смертность) способствовало тому, что один из лучших показателей по естественному приросту населения наблюдается в Нижнекамском 2,6‰ (2 место по республике) и Елабужском – 2,4‰ (3 место по республике) районах. Остальные районы, занимающие средние позиции по естественному приросту населения, расположились в интервале с 19 по 27 место. Исключение составляют только Актанышский (32 место) и Муслюмовский (36 место) муниципальные районы.

Самый низкий коэффициент брачности наблюдается в Тукаевском, Агрызском, Актанышском районах. По уровню разводов в пределах агломерации также имеются районы, демонстрирующие самые низкие показатели по Татарстану: Нижнекамский, Менделеевский, Елабужский, Заинский. Наименьшее количество разводов в данной агломерации зафиксировано в Тукаевском и Муслюмовском районах (они занимают 16 место по республике). В то же время Муслюмовский район имеет самый низкий показатель коэффициента миграционного прироста среди 9 районов данной зоны (-10,6 ‰) и располагается на 42 строчке в списке муниципальных районов. Положительный миграционный прирост имеют только два района агломерации: Тукаевский (6,3 ‰, 4 место) и Менделеевский (3,8‰, 7 место).

Казанская агломерация. Сразу пять районов Казанской агломерации оказались в зоне с самой сложной неблагополучной демографической ситуацией: Тетюшский, Камско-Устьинский, Дрожжановский, Кайбицкий, Буинский. Они имеют отрицательный миграционный прирост. Но следует отметить, что все районы дан-

ной подзоны отличаются относительно низким уровнем разводов, исключением является Зеленодольский, занимающий по этому показателю одно из последних мест (40 место). Дрожжановский район, занимая 35 место по брачности, имеет один из самых низких показателей по разводам (1,8 чел. на 1000 населения, 3 место) среди муниципальных районов. По этому показателю в республике лидирует Балтасинский район, который серьезно улучшил свои показатели за последние годы и находится в благополучной демографической подзоне.

В Казанской агломерации представлены сразу несколько районов, где сформированы наилучшая и наихудшая в республике демографические ситуации. Таким образом, наилучшая демографическая ситуация не только в исследуемой зоне, но и в масштабе республики сложилась в Сабинском, Пестречинском, Балтасинском, Кукморском, Высокогорском и Лаишевском муниципальных районах.

Сабинский район ни по одному из шести исследуемых показателей не опустился ниже 9 места. Пестречинский, Лаишевский и Высокогорский районы имеют наилучшие позиции в республике по рождаемости, смертности, естественному приросту (убыли) населения, бракам и миграции населения. Единственный показатель, по значению которого они располагаются в середине рейтинга муниципальных образований, – это коэффициент разводимости. Для большинства районов характерны высокие показатели миграционного прироста. Пестречинский муниципальный район обладает рекордным в Татарстане уровнем коэффициента миграционного прироста (65,7 на 1000 человек).

Рождаемость. Весьма важным ориентиром демографического благополучия региона является уровень рождаемости. Подробнее остановимся на анализе данного показателя. По данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан, к территориям с самым низким показателем рождаемости относятся районы неудовлетворительной и неблагоприятной зоны: Камско-Устьинский (8,2‰), Дрожжановский (7,3‰), Апастовский (7,0‰), Кайбицкий (6,9‰), Рыбно-Слободский (6,8‰),

Тетюшский (6,5‰). Все они территориально входят в Казанскую агломерацию.

На рождаемость оказывают влияние множество факторов: особенности демографического поведения, уровень брачности и разводимости, степень вовлеченности в процессы миграции, уровень образования, занятости женщин, дохода домохозяйств и т.д. Далее мы остановимся на изучении динамики рождения в зависимости от доли женщин в активном репродуктивном возрасте. Данный аспект вызывает большой интерес в связи с тем, что наблюдается снижение доли женщин репродуктивного возраста. Нами был осуществлен ретроспективный анализ и демографическое прогнозирование численности женщин репродуктивного возраста методом передвижки возрастов. С полученными данными можно ознакомиться в таких наших публикациях, как, например [21].

Доля женщин, находящихся в репродуктивном возрасте, составляет 44,5% от общей численности представителей данного пола. Причем наибольшая численность этого контингента приходится на г. Казань (47,3%), Елабужский район (47,1%), г. Набережные Челны (45,6%), Пестречинский (45,4%) и Нижнекамский районы (45,1%). По нашему мнению, это один из важнейших показателей, определяющих дальнейшее демографическое развитие соответствующих территорий. При определении демографического потенциала районов необходимо выделить районы, в которых наиболее велика доля женщин в возрасте 15–19 лет: Дрожжановский (15,9%), Аксубаевский (15,5%), Кайбицкий (14,9%), Новошешминский (14,4%), Сармановский (13,8%), Черемшанский (13,5%), Муслимовский (13,4%), Рыбно-Слободский (13,3%). При этом Дрожжановский район имеет самый низкий показатель численности женщин в интервале 30–34 лет (9,6%), что, в свою очередь, во многом определяет современную неблагоприятную демографическую ситуацию в районе. Большинство этих районов на сегодняшний день попадают в неудовлетворительные и даже неблагоприятные демографические зоны, но с учетом высокой доли молодых женщин репродуктивного контингента эти районы в ближайшие годы смогут значительно улучшить свою демографическую ситуацию.

Итак, исходя из данных последних лет, многие районы юга Казанской агломерации Татарстана имеют серьезные демографические проблемы, а районы северной части Казанской агломерации, наоборот, имеют положительные показатели демографического роста. Образуются целые зоны, объединяющие несколько близлежащих районов со сходной положительной или негативной демографической ситуацией.

Ряд районов по потенциалу рождения постепенно попадает в зону демографического истощения – суммарно группа женщин в возрасте 40–49 лет (вероятность рождения детей у которых невелика) составляет треть и более от численности женщин репродуктивного возраста в муниципальных районах, то есть в данных территориях эти женщины вряд ли внесут вклад в воспроизводство населения. Если в Казани их доля составляет всего 25%, то в Новошешминском районе – 39%, Муслюмовском – 38%, Дрожжановском – 37%.

Низкая интенсивность рождений в таких районах, как Дрожжановский, Кайбицкий, обусловлена малой долей женщин возрастной подгруппы на пике фертильности (24–34 года). В ряде муниципальных районов РТ, в которых на 2018 г. зафиксирована низкая интенсивность рождений (Аксубаевский, Дрожжановский, Кайбицкий, Рыбно-Слободский), наблюдается высокая доля женщин наиболее молодых возрастных групп (15–19 лет), что в перспективе существенно увеличивает вероятность повышения рождаемости при условии отсутствия миграции из данных районов. Обратная ситуация наблюдается в районах, которые на 2018 году обеспечивают высокую рождаемость, однако имеют низкую долю женщин наиболее молодой возрастной группы 15–19 лет, что будет определять рождаемость в среднесрочной перспективе: Альметьевский, Высокогорский, Зеленодольский и города Казань и Набережные Челны. Города восполняют рождаемость за счет миграции из села, в связи с тем что мигрируют женщины возрастных групп на пике фертильности.

Как видно из анализа, один и тот же район на сегодняшний день может находиться в зоне демографического риска, обладая при этом перспективами улучшения демографической ситуации при условии отсутствия оттока мо-

лодежи в города. Коэффициент миграционной убыли среди сельских женщин в 2,5 раза выше, чем среди мужчин, а в трудоспособном возрасте – выше почти в 4 раза. Вследствие такого преобладания женщин в миграционном оттоке значительно усиливается половая диспропорция в этой возрастной группе и ухудшаются возможности создания семьи.

С одной стороны, репродуктивный потенциал (абсолютное количество женщин репродуктивного возраста) выше в городе, что обусловлено большей концентрацией женщин репродуктивного возраста в урбанизированных территориях. С другой стороны, количество детей, рожденных одной женщиной в течение жизни, выше в сельских районах. Выявляя причины, влияющие на репродуктивные стратегии, следует учитывать территориальные различия. Прирост суммарного коэффициента рождаемости (СКР) у сельского населения обеспечивается прежде всего устойчивой положительной динамикой величины этого показателя по вторым и последующим рождением. Снижение СКР в сельских территориях с 2015 года⁷ объясняется исключительно изменением места регистрации рождения ребенка, что связано, в том числе, с оптимизацией роддомов в районах.

Как зафиксировали демографические исследования, суммарный коэффициент рождаемости в сельской местности по России растет опережающими темпами. В 2014 г. он был выше, чем в городе, на 47%, что обусловлено устойчивой положительной динамикой этого показателя по вторым и последующим рождением. В течение 2015–2017 годов⁸ в среднем по муниципальным образованиям РТ наблюдалась тенденция незначительного роста среднего возраста материнства. Так, средний показатель по данному индикатору по муниципальным районам увеличился с 28,18 года в 2015 году до 28,59 года. Однако, если рассмотреть изменение данного показателя отдельно по очередности рождений, следует отметить более существенный рост среднего возраста матери при рождении первого ребенка. В среднем по муниципальным районам возраст матери при рождении

⁷ Государственная статистика ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31517> (дата обращения: 16.02.2019).

⁸ Демографический ежегодник Республики Татарстан. 2018: стат. сб. / Татарстанстат. Казань, 2018. 162 с.

первых детей возрос с 25 лет в 2015 году до 25,5 года, что свидетельствует о продолжении процесса откладывания женщинами рождения детей. Средний возраст рождения вторых детей в течение анализируемого периода оставался стабильным, колебания были очень незначительными, а возраст матери при рождении детей третьей и последующих очередностей в 2017 году даже несколько снизился по сравнению с двумя предыдущими годами. Такое смещение календаря рождаемости можно объяснить положительным влиянием мер демографической политики, в частности материнского капитала, на данную категорию матерей. В свою очередь, продолжающийся процесс «старения материнства» происходит в большей степени за счет откладывания рождения первенцев.

Что касается дифференциации районов Республики Татарстан по среднему возрасту матери при рождении ребенка, то анализ данных позволил сделать следующие выводы.

1. Диапазон общего показателя среднего возраста матери (включающего детей всех очередностей) достаточно широкий, разброс среднего возраста материнства по муниципальным районам составляет в 2016 и 2017 годах от 26 до 30 лет. Стандартное отклонение по данному показателю в 2017 году – 0,88.

2. К районам с наиболее низким значением среднего возраста матери при рождении ребенка по данным 2017 года относятся Сармановский (26,8 года), Лениногорский (26,9), Атнинский (27,2), Аксубаевский (27,5), Новошешминский (27,5 года).

3. Наиболее высокий средний возраст материнства по итогам 2017 года отмечается в следующих муниципальных районах: Агрызский (30,9 года), Зеленодольский (30,2), Камско-Устьинский (30), Нурлатский (29,6), Верхнеуслонский (29,5 года).

4. Наблюдается особенно широкий диапазон среднего возраста матери при рождении первого ребенка (21–29 лет), стандартное отклонение по данному показателю в 2017 году составило 1,66. Наиболее «молодые мамы» в 2017 году проживают в Атнинском (21,4 года), Алькеевском (22,6) районах, а Нурлатский (28,9 года) и Лаишевский (29,3) районы имеют самый высокий показатель среднего возраста матери при рождении первого ребенка.

5. В целом процесс откладывания деторождения в большей степени коснулся районов с центром-городом республиканского подчинения или находящихся в территориальной близости к городским округам (Нижнекамский, Нурлатский, Зеленодольский, Верхнеуслонский, Лаишевский районы). Районы, в которых по-прежнему низкий показатель среднего возраста материнства, имеют преимущественно сельское население (Сармановский, Атнинский, Новошешминский, Тукаевский районы).

В результате активизации государственной политики в сфере рождаемости значительный импульс для изменения репродуктивного поведения получила старшая возрастная группа женщин от 35 до 39 лет, воплотившая их в рождениях, которые без мер демографической политики могли и не состояться. В большинстве районов (в 35-ти) республики данная возрастная группа занимает четвертую позицию в рейтинге по реализации репродуктивного потенциала. Исключение составляет Апастовский район, в котором данная категория женщин уступает место 40–44-летним, а также Арский и Лениногорский районы, в которых она по количеству рождений опередила когорты женщин более младших возрастов, заняв третью позицию. На женщин 35–39 лет приходится основной процент рождений детей третьей и более высокой очередности.

Заключение. Численность населения и демографическая структура являются важнейшими социально-экономическими показателями, характеризующими устойчивость развития каждого муниципального района. Ухудшению демографической ситуации способствует снижение жизненного уровня населения, уменьшение числа рабочих мест, происходящие социально-экономические изменения, а также отсутствие заботы людей о своем здоровье. Наблюдаемые неблагоприятные демографические процессы вызваны и появившейся в последние годы модной ориентацией на малодетную семью [22], устойчивым сокращением числа браков и неуверенностью в завтрашнем дне. Сокращение численности детей и подростков ведет к увеличению в возрастной структуре населения доли пожилых людей, что обуславливает старение населения.

Таблица 2. Ранжирование муниципальных районов Республики Татарстан по сложившейся демографической ситуации, 2017 г.

Подзона	Ранг	Муниципальный район
I. Благополучная	1	Сабинский
	2	Пестречинский
	3	Балтасинский
	4	Альметьевский
	5	Кукморский
	6	Высокогорский
	7	Нижнекамский
	8	Лаишевский
	9	Елабужский
II. Относительно благополучная	10	Арский
	11	Тюлячинский
	12	Алексеевский
	13	Менделеевский
	14	Зеленодольский
	15	Тукаевский
	16	Бавлинский
	17	Алькеевский
III. Удовлетворительная	18	Ютазинский
	19	Азнакаевский
	20	Атнинский
	20	Нурлатский
	22	Новошешминский
	23	Бугульминский
	23	Мамадышский
	25	Агрызский
	26	Сармановский
IV. Неудовлетворительная	27	Черемшанский
	28	Заинский
	29	Апастовский
	29	Спасский
	31	Верхнеуслонский
	31	Чистопольский
	33	Лениногорский
	34	Рыбно-Слободский
	35	Муслимовский
V. Неблагополучная	36	Аксубаевский
	36	Актанышский
	36	Буинский
	39	Кайбицкий
	40	Дрожжановский
	40	Мензелинский
	42	Камско-Устьинский
	43	Тетюшский

Источник: составлено Центром семьи и демографии АН РТ.

Методика экспресс-анализа демографических процессов в Республике Татарстан, разработанная Центром семьи и демографии АН РТ, представляет собой дифференцированный анализ демографических перспектив агломераций Республики Татарстан с учетом их изначального потенциала [23] (табл. 2). К основным тенденциям развития сельских поселений на современном этапе следует отнести улучшение позиций ряда муниципальных районов, особенно расположенных в пригородных зонах крупных городов. Если раньше рост городов приводил к значительному снижению численности сельского населения вокруг агломерационной зоны, то на данном этапе сельские поселения, наоборот, чувствуют себя более комфортно, находясь в составе городских агломераций. Так, например, муниципальные образования, примыкающие к г. Казани (Лайшевский, Пестречинский и Высокогорский), существенно улучшили свои позиции, что свидетельствует о росте значения пригородных зон в непростых социально-экономических условиях.

Необходимо отметить, что Казанская агломерация имеет в своем составе районы, имеющие самые лучшие (большинство районов Предкамья) и наиболее худшие (большинство районов Предволжья) интегральные показатели демографического развития.

Итак, анализ демографических показателей, а также интегрального ранга муниципальных районов Республики Татарстан позволил выявить, что:

1. Наиболее благоприятная ситуация наблюдается в Казанской агломерации: а) средний интегральный ранг составляет 20; б) большинство муниципальных районов благополучной и относительно благополучной подзон входят в данную агломерацию, составляя 48% от общего числа её районов.

2. Среднее положение занимает Альметьевская агломерация: а) средний интегральный ранг – 21; б) к подзоне с удовлетворительной ситуацией относятся более 50% муниципальных районов от всей совокупности районов данной агломерации.

3. Наименее привлекательная демографическая ситуация в Камской агломерации: а) средний интегральный ранг – 23; б) практически равное количество муниципальных районов в каждой подзоне. Стоит отметить, что в 2016 году демографическая ситуация в данной агломерации была немного лучше.

Как показали исследования трех агломераций и всех 43 муниципальных районов, входящих в их состав, в преобладающей части районов демографическая проблема остается в числе самых сложных. Руководство этих районов прекрасно понимает, что необходимо активно проводить демографическую и семейную политику [24], принять срочные меры по улучшению демографической ситуации, но данную проблему можно попытаться решить только через решение многих экономических и социальных вопросов. На примере ряда районов можно убедиться, что разрабатываемые программы, направленные в целом на улучшение уровня жизни населения, и особенно программы, охватывающие сельскую молодежь, дают положительные результаты.

Теоретический и практический вклад данной работы заключается в анализе демографического потенциала региона не с географической и экономической точек зрения, а через стратегию накопления человеческого капитала, включающую в себя социальную и демографическую направленность.

Татарстанский опыт подсчета интегрального ранга муниципальными районами по основным демографическим показателям и определения зон риска и устойчивости может быть учтен агломерациями Российской Федерации (Московской, Санкт-Петербургской, Воронежской, Ростовской-на-Дону, Волгоградской, Краснодарской, Нижегородской, Самарско-Тольяттинской, Казанской, Уфимской, Пермской, Саратовской, Екатеринбургской, Челябинской, Омской, Новосибирской, Красноярской, Иркутской, Владивостокской, Находкинской, Хабаровской, Тюменской, Томской, Барнаульской, Ижевской, Махачкалинской и так далее⁹).

⁹ Концепция стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года URL:http://карьеры-евразии.рф/uploadedFiles/files/Kontseptsiya_SPR.pdf (дата доступа: 25.02.2019).

Литература

1. Krugman P. *The Increasing Returns Revolution in Trade and Geography. Prize Lecture, 2008, December*. Available at: https://www.nobelprize.org/uploads/2018/06/krugman_lecture.pdf
2. Кожевников С.А. Предпосылки развития Вологодской агломерации: результаты социологических исследований // Вопросы территориального развития. 2018. № 5 (45). DOI: 10.15838/tdi.2018.5.45.4.
3. Кожевников С.А., Ворошилов Н.В. Предпосылки развития Вологодской агломерации // Известия высших учебных заведений. Сер.: Экономика, финансы и управление производством. 2018. № 2 (36). С. 11–19.
4. Caldwell J.C. On net intergeneration wealth flows: an update. *Population and Development Review*, 2005, vol. 31, no. 4, pp. 721–737.
5. Меркурьев В.В. Концептуальные основы укрупнения муниципальных образований сельских поселений // Европейский журнал социальных наук. 2013. № 9 (36). С. 514–522.
6. Кац А.Е. Агломерации: новые возможности развития городов // Проблемы экономики и менеджмента. 2015. № 5 (45). С. 51–53.
7. Sen A. Real national income. *Review of Economic Studies*, 1976, vol. 43 (1), pp. 19–39. DOI: 10.2307/2296597.
8. Kakwani N. Welfare measures: an international comparison. *Journal of Development Economics*, 1981, vol. 8 (1), pp. 21–45. DOI: 10.1016/0304–3878(81)90044–4.
9. Lambert R.J. *The Distribution and Redistribution of Income. Third Edition*. Manchester: Manchester University Press, 2002. 336 p.
10. Dagum C. On the relationship between income inequality measures and social welfare functions. *Journal of Econometrics*, 1990, vol. 43 (1–2), pp. 91–102. DOI: 10.1016/0304–4076(90)90109–7.
11. Хуснутдинова С.Р., Сафонова М.В. Демографическая ситуация урбанизированных территорий Республики Татарстан // Фундаментальные исследования. 2015. № 12. С. 427–431.
12. Атаева А.Г., Уляева А.Г., Япаров Г.Х. Анализ влияния внутрирегиональных агломерационных процессов на финансовое развитие муниципальных образований // Фундаментальные исследования. 2014. № 8. С. 365–371.
13. Мосиенко Н.Л. Городская агломерация как объект социологического исследования // Регион: экономика и социология. 2010. № 1. С. 163–178.
14. Мосиенко Н.Л., Иванова В.В., Лычко С.К. Социальное пространство городской агломерации: мобильность и агломеративные эффекты // Экономическое развитие России: региональный и отраслевой аспекты. Вып. 13 / под ред. Е.А. Коломак, Л.В. Машкиной. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2014. 184 с. С. 5–21.
15. Биктимиров Н.М. Оценка демографической устойчивости муниципальных районов Республики Татарстан // Культура, личность, общество в современных условиях: методология, опыт эмпирического исследования памяти профессора Л.Н. Когана: матер. Межд. конф., 22–23 марта 2018 г. / Уральский гуманитарный институт, департамент политологии и социологии Уральского федерального университета. 2018.
16. Гурбан И.А. Рейтингование территорий как инструмент измерения регионального благополучия // Экономический анализ: теория и практика. 2015. № 42. С. 36–51.
17. Бобков В.Н., Степанов В.С. Модель «Благосостояние» для оценки и прогноза качества и уровня жизни населения региона // Уровень жизни населения регионов России. 2014. № 1 (191). С. 104–110. DOI:10.12737/3490.
18. Мхитарян В. С., Бакуменко Л.П. Интегральная оценка качества жизни населения Республики Марий Эл // Вопросы статистики. 2011. № 6. С. 60–67.
19. Буфетова А.Н. Межрегиональные различия в уровне жизни в России // Вестник Новосибирского государственного университета. 2014. Т. 14. Вып. 3. С. 113–123.
20. Демографический доклад-2018. Семейная и демографическая политика в контексте Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан-2030: монография / под общ. ред. Ф.А. Ильдархановой. Казань: Академия наук РТ, 2018. 345 с.

21. Ибрагимова А.А. Перспективное исчисление населения Республики Татарстан с постоянным режимом воспроизводства // Развитие регионоведческих исследований в Российской Федерации: особенности и основные направления: сб. статей Всеросс. науч.-практ. конф. (г. Казань, 7 декабря 2018 г.) / ИТЭР АН РТ. 2018.
22. Калачикова О.Н., Шабунова А.А. Репродуктивное здоровье и поведенческие факторы его формирования (на материалах социологического исследования в Вологодской области) // Проблемы развития территории. 2016. Вып. 1 (81). С. 116–119.
23. Ильдарханова Ч.И. Институциональные ресурсы достижения устойчивости семьи // Семья в современном обществе. Серия: Демография. Социология. Экономика. 2018. Т. 4. № 1. С. 222–225.
24. Ильдарханова Ф.А. Конструирование демографических процессов в Республике Татарстан: потенциал ресурсов государственного управления // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2018. № 4.

Сведения об авторах

Нияз Миннахматович Биктимиров – кандидат географических наук, доцент, старший научный сотрудник, Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан (420111, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Лево-Булачная, д. 36а; e-mail: Niyaz825@mail.ru)

Рамзия Муллануровна Гайфутдинова – кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан (420111, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Лево-Булачная, д. 36а; e-mail: ramziya_gaifutdinova@mail.ru)

Алиса Ахтямовна Ибрагимова – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан (420111, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Лево-Булачная, д. 36а; e-mail: alisa.garifullin@mail.ru)

Чулпан Ильдусовна Ильдарханова – доктор социологических наук, директор, Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан (420111, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Лево-Булачная, д. 36а; e-mail: Ildarhanova.Chulpan@tatar.ru)

Biktimirov N.M., Gaifutdinova R.M., Ibragimova A.A., Il'darkhanova Ch.I.

Intraregional Differentiation of Demographic Potential in the Republic of Tatarstan

Abstract. The issues of formation of agglomerations are more considered from the economic point of view and as an effective way of infrastructural development of territories. However, the demographic aspects of studying the potential of the regions' territories are left without attention. The purpose of the research is to determine the zones of demographic risk and stability of the Republic of Tatarstan and identify the vector of demographic development of its three agglomerations. The theoretical analysis of the concept of "agglomeration" helps consider the unification of cities and municipal districts not from the geographical and economic perspective, but as a tool for effective development of human capital. The method of rapid analysis of demographic processes in the Republic of Tatarstan developed by the Center for Family and Demography at Tatarstan Academy of Sciences is a differentiated analysis of demographic prospects of agglomerations of the Republic taking into account their initial potential. In the article, based on the agglomeration approach we differentiated intra-regional demographic potential of municipal formations of the Republic. In order to determine the zones of demographic risk in three agglomerations, we calculated

the integrated rank of municipal districts according to the main demographic indicators: total fertility rate, mortality, natural growth, marriage rate, divorce rate and migration gain. The article reviews in detail birth rate as the most important category of the region's socio-demographic development. The ranking of municipal districts of the Republic of Tatarstan included in various agglomerations, according to the current demographic situation, helps identify the region's prosperous zones at the present development stage. The definition of risk zones will help adjust the social and demographic policy of municipalities, thereby ensuring sustainable demographic development of the Republic of Tatarstan as a whole.

Key words: birth rate, migration, marriage rate, divorce rate, mortality, Republic of Tatarstan.

Information about the Authors

Niyaz M. Biktimirov – Candidate of Sciences (Geography), Associate Professor, Senior Researcher, Center for Family and Demography at Tatarstan Academy of Sciences (36A, Levo-Bulachnaya Street, Kazan, Republic of Tatarstan, 420111, Russian Federation; e-mail: Niyaz825@mail.ru)

Ramziya M. Gaifutdinova – Candidate of Sciences (Philosophy), Senior Researcher, Center for Family and Demography at Tatarstan Academy of Sciences (36A, Levo-Bulachnaya Street, Kazan, Republic of Tatarstan, 420111, Russian Federation; e-mail: ramziya_gaifutdinova@mail.ru)

Alisa A. Ibragimova – Candidate of Sciences (Sociology), Leading Researcher, Center for Family and Demography at Tatarstan Academy of Sciences (36A, Levo-Bulachnaya Street, Kazan, Republic of Tatarstan, 420111, Russian Federation; e-mail: alisa.garifullin@mail.ru)

Chulpan I. Il'darkhanova – Candidate of Sciences (Sociology), Director, Center for Family and Demography at Tatarstan Academy of Sciences (36A, Levo-Bulachnaya Street, Kazan, Republic of Tatarstan, 420111, Russian Federation; e-mail: Ildarhanova.Chulpan@tatar.ru)

Статья поступила 01.03.2019.

Современные формы и методы мотивации творческой трудовой активности населения*

Ксения Александровна УСТИНОВА

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: ustinova-kseniya@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-6198-6462; ResearcherID: I-8164-2016

Александра Николаевна ГОРДИЕВСКАЯ

Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Российская Федерация, 160014, ул. Горького, д. 56а
E-mail: alessu85@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7777-3456; ResearcherID: I-9439-2016

Аннотация. Социально-экономические изменения сопровождаются усложнением труда, трансформацией его содержания в направлении инновационных и творческих аспектов. Распространение такого труда приводит к необходимости поиска новых подходов к мотивации работников для эффективного использования их трудового и творческого потенциала. В исследовании среди новых форм нематериального стимулирования рассмотрено, например, участие в партисипативном управлении, создание систем управления, ориентированных на обеспечение вовлеченности талантливых и креативных сотрудников в инновационные проекты, на их карьерное продвижение. Цель состояла в исследовании влияния традиционных (справедливость оплаты труда, условия труда и др.) и современных (использование творческого подхода, участие сотрудников в

* Статья подготовлена в рамках государственного задания № 0168-2019-0010 «Институты воспроизводства человеческого капитала».

Для цитирования: Устинова К.А., Гордиевская А.Н. Современные формы и методы мотивации творческой трудовой активности населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 3. С. 203–219. DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.13

For citation: Ustinova K.A., Gordievskaya A.N. Modern forms and methods to motivate the population to engage in creative labor activity. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 3, pp. 203–219. DOI: 10.15838/esc.2019.3.63.13

управлении организацией и др.) мотивационных факторов на качество трудового потенциала и параметры его реализации (в частности, производительность и оплата труда). Новизна исследования заключалась в апробации методических аспектов, позволяющих охарактеризовать качество трудового потенциала и отдельные параметры его реализации в группах населения, различающихся по удовлетворенности мотивационными факторами, с учетом степени их важности. Отличие применяемого подхода от уже существующих состоит в том, что в данном случае не только удается преодолеть проблему существования мотивов-суждений как объективированных социальных фактов, но и обосновать тезис о недооценке роли современных мотивационных факторов населением в трудовой деятельности. В частности, последнее связано с тем, что результаты анализа показали: невысокая значимость современных мотивационных факторов сопряжена с более высоким качеством трудового потенциала, производительностью и оплатой труда, в то время как высокая значимость традиционных мотивационных факторов зачастую может приводить к противоположным результатам. Методические положения, касающиеся оценки конкретных сторон трудовой и повседневной жизни населения не только с позиций удовлетворенности ими, но и их важности, могут быть использованы в качестве инструментария для анализа на организационном уровне существующей или формирующейся системы мотивации.

Ключевые слова: мотивация, материальное и нематериальное стимулирование, трудовой потенциал, реализация трудового потенциала, творческая трудовая активность, удовлетворенность различными сторонами трудовой жизни.

Традиционные и новые формы стимулирования сотрудников. Глобализационные процессы, международная конкуренция, формирование нового технологического уклада неизбежно ведут к изменению социально-трудовых отношений. Всё чаще речь идёт не столько о трудовой активности как таковой, сколько о творческой трудовой активности населения. В основе данного понятия — трудовая активность, которая рассматривается с позиций не только количественных и качественных характеристик выполняемой работы (среди последних, например, дисциплинированность участников), но и характера этой активности. Учёт последнего (характера активности) создаёт предпосылки для разделения трудовой активности на творческую и нетворческую (Попов А.В., 2012)¹. Соответственно творческая трудовая активность может быть охарактеризована как тип трудовой активности, предполагающий вовлеченность населения в процессы создания новых идей, совершенствования организационных технологий, разработки новых продуктов. Реализация этих процессов становится возможной за счёт участия в них сотрудников, обладающих способностями, связанными с обеспечением

на когнитивном и поведенческом уровне разработки и внедрения новых, перспективных идей в индивидуальную деятельность субъекта, в деятельность социальной системы, в рамках которой субъект функционирует (Яголковский С.Р., 2013)², и, тем самым, решение на этой основе задач, способствующих повышению количественных и качественных результатов труда (Богданчикова Т.В., 2006)³. Для обеспечения инновационного характера протекающих в трудовой деятельности процессов, с одной стороны, возрастают требования к сотрудникам, с другой стороны, возникает необходимость в разработке новых систем мотивации персонала [1].

Анализ проблем мотивации связан с соотношением мотивов, выступающих внутренним побуждением индивидов, и стимулов, образующих их стимуляционное поле. Концепция мотивации исходит из единства мотива и стимула, а сам мотивационный механизм рассматривается как тип взаимодействия стимуляционного поля, мотивов и праксиологической

¹ Попов А.В. Развитие трудовой активности населения // Проблемы развития территории. 2012. Вып. 6(62). С. 66–76.

² Яголковский С.Р. Творческая деятельность субъекта в условиях инновационного процесса: когнитивный и групповые аспекты // Психология: журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 3. С. 98–108.

³ Богданчикова Т.В. Трудовая и творческая активность работников в условиях предпринимательства // Омский научный вестник. 2006. № 4(38). С. 181–184.

«вооруженности» личности, вызывающего без принуждения необходимую активность и направляющего её соответствующим образом (В.А. Ядов⁴, П.М. Якобсон⁵, В.И. Ковалев⁶, С.А. Шавель⁷). Следует подчеркнуть, что в данном случае мотив характеризуется не как любое возникшее у человека побуждение, а подчеркивается именно его осознанный характер, приводящий человека к готовности действовать. В то время как стимул вызывает действие не напрямую, а опосредованно, через мотив, тем самым стимул является «побудителем» мотива, а тот в свою очередь — действия. Последнее подчеркивается в исследовании Х. Хекхаузена, который рассматривает мотивацию как побуждение к действию определенным мотивом (не стимулом, а именно мотивом)⁸.

Как уже было показано нами выше, существует определенная связь между трудовой активностью и творческой трудовой активностью, данные понятия в нашем понимании соотносятся как «целое — часть целого», в последнем случае учитываются не только черты, присущие всему целому (трудовой активности), но и специфические особенности части, связанные с творческим характером осуществляемых процессов. Это в свою очередь может означать, что, говоря о мотивации трудовой активности, с одной стороны, и творческой трудовой активности — с другой, можно обнаружить как общее, так и особенное. Обозначенный тезис можно проиллюстрировать следующим образом: если, например, для всех сотрудников компании значимым выступает создание условий (организационно-технических, экономических, социальных, психологических) для обеспечения более высоких результатов трудовой активности, то в случае с теми, кто проявляет себя творчески,

важным становится поддержание именно тех условий, которые приводят к наилучшей реализации творческого потенциала. Как для всех сотрудников в целом, так и для творческих, большая роль отводится содержанию труда, однако именно во втором случае значимым становится наличие в труде творческой составляющей, возможность участия в управлении и продвижения по службе. Как первые, так и вторые могут подчеркивать важность для них материального вознаграждения, однако если в первом случае работники поощряются за высокий уровень трудовой активности в целом, то во втором — чаще за признание результатов творчества, проявления энтузиазма и инициативы. Исходя из обозначенного выше получается, что сотрудники, проявляющие себя в творческом плане, могут быть чаще ориентированы на предоставление широких возможностей для личностного и профессионального развития, для участия в сложных проектах, в решении нестандартных творческих задач, участия в партисипативном управлении и др.

Формирование у работника побуждающего фактора к самореализации творческого мышления, креативности, позволяющей сгенерировать идею или создать новый продукт, затруднено тем, что некоторые руководители продолжают работать по-старому, придерживаясь определенных регламентов и алгоритмов, не создавая условий для активизации творческой деятельности [2]. В то же время существуют примеры предприятий и организаций, руководство которых создает необходимые (организационно-технические, экономические, социальные и психологические) условия для проявления творческой активности работников. Можно отметить ряд компаний (JTI, METRO, Норильский никель, Евросеть и т.д.), разработавших корпоративные программы (Akhmetshin, Morozov et al., 2018 [3]). Для большинства из них характерно использование комплексного подхода к стимулированию сотрудников (применение наряду с материальными нематериальных форм стимулирования).

Применение комплексного подхода заключается в создании системы мотивации трудовых ресурсов, которая состоит из материальных и нематериальных стимулов, главной целью которой является обеспечение качественного и

⁴ Ядов В.А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности: Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.

⁵ Якобсон П.М. Процесс творческой работы изобретателя. М.-Л., 1934.

⁶ Ковалев В.И. Мотивы поведения и деятельности. М., 1988.

⁷ Шавель С.А. Мотивационная сфера личностной активности. URL: <file:///C:/Users/yka/Downloads/motivatsionnaya-sfera-lichnostnoy-aktivnosti.pdf>

⁸ Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб., 2002. С. 57 (512 с.). URL: <http://files.soyuz-minor.ru/biblioteka/Ilin-motivaciya-i-motivy.pdf>

производительного труда работников, привлечение и удержание наиболее талантливых специалистов, раскрытие личностного потенциала сотрудников. Тем самым, на современном этапе развития деление на две группы способов стимулирования продолжает сохраняться, однако формы, в которых они реализуются, могут отличаться от традиционных.

Кроме традиционных видов материального стимулирования (заработная плата, премии) в современных условиях применяются такие «мотивационные нововведения», как участие в прибылях (при использовании этого вида устанавливается доля прибыли, из которой формируется поощрительный фонд, из которого поощряются те категории персонала, которые способны реально воздействовать на прибыль организации), система бонусов (вознаграждение, премия, годовой, рождественский, новогодний бонус, за стаж работы, бонусы за отсутствие прогулов, целевые бонусы, тринадцатая заработная плата), участие в акционерном капитале (производится на основе покупки акций организации и получения дивидендов: покупка акций работником организации может происходить как на льготной, так и на безвозмездной основе), оплата транспортных расходов, программы медицинского обслуживания (полисы ДМС), обучение сотрудников за счет организации, дополнительные выплаты нерегулярного характера (подарки в честь праздников, денежные вознаграждения сотруднику, признанному лучшим и т.д.), путевки в лечебные учреждения и базы отдыха, гибкий график работы, оплата различного рода страхования, системы получения льготного кредита и т.д.

Формы и способы нематериального стимулирования обеспечивают более эффективное влияние на результаты труда. Сложность нематериального стимулирования заключается в том, что его методы должны выбираться персонально для каждого сотрудника, так как мотивы труда у каждого человека могут существенно различаться.

Наряду с традиционными формами нематериального стимулирования (поощрение дипломами, призами, карьерный рост, проведение профессиональных конкурсов, обеспечение соцпакетом) сегодня *применяются разного рода стажировки за счет фирмы, подчеркивание важ-*

ной роли сотрудника (например, шеф здоровается с ним за руку и приглашает на закрытую вечеринку в честь своего дня рождения, советуется с ним по важным вопросам и т.д.), *предоставление сотруднику большей самостоятельности в принятии решений*, если это не вредит фирме в целом, *поручение сложных проектов и нестандартных творческих задач, которые интересно будет решать*, обеспечение сотрудника комфортными условиями (современной техникой, отдельным кабинетом и т.п., если это нужно для повышения качества работы, создание благоприятного психологического климата в коллективе (создается путем применения таких методов, как: похвала и одобрение действий сотрудников; беседа с подчиненными на нерабочие темы; поздравления с днем рождения; корпоративные развлекательные мероприятия типа праздничных вечеринок или выездов на природу) и т.д.

Примером комплексного подхода к стимулированию работников может служить политика международного торгового холдинга METRO AG, ориентированная на *выращивание профессиональных кадров, предоставление широких возможностей для личностного развития* (Akhmetshin et al., 2017 [4]). Подобный подход используется в ПАО ГМК «Норильский никель» — организации, в которой создаются условия для непрерывного образования, развития карьеры в команде единомышленников, реализации творческого потенциала сотрудников за счёт участия в различных проектах.

При эффективном применении различных видов стимулирования можно воздействовать на такие аспекты, как текучесть кадров, производительность труда и вовлеченность в дела организации.

Корпоративные системы стимулирования — совокупность взаимосвязанных методов мотивации персонала, создаваемых в компании на основе ее корпоративной культуры для реализации стратегических целей, которые, в свою очередь, формулируются с учетом факторов внутренней и внешней среды. Важнейшей характеристикой этой системы мотивации является набор применяемых стимулов, выражающихся в методах мотивации на уровне компании и формирующих общие цели, ценности и нормы.

Создание корпоративных систем стимулирования предполагает наличие корпоративных наград, бонусных выплат по результатам деятельности, основанных на разработанных в организациях принципах оценивания персонала, открытие сберегательных фондов для работников предприятия, предоставление льготных режимов кредитования (в т.ч. на строительство жилья), полное или частичное покрытие расходов на образование, а также обучение работника в организации, инвестирование средств в образование детей работников и т.п.

Примером современных видов стимулирования является использование ИТ-технологий и бизнес-игр. К примеру, в компании «Евросеть» применяется система мотивации в формате бизнес-игры, которой охвачено 80–85% сотрудников компании [3]. В игре действуют «виртуальные деньги» – золотые монеты, участники копят монеты, выполняя свои КРІ (ключевые показатели эффективности). По условиям игры региональный директор может инвестировать накопленные монеты в себя, своих людей, торговые салоны своего сектора либо просто монетизировать их и т.д.

К современным формам материального стимулирования могут быть отнесены *оценка сотрудником работы коллег или возможность самостоятельного выбора сотрудником своего поощрения за работу*. Реализация данного принципа предполагает, что сотрудники ежемесячно имеют возможность: в первом случае – вручить определенное количество баллов (поинтов) своему коллеге, во втором – самим получить баллы за хорошую работу и отличные результаты. Накапливая таким образом баллы, сотрудники по истечении определенного периода времени могут получить эквивалентное этому денежное (или выраженное в иной форме) вознаграждение. Подобные способы материального стимулирования распространены, например, в американской компании Zappos, специализирующейся на интернет-продажах обуви. В компании Facebook одной из форм материального стимулирования является еженедельное поощрение *сотрудников, которые в большей степени по сравнению с остальными отличились по результатам своей работы* (билеты на концерты популярных групп и др.) [5].

Ещё одной современной тенденцией является партисипативное управление, которое в идеале основывается на признании взаимных интересов членов организации, на интеграции этих интересов и, тем самым, на увеличении заинтересованности работников в результатах своего труда. Выделяют три ключевые формы осуществления партисипативного управления: участие работников в управлении, в прибылях и собственности. *Первая из обозначенных форм связана с предоставлением сотрудникам возможности участия в обсуждении и принятии решений относительно деятельности организации как на уровне рабочих групп, так и на других уровнях* (например, на уровне производственных подразделений и организации в целом). В европейских странах, например в Германии, подобный принцип представительства закреплен законодательно и связан с участием работников в наблюдательных советах и других органах правления. Подобная практика получает распространение и в российских условиях хозяйствования.

Другой формой проявления партисипативного управления является участие работников в прибылях и собственности, которое сводится не только к распределению части прибыли между сотрудниками либо по результатам деятельности организации, либо по истечении установленного в соглашении о доверительном управлении срока, но и к выявлению талантливых, толерантных, склонных к действиям по технологии сотрудников и привлечению их к решению различных задач [6]. *Именно последнее приводит к стимулированию творческой активности, к выработке идей разными категориями креативных сотрудников, что может сопровождаться сначала увеличением прибыли, а потом её перераспределением в соответствии с вкладом участников*. В случае снижения прибыли организации может наблюдаться обратное – объём выплат сотрудникам может снижаться. Помимо обозначенных форм, в ряде случаев речь идёт об участии работников в доходах, что по содержанию очень близко к предыдущему способу стимулирования. Тем не менее первое предполагает снижение затрат рабочего времени на единицу выпускаемой продукции, улучшение её качества, усиление трудовой активности, ориентацию на взаимодействие между субъектами деятельности.

Следует подчеркнуть, что обозначенные выше формы партисипативного управления имеют как свои преимущества, так и недостатки. С одной стороны, использование данных форм создаёт предпосылки для повышения информированности работников о деятельности организации, для урегулирования разного рода конфликтных ситуаций, укрепления интеграции членов фирмы, преодоления отчужденности работников от результатов труда. С другой стороны, передача работникам права принятия решения может приводить к «размыванию» ответственности в ходе выработки коллективных решений, к большей распространенности менее рискованных и не всегда инновационных решений, к увеличению издержек на координацию и распределение работы⁹. Поэтому принятие решений об использовании тех или иных форм стимулирования должно быть связано с сопоставлением их положительных и отрицательных сторон, выгод и издержек. В целом же, следует отметить, внедрение партисипативного управления будет способствовать привлечению работников к обсуждению проблем и выработке решений, формированию сопричастности к происходящим в организации изменениям, а в ряде случаев и к общественному признанию результатов труда [1, с. 44–45].

Подобные системы управления ориентированы на то, чтобы обеспечить участие более талантливых и креативных сотрудников в управлении организацией на основе вовлечения в инновационные проекты и карьерного продвижения [7, с. 43–44]. Реализация подобного подхода, в соответствии с разработками Харви Ливайна [8], создает предпосылки для преодоления одного из основных барьеров творческой активности, связанного с недостаточным доверием руководству.

Современной особенностью является массовый переход к контрактной системе найма (эффективные контракты). С 2012 г. в РФ активно развивается система эффективных контрактов в бюджетной сфере (здравоохранение, образование, наука). Задача эффективного договора или контракта заключается в том, чтобы сделать оплату труда максимально обоснованной и справедливой, установив для каждого

⁹ Партисипативное управление. URL: <http://www.pragmatist.ru/motivaciya-truda/partisipativnoe-upravlenie.html> (дата обращения: 11.04.2019).

сотрудника индивидуальные показатели производительности труда и критерии поощрения. Эффективный контракт (договор) – это тот же самый трудовой договор, но более подробный и детализированный, содержащий [9] следующие условия:

- конкретизированная трудовая функция и подробный перечень должностных обязанностей;
- условия оплаты труда, в том числе стимулирующие выплаты;
- показатели и критерии оценки эффективности деятельности в привязке к стимулирующим выплатам;
- размер поощрения за коллективные результаты труда;
- меры социальной поддержки.

Смысл эффективного контракта как экономической категории состоит в установлении трудовым договором взаимовыгодных условий как для работодателя, так и для конкретного работника, т.е. выполнение мотивационной функции в том числе.

Обобщая, отметим, что в условиях социально-экономических изменений усложняется труд, происходит трансформация его содержания, выражающаяся в появлении творческих и инновационных аспектов, что актуализирует разработку новых способов побуждения работников к использованию творческих способностей. Несмотря на подобные изменения, продолжают сохраняться два основных способа стимулирования (материальное и нематериальное), однако формы их реализации трансформируются. Наряду с традиционными формами и способами стимулирования создаются новые виды, в частности это корпоративные системы, ИТ-технологии, бизнес-игры, эффективные контракты, партисипативное управление и т.п.

Последнее отчасти связано с корпоративными системами стимулирования персонала, учитывающими аспекты, обусловленные особенностями проведения оценки работников: например, особенности проведения оценки (руководством/другими сотрудниками), периодичность поощрения, вариативность и возможность выбора вознаграждения и др. В современных условиях материальное стимулирование работников может проявляться через формирование сберегательных фондов для работни-

ков предприятий, полное/частичное покрытие расходов на образование работников и членов их семей, участие в предоставлении льготных режимов кредитования (в т.ч. на строительство жилья) и др.

Среди форм нематериального стимулирования — участие в партисипативном управлении, которое связано с взаимным признанием интересов членов организации, увеличением заинтересованности работников в результатах труда. Подчеркнем, что подобные системы управления ориентированы на обеспечение участия талантливых и креативных сотрудников в управлении организацией на основе их карьерного продвижения и вовлечения в инновационные проекты. Это становится возможным, когда создаются системы непрерывного образования и профессионального развития, а также среда для реализации творческого потенциала сотрудников, предполагающая в т.ч. их участие в различных проектах. Отметим, что использование обозначенных выше форм стимулирования зачастую способствует увеличению доверия к руководству организации, лучшему пониманию происходящих на организационном уровне процессов, видению своего места в коллективе и своих возможностей в ходе реализации групповых проектов, тем самым, создания предпосылок не только для развития, но и для реализации накопленного потенциала (в первую очередь интеллектуального и творческого).

С учетом обозначенного выше в исследовании принимались во внимание как традиционные мотивационные факторы (справедливость оплаты труда, условия труда и др.), так и инновационные, связанные с творческим подходом, с участием в управлении организацией. Проблемы трудовой мотивации в рамках данной статьи рассматриваются касательно населения России, поскольку многие формы и методы мотивации являются инновационными именно для населения нашей страны.

Цель состояла в исследовании влияния традиционных (справедливость оплаты труда, условия труда и др.) и современных (использование творческого подхода, участие сотрудников в управлении организацией и др.) мотивационных факторов на качество трудового потенциала и параметры его реализации (в частности, производительность и оплата труда). Новизна

исследования заключалась в апробации методических аспектов, позволяющих охарактеризовать качество трудового потенциала и отдельные параметры его реализации в группах населения, различающихся по удовлетворенности мотивационными факторами, с учетом степени их важности.

Вследствие сложности процессов воспроизводства трудового потенциала, в частности его формирования и использования, в исследовании сделан акцент именно на результатах данных процессов: в первом случае внимание обращалось на значения индексов качества трудового потенциала, во втором — на значения показателей, характеризующих производительность и оплату труда.

Методические аспекты исследования. Характеризуя методические аспекты, следует отметить, что зачастую для анализа мотивации труда применяются прямые вопросы, предполагающие выбор наиболее значимых мотивов, балльную оценку степени их важности, их ранжирование. Подобный подход, реализованный, например, в работе И.Н. Витушкиной (2004 [10]), состоял в анализе средних баллов по важности и удовлетворенности каждым рассматриваемым мотивом, а также рейтинговании.

Среди мотивов зачастую рассматривались организация труда, содержание труда, санитарно-гигиенические условия труда, его оплата, отношение с коллегами и руководителем по рабочим вопросам и др. Именно эти аспекты, как отмечает А.Л. Темницкий (2013 [11]), постоянно принимались во внимание и отслеживались в многолетних социологических исследованиях, благодаря этому появлялась возможность построения иерархии удовлетворенности разными сторонами производственной ситуации и трудовой жизни в целом.

Несмотря на наличие исследований по данному направлению, некоторые аспекты продолжают оставаться дискуссионными, что отражается в работах, например, И.М. Поповой, Г.П. Бессокирной, В.Э. Шляпентоха. К числу таких аспектов можно отнести «разброс мнений» при определении места таких факторов, как условия труда, взаимоотношения в трудовом коллективе и другие, при некотором единодушии в отношении стимулирующей роли заработной платы. Продолжают требовать дополнительного анализа вопросы, связанные с

определением типов мотивации («максимум дохода ценой максимума труда» или «гарантированный доход ценой минимума труда» и др.) [12, с. 106]. Остаются в зоне внимания аспекты, предполагающие различие «мотивов понимаемых» и «мотивов реально действующих» или, как их ещё называют, «знаемых» побуждений и «подлинных», «действительных» мотивов, мотивов «истинных» и «провозглашаемых» [13]. Относительно последнего подчеркивается, что зачастую вербально выраженные мотивы-суждения становятся аналогичными мотивам «провозглашаемым». Как отмечала И.М. Попова (1976 [14]), вербально выраженные оценки какого-либо мотивационного фактора, который может занимать то или иное место в общем рейтинге мотивов, может и не свидетельствовать о реальной его значимости для трудовой деятельности.

Схожей позиции придерживался и В.Э. Шляпентох (1973 [15]), подчеркивая, что к оценкам респондентов в отношении мотивов совершения тех или иных действий, например трудоустройства или увольнения, необходимо относиться критически, сопоставлять субъективную информацию с объективной, не пропущенной сквозь «оценочный аппарат опрашиваемого». Одним из возможных способов преодоления этого затруднения является учёт наряду с мотивационными факторами конкретных результатов трудовой деятельности. Ещё в 1976 г. И.М. Поповой отмечалась необходимость анализа фактического трудового поведения работников при изучении их трудовых предпочтений. Схожий подход использовался и в исследованиях, выполненных под руководством О.И. Шкаратана, предполагающий сопоставление элементов рабочей ситуации с результатами трудовой деятельности, а не с удовлетворенностью работой как таковой. В 2000-х гг. использование такого подхода обосновывалось в исследовании А.Г. Здравомыслова, В.А. Ядова (2003 [16]) и отмечалось, что те факторы, которые влияют на результативность труда, не всегда будут определять уровень удовлетворенности работой. Соответственно возникает необходимость проверки значимости мотивов труда реальными показателями работы. О сохранении актуальности рассмотрения данного вопроса высказывался Ф. Херцберг [17]. В своём обзорном исследовании, охватываю-

щем монографии и статьи по факторам, формирующим то или иное отношение к работе, а также результатам отношения к работе в области производительности и качества труда, он отмечал, что «в данной области царит разброд мнений и неразбериха». В ряде случаев (например, Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б.С., 2004¹⁰; Ильясов Ф.Н., 2013 [18, с. 20–21] и др.) подчеркивается, что связь между трудовой мотивацией и результативностью труда не выявлена и данные о взаимосвязи мотивации и удовлетворенности трудом, а также качеством работы продолжают оставаться неубедительными.

Принимая во внимание обозначенные выше аспекты, в работе мы использовали подход, в рамках которого исследовалась взаимосвязь показателей, отражающих, с одной стороны, удовлетворенность отдельными аспектами трудовой деятельности, с другой — параметры, характеризующие качество трудового потенциала и его реализацию.

Удовлетворенность отдельными сторонами трудовой жизни анализировалась нами с использованием ответов на следующие вопросы: 1) Отметьте, пожалуйста, удовлетворены ли Вы лично следующими сторонами трудовой и повседневной жизни?¹¹ и 2) Оцените важность перечисленных ниже мотивов и стимулов...?¹². Более содержательно аспекты, которые учитывались в исследовании, представлены ниже (табл. 1).

Следует отметить, что наряду с традиционно используемыми в работах мотивационными факторами, связанными, например, со справедливостью оплаты труда или с условиями труда, способствующими сохранению здоровья, нами принимались во внимание и аспекты, которые сопряжены с возможностью использования творческого подхода, с участием в управлении организацией. Последнее, как уже было отмечено выше, в некоторой степени связано с реализацией на практике принципов партисипативного управления.

¹⁰ Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. Социологический словарь / пер. с англ. под ред. С.А. Ерофеева. 2-е изд. М.: Экономика, 2004.

¹¹ Варианты ответа на вопрос: удовлетворен; скорее удовлетворен; не могу сказать, удовлетворен или нет; скорее не удовлетворен; не удовлетворен.

¹² Варианты ответа на вопрос: очень важно; довольно важно; более или менее важно; совсем не важно.

Таблица 1. Отдельные стороны трудовой жизни: удовлетворенность и важность

№ п/п	Важность мотивов и стимулов	Удовлетворенность сторонами трудовой жизни
1.	Справедливое начисление заработной платы	Справедливость начисления заработной платы
2.	Предоставление расширенного социального пакета	Полнота социального пакета
3.	Достойные условия труда, способствующие сохранению здоровья и повышению работоспособности	Санитарно-гигиеническая обстановка и безопасность труда
4.	Заинтересованность в результатах своей деятельности, проявление интереса к работе	Содержание своей работы
5.	Благоприятный психологический климат в коллективе	Психологическая обстановка в коллективе
6.	Прозрачная система продвижения по службе и карьерного роста	Возможности карьерного роста
7.	Внутренняя заинтересованность в творческом подходе	Творческий характер труда
8.	Демократический стиль управления в организации, создание условий для свободного обмена мнениями	Возможность участия в принятии управленческих решений

На первом этапе исследования осуществлялась переоценка удовлетворенности исходя из важности выделенных сторон трудовой жизни. Для решения этой задачи использовались методические аспекты, разработанные для схожих целей Г.Г. Татаровой и Г.П. Бессокирной (2014).

Поскольку по двум обозначенным выше вопросам изначальные балльные шкалы были разной размерности (в одном случае 4-х-балльная, а в другом 5-ти-балльная), нами в исследовании шкалы приводились к одной размерности. Тем самым удовлетворённость, скорректированная на важность, измерялась по шкале от 1 до 5 баллов (табл. 2).

Использование подобного подхода, предполагающего учёт наряду с удовлетворенностью важности тех или иных рассматриваемых аспектов, связано с тем, что применение прямых вопросов для исследования трудовой мотивации не позволяет выявить реальные побуждения, которые соответствуют содержанию потребностей и интересов работников. Последнее вызва-

но тем, что мотивы-суждения рассматриваются как объективированная форма существования обыденного знания и выступают как социальные факты, обусловленные, в конечном счёте, социально-экономическими условиями деятельности [19].

Помимо того, что по каждой стороне трудовой жизни рассматривалась удовлетворенность как таковая и скорректированная на важность, как уже отмечалось выше, принимались во внимание и аспекты, связанные с параметрами, характеризующими трудовую деятельность. Относительно последнего отметим, что учитывались средние балльные (по 10-ти-балльной шкале) оценки респондентов в отношении своей производительности труда, а также параметры, связанные с реализацией как трудового потенциала в целом, так и его отдельных компонентов (применительно к такому мотивационному фактору, как «демократический стиль управления в организации, создание условий для свободного обмена мнениями»). Кроме

Таблица 2. Схема вычисления удовлетворённости с учётом важности отдельных аспектов работы

Важность	Удовлетворённость	Удовлетворённость, скорректированная на важность
5 – очень важно [4 и 3]	5 – удовлетворен [1 и 2]	5
	3 – средний уровень удовлетворенности [3]	3
	1 – совсем не удовлетворен [4 и 5]	1
3 – более или менее важно [2]	5 – удовлетворен [1 и 2]	5
	3 – средний уровень удовлетворенности [3]	3
	1 – совсем не удовлетворен [4 и 5]	2
1 – совсем не важно [1]	5 – удовлетворен [1 и 2]	5
	3 – средний уровень удовлетворенности [3]	3
	1 – совсем не удовлетворен [4 и 5]	4
Примечание. В квадратных скобках указаны баллы до перевода шкал в одну размерность.		

того, учитывались и значения индексов трудового потенциала и его отдельных компонентов (применительно ко всем выделенным сторонам трудовой жизни).

В качестве информационной базы исследования выступили данные мониторинга качества трудового потенциала населения, проведенного Вологодским научным центром РАН в 2018 г. Выборка – квотная с пропорциональным размещением единиц наблюдения, ее объем составляет 1500 чел. трудоспособного возраста (мужчины 16–59 лет; женщины 16–54 лет) в Вологде и Череповце и восьми районах области. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения

области, а также пропорций между занятым, безработным (зарегистрированы на бирже труда) и экономически неактивным населением (студенты, учащиеся, домохозяйки и другие неработающие). Величина случайной ошибки выборки – 3–4 % при доверительном интервале 4–5 %. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Обработка анкет проведена в программе SPSS (Statistical Package for the Social Sciences).

Результаты исследования. В исследовании по каждой из сторон трудовой жизни нами рассматривалась удовлетворенность как таковая и скорректированная на важность (табл. 3).

Характеризуя эти два вида удовлетворенности (без учёта важности/с корректировкой на важность), в каждом случае учитывая варианты ответа «удовлетворен» и «скорее удовлетворен», отметим отсутствие изменений практи-

Таблица 3. Удовлетворенность различными сторонами трудовой жизни (без учёта важности/скорректированная на важность), в % от числа опрошенных

Стороны трудовой жизни	Вариант ответа	Удовлетворённость без учёта важности	Удовлетворённость, скорректированная на важность
Справедливость начисления заработной платы	Не удовлетворен + скорее не удовлетворен	25,2	25,9
	Не могу сказать, удовлетворен(а) или нет	33,9	38,7
	Удовлетворен + скорее удовлетворен	40,9	35,4
Полнота социального пакета (предоставление базовых и дополнительных социальных гарантий)	Не удовлетворен + скорее не удовлетворен	23,9	20,7
	Не могу сказать, удовлетворен(а) или нет	34,7	38,7
	Удовлетворен + скорее удовлетворен	41,3	40,7
Санитарно-гигиеническая обстановка и безопасность труда	Не удовлетворен + скорее не удовлетворен	18,1	15,9
	Не могу сказать, удовлетворен(а) или нет	33,3	38,7
	Удовлетворен + скорее удовлетворен	48,5	45,4
Содержание своей работы	Не удовлетворен + скорее не удовлетворен	15,4	14,9
	Не могу сказать, удовлетворен(а) или нет	32,2	37,2
	Удовлетворен + скорее удовлетворен	52,5	47,8
Психологическая обстановка в коллективе	Не удовлетворен + скорее не удовлетворен	10,9	14,3
	Не могу сказать, удовлетворен(а) или нет	31,2	35,5
	Удовлетворен + скорее удовлетворен	57,9	50,2
Возможности карьерного роста	Не удовлетворен + скорее не удовлетворен	23,5	21,3
	Не могу сказать, удовлетворен(а) или нет	38,6	43,6
	Удовлетворен + скорее удовлетворен	38,0	35,1
Творческий характер труда	Не удовлетворен + скорее не удовлетворен	20,5	18,4
	Не могу сказать, удовлетворен(а) или нет	39,8	42,7
	Удовлетворен + скорее удовлетворен	39,7	38,9
Возможность участия в принятии управленческих решений	Не удовлетворен + скорее не удовлетворен	26,5	22,3
	Не могу сказать, удовлетворен(а) или нет	41,2	44,2
	Удовлетворен + скорее удовлетворен	32,3	33,6

Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018 г.

Таблица 4. Ранжирование удовлетворенных различными сторонами трудовой жизни (вариант ответа суммарно «удовлетворен», «скорее удовлетворен»), в % от числа опрошенных

Удовлетворённость без учёта важности	%	Ранг	Удовлетворённость, скорректированная на важность	%	Ранг	Разница
Психологическая обстановка в коллективе	57,9	1	Психологическая обстановка в коллективе	50,2	1	-7,7
Содержание своей работы	52,5	2	Содержание своей работы	47,8	2	-4,7
Санитарно-гигиеническая обстановка и безопасность труда	48,5	3	Санитарно-гигиеническая обстановка и безопасность труда	45,4	3	-3,1
Полнота социального пакета (предоставление базовых и дополнительных социальных гарантий)	41,3	4	Полнота социального пакета (предоставление базовых и дополнительных социальных гарантий)	40,7	4	-0,6
Справедливость начисления заработной платы	40,9	5	Справедливость начисления заработной платы	35,4	6	-5,5
Творческий характер труда	39,7	6	Творческий характер труда	38,9	5	-0,8
Возможности карьерного роста	38,0	7	Возможности карьерного роста	35,1	7	-2,9
Возможность участия в принятии управленческих решений	32,3	8	Возможность участия в принятии управленческих решений	33,6	8	1,3
Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018 г.						

чески по всем восьми аспектам трудовой жизни, что содержательно проявилось фактически в неизменности рангов по этим двум видам удовлетворенности (табл. 4). Тем не менее по большинству сторон трудовой жизни, за исключением возможности принимать участие в управлении, удовлетворенность снизилась, в особенности по психологической обстановке в коллективе, справедливости зарплаты и содержанию работы (на 7,7; 5,5 и 4,7% соответственно)¹³.

Если рассматривать важность как таковую, то в ранжированном по степени значимости мотивов и стимулов ряду первые позиции

занимают справедливое начисление заработной платы, благоприятный психологический климат в коллективе, достойные условия труда, т.е. традиционные аспекты мотивационной сферы. В то время как противоположный «полюс» этого ряда – демократический стиль управления в организации, внутренняя заинтересованность в творческом подходе к труду (табл. 5).

Отметим, что, несмотря на важность традиционных мотивационных факторов, это далеко ещё не свидетельствуют в пользу того, что высокая степень удовлетворенности ими будет обеспечивать аналогичный уровень как качества трудового потенциала¹⁴, так и его

¹³ В остальных случаях изменения незначительны – не превышают 3% (ошибки выборки).

¹⁴ Качество трудового потенциала оценивалось на основе концепции качественных характеристик населения (Римашевская Н.М., Копнина В.Г., 1993) с многоуровневой системой компонентов трудового потенциала. Нижний (первый) уровень характеризует человека, учитывая его естественно-природную основу (физическое здоровье, психическое здоровье, знания и креативность) и включенность в общественные отношения (коммуникабельность, нравственность, социальные притязания, культура). На промежуточном (втором) уровне характеристики обобщаются до четырех групп базовых качеств: психофизиологические и интеллектуальные, а также коммуникативные характеристики и социальная активность, на третьем уровне – до двух компонентов (энергетического и социально-психологического потенциала) (Римашевская Н.М., 1993). Интегральное качество трудового потенциала – социальная дееспособность – представляет совокупность свойств, определяющих результативность трудовой деятельности в конкретных социальных условиях. Методический инструмент исследования включал анкету из блоков утверждений, соответствующих каждому из нижних (базовых) качеств с рейтинговыми шкалами оценивания по степени согласия респондента с предложенными ему утверждениями. Компоненты оценивались на основе индексного метода как отношение фактического числа баллов по шкале к максимально возможному и принимали значения от нуля до единицы. Социологический аппарат исследования включал шкалы Лайкерта при расчете качеств первого уровня, средние геометрические – при агрегировании качеств второго и третьего уровней и при расчете обобщающего показателя. Описание используемого методического инструментария приводится, в частности, в следующей статье (Устинова К.А., Чекмарева Е.А. Влияние уровня развития навыков на трудовой потенциал, его реализацию и выбор рабочих мест // Экономика региона. 2016. Т. 12. Вып. 3. С. 730).

реализации. Результаты проведенного нами социологического исследования свидетельствуют о том, что наиболее высокие значения качества трудового потенциала достигались, напротив, когда для работников были важны такие стороны трудовой жизни, как

возможность участия в принятии управленческих решений, карьерный рост (табл. 6). В то время как самые низкие значения качества трудового потенциала достигались тогда, когда речь шла о психологической обстановке в коллективе.

Таблица 5. Оцените важность перечисленных ниже мотивов и стимулов для проявления Ваших творческих способностей в работе (подача рационализаторских предложений, изобретательская активность; вариант ответа суммарно «очень важно», «довольно важно»), в % от числа опрошенных

Мотивы и стимулы	Вологда	Череповец	Районы	Область	Ранг
<i>Справедливое начисление заработной платы</i>	87,4	84,0	74,5	80,6	1
<i>Благоприятный психологический климат в коллективе</i>	83,1	75,7	71,5	75,8	2
<i>Достойные условия труда, способствующие сохранению здоровья и повышению работоспособности</i>	83,1	79,1	69,7	75,8	3
Возможность заработать премию, другие бонусы	80,1	73,1	66,4	71,9	4
<i>Прозрачная система продвижения по службе и карьерного роста</i>	77,4	56,8	66,7	67,0	5
Возможность профессионального роста	71,8	61,3	61,3	64,1	6
<i>Заинтересованность в результатах своей деятельности, проявление интереса к работе</i>	75,4	61,8	58,3	63,9	7
Моральное поощрение творчества (благодарность, почётная грамота, государственная награда и т.д.)	66,8	62,8	59,1	62,1	8
Желание добиться успеха, признания	72,1	58,3	57,9	61,8	9
Стремление к профессиональной самореализации	68,5	60,1	57,3	61,1	10
<i>Предоставление расширенного социального пакета (ДМС, оплата мобильной связи, частичная компенсация занятий спортом и т.д.)</i>	64,2	67,1	55,3	60,9	11
Желание получить выгоду от реализации новых идей	68,1	56,8	58,1	60,4	12
<i>Демократический стиль управления в организации, создание условий для свободного обмена мнениями по различным вопросам</i>	69,7	48,5	58,0	58,6	13
<i>Внутренняя заинтересованность в творческом подходе к труду</i>	57,2	52,5	55,0	54,9	14

Примечание: представлен весь перечень мотивов и стимулов различных сторон трудовой жизни, курсивом выделены пункты важности мотивов и стимулов, которые содержательно соотносятся с отдельными аспектами удовлетворенности.
Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018 г.

Таблица 6. Средние значения индекса качества трудового потенциала среди респондентов, удовлетворенных различными сторонами трудовой жизни (без учёта важности и скорректированной на важность; вариант ответа, суммарно «удовлетворен» и «скорее удовлетворен»), ед.

Стороны трудовой жизни	Качество ТП, ед. в группе респондентов удовлетворённых различными аспектами (без учёта важности)		Качество ТП, ед. в группе респондентов удовлетворённых различными аспектами (с учётом важности)	
	Значение	Ранг	Значение	Ранг
Возможность участия в принятии управленческих решений	0,7226	(1)	0,7094	(1)
Возможности карьерного роста	0,7188	(2)	0,7082	(2)
Санитарно-гигиеническая обстановка и безопасность труда	0,7052	(5)	0,7023	(3)
Справедливость начисления заработной платы	0,7009	(7)	0,6992	(4)
Содержание своей работы	0,7050	(6)	0,6986	(5)
Творческий характер труда	0,7120	(3)	0,6978	(6)
Полнота социального пакета (предоставление базовых и дополнительных социальных гарантий)	0,7082	(4)	0,6978	(7)
Психологическая обстановка в коллективе	0,6953	(8)	0,6940	(8)

Примечание. В скобках указан ранг.
Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018 г.

В исследовании предполагалось, что в качестве одного из параметров, влияющих на удовлетворенность различными сторонами трудовой жизни, может выступать уровень оплаты труда. Уровень дохода может оказывать влияние на то, какие приоритеты у человека. Действительно, исходя из значений индекса качества трудового потенциала, приведенных в последних двух столбцах *таблицы 7*, видно, что для удовлетворенных уровнем оплаты труда три первые позиции занимают возможность участия в принятии управленческих решений, карьерного роста, творческого характера труда. В то время как для

тех, кто не удовлетворен своей заработной платой, напротив, ключевая роль отводится традиционным мотивационным факторам.

Схожий вывод можно сделать и рассматривая производительность труда в разрезе обозначенных сторон трудовой жизни. Наибольшие значения средней производительности труда достигались по таким позициям как участие в принятии управленческих решений (8,45 и 8,34 балла соответственно), карьерный рост (8,44 и 8,32 балла соответственно), а также в случае предоставления работодателем как базовых, так и дополнительных социальных гарантий (*табл. 8*).

Таблица 7. Средние значения индекса качества трудового потенциала в группах респондентов с разным уровнем удовлетворенности заработной платой, ед.

Удовлетворен и скорее удовлетворен:	Качество ТП, ед. в группе респондентов, удовлетворённых различными асpekтами (без учёта важности)		Качество ТП, ед. в группе респондентов, удовлетворённых различными асpekтами (с учётом важности)	
	удовл. з/п	не удовл. з/п	удовл. з/п	не удовл. з/п
Справедливостью начисления заработной платы	0,7009 (8)	–	0,7012 (8)	0,6028 (8)
Полнотой социального пакета (предоставление базовых и дополнительных социальных гарантий)	0,7120 (5)	0,7007 (3)	0,7105 (7)	0,6631 (3)
Санитарно-гигиенической обстановкой и безопасностью труда	0,7125 (4)	0,6808 (6)	0,7118 (4)	0,6731 (1)
Содержанием своей работы	0,7114 (6)	0,6810 (5)	0,7115 (5)	0,6587 (5)
Психологической обстановкой в коллективе	0,7070 (7)	0,6683 (7)	0,7070 (6)	0,6665 (2)
Возможностями карьерного роста	0,7200 (2)	0,7094 (2)	0,7167 (2)	0,6628 (4)
Творческим характером труда	0,7169 (3)	0,6840 (4)	0,7131 (3)	0,6455 (7)
Возможностью участия в принятии управленческих решений	0,7265 (1)	0,7143 (1)	0,7224 (1)	0,6521 (6)

Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018 г.

Таблица 8. Среднее значение производительности труда в зависимости от степени удовлетворенности различными аспектами трудовой и повседневной жизни, баллов по 10-ти-балльной шкале

Отдельные аспекты трудовой и повседневной жизни	Средняя производительность труда в зависимости от степени удовлетворенности		
	Не удовлетворен + скорее не удовлетворен	Не могу сказать, удовлетворен(а) или нет	Удовлетворен + скорее удовлетворен
<i>Средняя производительность труда в зависимости от удовлетворенности без учёта важности</i>			
Справедливость начисления заработной платы	7,29	6,81	8,29
Полнота социального пакета (предоставление базовых и дополнительных социальных гарантий)	7,13	6,73	8,46
Санитарно-гигиеническая обстановка и безопасность труда	7,03	6,67	8,32
Содержание своей работы	6,84	6,64	8,29
Психологическая обстановка в коллективе	6,67	6,65	8,18
Возможности карьерного роста	7,10	6,91	8,44
Творческий характер труда	6,95	7,00	8,38
Возможность участия в принятии управленческих решений	7,26	7,01	8,45

Окончание таблицы 8

Отдельные аспекты трудовой и повседневной жизни	Средняя производительность труда в зависимости от степени удовлетворенности		
	Не удовлетворен + скорее не удовлетворен	Не могу сказать, удовлетворен(а) или нет	Удовлетворен + скорее удовлетворен
<i>Средняя производительность труда в зависимости от удовлетворенности, скорректированной на важность</i>			
Справедливость начисления заработной платы	7,34	7,53	8,26
Полнота социального пакета (предоставление базовых и дополнительных социальных гарантий)	7,22	7,40	8,32
Санитарно-гигиеническая обстановка и безопасность труда	7,07	7,38	8,29
Содержание своей работы	7,15	7,35	8,18
Психологическая обстановка в коллективе	6,68	7,41	8,17
Возможности карьерного роста	7,18	7,53	8,32
Творческий характер труда	7,19	7,63	8,13
Возможность участия в принятии управленческих решений	7,29	7,59	8,34
Источник: данные мониторинга качества трудового потенциала населения, ФГБУН ВолНЦ РАН, 2018 г.			

Таким образом, можно заключить, что важность таких сторон трудовой жизни, как участие в управленческих решениях, карьерный рост, творческий характер труда, обеспечивают более высокие значения качества трудового потенциала, более высокую удовлетворенность уровнем оплаты труда, а также производительность труда. В то время как в случае рассмотрения традиционных мотивационных факторов (санитарно-гигиеническая обстановка и безопасность труда, психологическая обстановка в коллективе, полнота социального пакета и др.) значения всех выделенных выше показателей, свидетельствующих как о накопленном потенциале, так и о его эффективной реализации, оказываются заметно ниже. Учитывая это, можно сделать вывод о положительном влиянии современных мотивационных факторов как на формирование, так и на использование трудового потенциала населения.

Заключение. В исследовании обращается внимание на создание среды, способствующей плодотворной работе, как одного из важнейших условий воспроизводства потенциала сотрудников. Обосновывается, что учёт удовлетворенности как таковой, выявленной на основе прямых оценок, зачастую не позволяет решить обозначенную выше задачу, поскольку мотивы-суждения могут выступать скорее как объективированные социальные факты. Для преодоления

этого затруднения в работе нами принималась во внимание наряду с удовлетворенностью теми или иными сторонами трудовой и повседневной жизни и их важность для работников.

Обосновано, что более высокий уровень удовлетворенности теми или иными сторонами трудовой жизни сопровождается более высокими показателями не только качества трудового потенциала, но и производительности труда. Что ещё раз наглядно демонстрирует значимость учёта мотивационных факторов в трудовой деятельности. Тем не менее из всех сторон трудовой жизни наиболее высокие значения качества трудового потенциала и производительности труда обеспечиваются в случае, когда достигается наивысшая удовлетворенность возможностью участия в принятии управленческих решений, творческим характером труда, карьерным ростом. Именно данные факторы создают предпосылки для роста качественных характеристик населения и их эффективного использования, однако их роль остается недооцененной, поскольку для работников по-прежнему в большей степени значимы именно традиционные мотивационные факторы (психологическая обстановка в коллективе, содержание работы, санитарно-гигиенические условия и др.). В ближайшие годы первостепенной задачей в области социальной политики в России должно стать обеспечение

полной продуктивной занятости как основного источника улучшения качества жизни населения, а главным национальным приоритетом — повышение интеллектуального потенциала нации [20, с. 56]. Полученные результаты свидетельствуют о важности создания для работников условий, способствующих развитию их образовательного и профессионального уровня, в том числе и в связи с продвижением по карьерной лестнице, создания соответствующей среды для проявления творческой активности за счёт решения работниками соответствующих задач и формирования для этого соответствующего «мотивационного поля». Сделанные нами выводы о влиянии мотивационных факторов (традиционных и современных) на качество трудового потенциала, на производительность и оплату труда подтверждают положения процессных теорий мотивации, в которых поведение населения связывается с мотивами и стимулами, обусловленными существующими ожиданиями и восприятием населением конкретной ситуации. Методические положения, касающиеся оценки конкретных сторон трудовой и повседневной жизни населения не только с позиций удовлетворенности ими, но и их важности, могут быть использованы в качестве своего рода инструментария для анализа на организационном уровне существующей или формирующейся системы мотивации. Необходи-

мость такого анализа, основанного на данных социологических исследований, можно отчасти связать с тем, что даже на уровне исполнительных органов власти в их публичных докладах находят отражение преимущественно вопросы о выполнении плановых показателей, в то время как проблемы, волнующие население (например, в отношении уровня жизни и др.), проявлены в меньшей степени.

Неучёт качественных параметров о состоянии российского общества в социально-трудовой сфере, полученных по результатам социологических исследований, не позволяет в должной мере оценить потенциал российского общества. А он, в свою очередь, является одним из важнейших факторов, определяющих дальнейший вектор общественного развития, конкурентоспособность и жизнеспособность государства [21, с. 24, 29–30]. Последний тезис, в частности, подтверждается результатами зарубежных исследований (например, Бенхабиб и Шпигель, 1994 [22]; Крисполти и Маркони, 2005 [23]; Кнеллер, 2005 [24]; Никола Геннай-оли, Рафайль ла Порта, Флоренсио Лопез де Силанес, Андрей Шлейфер, 2011 [25]): так, в Китае, по данным Джон Валей и Хилианг Жао [26]), за счет эффективного использования человеческого капитала обеспечивалось 38% экономических преобразований в период 1978–2008 гг. [27, с. 13].

Литература

1. Удалов А.С., Удалова Н.А. Трудовая мотивация в современной России: комплексный подход // Российское предпринимательство. 2014. Том 15. № 9. С. 42–51.
2. Бурыхин Б.С., Макашева Ю.С. Стимулирование творческой активности в системе управления персоналом // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 2(22). С. 84–90.
3. Akhmetshin E., Morozov I., Pavlyuk A., Yumashev A., Yumasheva N., Gubarkov S. Motivation of personnel in an innovative business climate. *European Research Studies Journal*, 2018, vol. 21(1).
4. Akhmetshin E.M., Vasiliev V.L., Bakhvalov S.Yu., Prikhod'ko A.N., Kazakov A.V. Internal Control in the system of innovation management in the modern business Environment. *International Journal of Economic Research*, 2017, vol. 14(15), pp. 409–416.
5. Ходыкина А.И., Бабинцева Е.И. Инновационные подходы к мотивации трудовой деятельности // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2016. № 12.
6. Печенегина Т.А., Печенегин М.Ю. Современные подходы к мотивации персонала на предприятиях в условиях антикризисного управления. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennyye-podhody-k-motivatsii-personala-na-predpriyatiyah-v-usloviyah-antikrizisnogo-upravleniya> (дата обращения: 11.04.2019)
7. Первакова Е.Е. Пирамида полезности. Способы нематериальной мотивации инновационной деятельности // Креативная экономика. 2014. № 4(88). С. 42–51.

8. Ливайн Х. Как стимулировать инициативу и инновации в организации // Управление проектами. 2005. № 1.
9. Чупанов А.С. Эффективный контракт как инструмент оценки в системе мотивации персонала // Экономическая среда. 2017. № 4(22). С. 84–88.
10. Витушкина И.Н. Трансформация мотивов «достижения» трудовой деятельности персонала промышленного предприятия // Тезисы Первой Всероссийской научной конференции «Сорокинские чтения-2004: Российское общество и вызовы глобализации». М.: Альфа-М, 2004.
11. Темницкий А.Л. Социальные функции удовлетворенности трудом современных российских рабочих // Трудовые отношения: состояние и тенденции развития в России: сб. науч. ст. Самара: Самарский университет, 2013. С. 183–193.
12. Попова И.М., Бессокирная Г.П. Изменилась ли мотивация труда рабочих в 1990-е годы? Методология и методы изучения, результаты и перспективы исследований // Мир России. 2005. № 4. С. 105–137.
13. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М.: Изд-во МГУ, 1972.
14. Попова И.М. Стимулирование трудовой деятельности как способ управления. Киев: Наукова думка, 1976.
15. Шляпентох В.Э. Проблемы достоверности статистической информации в социологических исследованиях. М.: Статистика, 1973.
16. Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Человек и его работа в СССР и после. М.: Аспект Пресс, 2003.
17. Herzberg F., Mausner B., Snyderman B. *The Motivation to Work*. New Brunswick, London, Transaction Publishers, 1993, 157 p.
18. Ильясов Ф.Н. Методология ресурсного подхода к анализу трудовых мотивов и установок // Мониторинг общественного мнения. 2013. № 5(117).
19. Бессокирная Г.П. Мотивация труда в постсоветской России: опыт и методики исследований // Социологические исследования. 2016. № 2. С. 29–38.
20. Леонидова Г.В., Панов А.М., Попов А.В. Трудовой потенциал России: проблемы сбережения // Проблемы развития территории. 2013. № 4(66). С. 49–57.
21. Ильин В.А., Шабунова А.А. Социологическое измерение эффективности государственного управления // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 2(32). С. 18–35.
22. Benhabib J., Spiegel M. The role of human capital in economic development evidence from aggregate cross-country data. *Journal of Monetary Economics*, 1994, vol. 34(2), pp. 143–173.
23. Crispolti V., Marconi D., *Technology Transfer and Economic Growth in Developing Countries: an Econometric Analysis*. Bank of Italy, Economic Research Department, 2005.
24. Kneller Frontier Technology, Absorptive Capacity and Distance. *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*, 2005, vol. 67(1), pp. 1–23.
25. Gennaioli N., La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A. *Human Capital and Regional Development: NBER working paper № 17158*. Cambridge: National bureau of economic research, 2011. 49 p.
26. Whalley J., Xiliang Zhao *The Contribution of Human Capital to China's Economic Growth: NBER working paper № 16592*. Cambridge: National bureau of economic research, 2010. 33 p.
27. Устинова К.А., Губанова Е.С., Леонидова Г.В. Человеческий капитал в инновационной экономике: монография. Вологда: Институт социально-экономического развития территорий РАН, 2015. 195 с.

Сведения об авторах

Ксения Александровна Устинова – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: ustanova-kseniya@yandex.ru)

Александра Николаевна Гордиевская – младший научный сотрудник, Вологодский научный центр Российской академии наук (160014, Российская Федерация, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: alessu85@mail.ru)

Ustinova K.A., Gordievskaya A.N.

Modern Forms and Methods to Motivate the Population to Engage in Creative Labor Activity

Abstract. Socio-economic changes are accompanied by the growing complexity of labor and transformation of its content in the direction of innovative and creative aspects. The spread of such labor makes it necessary to search for new approaches to motivate employees to use their labor and creative potential effectively. Our study considers new forms of non-financial incentives such as taking part in participatory governance, creating management systems designed to ensure the involvement of talented and creative employees in innovation projects and promotion of their career advancement. The goal of our research is to study the impact of traditional (fair pay, good working conditions, etc.) and modern (creative approach, participation of employees in corporate management, etc.) motivation factors on the quality of labor potential and parameters of its implementation (in particular, productivity and wages). The novelty of our study consists in the fact that it tests methodological aspects that characterize the quality of labor potential and individual parameters of its implementation in the population groups that differ in their degree of satisfaction with motivation factors, taking into account the degree of their relevance. The difference between the approach we apply and the existing ones is that in our case it is not only possible to overcome the problem of judgment motives as objectified social facts, but also to justify a thesis according to which the role of modern motivation factors in the work of the population is underestimated. In particular, the latter is due to the fact that the results of the analysis have shown that the low importance of modern motivation factors is associated with a higher quality of labor potential, productivity and wages, while the high importance of traditional motivation factors can often lead to opposite results. Methodological provisions regarding the assessment of specific aspects of labor activity and daily life of the population concerning their satisfaction with them and their importance can be used as a tool to analyze the existing or emerging motivation systems at the organizational level.

Key words: motivation, material and non-material incentives, labor potential, implementation of labor potential, creative labor activity, satisfaction with various aspects of labor life.

Information about the Authors

Kseniya A. Ustinova – Candidate of Sciences (Economics), Senior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: ustinova-kseniya@yandex.ru)

Aleksandra N. Gordievskaya – Junior Researcher, Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: alessu85@mail.ru)

Статья поступила 27.05.2019.

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Мониторинг общественного мнения о состоянии российского общества

Продолжая сложившуюся традицию нашего издания, приводим результаты мониторинговых оценок общественного мнения о состоянии российского общества, выполняемых ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области¹.

Нижеследующие таблицы показывают динамику ряда параметров социального самочувствия и общественно-политических настроений населения Вологодской области за период с февраля 2018 (начало первого года IV президентского срока В. Путина) по июнь 2019 г.

Дается сопоставление результатов исследований с данными за 2007-й (последний год II президентского срока В.В. Путина, когда были достигнуты наиболее высокие оценки президентской деятельности), 2011-й (последний год президентства Д.А. Медведева) и 2012 г. (первый год III президентского срока В.В. Путина).

Представлена годовая динамика данных за последние 2 года (2017–2018).

В апреле – июне 2019 г. уровень одобрения деятельности Президента РФ существенно не изменился: доля положительных оценок составляет 56%, удельный вес отрицательных суждений снизился с 31 до 28%.

Таким образом, после продолжительного (с июня 2018 по апрель 2019 г.) снижения уровня одобрения деятельности главы государства (что было вызвано прежде всего реакцией людей на повышение пенсионного возраста) динамика оценок населения в целом стабилизировалась. В то же время удельный вес позитивных суждений пока что остается на существенно более низком уровне, чем в среднем за 2018 год (56% в июне 2019 г. против 66% в среднем за 2018 г.).

¹ Опросы проводятся 6 раз в год в Вологде, Череповце и в восьми районах области (Бабаевском, Великоустюгском, Вожегодском, Грязовецком, Кирилловском, Никольском, Тарногском и Шекснинском). Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Объем выборочной совокупности – 1500 человек в возрасте 18 лет и старше. Выборка целенаправленная, квотная. Репрезентативность выборки обеспечена соблюдением пропорций между городским и сельским населением, пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города), половозрастной структуры взрослого населения области. Ошибка выборки не превышает 3%.

Более подробную информацию о результатах опросов, проводимых ВолНЦ РАН, можно найти на сайте <http://www.vscs.ac.ru/>.

Для справки:

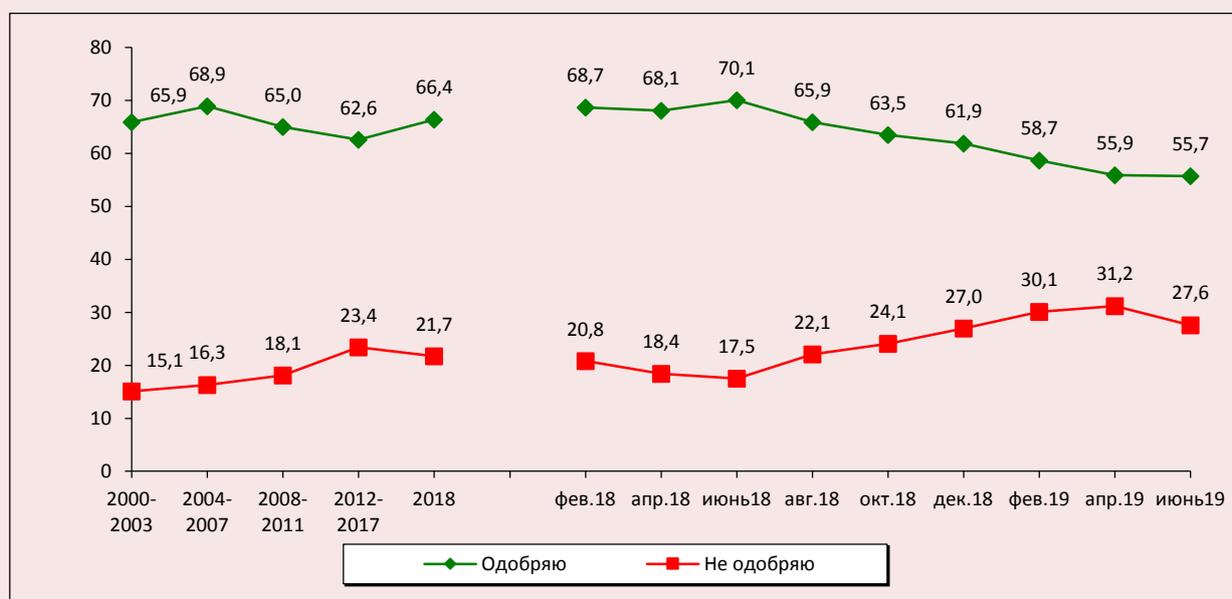
В целом по стране уровень одобрения деятельности главы государства в последние месяцы остается стабильным. По данным ВЦИОМ, доля положительных оценок в мае 2019 г. (как и в апреле) составила 66%, отрицательных – 32%.

Для сравнения: в феврале 2018 г. уровень одобрения деятельности Президента, по данным ВЦИОМ, составлял 78%, неодобрения – 12%².

По данным Левада-Центра, поддержка деятельности Президента в первой половине июня составила 64% (в апреле–мае – 65%). Доля отрицательных суждений – 27% (в апреле–мае – 26%).

Для сравнения: в феврале 2018 г. доля положительных оценок деятельности главы государства, по данным Левада-Центра, составляла 76%, отрицательных – 22%.

Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Президента России? (в % от числа опрошенных)*

* 2000 – 2003 гг.: среднегодовая оценка за I президентский срок В.В. Путина;
 2004 – 2007 гг.: среднегодовая оценка за II президентский срок В.В. Путина;
 2008 – 2011 гг.: среднегодовая оценка за президентский срок Д.А. Медведева;
 2012 – 2017 гг.: среднегодовая оценка за III президентский срок В.В. Путина.

² Следует при этом отметить, что в феврале 2018 г. ВЦИОМ проводил телефонный опрос (по-видимому, в связи с наступающими президентскими выборами). Для сравнения текущих показателей более корректно анализировать результаты январского опроса, согласно которым доля положительных оценок деятельности Президента составила 83%, отрицательных – 11%.

За последние два месяца незначительно (на 3 п.п.) улучшились оценки успешности деятельности Президента по наведению порядка в стране (доля положительных отзывов увеличилась с 42 до 45%) и защите демократии, укреплению свобод граждан (с 32 до 35%).

Удельный вес тех, кто считает успешной работу Президента по укреплению международных позиций России и подъему экономики, росту благосостояния граждан, за последние два месяца не изменился (45 и 29% соответственно).

Следует отметить, что в целом за период с февраля 2018 по июнь 2019 г. доля положительных оценок деятельности Президента по решению ключевых проблем страны незначительно уменьшилась (на 2–8 п.п.). Причем, в отличие от общего уровня поддержки деятельности главы государства, в данном случае нельзя сказать, что негативные изменения связаны с резким ухудшением общественного мнения в июне 2018 г., когда было объявлено о реформировании пенсионного законодательства (в июне 2018 г. резких скачков в динамике оценок населения не наблюдалось).

На сегодняшний день доля положительных оценок по решению всех ключевых проблем страны остается на 2–5 п.п. ниже, чем в 2016–2018 гг.

Насколько успешно, на Ваш взгляд, Президент РФ справляется с проблемами..?* (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2012	2017	2018	Фев. 2018	Апр. 2018	Июнь 2018	Авг. 2018	Окт. 2018	Дек. 2018	Фев. 2019	Апр. 2019	Июнь 2019	Изменение (+/-) июнь 2019 по отношению к...	
																Апр. 19
Укрепление международных позиций России																
Успешно	58,4	46,2	43,1	55,7	54,2	55,2	56,1	55,6	53,3	51,3	53,5	51,5	50,2	51,9	+2	-3
Не успешно	24,9	33,7	37,9	26,8	28,4	26,9	26,9	26,7	29,1	30,7	30,3	31,7	32,7	30,3	-2	+3
Индекс успешности	133,5	112,5	105,2	129,0	125,7	128,3	129,2	128,9	124,2	120,6	123,2	119,8	117,5	121,6	+4	-7
Наведение порядка в стране																
Успешно	53,2	36,6	35,4	50,6	51,1	50,9	54,2	55,1	51,0	48,5	46,9	44,2	42,4	44,5	+2	-6
Не успешно	34,0	50,0	50,7	36,1	35,0	32,7	30,8	32,9	36,2	37,9	39,5	40,7	42,6	39,3	-3	+7
Индекс успешности	119,2	86,6	84,7	114,5	116,1	118,2	123,4	122,2	114,8	110,6	107,4	103,5	99,8	105,2	+5	-13
Защита демократии и укрепление свобод граждан																
Успешно	44,4	32,4	28,8	40,3	40,5	42,8	42,9	43,4	39,8	37,3	36,5	33,5	32,3	34,6	+2	-8
Не успешно	37,0	48,3	52,3	40,2	40,2	38,7	37,1	38,1	41,4	42,7	43,3	45,3	47,7	45,5	-2	+7
Индекс успешности	107,4	84,1	76,5	100,2	100,2	104,1	105,8	105,3	98,4	94,6	93,2	88,2	84,6	89,1	+5	-15
Подъем экономики, рост благосостояния граждан																
Успешно	47,2	30,7	28,5	29,3	31,0	31,0	31,3	32,3	30,6	30,6	29,9	28,1	28,1	29,1	+1	-2
Не успешно	39,1	56,1	57,9	56,9	56,2	53,7	55,3	55,2	58,3	57,2	57,6	56,9	58,2	57,8	0	+4
Индекс успешности	108,1	74,6	70,6	72,4	74,7	77,3	76,0	77,1	72,3	73,4	72,3	71,2	69,9	71,3	+1	-6

* Ранжировано по среднему значению индекса успешности за 2018 г.

За последние два месяца структура партийно-политических предпочтений населения существенно не изменилась. Вместе с тем, в целом за период с февраля 2018 по июнь 2019 г. отмечается незначительное снижение поддержки «Единой России» (на 3 п.п., с 38 до 35%), а также рост удельного веса жителей области, считающих, что ни одна из представленных в парламенте партий не выражает их интересы (на 3 п.п., с 29 до 32%).

Позиции остальных парламентских партий существенно не меняются: уровень поддержки ЛДПР составляет 9–10%, КПРФ – 7–8%, «Справедливой России» – 3–4%.

Какая партия выражает Ваши интересы? (в % от числа опрошенных)

Партии	2007	2011	Выборы в ГД РФ 2011, факт	2012	2016	Выборы в ГД РФ 2016, факт	2017	2018	Фев. 2018	Апр. 2018	Июнь 2018	Авг. 2018	Окт. 2018	Дек. 2018	Фев. 2019	Апр. 2019	Июнь 2019	Изменение (+/-) июнь 2019 по отношению к...	
																		Апр. 19	Фев. 18
Единая Россия	30,2	31,1	33,4	29,1	35,4	38,0	34,7	37,9	38,4	39,7	38,9	38,1	36,5	36,0	34,6	33,3	34,8	+2	-4
ЛДПР	7,5	7,8	15,4	7,8	10,4	21,9	11,0	9,6	10,1	9,6	9,7	9,7	9,7	8,8	8,9	8,2	9,1	+1	-1
КПРФ	7,0	10,3	16,8	10,6	8,3	14,2	7,6	9,2	7,1	8,1	8,7	10,3	11,1	9,9	9,1	8,0	8,5	+1	+1
Справедливая Россия	7,8	5,6	27,2	6,6	4,2	10,8	4,8	2,9	3,5	2,5	2,3	2,7	3,4	2,8	2,9	2,9	2,5	0	-1
Другая	1,8	1,9	–	2,1	0,3	–	0,5	0,7	0,9	1,2	0,5	0,6	0,4	0,4	0,6	0,3	0,3	0	-1
Никакая	17,8	29,4	–	31,3	29,4	–	29,2	28,5	28,8	26,2	26,7	28,5	29,0	31,9	34,2	34,7	32,3	-2	+4
Затрудняюсь ответить	21,2	13,2	–	11,7	12,0	–	12,2	11,2	11,1	12,7	13,3	10,0	9,9	10,2	9,7	12,6	12,4	0	+1

На высоком уровне сохраняются оценки психологического самочувствия населения: доля людей, испытывающих преимущественно положительные эмоции, в июне 2019 г. составила 71%; удельный вес тех, кто считает, что «все не так плохо и можно жить; жить трудно, но можно терпеть», – 79%. В целом эти показатели остаются стабильными на протяжении всего периода с февраля 2018 по июнь 2019 г.

Несколько противоречивые выводы можно сделать по поводу динамики самооценок материального положения населения:

с одной стороны, на протяжении 2019 г., так же как и в среднем за 2017–2018 гг., сохраняется устойчивая доля жителей области, субъективно причисляющих себя к категории людей «среднего достатка» (43%). С другой стороны, она остается более низкой, чем удельный вес тех, кто считает себя «бедным» или «нищим» (46%).

Индекс потребительских настроений, отражающий прогнозы населения относительно перспектив экономики и личного материального положения, в 2019 г. остается стабильным (90–91 п.) и даже более высоким, чем в 2017–2018 гг. (85–89%). Однако его значение по-прежнему сохраняется на уровне меньше 100 пунктов, что означает преобладание пессимистических суждений в оценках жителей области.

Оценка социального состояния (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2007	2011	2012	2017	2018	Фев. 2018	Апр. 2018	Июнь 2018	Авг. 2018	Окт. 2018	Дек. 2018	Фев. 2019	Апр. 2019	Июнь 2019	Изменение (+/-) июнь 2019 по отношению к...	
															Апр. 19	Фев. 18
Настроение																
Нормальное состояние, прекрасное настроение	63,6	63,1	67,3	70,4	71,2	68,6	71,5	72,5	72,5	71,3	70,7	68,0	68,8	71,4	+3	+3
Испытываю напряжение, раздражение, страх, тоску	27,8	28,9	27,0	24,2	23,1	23,4	23,1	22,8	22,5	23,1	23,5	25,6	25,5	23,5	-2	0
Запас терпения																
Всё не так плохо и жить можно; жить трудно, но можно терпеть	74,1	74,8	76,6	77,7	77,1	76,2	79,0	76,5	78,0	75,7	77,1	74,3	76,7	78,0	+1	+2
Терпеть наше бедственное положение невозможно	13,6	15,3	15,8	15,8	16,3	16,3	14,8	16,6	15,5	17,1	17,5	19,1	17,5	16,5	-1	0
Социальная самоидентификация*																
Доля считающих себя людьми среднего достатка	48,2	43,1	44,7	43,1	42,3	41,2	41,8	43,1	43,3	42,8	41,6	43,8	41,3	43,3	+2	+2
Доля считающих себя бедными и нищими	42,4	44,3	44,5	46,6	45,4	46,2	46,5	45,3	44,1	45,4	44,7	44,8	46,9	45,8	-1	0
Индекс потребительских настроений																
Значение индекса, в пунктах	105,9	89,6	91,5	84,6	89,9	89,2	90,3	92,2	89,2	89,2	89,1	90,1	90,0	91,2	+1	+2

* Формулировка вопроса: «К какой категории Вы себя относите?»

За последние два месяца увеличение доли положительных оценок социального настроения отмечается в 6 из 14 социально-демографических категорий, особенно среди людей старше 55 лет (на 7 п.п., с 60 до 67%). В остальных группах существенных изменений в оценках своего эмоционального состояния не произошло.

Следует в то же время отметить, что по сравнению со средним уровнем за 2018 г. в некоторых категориях отмечается негативная динамика суждений. Так, например, среди лиц с высшим и незаконченным высшим образованием доля тех, кто положительно характеризует свое настроение, уменьшилась на 5 п.п. (с 77 до 72%); среди жителей Череповца – на 4 п.п. (с 76 до 72%).

Социальное настроение в различных социальных группах (вариант ответа «Прекрасное настроение, нормальное, ровное состояние», в % от числа опрошенных)

Категория населения	2007	2011	2012	2017	2018	Фев. 2018	Апр. 2018	Июнь 2018	Авг. 2018	Окт. 2018	Дек. 2018	Фев. 2019	Апр. 2019	Июнь 2019	Изменение (+/-) июнь 2019 по отношению к...	
															Апр. 19	Фев. 18
Пол																
Мужской	65,9	64,5	69,1	70,6	72,8	71,0	73,4	74,5	73,9	70,8	73,4	69,9	68,6	72,1	+4	+1
Женский	61,7	62,0	65,8	70,2	69,8	66,6	70,0	70,9	71,3	71,8	68,4	66,4	69,0	70,8	+2	+4
Возраст																
До 30 лет	71,3	70,0	72,3	78,1	80,0	74,2	79,6	81,3	77,9	85,1	81,6	76,3	81,2	82,9	+2	+9
30-55 лет	64,8	62,5	67,9	71,5	72,6	68,8	74,0	75,1	74,9	70,9	71,6	68,0	71,5	70,5	-1	+2
Старше 55 лет	54,8	58,3	62,1	64,9	65,2	65,6	64,2	64,7	66,5	65,4	64,7	64,3	59,8	67,4	+8	+2
Образование																
Среднее и н/среднее	58,4	57,4	57,2	63,6	64,8	60,5	65,5	64,8	66,5	63,8	67,8	61,5	60,4	64,4	+4	+4
Среднее специальное	64,6	63,6	66,7	72,0	72,2	68,9	72,7	74,9	72,6	73,5	70,5	68,6	73,0	77,3	+4	+8
Высшее и н/высшее	68,6	68,3	77,0	75,8	76,8	77,9	76,2	77,4	78,4	76,5	74,1	73,8	73,3	72,1	-1	-6
Доходные группы																
20% наименее обеспеченных	51,6	45,3	51,5	52,9	57,3	47,7	61,8	60,0	53,1	59,6	61,3	50,4	56,1	54,9	-1	+7
60% средне-обеспеченных	62,9	65,3	68,7	72,0	71,9	70,3	71,7	72,3	74,5	73,1	69,7	67,2	69,9	74,1	+4	+4
20% наиболее обеспеченных	74,9	75,3	81,1	83,7	82,9	82,2	81,5	85,5	83,4	81,3	83,4	86,2	81,0	81,0	+0	-1
Территории																
Вологда	63,1	67,1	73,6	72,6	71,0	71,0	73,5	75,4	70,4	68,8	67,1	65,5	68,5	70,3	+2	-1
Череповец	68,1	71,2	76,2	75,7	75,8	71,5	75,0	76,7	79,1	77,7	74,5	71,1	67,8	72,1	+4	+1
Районы	61,6	57,1	59,8	66,1	68,7	65,6	68,3	68,6	69,8	69,2	70,5	67,6	69,6	71,7	+2	+6
Область	63,6	63,1	67,3	70,4	71,2	68,6	71,5	72,5	72,5	71,3	70,7	68,0	68,8	71,4	+3	+3

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты этапа мониторинга, проведенного в апреле — июне 2019 г., позволяют говорить о стабилизации отношения населения к деятельности Президента после достаточно продолжительной негативной динамики, вызванной реакцией на изменения в пенсионном законодательстве. В целом аналогичные тенденции демонстрируют итоги общероссийских опросов, проводимых ВЦИОМ и Левада-Центром.

Отсутствие негативных изменений в оценках деятельности главы государства отмечается впервые за период с июня 2018 г., однако пока сложно судить о том, является ли это признаком исчерпанности общественного недовольства по поводу пенсионной реформы или это связано, например, с наступлением летнего сезона — периода отпусков и дачных забот, которые вполне могли вытеснить общественно-политическую повестку дня на периферию общественного сознания. На сегодняшний день констатировать можно лишь то, что большую часть времени, прошедшего с начала нового политического сезона, динамика общественного мнения относительно деятельности Президента имела негативный вектор, и изменить его — пока что лишь актуальная задача на ближайшие месяцы.

В отношении оценок материального положения, а также его перспектив на ближайшее будущее сохраняется стабильная ситуация, которую, тем не менее, сложно назвать позитивной: доля жителей области, субъективно причисляющих себя к «бедным и нищим» слоям населения, превышает удельный вес тех, кто относит себя к категории людей «среднего достатка», а в прогнозах экономической ситуации и своего личного материального благополучия преобладают негативные суждения.

По большому счету, об устойчивом позитивном характере общественного мнения можно говорить лишь в отношении самооценок психологического самочувствия населения: во всех социально-демографических категориях (включая пенсионеров и людей с низким уровнем доходов) более половины опрошенных говорят о том, что испытывают «прекрасное настроение; нормальное, ровное состояние».

Таким образом, на сегодняшний день мы можем констатировать те или иные изменения в динамике оценок общественного мнения, однако из них сложно делать какие-либо долгосрочные выводы. Важным периодом в плане проверки «на прочность» существующих отношений между обществом и властью станет осенне-зимний сезон, когда традиционно подойдет к концу пора летних отпусков и (в связи с началом отопительного сезона) возрастут тарифы ЖКХ. Многое будет зависеть также от того, насколько ощутимыми для широких слоев населения явятся позитивные изменения, к которым должны привести широко анонсируемые властью первые итоги национальных проектов.

Вполне возможно, что многие решения власти, принятые в новом политическом цикле и негативно встреченные большинством населения, действительно «играют вдолгую» и эффект от них следует ожидать через 20 или 30 лет. Однако удастся ли на эти 20–30 лет сохранить имеющийся уровень доверия и в целом относительное спокойствие общественно-политической ситуации, остается вопросом, требующим самого пристального внимания со стороны органов управления. Особенно в связи с возможной сменой главы государства в 2024 году.

Материалы подготовили: М.В. Морев, И.В. Параничева, И.М. Бахвалова.

ПРАВИЛА
приёма статей, направляемых в редакцию научного журнала
«Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз»
(в сокращении)

Журнал публикует оригинальные статьи теоретического и экспериментального характера, тематика которых соответствует тематике журнала, объёмом не менее 16 страниц (30 000 знаков с пробелами). Максимальный объём принимаемых к публикации статей – 25 страниц (50 000 знаков с пробелами). К публикации также принимаются рецензии на книги, информация о научных конференциях, хроника событий научной жизни. Статьи должны отражать результаты законченных и методически правильно выполненных работ.

Решение о публикации принимается редакционной коллегией журнала на основе заключения рецензента, также учитывается новизна, научная значимость и актуальность представленных материалов. Статьи, отклоненные редакционной коллегией, повторно не рассматриваются.

Требования к комплектности материалов

В электронном виде в редакцию предоставляются следующие материалы.

1. Файл со статьей в формате Microsoft Word с расширением .docx. Имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора (например: Ivanova.docx).
2. Данные об авторе статьи на отдельной странице, включающие Ф. И. О. полностью, ученую степень и ученое звание, место работы и должность автора, контактную информацию (почтовый адрес, телефон, при наличии – e-mail), идентификатор ORCID, идентификатор Researcher ID и оформленные по образцу.
3. Отсканированная копия обязательства автора не публиковать статью в других изданиях.
4. Цветная фотография автора в формате .jpeg / .jpg объемом не менее 1 Мб.

Комплект материалов в электронном виде может быть прислан по электронной почте на адрес редакционной коллегии (common@vscc.ac.ru).

Требования к оформлению текста статьи.

1. Поля.

Правое – 1 см., остальные – по 2 см.

2. Шрифт.

Размер (кегель) – 14, гарнитура – Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно предоставить вместе с файлом. Интервал – 1,5.

3. Абзацный отступ – 1,25. Выставляется автоматически в MS Word.

4. Нумерация.

Номера страниц статьи должны быть поставлены автоматически средствами MS Word в правом нижнем углу.

5. Оформление 1 страницы статьи.

В верхнем правом углу страницы указывается индекс УДК. Далее через полуторный интервал – индекс ББК. Далее через полуторный интервал – знак ©, отступ (пробел), фамилия и инициалы автора статьи. Применяется полужирное начертание. После отступа в два интервала строчными буквами приводится название статьи (выравнивание по центру, полужирное начертание). После отступа в два интервала приводится аннотация (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в один интервал приводятся ключевые слова (выравнивание по ширине, выделение курсивом, без абзацного отступа). После отступа в два интервала приводится текст статьи.

6. Требования к аннотации.

Объём текста аннотации должен составлять от 200 до 250 слов. В обязательном порядке в аннотации должна быть сформулирована цель проведенного исследования; лаконично перечислены образующие несомненную научную новизну отличия выполненной работы от аналогичных работ других ученых; перечислены использованные автором методы исследования; приведены основные результаты выполненной работы; определены области применения полученных результатов исследования; кратко сформулированы перспективы дальнейшей НИР в указанной области.

Примеры хороших аннотаций для различных типов статей (обзоры, научные статьи, концептуальные статьи, практические статьи) представлены на сайте:

<http://www.emeraldinsight.com/authors/guides/write/abstracts.htm?part=2&PHPSESSID=hdac5rtkb73ae013ofk4g8nr1>.

7. Требования к ключевым словам.

К каждой статье должны быть даны ключевые слова (до 8 слов или словосочетаний). Ключевые слова должны наиболее полно отражать содержание рукописи. Количество слов внутри ключевой фразы – не более трех.

8. Требования к оформлению таблиц.

В названии таблицы слово «Таблица» и её номер (при наличии) даются без выделения (обычное начертание). Название таблицы выделяется полужирным начертанием. Выравнивание – по центру.

Таблицы должны быть вставлены, а не нарисованы из линий автофигур. Не допускается выравнивание столбцов и ячеек пробелами либо табуляцией. Таблицы выполняются в табличном редакторе MS WORD. Каждому пункту боковика и шапки таблицы должна соответствовать своя ячейка. Создание и форматирование таблиц должно производиться исключительно стандартными средствами редактора, недопустимо использование символа абзаца, пробелов и пустых дополнительных строк для смысловой разбивки и выравнивания строк.

9. Требования к оформлению рисунков, схем, графиков, диаграмм.

Название и номер рисунка располагаются ниже самого рисунка. Начертание слова «Рис.» обычное (без выделения). Название рисунка приводится с полужирным выделением. Выравнивание – по центру. Интервал – одинарный.

Для создания графиков должна использоваться программа MS EXCEL, для создания блок-схем – MS WORD, MS VISIO, для создания формул – MS Equation.

Рисунки и схемы, выполненные в MS WORD, должны быть сгруппированы внутри единого объекта. Не допускается использование в статье сканированных, экспортированных или взятых из Интернета графических материалов.

Алгоритм вставки графиков из MS EXCEL в MS WORD:

1) в MS EXCEL выделить график компьютерной мышью, правой клавишей выбрать пункт контекстного меню «копировать»;

2) в MS WORD правой клавишей мыши выбрать пункт контекстного меню «вставить», выбрать параметр вставки «специальная вставка», «диаграмма Microsoft Excel».

10. Оформление библиографических сносок под таблицами и рисунками.

Пишется «Источник:», «Составлено по:», «Рассчитано по:» и т. п. и далее приводятся выходные данные источника.

11. Оформление постраничных сносок.

Постраничные сноски оформляются в строгом соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. – 2008.

12. Оформление и содержание списка литературы.

Слово «Литература» печатается строчными буквами полужирным курсивом, выравнивается по центру, дается через полтора интервала после текста статьи. После слова «Литература» делается полторный интервал и приводится список библиографических источников.

Источники в списке литературы располагаются строго в алфавитном порядке (сначала русскоязычные источники, расположенные по алфавиту, затем – иностранные, также расположенные по алфавиту).

Ссылки на русскоязычные источники оформляются в соответствии с ГОСТ 7.1 – 2003 с указанием обязательных сведений библиографического описания. Ссылки на англоязычные источники оформляются в соответствии со схемой описания на основе стандарта Harvard¹.

В списке литературы должны быть приведены ссылки на научные труды, использованные автором при подготовке статьи. Обязательно наличие ссылок на все источники из списка литературы в тексте статьи.

В соответствии с международными стандартами подготовки публикаций рекомендуемое количество источников в списке литературы – не менее 20, из которых не менее 30% должны быть зарубежными.

Количество ссылок на работы автора не должно превышать 10 % от общего количества приведенных в списке литературы источников.

Авторам не рекомендуется включать в список литературы следующие источники: 1) статьи из любых ненаучных журналов, газет; 2) нормативные и законодательные акты; 3) статистические сборники и архивы; 4) источники без указания автора (например, сборники под чьей-либо редакцией); 5) словари, энциклопедии, другие справочники; 6) доклады, отчеты, записки, рапорты, протоколы; 7) учебники и т. д. Ссылки на указанные источники рекомендуется давать посредством соответствующих постраничных сносок.

В список литературы рекомендуется включать следующие источники: 1) статьи из печатных научных журналов (или электронных версий печатных научных журналов); 2) книги; 3) монографии; 4) опубликованные материалы конференций; 5) патенты.

Ссылка в тексте статьи на библиографический источник приводится в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника из списка литературы и номера страницы, на которую ссылается автор. Возможна отсылка к нескольким источникам из списка, порядковые номера которых должны быть разделены точкой с запятой (например: [26, с. 10], [26, с. 10; 37, с. 57], [28], [28; 47] и пр.).

Статьи без полного комплекта сопроводительных материалов, а также статьи, не соответствующие требованиям издательства по оформлению, к рассмотрению не принимаются!

---

¹ Информация об измененном стандарте Harvard представлена в работе О.В. Кирилловой «Редакционная подготовка научных журналов по международным стандартам. Рекомендации эксперта БД Scopus» (М., 2013. Ч. 1. 90 с.).

Лицензионный договор № _____

г. Вологда

« ____ » _____ 20__ года

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук, именуемое в дальнейшем «Лицензиат», в лице _____, действующего на основании доверенности _____, с одной стороны, и _____, именуемый(ая) в дальнейшем «Лицензиар», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона/Стороны», заключили настоящий договор (далее — «Договор») о нижеследующем.

1. Предмет Договора

1.1. По настоящему Договору Лицензиар предоставляет Лицензиату неисключительные права на использование статьи _____,

(наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов)

именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.2. Лицензиар гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Лицензиату Произведение.

2. Права и обязанности Сторон

2.1. Лицензиар предоставляет Лицензиату на срок 5 (Пять) лет следующие права:

2.1.1. право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения;

2.1.2. право на распространение Произведения любым способом;

2.1.3. право на переработку Произведения (создание на его основе нового, творчески самостоятельного произведения) и право на внесение изменений в Произведение, не представляющих собой его переработку;

2.1.4. право на публичное использование Произведения и демонстрацию его в информационных, рекламных и прочих целях;

2.1.5. право на доведение до всеобщего сведения;

2.1.6. право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Лицензиару вознаграждения.

2.2. Лицензиар гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Лицензиату по настоящему Договору, является оригинальным произведением Лицензиара.

2.3. Лицензиар гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключенному договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2.4. Лицензиар передает права Лицензиату по настоящему Договору на основе неисключительной лицензии.

2.5. Лицензиар обязан предоставить Лицензиату Произведение в печатной/электронной версии для ознакомления. В течение 60 (Шестидесяти) рабочих дней, если Лицензиатом не предъявлены к Лицензиару требования или претензии, связанные с качеством (содержанием) или объемом предоставленной для ознакомления рукописи Произведения, Стороны подписывают Акт приема-передачи Произведения.

2.6. Дата подписания Акта приема-передачи Произведения является моментом передачи Лицензиату прав, указанных в настоящем Договоре.

2.7. Лицензиат обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Лицензиара, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

2.8. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

3. Ответственность Сторон

3.1. **Лицензиар** и **Лицензиат** несут в соответствии с действующим законодательством РФ имущественную и иную юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

3.2. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить убытки, причинённые другой Стороне, включая упущенную выгоду.

4. Конфиденциальность

Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

5. Заключительные положения

5.1. Все споры и разногласия Сторон, вытекающие из условий настоящего Договора, подлежат урегулированию путём переговоров, а в случае их безрезультатности указанные споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

5.2. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и Акта приема-передачи Произведения.

5.3. Настоящий Договор действует до полного выполнения Сторонами своих обязательств по нему.

5.4. Срок действия настоящего Договора автоматически продлевается на каждый следующий пятилетний срок, если ни одна из сторон не выступила с инициативой его расторжения не позднее, чем за один месяц до истечения срока его действия.

5.5. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон, с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

5.6. Расторжение настоящего Договора в одностороннем порядке возможно в случаях, предусмотренных действующим законодательством, либо по решению суда.

5.7. Любые изменения и дополнения к настоящему Договору вступают в силу только в том случае, если они составлены в письменной форме и подписаны обеими Сторонами настоящего Договора.

5.8. Во всём, что не предусмотрено настоящим Договором, Стороны руководствуются нормами действующего законодательства РФ.

5.9. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

6. Реквизиты Сторон

Лицензиат:

ВолНЦ РАН
ИНН 3525086170 / КПП 352501001
160014 г. Вологда, ул. Горького, 56а
УФК по Вологодской области (ИСЭРТ РАН
лиц. сч. 20306Ц32570)
Р/с 40501810400092000001
Отделение Вологда
БИК 041909001, ОКПО 22774067
ОКАТО 19401000000

_____/_____
подпись

Лицензиар:

Ф.И.О. _____
_____
Дата рождения: _____
Домашний адрес: _____
_____
Паспорт: серия _____
номер _____
выдан _____
когда выдан _____
ИНН _____
Свидетельство государственного пенсион-
ного страхования _____

_____/_____
подпись / ф. и. о. полностью

ИНФОРМАЦИЯ О ПОДПИСКЕ

Уважаемые читатели журнала!

При Вашей заинтересованности Вы можете оформить подписку на журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз» одним из следующих способов:

- 1) в одном из отделений ФГУП «Почта России» (подписка осуществляется через объединенный каталог «Пресса России», подписной индекс журнала – 41319);
- 2) на сайте <http://www.akc.ru>;
- 3) в редакции журнала (контактное лицо – Артамонова Анна Станиславовна, тел.: 8 (8172) 59-78-32, адрес электронной почты: esc@volnc.ru).

Редакционная подготовка
Оригинал-макет
Корректор

Л.Н. Воронина
Т.В. Попова
Н.В. Степанова

Подписано в печать 26.06.2019.
Дата выхода в свет 28.06.2019.
Формат 60×84¹/₈. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 27,3. Тираж 500 экз. Заказ № 177.
Свободная цена.

Журнал «Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз / Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство ПИ № ФС77-71361 от 26 октября 2017 года.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук» (ФГБУН ВолНЦ РАН)

Адрес редакции, издателя и типографии:
160014, г. Вологда, ул. Горького, 56а
Телефон (8172) 59-78-03, факс (8172) 59-78-02
E-mail: common@volnc.ru